

Studies
in medieval and early modern
social history and culture

Edited by
Dvornichenko A. Iu.

Volume 8

Saint-Petersburg
2010

**Проблемы социальной
истории и культуры
Средних Веков и раннего
Нового времени**

Под редакцией А.Ю. Дворниченко.

Вып. 8

Юбилейный

Санкт-Петербург
2010

УДК 94(100):008

ББК 63.3(0)4/41

П78

Ответственный редактор: Дворниченко А.Ю.

Редколлегия: Якубский В.А., Федоров С.Е.,
Прокопьев А.Ю., Старостин Д.Н., Ковалев В.А.

*Печатается по решению Редакционно-издательского
совета Исторического факультета С.-Петербург. гос.
университета*

П78 **Проблемы социальной истории и культуры Средних
Веков и раннего Нового времени: Юбилейный выпуск**
/ Под ред. А.Ю. Дворниченко. — СПб., 2010. — 399 с.

ББК 63.3(0)4/51

УДК 94(100):008

В оформлении обложки использована репродукция:
Кристус, Петрус. Богоматерь сухого древа.

ISSN 1605–2137

©Коллектив авторов, 2010.

©Исторический факультет
С.-Петербургского гос. ун-та,
2010.

О юбиляре

Дворниченко А.Ю., Якубский В.А.

**Галина Евгеньевна Лебедева
(к юбилею ученого и педагога)**

Научно-педагогическая деятельность заведующей кафедрой истории Средних веков Санкт-Петербургского государственного университета, видного российского учёного-византиниста, доктора исторических наук, профессора Галины Евгеньевны Лебедевой неразрывно связана с историческим факультетом. Здесь она работала лаборантом, ассистентом, доцентом, продолжает работать профессором и заведующей кафедрой.

Г. Е. Лебедева внесла крупный вклад в развитие науки истории. Её перу принадлежат свыше сотни трудов, получивших широкую известность в нашей стране и за рубежом. В этих монографиях и статьях исследуются важнейшие проблемы перехода от античности к средневековью, динамики структуры византийского общества, истории городов, истории Церкви и духовной культуры Восточной Римской империи. Образцово проведённый Г. Е. Лебедевой анализ Кодексов Феодосия и Юстиниана утвердил за ней репутацию одного из крупнейших в России специалистов в сложнейшей области римско-византийского права. Всегда интересовавшие Г. Е. Лебедеву источниковедческие и историографические штудии в последние годы значительно расширились по тематике. Возвращены из забвения многие имена и страницы истории отечественной исторической науки. Архивные находки и тонкие наблюдения Г. Е. Лебедевой восстановливают связь времён в русской историографии, резюмируют её богатый методологический опыт, актуализируют эвристический потенциал концепций старых мастеров исторического цеха. Характерной чертой творческого метода Г. Е. Лебе-

девой является сочетание приверженности к новаторству с обострённым чувством исследовательской меры. В прежние времена это качество не позволяло ей быть сторонницей догматического подхода к предмету исследования, а в новейшую пору надёжно удерживает от поветрий историографической моды на прочном фундаменте историзма и объективного анализа.

Как заведующая кафедрой, Г. Е. Лебедева сумела создать в коллективе историков-медиевистов атмосферу взаимного доброжелательства и научного поиска. Её лидерство на кафедре основано на мудрости и деликатности и никогда не требовало авторитарных подкреплений.

Г. Е. Лебедева много и плодотворно работает со студентами и аспирантами. Она — талантливый и своеобразный университетский лектор и педагог. Под её научным руководством написаны десятки дипломных работ, подготовлен ряд кандидатских диссертаций. Г. Е. Лебедева является научным консультантом докторантов.

В зарубежных научных командировках Г. Е. Лебедева неизменно достойно представляла отечественную науку и Санкт-Петербургский университет.

Многие годы Г. Е. Лебедева является членом факультетского Учёного совета, специализированных советов, редакционных коллегий.

За заслуги в области образования она награждена знаком «Почётный работник профессионального образования Российской Федерации».

Замечательный учёный и преподаватель, внимательный и надёжный коллега Г. Е. Лебедева пользуется заслуженным уважением на историческом факультете и в университете в целом.

Г. Е. Лебедева родилась в Туле. После окончания школы Г. Е. Лебедева поступила на исторический факультет Ленинградского государственного университета. Её универси-

тетскими учителями были: Георгий Львович Курбатов, Софья Викторовна Полякова, Александр Иосифович Зайцев. Судьба щедро одарила её возможностью общения с Матвеем Александровичем Гуковским, Виктором Ивановичем Рутенбургом, Владимиром Васильевичем Мавродиным и со многими другими замечательными учёными и педагогами. Многолетние дружеские отношения связывали Галину Евгеньевну с Валентиной Владимировной Штокмар, Марией Ефимовной Сергеенко, Михаилом Константиновичем Каргером. В аспирантские годы Г. Е. Лебедевой посчастливилось пройти стажировку по истории римско-византийского права в Германии, в университете имени Гумбольдта у профессора Вольфганга Зейферта, которого она также считает своим учителем.

В 1972 г. Г. Е. Лебедева защитила кандидатскую диссертацию, в 1980 г. вышла её первая монография, а в 1989 г. она стала доктором исторических наук и в 1990 г. — профессором.

Г. Е. Лебедева всегда выступала и выступает как продолжательница тех традиций, которые сложились на кафедре истории средних веков еще со времен академика В. Г. Васильевского и были продолжены М. В. Левченко и Г. Л. Курбатовым.

В ту пору, когда Г. Е. Лебедева приступила к исследованию византийского общества, отечественная наука широко привлекала законодательные памятники, в том числе и римско-византийские, при попытках реконструкции различных социально-экономических реалий прошлого. Изучение же истории римско-византийского права как такового отходило при этом на задний план. Разрабатываемая Г. Е. Лебедевой диссертационная тема, посвященная изучению социальной структуры византийского общества в целом и института рабства в частности, на первый взгляд, целиком находилась в общем русле отечественных историко-правовых исследований тех лет. Однако выбранный диссиденткой подход к ма-

териалу, сфокусировавший внимание на категориях римского права, позволил ей выполнить концептуальное историко-правовое исследование, вписывающееся в широкий контекст исторических разысканий в области антиковедения и византистики.

Уже первые выступления Г. Е. Лебедевой на научных конференциях и публикации отдельных статей снискали ей известность авторитетного исследователя римско-византийского права. Эту репутацию прочно закрепил выход в свет в 1980 г. монографии «Социальная структура ранневизантийского общества (по данным кодексов Феодосия и Юстиниана)».

Восприятие этого труда научным сообществом нашло свое отражение в подробнейшей рецензии, опубликованной на страницах «Византийского временника», где дана была высокая оценка исследованию Г. Е. Лебедевой, а ее методы охарактеризованы как убедительные и новаторские.¹

В своих занятиях историко-правовыми сюжетами византийской истории, рано столкнувшись с историографической проблематикой, с необходимостью разбираться в запутанной, уходящей порою в глубь веков генеалогией рассматриваемых ею концепций, Галина Евгеньевна сполна оценила и сложность, и увлекательность таких изысканий. Поначалу историографические экскурсы играли в ее трудах вспомогательную, чисто служебную роль, но со временем такого рода штудии вышли на первый план.

И в этом отношении она продолжила кафедральную традицию: как известно, историей исторической науки много и плодотворно занимались М. В. Левченко, Г. Л. Курбатов, другие члены кафедры.

Войдя во вкус такого рода штудий, она сосредоточила свое внимание на трудах русских византинистов XIX – начала XX вв. В послереволюционные годы эти труды — будучи в своем большинстве так или иначе связанными с ис-

торией церкви — фактически были преданы забвению, как рассадник клерикально-монархических идей, оплот реакции. Характерно, что даже в пору «борьбы с космополитизмом», когда усиленно выискивались всякие — реальные и мнимые — российские приоритеты, об исследованиях дореволюционных отечественных византинистов предпочитали не упоминать. Исключение делалось для таких всемирно известных ученых, как В.Г. Васильевский или Ф.И. Успенский. Однако и к ним отношение оставалось настороженным. К примеру, предпринятая после войны публикация третьего тома «Истории Византии» Ф.И. Успенского вызвала неодобрение начальства. Такой предвзятый подход утвердился прочно и надолго.

Понимая безосновательность подобных предубеждений, Галина Евгеньевна прежде всего обратилась к творчеству А.П. Рудакова (1886–1940). Его во многих отношениях уникальное исследование «Очерки византийской культуры по данным греческой агиографии» вышло в 1917 г., в трудные для страны времена, и не удивительно, что прошло почти незамеченным. Капитальный труд, основанный на новаторском прочтении житий святых, окажется не ко времени и потом, в годы господства вульгаризированного марксизма и антирелигиозных кампаний. Незаслуженное пренебрежение сохранится и потом. Характерно, что в своей монографии «История Византии: Историография» Г.Л. Курбатов лишь мимоходом упоминает исследование Рудакова (а его автор даже не попадет в именной указатель).

Не полагаясь на расхожее мнение и руководствуясь советом весьма уважаемой ею С.В. Поляковой, Галина Евгеньевна сама проштудировала «Очерки византийской культуры...» — и была покорена богатством привлеченного там источникового фонда и мастерством исследователя. Это натолкнуло ее на поиски уцелевших материалов, касающихся Рудакова, на изучение его научного наследия. У Галины Евгеньевны тут был, можно сказать, еще и личный мотив. Она

узнала, что А. П. Рудаков, в известном смысле, был ее земляком: московский ученый хорошо знал и любил ее родную Тулу, а в 30-е годы XX века вынужденно переехав из Москвы в Тулу, закончил там свои дни.

Поиски в архивах позволили Галине Евгеньевне найти и опубликовать ранее неизвестные материалы, касающиеся Рудакова, в частности — его письма к В. И. Герье, Х. М. Лопареву, В. Э. Регелю. Изучение научного наследия византиниста позволило ей сделать вполне обоснованный вывод, что ученый одним из первых в русской науке обратился к урбанистике и внес весомый вклад в изучение социально-экономической истории Византии. Не будет преувеличением сказать: именно труды Галины Евгеньевны дали стимул к тому, что имя А. П. Рудакова было извлечено из забвения, был переиздан его новаторский труд 1917 года.

Если в свое время это исследование Рудакова выпало из научного оборота во многом лишь потому, что автор для характеристики светского общества использовал агиографические памятники, то к работам отечественных историков византийской церкви отношение тем более было открыто враждебным. Ревнители чистоты вульгаризированного марксизма не только в своих писаниях презрительно игнорировали церковную историографию и ее представителей, но и попросту истребляли вредные на их взгляд книги. В результате сочинения такого рода уцелели лишь в немногих научных библиотеках и доступ к ним был ограничен.

Без предвзятости подойдя к наследию старых русских историков, много писавших о византийской церкви и ее влиянии на Русь, Г. Е. Лебедева практически заново открыла для нас целый пласт незаслуженно обойденных вниманием исследований.

В качестве примера из начавшихся в 1990-е годы многочисленных публикаций по церковной историографии сошлемся на ее статью 2001 года «Ф. А. Курганов и И. И. Со-

ков; учитель и ученик». Изучение Г. Е. Лебедевой деятельности и творческого наследия Ф. А. Курганова, И. И. Соколова, Н. А. Скабалановича и А. С. Павлова позволило восстановить картину преемственности в развитии русской церковной византологии. Возрожденный интерес к почти забытой области отечественной церковной историографии воплотился в наши дни в многочисленных переизданиях давно ставших редкостью книг, целый ряд из которых вышел при участии Г. Е. Лебедевой.²

Со временем сложится еще одно направление историографических изысканий Галины Евгеньевны. Когда готовился юбилейный сборник, посвященный 70-летию Г. Л. Курбатова, она взяла на себя труд написания статьи о жизни и творчестве юбиляра. Статья послужила своего рода стимулом к тому, чтобы взяться за историю родной кафедры.

Результатом явится подготовленный ею совместно с В. А. Якубским цикл статей, посвященных О. А. Добиаш-Рождественской, А. Д. Люблинской и другим петербургским – ленинградским медиевистам. Свои воспоминания студенческих и аспирантских лет она и на этот раз существенно дополнила в ходе архивных разысканий. Так, ей удалось найти переписку О. А. Добиаш-Рождественской с руководством былой Академии истории материальной культуры по поводу написания глав по истории крестовых походов для учебника по истории Средних веков. Переписка эта наглядно показывает, насколько для Добиаш-Рождественской были неприемлемы вульгарно-марксистские схемы, насаждаемые в тогдашней нашей науке, насколько упорно она отстаивала свою точку зрения.

Из других работ этого цикла особо стоит отметить статью, посвященную О. Л. Вайнштейну, в основу которой был положен извлеченный Галиной Евгеньевной из архива протокол конференции исторического факультета Ленинградского Университета, проходившей в мае 1949 г. и посвященной

борьбе с космополитизмом — печально памятной конференции, где Вайнштейн был главным докладчиком и вместе с тем главным объектом травли... Позднее эти работы вошли в вышедшую в 2008 году книгу «Cathedra Medii Aevi (Материалы к истории ленинградской медиевистики 1930–1950-х годов».³

Любовь к историографическим студиям Галина Евгеньевна сумела привить и своим ученикам.

Научная общественность высоко ценит вклад Г. Е. Лебедевой в изучение ключевых проблем медиевистики. Предложенные ею интерпретации дискуссионных проблем перехода от античности к средневековью, эволюции структуры византийского общества, истории средневекового города, роли Церкви в духовной жизни Византииочно вошли в современное историческое знание и служат отправным пунктом для дальнейших разысканий.

Интенсивные и плодотворные занятия наукой позволяют Г. Е. Лебедевой вести преподавательскую работу на таком уровне профессиональной культуры, который завещали ей её университетские учителя, и который она сама прививает своим многочисленным ученикам. На протяжении без малого полувека Г. Е. Лебедева служит делу исторического образования, пользуясь широкой известностью как лектор и преподаватель, наставник молодёжи.

Лекционные занятия Г. Е. Лебедевой характеризуют её как яркого педагога, создавшего свою оригинальную манеру общения с аудиторией. На её лекциях можно встретить студентов и аспирантов разных факультетов и вузов. Не меньшей популярностью пользуются проводимые Г. Е. Лебедевой семинарские занятия.

В течение многих лет Г. Е. Лебедева является ответственным редактором выпускаемого кафедрой межвузовского научного сборника «Проблемы социальной истории и культуры Средних веков и раннего Нового времени», входит в со-

став редакционных коллегий «Византийского временника» и «Византийской библиотеки» издательства «Алетея».

Поздравляем профессора Галину Евгеньевну Лебедеву с юбилеем и желаем ей доброго здоровья, долгих лет жизни и новых успехов в научной и педагогической деятельности.

Примечания

¹ Козлов С. А. [Рец.:] Г. Е. Лебедева. Социальная структура ранневизантийского общества (по данным кодексов Феодосия и Юстиниана). Л., 1980 // Византийский Временник. 1983. Вып. 44. С. 234–240.

² Соколов И. И. Состояние монашества в Византийской церкви с середины IX до начала XIII века (842–1204). Опыт церковно-исторического исследования. СПб., 2003; Соколов И. И. О византизме в церковно-историческом отношении. Избрание патриархов в Византии с середины IX до начала XV века (843–1453). СПб., 2003; Скабаланович Н. А. Византийское государство и Церковь XI в. От смерти Василия II Болгаробойцы до воцарения Алексея I Комнина. В 2-х кн. СПб., 2004; Из эпистолярного наследия А. С. Павлова: письма к академику А. Ф. Бычкову / Публ. Г. Е. Лебедевой // Мир русской византинистики. Материалы архивов С.-Петербурга. СПб., 2004. С. 584–615.

³ См. рецензии: Хачатурян Н. А. // Средние Века. 2009. Вып. 70(3). С. 196–199; Тюленев В. М. // Средние Века. 2009. Вып. 70(3). С. 199–202.

**Указатель научных трудов Галины Евгеньевны
Лебедевой***

1966

1. Рабы и проблемы рабства в кодексе Феодосия // Вестник ЛГУ. 1966. Сер. 2. Вып. 8. С. 32–46.

1971

2. Глава о рабах и рабстве в кн.: Курбатов Г.Л. Основные проблемы внутреннего развития византийского города в IV–VI вв. Л., 1971.
3. Проблемы позднего рабства и рабского труда в работах советских историков (1967–1969 гг.) // Klio. Beiträge zur alten Geschichte. 1971. V. 53. S. 40–52.

1973

4. К творческой биографии А. П. Рудакова // Византийский Временник. 1973. Т. 34. С. 264–268.
5. Кодексы Феодосия и Юстиниана об источниках рабства (II–IV вв.) // Византийский Временник. 1973. Т. 35. С. 33–51.

---

*Составитель Д. Н. Старостин

1974

6. Эволюция терминов, обозначающих рабов, в ранневизантийском законодательстве // Проблемы социальной структуры и идеологии средневекового общества. Л., 1974. Вып. 1.
7. К вопросу о характере балканского города IV–V вв. // Средневековый город. Саратов, 1974. Вып. 2. С. 41–52.
8. Научная сессия по византиноведению в Ленинграде // Византийский Временник. 1974. Т. 36. С. 214–218.
9. Кодексы Феодосия и Юстиниана об источниках рабства (IV–VI вв.) // Византийский Временник. 1974. Т. 36. С. 31–44.

1975

10. Ранневизантийское законодательство о городских и государственных рабах // Средневековый город. Саратов, 1975. Вып. 3. С. 22–33.

1976

11. 100 лет византиноведения в Петербургском-Ленинградском университете // Очерки по истории Ленинградского университета. Л., 1976. С. 26–55.

1977

12. Городской плебс по данным ранневизантийского законодательства // Проблемы отечественной и всеобщей истории. Л., 1977. Вып. 3.

13. Ранневизантийское законодательство о ветеранах // Византийские очерки. М., 1977. С. 149–159.

1979

14. [Рец. на кн.:] Проблемы социальной структуры и идеологии средневекового общества / Ред. Г. Л. Курбатов. Л., 1978 // Средние Века. 1979. Вып. 43.

1980

15. Социальная структура ранневизантийского общества. Л., 1980.

1981

16. К проблеме городского самоуправления в Византии VIII–IX вв. // Средневековый город. Саратов, 1981. Вып. 6. С. 111–113.

1982

17. Город и государство в Византии в эпоху перехода от Античности к феодализму // Город и государство в древних обществах. Л., 1982. С. 56–77.

1984

18. Византия: проблемы перехода от античности к феодализму. Л., 1984. (в соавт. с Г. Л. Курбатовым).
19. К вопросу о социальной структуре ранневизантийского города // Проблемы социальной структуры и идеологии средневекового общества. Л., 1984. С. 23–37.

1986

20. Становление и развитие раннеклассовых обществ. Л., 1982, 1986. С. 100–176. (*в соавт. с Г. Л. Курбатовым*).

1990

21. Динамика социальной структуры ранневизантийского общества (рабство, колонат, плебс по данным кодексов Феодосия и Юстиниана) // Вестник ЛГУ. Серия № 2. 1990. Вып. 3. С. 12–22.
22. Динамика социальной структуры ранневизантийского общества (куриалы, сенаторы по данным кодексов Феодосия и Юстиниана) // Вестник ЛГУ. Серия № 2. 1990. Вып. 4. С. 21–31.

1991

23. К творческой биографии А.П. Рудакова // Тезисы докладов международной конференции византинистов. СПб., 1991. С. 652–654.
24. Учебно-методическое пособие для студентов-заочников педагогических институтов (разделы по Византии). М., 1991.
25. Некоторые проблемы эволюции городского плебса в законодательстве IV–VI вв. // Из истории Византии и византиноведения. СПб., 1991. С. 5–20.
26. [Рец. на учебник:] История Средних Веков / Под ред. З. В. Удальцовой, С. П. Карпова. М., 1990 // Вопросы истории. 1991. Т. 1. (*В соавт. Ю. Е. Ивониным*).

1992

27. К истории изучения городского плебса (по данным ранневизантийского законодательства) // Вестник ЛГУ. Серия 2. 1992. Вып. 1. С. 3–14.
28. К истории изучения сословия куриалов // Средневековый город. Саратов, 1992. С. 169–176.
29. Рабство в ранневизантийской империи IV–VI вв. // Политика и идеология: Средневековье и Новое время. Кострома, 1992.
30. К вопросу о социальной структуре ранневизантийского общества (по данным кодексов Феодосия и Юстиниана) // Византийский Временник. 1992. Т. 53. С. 10–20.

1993

31. Еще раз к вопросу о динамике социальной структуры ранневизантийского общества (по данным ранневизантийского законодательства) // Україна—Греція: Історія та сучасність. Київ, 1993. С. 76–79.

1994

32. Эволюция проблематики законов о рабах в ранневизантийском законодательстве // Византийский временник. 1994. Т. 55(80). С. 85–91.

1996

33. А.П. Рудаков и его время (к изучению творческой биографии историка) // Византийские очерки. 1996. С. 206–217.

34. А.П. Рудаков и спасение архивов Тульской губернии (1918–1920) // Средневековая и новая Россия. К 60-летию проф. И.Я. Фроянова. СПб., 1996. С. 738–749.
35. К вопросу о динамике эволюции сельского плебса в ранневизантийском законодательстве // Проблемы социальной истории и культуры Средних Веков и Раннего Нового времени. СПб., 1996. С. 33–47.
36. Некоторые вопросы византийской церкви в освещении современной историографии // Феномен истории. К 70-летию проф. В.Л. Керова. М., 1996. С. 46–59. (в соавт. с Г.Л. Курбатовым).
37. Предисловие // Рудаков А.П. «Очерки византийской культуры по данным греческой агиографии». 2-е изд. СПб., 1996.
38. Послесловие // Рудаков А.П. «Очерки византийской культуры по данным греческой агиографии». 2-е изд. СПб., 1996.
39. Научный комментарий // Рудаков А.П. «Очерки византийской культуры по данным греческой агиографии». 2-е изд. СПб., 1996. (в соавт. с Г.Л. Курбатовым).

1998

40. Из истории церковно-исторической науки: Ф.А. Курганов (1844–1920) // Историческая мысль в Византии и на Средневековом Западе. Иваново, 1998. С. 181–203. (в соавт. с Л.Н. Заливаловой).
41. Из истории отечественного византиноведения: И.И. Соколов // Античная древность и Средние Века. Екатеринбург, 1998. С. 139–153.

42. «Византийская симфония»: К истории становления концепции // Византийское государство в IV–XV вв. Центр и периферия. Тезисы докладов на XV всероссийской научной сессии византинистов. Барнаул, 29 мая – 2 июня, 1998 г. Барнаул, 1998.

1999

43. Кодексы Феодосия и Юстиниана об источниках рабства // Византийская цивилизация в освещении российских ученых, 1947–1991. М., 1999. С. 366–380.
44. К проблеме ранневизантийской государственности // Государство и общество. История. Экономика. Политика. Право. № 1. СПб., Ижевск. 1999. С. 7–13.
45. Из истории изучения канонического права в России: А.С. Павлов // Античная древность и Средние Века. Екатеринбург. С. 328–338.

2000

46. Из истории отечественной церковно-исторической науки: Н. А. Скабалович // Античная древность и Средние века. Екатеринбург, 2000. С. 310–370.
47. А.П. Рудаков и российская медиевистика начала XX в. // Проблемы социальной истории и культуры Средних веков и раннего Нового времени. СПб., 2000. С. 40–62.
48. Забытая глава в истории русского византиноведения // Вестник СПбГУ. 2000. Сер. 2. Вып. 1. С. 3–13.
49. Русская церковная византистика конца XIX — начала XX вв. как историографическое явление // История древней церкви и научных традиций XX века. СПб., 2000. С. 77–80.

50. К истории изучения церковной историографии конца XIX — начала XX вв. // Verbum. Византийско-богословские традиции религиозно-богословской мысли в России. Вып. 3. СПб., 2000. С. 75–82.
51. А.С. Павлов как издатель «Памятников древнерусского канонического права XI–XV вв.» (в свете неопубликованной переписки учёного с академиком А. Ф. Бычковым) // Древнее право. М., 2000. № 1. С. 181–188.

2001

52. Из эпистолярного наследия А. С. Павлова: Письма к профессору А. А. Дмитриевскому // Исследования по русской истории. К 60-летию профессора И. Я. Фроянова. СПб., 2001. С. 299–315.
53. К 70-летию профессора Г. Л. Курбатова // Проблемы социальной истории и культуры Средних веков и раннего Нового времени / Под ред. В. А. Якубского. СПб., 2001. Вып. 3. С. 5–28.
54. Ф. А. Курганов и И. И. Соколов: учитель и ученик // Проблемы социальной истории и культуры Средних веков и раннего Нового времени / Под ред. В. А. Якубского. 2001. Вып. 3. С. 53–73.
55. Из истории византиноведения и неоэллистики в России: И.И. Соколов // Moschobia. Проблемы византийской и новогреческой филологии. М., 2001. С. 229–246.
56. Из истории отечественного византиноведения и неоэллистики: Ф. А. Курганов в 1870–1889 гг. // Вестник СПбГУ, 2001. Сер. 2. Вып. 2. С. 3–20.

57. Некоторые вопросы классификации источников // Личность—идея—текст в культуре Средневековья и Возрождения. Иваново, 2001. С. 212–228. (В соавт. с В. А. Якубским).

2002

58. «Небольшой роман в письмах» (Полемика А.Д. Люблинской и Ф.Я. Полянского) // Гуманитарное измерение меняющегося мира / Материалы IV фестиваля гуманитарных наук. Иваново, 2002. С. 141–149. (В соавт. с В. А. Якубским).
59. К истории изучения «симфонии священства и царства» // Гуманитарное измерение меняющегося мира / Материалы IV фестиваля гуманитарных наук. Материалы круглого стола 25 июня 2002 г.: Толерантность и агрессивность в истории и современности. Иваново, 2002. С. 36–43.
60. Ф.И. Успенский и А.П. Рудаков // Античная древность и Средние века. Екатеринбург, 2002. С. 316–329.
61. А.Д. Люблинская на кафедре истории средних веков ЛГУ // Мавродинские чтения. СПб., 2002. С. 470–476. (В соавт. с В. А. Якубским).

2003

62. Люблинская А.Д. и кафедра истории Средних веков ЛГУ 1940–1950-х годов // Проблемы социальной истории и культуры Средних веков и раннего Нового времени. СПб., 2003. С. 9–26. (В соавт. с В. А. Якубским).

63. Учёный и время: И. И. Соколов. Вступительная статья // Соколов И. И. Состояние монашества в Византийской Церкви с середины IX до начала XIII века (842–1204). СПб., 2003. С. 7–32.
64. И.И. Соколов об извечной проблеме церковной византистики. Вступительная статья // Соколов И.И. О византизме в церковно-историческом отношении. Избрание патриархов в Византии с середины IX до начала XV века (843–1453 гг.). Вселенские судьи в Византии. СПб., 2003. С. 5–10.
65. Г. Л. Курбатов — историограф // Кумуляция и трансляция византийской культуры. Материалы XI научных Сюзюмовских чтений. Екатеринбург, 2003. С. 106–108. (*В соавт. с В. А. Якубским*).
66. Г. Л. Курбатов — историограф // Античная древность и Средние века. Екатеринбург, 2003. С. 443–452. (*В соавт. с В. А. Якубским*).
67. А. С. Павлов и К. Э. Цахариэ фон Лингенталь // Византийский временник. 2003. № 62(87). С. 114–123.
68. Страницы из византийской лексикографической литературы: Стефан Византийский // Клио. СПб., 2003. С. 26–33. (*В соавт. с М. М. Холодом, М. А. Морозовым*).
69. Из творческого наследия Г. Л. Курбатова // Власть, политика, право в античности и средневековье. Барнаул, 2003. С. 6–13.
70. Г.Л. Курбатов. Фрагмент из архива подготавливавшегося к новому изданию «Ранневизантийских портретов», глава «Юстиниан» // Власть, политика, право в античности и средневековье. Барнаул, 2003. С. 7–13. (Подгот. к публикации).

71. Д. М. Петрушевский и его научное наследие. Вступительная статья // Петрушевский Д. М. «Очерки из истории средневекового общества и государства». М., 2003. С. 5–30. (*В соавт. с В. А. Якубским*).
72. Из творческого наследия Г. Л. Курбатова // Власть, политика, право в античности и средневековье. Барнаул. 2003. С. 6–13.
73. Стефан Византийский и его эпоха // К истории византийской науки VI в. Учебное пособие. Ч. I. СПб., 2003.
74. Стефан Византийский и его «Этика» // Европа. Тюмень, 2003. С. 166–185. (*В соавт. с М. А. Морозовым, М. М. Холодом*).
75. «Константинополь, Палестина и русская церковь». (И.И. Соколов и его конфиденциальный доклад 1915 г.) // В память о 550-летии падения византийской столицы. Тезисы доклада 16 Всероссийской научной сессии византинистов. 29–30 мая 2003 г. М., 2003.
76. К проблеме византийского наследия в России. (И.И. Соколов и его конфиденциальный доклад 1915 г.) // 13-е Петербургские Кареевские чтения по новистике: Становление мира как общего дома человечества. 6–9 февраля 2003 г. Тезисы докладов. СПб., 2003.
77. [Рец.]: Западноевропейская культура в рукописях и книгах Российской Национальной библиотеки / Под ред. Л. В. Киселевой. СПб., 2001 // Средние Века. Вып. 65. 2003. С. 353–357. (*В соавт. с В. А. Якубским*).

2004

78. Из эпистолярного наследия А. С. Павлова: Письма к академику А. Ф. Бычкову // Мир русской византистики. Материалы архивов Санкт-Петербурга / Под ред. И. П. Медведева. СПб., 2004. С. 584–615.
79. О. А. Добиаш-Рождественская как историк крестовых походов // Византия и Запад. Тезисы докладов 27-ой Всероссийской научной византийской конференции. М., 2004. (*В соавт. с В. А. Якубским*).
80. Роль сословия куриалов в ранней истории Византии (по данным кодексов Феодосия и Юстиниана) // Судебник Ивана III. Становление самодержавного государства на Руси. СПб., 2004. С. 368–390.
81. О.Л. Вайнштейн и его «Историография средних веков» // Мавродинские чтения. Тезисы докладов к 70-летию исторического факультета СПбГУ / Под ред. проф. А.Ю. Дворниченко. СПб., 2004. С. 136–138. (*В соавт. с В.А. Якубским*).
82. Кафедра истории Средних веков // Исторический факультет Санкт-Петербургского государственного университета. 1934–2004. СПб., 2004. С. 199–230.
83. К истории изучения творческой биографии Н.А. Скабаловича. Вступительная статья // Скабалович Н.А. Византийское государство и церковь в XI в. От смерти Василия II Болгаробойцы до воцарения Алексея I Комнина. СПб., 2004.
84. Г. Л. Курбатов (1929–2003) // Портреты историков. Время и судьбы. Т. 3. Древний мир и Средние века. М., 2004. С. 543–553. (*В соавт. с В.А. Якубским*).

85. Фёдор Иванович Успенский (1845–1928) // Портреты историков. Время и судьбы. Т. 3. Древний мир и Средние века. М., 2004. С. 583–600. (*В соавт. с В.А. Якубским*).
86. Памяти Г.Л. Курбатова. Некролог // Византийский временник. 2004. Т. 63. (*В соавт. с В. А. Якубским*).
87. Памяти Г.Л. Курбатова. Некролог // Средние века. М., 2004. (*В соавт. с В.А. Якубским*).
88. Петроградско-Ленинградский период жизни и творчества Ф.И. Успенского // Россия. Крым. Балканы: Диалог культур. Международный конгресс историков. Тезисы докладов. Екатеринбург, 2004. (*В соавт. с В.А. Якубским*).
89. К истории изучения творческой биографии академика Ф.И. Успенского. (Петроградско-Ленинградский период жизни Ф. И. Успенского) // Античная древность и Средние века. Екатеринбург. 2004. С. 255–265.
90. Феодализм // Электронная публикация на <http://www.krugosvet.ru> (*В соавт. с В. А. Якубским*).
91. Византийская империя // Электронная публикация на <http://www.krugosvet.ru>.

2005

92. Первый заведующий (из прошлого кафедры истории Средних веков СПбГУ) // Проблемы социальной истории и культуры Средних веков и раннего Нового времени. СПб., 2005. Вып. 6. С. 3–14. (*В соавт. с В.А. Якубским*).

93. К 80-летию проф. В.А. Якубского // Проблемы социальной истории и культуры Средних веков и раннего Нового времени. СПб., 2005. Вып. 5. С. 5–21. (*В соавт. с А. Ю. Дворниченко, И. Г. Воробьёвой*).
94. Профессор О.Л. Вайнштейн в годы борьбы с космополитизмом // Проблемы социальной истории и культуры Средних веков и раннего Нового времени. СПб., 2005. Вып. 5. С. 102–127. (*В соавт. с В.А. Якубским*).
95. Французский абсолютизм и советская историческая наука // Европа: Международный ежегодник. Тюмень, 2005. Вып. 5. С. 212–218.

2006

96. Academician F.I. Uspensky and the second International Congress of Byzantine studies (1927) // Proceedings of the 21st Congress of Byzantine Studies. London 21-26 august 2006. Vol. III. Abstracts of Communications. P. 355–356. London, 2006.
97. К спорам о феодализме // Вестник СПбГУ. Сер. 2. СПб., 2006. Вып. 2. С. 101–106. (*В соавт. с В. А. Якубским*).
98. Переписка О.А. Добиаш-Рождественской и Э.Д. Гримма. (Эпизод из истории отечественной медиевистики 1930-х годов) // Средние века. 2006. Вып. 67. (*В соавт. с В. А. Якубским*).
99. О.А. Добиаш-Рождественская о проблемах Крестовых походов и идеяная цензура 1930-х гг. // Византийский Временник. 2006. Т. 65(90). С. 247–259. (*В соавт. с В. А. Якубским*).

100. Ф.И. Успенский и Петербургский университет // История и культура — актуальные проблемы. СПб., 2006. С. 238–246. (В соавт. с В. А. Якубским).

2007

101. Бенешевич В.Н. Ф.И. Успенский как основатель Русско-византийской комиссии Академии наук. Публикация Лебедевой Г.Е., Якубского В.А. // Проблемы социальной истории и культуры Средних Веков и Раннего Нового времени. Вып. 6. СПб., 2007. С. 3–14.
102. К творческой биографии А.Д. Люблинской // Старая Европа: Очерки истории общества и культуры. СПб., 2007. С. 306–314.
103. Несостоявшиеся зарубежные поездки Ф.И. Успенского 1927–1928 гг. // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. 30. СПб., 2007. С. 440–446.

2008

104. Cathedra medii aevi. Материалы к истории ленинградской медиевистики 1930–1950-х гг. СПб., 2008. (В соавт. с В. А. Якубским).
105. Митрофан Васильевич Левченко // Проблемы социальной истории и культуры Средних Веков и Раннего Нового времени. СПб., 2008. С. 7–21.
106. Русские церковные историки о «симфонии священства и царства» в Византии // Ленинградский юридический журнал. 2008. № 4. С. 107–118.
107. Университетские учебники и довоенная кафедра истории Средних Веков // Мир прошлого в современном освещении. СПб., 2008. С. 571–580.

108. Новые страницы творческой биографии И. И. Соколова // Санкт-Петербург и Греция. Прошлое и настоящее. СПб., 2008. С. 192–201.

2009

109. Профессору Владимиру Александровичу Якубскому — 85 лет // Prospice sed respice: Проблемы славяноведения и медиевистики. Сборник научных статей в честь 85-летия проф. В.А. Якубского. СПб., 2009. С. 11–28.
110. Юстиниановская «симфония властей» в контексте современной историографии // Prospice sed respice: Проблемы славяноведения и медиевистики. Сборник научных статей в честь 85-летия проф. В.А. Якубского. СПб., 2009. С. 292–306.

Научное редактирование

1. Проблемы социальной истории и культуры Средних веков и Раннего Нового времени / Отв. ред. Г. Е. Лебедева. СПб., 1996.
2. Эпоха Средневековья: Проблемы истории и культуры / Отв. ред. Г. Е. Лебедева. СПб., 1999.
3. Проблемы социальной истории и культуры Средних веков и Раннего Нового времени. Вып. 2 / Отв. ред. Г. Е. Лебедева. СПб., 2000.
4. Проблемы социальной истории и культуры Средних веков и Раннего Нового времени. Вып. 3 / Отв. ред. Г. Е. Лебедева. СПб., 2001.

5. Проблемы социальной истории и культуры средних веков и раннего нового времени. Вып. 4 / Отв. ред. Г. Е. Лебедева. СПб., 2003.
6. Проблемы социальной истории и культуры Средних Веков и Раннего Нового времени. Вып. 5 / Отв. ред. Г. Е. Лебедева. СПб., 2004.
7. Проблемы социальной истории и культуры Средних Веков и Раннего Нового времени. Вып. 6 / Отв. ред. Г. Е. Лебедева. СПб., 2005.
8. Вахромеева О. Б. Духовное единение. К изучении творческой биографии ученого (И.М. Грэвс) / Отв. ред. Г. Е. Лебедева. СПб., 2005.
9. Проблемы социальной истории и культуры Средних Веков и Раннего Нового времени. Вып. 7 / Отв. ред. Г. Е. Лебедева. СПб., 2008.
10. Проблемы социальной истории и культуры Средних Веков и Раннего Нового времени. Вып. 8 / Отв. ред. Г. Е. Лебедева. СПб., 2009.
11. Васильевский В. Г. Лекции по истории Средних Веков / Отв. ред. Г. Е. Лебедева, С. Е. Федоров. СПб., 2008.
12. Евматий Макремволит. Повесть об Исминии и Исмине / Перевод С. В. Поляковой. Отв. ред. Г. Е. Лебедева. СПб., 2008.

Исследования

Широкова Н. С.

Результаты британских походов Цезаря

Военные экспедиции Цезаря в Британию (55, 54 гг. до н.э.) не имели своим результатом завоевание острова, которое оставалось делом будущего. Это было понятно и современникам Цезаря, и людям последующих поколений. Лучше всего результат британских походов Цезаря резюмировал Тацит, который писал: «Первым римлянином, вступившим с войском на землю Британии, был божественный Юлий, и хотя, выиграв сражение, он устрашил ее обитателей и захватил побережье, все же в нем следует видеть не столько завоевателя этой страны, сколько того, кто указал на нее потомкам» [Tac., Agric., 13].

Многие современные исследователи, следуя за античными авторами — за Страбоном, писавшим, что Цезарь в Британии не совершил ничего великого и даже не проник далеко в глубь страны [Strabo, IV, V, 3], за Светонием, называвшим экспедицию в Британию одной из трех неудач в жизни Цезаря [Suet., Caes., 25] и другими, — считают, что британские экспедиции Цезаря были неуспешными.¹ М.С. Садовская полагала, что нет оснований говорить о политическом успехе экспедиций Цезаря, поскольку добыча, привезенная им из Британии, была невелика и мало пополнила его казну, так как одна только транспортировка войск, ремонт и строительство кораблей стоили очень дорого.²

Однако неизвестно, насколько справедливо сводить политические результаты британских походов Цезаря к таким чисто утилитарным моментам. Во всяком случае, такой подход к проблеме чрезвычайно суживает ее. Между тем походы Цезаря в Британию были связаны с важнейшими аспектами римской истории и античной цивилизации в целом не только

экономического и социально–политического, но и философского характера.

Как справедливо было замечено многими исследователями, важнейшим фактором существования и развития римской республики и самого процесса и самого перехода от республики к империи был военный фактор — внешняя агрессия Рима, шедшая по всем направлениям античной ойкумены.³ Если на Востоке в результате походов Суллы и Помпея были сделаны большие территориальные приобретения, то Крайний Запад (Британские острова, отделенные от материка Ла-Маншем) еще оставался недоступным римскому оружию. Однако мысль о завоевании Британии, которая виделась современникам Цезаря сказочным островом, западным Эльдорадо, носилась в воздухе. Цицерону казалось, что сведения о Британии, которые ему будет поставлять в письмах его младший брат Квинт, бывший участником британских походов Цезаря, позволят ему сочинить героическую поэму о прекрасном острове и о его завоевании в результате военных подвигов Цезаря и его войска.

«Ты только дай мне Британию, — писал он брату Квинту, — которую я разрисую твоими красками, но своей кистью» [Cic., Q., fr., II, 13, 2]. Между тем реальные сведения о Британии, полученные в результате экспедиций Цезаря, чрезвычайно разочаровали Цицерона. В июне 54 г. он писал своему другу Аттику, что в Риме с тревогой ожидали исхода войны в Британии, «так как известно, что подступы к острову укреплены поражающими воображение глыбами скал. Известно также, что там нет ни крупинки серебра и никакой надежды на добычу, разве только на рабов; но ты, я думаю, не ждешь, что кто–нибудь из них окажется обученным науке или музыке» [Cic., Att., IV, 16]. Так в размышлениях о еще неведомом острове даже философа, эрудита и утонченного эстета Цицерона на первом месте стоит чисто меркантильный интерес.

В этом нет ничего удивительного. Реакция Цицерона вполне естественна; М. Кери и Е. Уормингтон, специалисты по античной географии, отмечали, что мотивы античных путешественников по большей части имели материальный характер. Они не ставили перед собой другой цели, кроме стремления приобрести богатство. К этой цели их влекли равным образом правдоподобные сообщения о больших состояниях, приобретенных путешественниками в чужих странах, и рассказы о сказочных Эльдорадо, ожидающих своих первооткрывателей далеко от известных дорог.⁴

Цезарь, первый римлянин, ступивший на землю острова, явился первооткрывателем Британии и в качестве такого прекрасно понимал необходимость познакомиться самому и познакомить читателей «Записок о Галльской войне» — своих соотечественников с новой, еще неизвестной страной. Перед началом первой экспедиции в Британию, в 55 г. до н.э., Цезарь писал, что «он... считал полезным для себя хотя бы только вступить на этот остров, познакомиться с его населением и добыть сведения о его местностях, гаванях и удобных для высадки пунктах» [Caes., B.G., IV, 20].

Так же, как и в Галлии, во время пребывания в Британии, несмотря на напряженно складывавшуюся ситуацию и проводимые им военные операции, Цезарь собирал материалы о географическом положении, природе, населении острова, на основании которых написан этно-географический очерк о Британии, помещенный в V книге его сочинения. Как и в случае с галльской этнографией Цезаря, пытаются определить его источники для раздела, посвященного Британии, тем более, что он сам дает указание, что такие источники (помимо личных наблюдений) у него были. Цезарь рассказывает, что на небольших островках, расположенных рядом с Британией, наблюдается удивительное, с его точки зрения, явление: «... некоторые писатели сообщали, что там во время зимнего солнцеворота тридцать суток продолжается ночь» [Caes., B.G., V, 13, 3].

Считается, что галльский этнографический материал Цезаря, помимо его личных наблюдений, имеет более ранние греческие источники (в особенности, текст Посидония, известного философа–стоика, а также этнографа и историка II–I вв. до н.э.) на том основании, что тексты о человеческих жертвоприношениях кельтов у Цезаря, а также Диодора и Страбона (о которых достоверно известно, что их источником в данном случае был Посидоний) практически идентичны. Всех трех авторов относят к одной группе источников, которую называют посидониевской традицией.⁵

В этой традиции самым реалистическим, исполненным метких наблюдений текстом по этнографии британских кельтов является рассказ Диодора о месторождении олова в Корнуолле и о работе шахтеров, его добывавших. Диодор пишет следующее: «Жители британского мыса Белерион... добывают олово, искусно обрабатывая содержащую его руду. Это месторождение скалисто, но содержит земляные участки с залежами руды, которую плавят и получают чистое олово. Придав ему форму астрагалов (игральных косточек), металл перевозят на соседний остров, называемый Иктис. Они ждут, чтобы прилив, удаляясь, высущил пролив, и транспортируют олово, доверху нагрузив повозки» [Diod., V, 22, 1–2].

Уже давно было замечено, что это свидетельство человека, побывавшего в Корнуолле и собственными глазами видевшего месторождение и добычу олова, о которых он писал.⁶ Поскольку галльская этнография Диодора восходит к Посидонию, то была сделана попытка объявить его источником и приведенного выше текста, и вообще всех этно-географических очерков о кельтской Британии, принадлежащих авторам посидониевской традиции, в том числе, и Цезарю.⁷ Однако путешествия Посидония в Британию являются плодом фантазии современных исследователей, поскольку нет ни одного свидетельства о том, что он пересекал Ла-Манш.

Гораздо более вероятным источником текста Диодора и других этно-географических описаний кельтской Британии, сделанных авторами посидониевской группы, в том числе, и Цезарем, является сочинение великого массалиотского путешественника и исследователя IV в. до н.э. Пифея, совершившего один из величайших периплов древности. Как известно, выйдя из Массалии (совр. Марсель), пройдя через Геракловы столбы (пр. Гибралтар), затем двигаясь вдоль европейских побережий, он вышел в Северное море, дошел до Балтики, а затем вернулся в Гадес (совр. Кадикс). В ходе своего беспримерного плавания Пифей обследовал Британские острова. Он действительно побывал на мысе Белерион (совр. Лендс-Энд), затем, начиная с него, он сделал полный круг вдоль британского побережья, возвратившись в свою отправную точку.

К тому же, явление длинных зимних ночей, характерное для северных стран, о котором сообщает Цезарь, было в круге интересов Пифея. Г. Брош, пятнадцать лет посвятивший изучению путешествия Пифея, писал о нем, что «Пифей всю свою жизнь был одержим космической тайной Севера».⁸ Еще до начала путешествия Пифей определил положение Северного полюса. Затем он от северного берега Шотландии прошел до острова Туле, который, по представлениям древних, являлся самым северным пределом обитаемого мира.

В своем этно-географическом очерке о Британии Цезарь пишет о населении острова (о его происхождении, занятиях и обычаях), о климате, флоре и фауне, о географическом расположении острова, о его размерах. По его свидетельству, племена, населявшие внутреннюю часть Британии, были местного происхождения, а жители приморских областей выходцами из Белгики (северо-восточного района Галлии). Цезарь отмечает, что они носят названия тех племен, от которых происходят. Более цивилизованными Цезарю казались жители приморских районов (особенно Кантия — современного Кента); по его мнению, их образ жизни немно-

гим отличался от образа жизни галлов. «Население здесь, — писал Цезарь, — чрезвычайно густо, дворы находятся очень близко друг от друга, и большей частью похожи на галльские; скота очень много» [Caes., B.G., V, 12, 3]. Он отмечал, что климат в Британии мягче, чем в Галлии, так как холода не так сильны, а флора и фауна напоминают галльские.

При чтении свидетельства Цезаря создается впечатление, что оно написано не только по греческим источникам, но в нем большую роль играют личные впечатления автора — внимательного и остального наблюдателя. Так, по поводу растительного мира Британии Цезарь замечает: «Лес растет всякий, как в Галлии, кроме бук и ели» [Caes., B.G., V, 12, 5]. Говоря о явлении длинных зимних ночей на островах, расположенных рядом с Британией, которое ему известно по письменным источникам, Цезарь добавляет: «Но мы в своих расспросах таких сведений не получали и только на основании точных измерений посредством водяных часов видели, что ночь там короче, чем на материке» [Caes., B.G., V, 13, 4].

Может быть, самой примечательной частью цезаревского описания Британии являются приведенные им географические характеристики острова. Цезарь сообщает, что остров имеет форму треугольника, южная сторона которого, расположенная напротив Галлии, насчитывает в длину около пятисот миль. Западная сторона, обращенная к Испании, — семьсот миль в длину. Цезарь отмечает, что в этом же направлении расположена Иберния (Ирландия), которая вдвое меньше Британии. Наконец третья сторона обращена на север и простирается на восемьсот миль в длину. Самым удивительным в этом сообщении Цезаря является приблизительная точность в подсчетах размеров острова. Цезарь признается, что эти сведения были извлечены им из письменных источников. Однако, каковы бы ни были эти источники, они не восходили ни прямо, ни косвенно к сочинению Пифея, который более чем в два раза, преувеличил размеры Британии.⁹

В то же время, следуя за Пифеем, Цезарь правильно определил местоположение Ирландии.¹⁰

Таким образом, все сказанное выше об этно-географическом описании Британии, помещенном в V книге «Записок о Галльской войне», дает представление о том, что Цезарь тщательно собирал сведения о новой, еще неизвестной стране, используя и свои собственные наблюдения, и информацию, полученную из письменных источников (из сочинения Пифея и других авторов), чтобы самому познакомиться с Британией и познакомить с ней своих соотечественников. Мотивы этого были прежде всего, конечно, военные (вновь открытый остров нужно было завоевать) и политические (захватив, превратить его в римскую провинцию).

Кроме этих конкретных причин, интерес к Британии у Цезаря, хорошо знавшего греческую и римскую литературу, был связан с развивавшимся в античном мире со времени кризиса греческого полиса социально-философским теоретизированием, целью которого было найти выход из кризисного состояния, противопоставив характерным для него упадку и разложению другие, успешные общественные системы. В основе этого теоретизирования лежало представление о блаженных первобытных временах, о царстве Кроноса, которое отождествлялось со счастливым «золотым веком».

Греческие социальные утопии, рисовавшие идеальные картины «золотого века», смыкались с идеями стоической философии и развивались под сильным влиянием морализирующей тенденции стои, «желавшей, — по выражению М.И. Ростовцева, — противопоставить развращенному культурному человечеству тип идеальных людей, живших согласно законам природы».¹¹

В III в. до н.э. в связи с процессами религиозного синcretизма и «эллинизации» римской религии происходит отождествление греческого Кроноса с римским Сатурном и царства при Кроносе с Сатурновым царством. В Риме, как и

в Греции, в эпоху кризиса наблюдаются сходные тенденции, когда общественные идеалы переносятся на более ранние, не запятнанные пороками догосударственные эпохи, связанные с мифом о «Сатурновом царстве».

Авторы античных социальных утопий делали попытки найти «золотой век» Кроноса–Сатурна в современном им мире: или у варварских народов, у так называемых «благородных дикарей», еще не достигших уровня цивилизации, характерного для греков и римлян, или на крайних оконечностях ойкумены. Для этого второго направления поисков «золотого века», лежащего в области античной географии, характерны так называемые островные утопии. В ранней античной мифологической традиции «острова Блаженных» были тесно связаны с преданиями о местопребывании героев, о расположенных на крайнем Западе островах, куда переселялись души умерших. Постепенно, по мере того, как греки осваивали Средиземноморье, идеальные острова отодвигались все дальше, до крайних пределов ойкумены.

Так, в античной традиции появилась целая группа свидетельств об «Островах на Севере мира», в которых переплетались мотивы античных мифов, античных социальных утопий, кельтских легенд, сакральной и реальной географии. «Острова на Севере мира» — условное обозначение, под которым в реальной географии имелись в виду северные побережья Галлии, Британские острова и северное островное окружение Британии.¹² В то же время, куда-то в эти места устремлялись, по кельтским верованиям, души умерших [Claud., in Ruff., I, 123–128].

Все «Острова на Севере мира», принадлежащие как сакральной, так и реальной географии, носят священный характер. Фест Авиен в *Ora Maritima* называет Ирландию священным островом, посвященным Сатурну [Avien., *Ora Maritima*, 108–112]. Плутарх говорит о сакральности всего островного окружения Британии, состоящего из островов по

большей части пустынных, некоторые из которых называются по именам демонов и героев [Plut., *De defectu oraculorum*, 18]. Сакральные «Острова на Севере мира», принадлежащие магической географии, являются инициирующими центрами: живущие там мудрецы-философы передают свои знания посвященным. Самый большой из этих сакральных «Островов на Севере мира» — это Британия.

То, что Цезарь интересовался Британией в таком плане, известно из его очерка о галльской этнографии, помещенного в VI книге его сочинения. Там он называет Британию сакральным инициатическим центром друидического знания — высшего знания древних кельтов. По словам Цезаря, считается, что друидизм зародился в Британии и оттуда был перенесен в Галлию, и те, кто хотят тщательнее изучить его принципы, отправляются в Британию [Caes., B.G., VI, 12].

Британские походы Цезаря имели также значение для развития теории и практики античного военного искусства. В ходе военных операций Цезарь применял как старинные, давно известные в античном мире приемы ведения боя, так и новые, которые он вынужден был изобретать, чтобы противостоять своеобразной военной тактике британцев. В начале второй экспедиции в Британию войско Цезаря подошло к реке Большой Стур (как полагают современные исследователи) и с легкостью отогнало британцев от переправы. Однако британцы заняли высотное укрепление, расположенное в полутора милях от брода, в лесах, и хорошо защищенное, как говорит Цезарь «природой и человеческим искусством» [Caes., B.G., V, 9]. Подходы к земляным укреплениям были блокированы поваленными деревьями, и британцы небольшими группами выскачивали из-за опушки леса и, осыпая римских солдат градом стрел, не давали им проникнуть внутрь форта. Тогда солдаты Седьмого легиона, выстроившись в боевой порядок по принципу «черепахи», образовав поднятыми над головой щитами защитный навес и подведя насыпь к укреп-

лению британцев, заняли его и выбили неприятеля из леса [Caes., B.G., V, 9, 4].

В то же время испытанные военные приемы оказывались не всегда эффективными в войне с британцами, поскольку их способ ведения военных действий не был знаком Цезарю. Во время своей первой экспедиции в Британию Цезарь впервые встретил там кельтские боевые колесницы, которых уже не было в Галлии. В 33 главе IV книги своих комментариев он подробно описал, видимо, поразившую его тактику сражения кельтов с применением боевых колесниц. Она состояла в том, что кельты быстро гнали колесницы по всему полю битвы во всех направлениях, бросая дротики и порождая смятение и панику в рядах врага стремительным движением и стуком колес. Если колесницам удавалось прорваться в промежутки между эскадронами неприятельской конницы, то находившиеся на них кельтские воины соскакивали и сражались пешими, а возницы отводили колесницы и ставили их таким образом, чтобы быть под рукой и прийти на помощь при необходимости срочного отступления. Таким образом, воины, сражавшиеся с колесницами, соединяли мобильность и скорость конницы с устойчивостью пехоты. Такая тактика произвела на Цезаря большое впечатление, в чем он признается в начале следующей главы: «Все эти маневры и необычайный способ сражения привели наших в большое замешательство» [Caes., B.G., IV, 34, 1].

Второй раз Цезарь был поражен военной тактикой британцев, использовавших конницу и боевые колесницы во время второй экспедиции, когда британцы напали на караульные посты римлян, строивших и укреплявших лагерь. По поводу смелого прорыва британцев через строй римских когорт Цезарь замечает: «Так как невиданные боевые приемы врага привели наших в полное замешательство, то неприятели с полной отвагой прорвались сквозь них и отступили без потерь» [Caes., B.G., V, 15, 4].

Далее Цезарь подробно анализирует эти «боевые приемы врага» и те опасности, которые они таили для римских солдат. Британцы сражались не в тесном строю, а небольшими группами, которые были отделены друг от друга широкими интервалами. Когда какую-либо группу британцев начинали сильно теснить легионеры, составлявшие ее солдаты убегали, а римляне, обремененные своим тяжелым вооружением, не могли их преследовать. К тому же, легионеры и их командиры, приученные сражаться в тесном строю, двигаясь компактной массой, не решались нарушить строй и не могли приспособиться к неожиданной для них тактике противника. Римская конница могла догнать колесницы британцев. Однако римские всадники, слишком удалившись от поддерживавших их легионов, оказывались беспомощными перед британскими воинами, которые соскакивали со своих колесниц и начинали сражаться в пешем строю при поддержке своей конницы. Правильная тактика сражения с боевыми колесницами британцев, как вскоре стало ясно Цезарю, состояла в том, чтобы конница и пехота держались вместе и действовали в согласии друг с другом. После введения этой тактики британские колесницы особого беспокойства больше римлянам не доставляли.

Главный же результат британских походов Цезаря заключался в том, что им был сделан первый шаг на пути романизации Британии. Р. Холмс по этому поводу заметил, что Цезарь «направил ход британской истории по новому руслу». ¹³ М.С. Садовская отрицательно относится к этому мнению Холмса, получившему широкое распространение в английской литературе, полагая, что римское влияние на Британию в течение ста лет после смерти Цезаря было незначительным.¹⁴

Однако романизация, как известно, представляла собой сложный процесс, для осуществления которого использовались различные «инструменты». Первый из них был военный — завоевание страны. Затем шло налаживание силь-

ных экономических связей с Римом, подразумевавших включение провинциальной экономики в общеримскую, распространение римского гражданства, насаждение римских политических институтов, выведение в провинцию римских военных колоний.¹⁵ Последним из этих «инструментов» была культурная романизация: распространение латинского языка, строительство городов в соответствии с нормами античного урбанизма, устройство пригородных вилл по римскому образцу.

Как мы видели, Цезарем был подготовлен и прекрасно наложен первый из этих «инструментов» — военный. Он основательно познакомился сам и познакомил римлян с природой и географией острова, нашел удобные гавани для высадки флота, выяснил особенности тактики ведения боя, применявшейся британцами, и предложил выработанные им военные приемы, с помощью которых им можно было противостоять.

В то же время, как отмечают исследователи, культурная романизация представляла некий синтез римской и местной культур. И поскольку у кельтов существовала оригинальная и сильная культура, то в данном случае местный элемент был особенно значим.¹⁶ Цезарь сделал первый шаг и в этом направлении, познакомив своих читателей с обычаями кельтов Британии, — т.е. он подготовил почву для будущего общения римлян с местной этнической средой. Таким образом, Цезарем были сделаны первые важные шаги по освоению Британии, будущим поколениям предстояло сделать остальные.

Примечания

¹ Holmes T.R. Ancient Britain and the Invasions of Julius Caesar. Oxford, 1907. P. 355.

- ² Садовская М.С. Походы Цезаря в Британию // Из истории античного общества. Межвузовский сборник. Выпуск I. Отв. ред. Э.Д. Фролов. Горький, 1975. С. 95.
- ³ Чеканова Н.В. Римская диктатура последнего века республики. СПб, 2005. С. 21.
- ⁴ Cary M., Warmington E.-H. Les explorateurs de l'antiquité. Paris, 1932. P. 10.
- ⁵ Широкова Н.С. Древние кельты на рубеже старой и новой эры. Ленинград, 1989. С. 11–12.
- ⁶ Müllenhoff K. Deutsche Altertumskunde. Т. I. Berlin, 1890. S. 471–472.
- ⁷ Rhys J. Celtic Britain. London, 1904. P. 45–46.
- ⁸ Broche G. Pythéas le Massaliote. Paris, 1935. P. 147.
- ⁹ Широкова Н.С. Культура кельтов и нордическая традиция античности. СПб, 2000. С. 28.
- ¹⁰ Holmes T.R. Ancient Britain and the Invasions of Julius Caesar. P. 352.
- ¹¹ Ростовцев М.И. Скифия и Боспор. Ленинград, 1925. С. 90.
- ¹² Le Roux F., Guyonvarc'h Ch. Les Druides. Rennes, 1986. P. 305–315.
- ¹³ Holmes T.R. Ancient Britain and the Invasions of Julius Caesar. P. 356.
- ¹⁴ Садовская М.С. Походы Цезаря в Британию. С. 96.
- ¹⁵ Циркин Ю.Б. Древняя Испания. Москва, 2000. С. 168–169.
- ¹⁶ Шкунаев С. В. Культура Галлии и романизация // Культура древнего Рима. Т. II / Отв. ред. Е. С. Голубцова. Москва, 2005. С. 258.

Тюленев В.М.

Эннодий — штрихи к портрету раннесредневекового интеллектуала

Магну Феликсу Эннодию (473/474–521 гг.), епископу Тицина (Павии), судьба уготовала постоянно оставаться в тени своих великих и знаменитых современников Боэция и Кассиодора, с чьими именами в первую очередь и связывают расцвет наук и литературы в Остготской Италии. В отечественной исторической науке каких-либо специальных трудов, посвященных Эннодию, до последнего времени попросту не было.¹ Между тем Эннодий был поистине незаурядной личностью. Взращенный в еще не расставшейся с античным наследием Италии, он прошел путь от ритора до епископа Тицина и оставил немалое число литературных произведений, несущих на себе печать сложного, противоречивого, во многом переломного времени. Оставаясь до конца дней своих ритором, использовавшим в каждом своем произведении высокий и вычурный слог, часто сочетая языческие мотивы и христианские образы, Эннодий вместе с тем оказался в гуще политических и церковных событий своего времени. И в этом смысле он может с полным правом быть отнесен к числу «последних римлян». Дипломат, политик, религиозный деятель, учитель — он пытался сохранить в новой, устремленной в христианское Средневековье Италии высокий авторитет Цицерона и Вергилия.

О жизни Эннодия известно не мало, хотя в его биографии и остаются существенные лакуны, что, впрочем, вполне естественно для наших знаний о человеке Античности и Средневековья.² Основным источником о жизни Эннодия являются его собственные сочинения, в первую очередь его

незавершенная автобиография, написанная в подражание августиновской «Исповеди» и названная самим Эннодием *Eucharisticum de vita sua*. Кроме автобиографии, обрывающейся на получении Эннодием священнического сана, безусловную ценность представляет написанное им «Житие Епифания», повествующее о жизни предшественника Эннодия на епископском посту Павии, а также многочисленные, впоследствии собранные в девять книг письма Эннодия, направленные к самым разным адресатам, в том числе весьма знаменитым — папе Симмаху и диакону Гормизду, занявшему впоследствии папский престол, консулу Авиену, бывшему консулу, магистру оффиций Фаусту, прославленному Боэцию и пр.³

Эннодий родился предположительно в 473 или 474 г. в Южной Галлии в Арелате (Арле). Он принадлежал к достаточно известному аристократическому роду и мог бы похвастаться тем, что являлся прямым потомком Юлия Агриколы, консула 421 г., внуком Феликса Эннодия, проконсула Африки в 420–423 гг., внучатым племянником Магна, консула 460 г.⁴ Эннодий рано оказался сиротой и воспитывался теткой в Северной Италии, предположительно в Лигурии. Именно в этот период Эннодий сделал первые шаги в своем образовании. Ему удалось пройти необходимое для аристократа того времени обучение, позволившее ему впоследствии не только сделать удачную карьеру, но и стать знаменитым ритором, открыть собственную школу в Медиолане (Милане) и подготовить нескольких известных учеников.⁵

В 489/90 г. Эннодий пережил новую утрату — скончалась его тетка, у которой он воспитывался.⁶ Будущий ритор нашел приют в некоей аристократической семье, где встретил свою любовь. Эннодий сам рассказывает о том, что обручился с дочерью главы дома, отношения с которой, как полагают, скорее всего, не завершились браком. Приблизительно в 493 г. Эннодий, как и его невеста, выбрал духовный путь. Свое церковное служение Эннодий начал в Тицине при

епископе Епифании в качестве лектора. В 494 г. Эннодий вместе с Епифанием и епископом турийским Виктором по поручению Теодориха Великого и папы Геласия отправился в Галлию для переговоров с бургундским королем Гундобадом о выкупе пленных итальянцев, результатом чего стало освобождение почти шести тысяч жителей Лигурии.⁷ Вскоре после смерти епископа Епифания (ум. 21 января 496 г.) он оказался в Медиолане, где продолжил свое служение диаконом у местного епископа Лаврентия и оставался там приблизительно до 512 г.

В медиоланский период жизни Эннодий неоднократно посещал Рим. В это время в Риме и в самой Италии происходили весьма значимые для истории западной Церкви события. После смерти в 498 г. папы Анастасия II, склонявшегося к компромиссу с Константинополем, в Риме оказалось сразу два епископа — Лаврентий и Симмах — первый из которых был «надеждой» провизантийской партии, второй выражал интересы непримириемых последователей Халкидонского собора. Если верить *Liber pontificalis*, противостояние партий сопровождалось не только борьбой за поддержку со стороны Теодориха, но и кровопролитными столкновениями на улицах Рима.⁸ Для окончательного решения вопроса в 502 г. был созван собор, утвердивший папой Симмака. Лаврентий, получивший к тому времени место епископа Нурагии, не признал этого решения, что, в конечном итоге, привело к его ссылке. В ходе противостояния партий Эннодий написал специальное сочинение *Libellus adversus eos, qui contra synodum scribere praesumpserunt* («Книжица против тех, кто дерзнули писать против синода») или *Libellus pro synodo*. Это был настоящий памфлет в защиту папы Симмака и синода, утвердившего Симмака в качестве законного епископа Рима.

Активно участвуя в церковной политике в период медиоланского служения, Эннодий не выпал из светской и культурной жизни Италии своего времени.⁹ По своему поведению, по самосознанию он продолжал оставаться в рамках тради-

ционной римской культуры. Вступление в духовный сан, конечно, воспринималось им как своего рода переход в качественно иную жизнь.¹⁰ В сочинениях Эннодия появляется четкое противопоставление настоящего прошлому. В одном из поздних писем своему ученику Аратору он даже признавался, что ненавидит само имя свободных искусств: *ego ipsa studiorum liberalium nomina iam detestor*.¹¹ Однако этот разрыв между светским и церковным знанием, между мирской и духовной литературой были для Эннодия не более чем формально выраженной позицией, которая совершенно не мешала ему продолжать преподавательскую деятельность, в письмах давать советы по риторике, ходатайствовать перед своими высокопоставленными адресатами за собственных учеников.¹² В посланиях он оставался столь же честолюбивым писателем, как и его языческие предшественники. Обращаясь с письмом к Памфронию, он просил как можно скорее передать свое послание также Авиену и Либерию.¹³ В поэме же, прославляющей тридцатую годовщину священства Епифания, Эннодий счел возможным зашифровать собственное имя, вставив в поэму акrostих.¹⁴

Многочисленные произведения Эннодия, особенно письма, отражают жизнь культурного окружения двора Теодориха, существовавший диалог интеллектуалов между собой и с властью, отношения между родственниками, друзьями и единомышленниками в Северной Италии начала VI в. Очевидно, что Теодорих стремился в управлении Италией опереться на старую римско-италийскую аристократию, привлечь ко двору известных и образованных людей, многие из которых вполне искренне шли на это сотрудничество с готским королем. В результате, благодаря созданной Теодорихом атмосфере, Италия пережила в период его правления подлинный культурный расцвет, который с полным правом можно назвать Остготским Возрождением.

Сложно сказать, составляли ли интеллектуалы времен Теодориха хоть сколько-нибудь устойчивый круг единомыш-

ленников, образующий нечто вроде литературного кружка.¹⁵ Известно, что Эннодий не только стремился как можно шире распространить свои послания, но и собирал и хранил чужие письма. Обращаясь к Боэцию, он признается: «Хранится у меня дорогая для меня подборка твоих писем, которые свидетельствуют об этом (блестящем красноречии Боэция. — *B.T.*). О, если бы послания ваши были бы столь же часты, сколь они дороги сердцу!»¹⁶ Круг его респондентов был весьма широк, а среди обсуждаемых тем не последнее место занимали вопросы образования и риторики. В своих письмах и стихах Эннодий с воодушевлением отзывался о просвещенных друзьях-современниках. В процитированном выше письме к Боэцию, восхищаясь его превосходным знанием греческого и латинского языка, Эннодий так отзыается об ораторском таланте своего адресата: «Подражая красноречию предков, ты превзошел его; подыскивая [слова], ты даровал речи искуснейшую форму».¹⁷ Он также хвалил поэзию Фауста.¹⁸ Со своим учеником Аратором, прославившимся впоследствии своим стихотворным переложением «Деяний апостолов», он обсуждал вопросы образования.¹⁹ В то же время любопытно, что нет ни одного письма, адресованного Кассиодору, пожалуй, главному идеологу Остготского королевства. Более того, Кассиодор ни разу не упоминается Эннодием в его сочинениях, несмотря на то, что первые серьезные успехи будущего магистра официй в карьере совпали с периодом активной литературной деятельности Эннодия.

Пусть и не организованное, наподобие, скажем, кружка Мецената времен Августа, интеллектуальное сообщество времен Теодориха создавало и сохраняло культуру, которую при всем торжестве христианства следует считать по большей части античной. В этой культуре свое вполне определенное место, не противопоставляя себя ни языческой мудрости и риторике, ни злободневным проблемам сегодняшнего дня, ни будущему заняли и римско-итальянские аристократы Бо-

эций, Кассиодор, Симмах, и упомянутый Прокопием Кесарийским варвар, знаток платоновской философии Теодат²⁰, и «miles Ecclesiae»²¹ Эннодий.

Эннодий создал немалое число сочинений самого разного жанра и назначения. Помимо уже упомянутых автобиографии, «Жития Епифания», книги в защиту римского синода и 297 писем, собранных в девяти книгах, следует назвать «Житие Антония Леринского», ученика знаменитого Северина Норикского, «Поучительное увещевание», написанное стихами и прозой для двух учеников — Амвросия и Beata, «Наставление об обитателях кельи», ряд речей, песен, эпиграмм.

Среди многочисленных сочинений, написанных Эннодием, особое место занимает «Панегирик королю Теодорику».²² Благодаря содержащейся в нем исторической информации о войнах Теодориха, о народах юго-восточной Европы эпохи Великого переселения народов *Панегирик* оказался, пожалуй, единственным трудом Эннодия, не оставленным без внимания отечественной историографией.²³

Панегирик был произнесен Эннодием весной 507 г. Что было поводом для этого, не вполне ясно.²⁴ Некоторые исследователи полагали, что *Панегирик* был, скорее всего, откликом на одержанную Теодорихом победу над аламаннами. Однако тема этой победы не особенно разработана в хвалебной речи; рассказ о торжестве над аламаннами замыкается в рамках двух отрывков.²⁵ Так же вряд ли поводом для произнесения *Панегирика* явилось решение королевской властью церковного вопроса, в результате чего во главе римской церкви был утвержден Симмах. Церковная тема вообще не разрабатывается в *Панегирике*, к тому же вряд ли Эннодий думал приписывать торжество Симмаха и его партии арианину Теодорику, по крайней мере, он явно решил не акцентировать на этом внимание. Высказывалось также суждение о том, что *Панегирик* являлся своеобразной благодарностью Теодори-

ху за решение судьбы Аниция Проба Фауста, родственника Эннодия, который именно с 507 г. возвращается в «большую политику», получает титул патриция и становится префектом претория.

Каков бы ни был конкретный повод для написания и произнесения этого *Панегирика*, он важен сам по себе как отражение вполне конкретных чаяний образованного галло-римлянина в отношении нового правителя Италии. Вопрос о том, какими средствами Эннодий формирует новый образ правителя Италии, какой новый смысл он вкладывает в само понятие *rex*, рассмотрен в трудах П.П. Шкаренкова²⁶, и нам нет смысла в данном случае повторять уже высказанные им предположения, сделанные выводы и лежащую в их основе аргументацию. Остановимся лишь на некоторых любопытных моментах, обойденных, на наш взгляд, в отечественных публикациях.

Как уже не раз отмечалось в литературе, главная идея составленного Эннодием *Панегирика* — обоснование легитимности власти Теодориха над Италией, легитимности, весьма не очевидной его современникам.²⁷ С этой задачей Эннодий блестяще справляется, подчеркивая, с одной стороны, притязания Теодориха только на территорию Италии, с другой стороны, противопоставляя его власть господству узурпатора Одоакра.²⁸ Доказательству законности власти Теодориха служат как сам рассказ и характеристики героев, так и используемая ритором терминология. Однако представляется не менее важным, что этому служат и используемые в *Панегирике* образы, восходящие как к относительно недавнему прошлому, так и к прошлому почти легендарному.

Выраженное Эннодием в *Панегирике* отношение к прошлому, древности, безусловно, усложняется самой хвалебной направленностью произведения. На общее для христианской культуры отношение к истории²⁹ и на личное восприятие произошедших в Италии конца V в. перемен³⁰ не могла не

наложить своего отпечатка обусловленная жанром необходимость противопоставлять современность, связанную с именем Теодориха, римскому прошлому. В этой связи в тексте *Панегирика* Рим характеризуется как одряхлевший старик, омоложение которого связано исключительно с именем нового правителя Италии: «Вижу я, как неожиданно восстал из пепла краса городов и повсюду в многолюдных городах заблистали дворцы. Вижу я возведенные здания, не успев заметить, как они стали сооружаться. И сама мать городов — Рим омолаживается, отбрасывая одряхлевшие от старости члены».³¹ Неоднократно Теодорих вступает в «диалог» с древностью, посмеиваясь над предлагаемыми ею примерами доблести и величия: «Деяния предков, сколь бы ни были возвеличены ложью, уступают его (Теодориха. — В. Т.) действительным подвигам».³²

В то же время нельзя не заметить, что Эннодий для того, чтобы подчеркнуть особое место Теодориха, в *Панегирике* не только обращается к конкретным героям римской и греческой истории (Катону, Серрану, Александру Великому) или к абстрактному прошлому, но и, включая в текст скрытые цитаты из Вергилия и Квинта Аврелия Симмаха³³, соотносит остготского короля с некоторыми знаковыми для римского исторического сознания фигурами прошлого, ставя своего героя на один уровень с ними.

Прямых цитат из Вергилия в *Панегирике* не так много, всего четыре, но и они позволяют говорить о некоторых намеках на содержание «Энеиды», используя которые, Эннодий создает образ «нового родоначальника» римского народа. Благодаря им Теодорих, прибывший с востока в находившуюся в бедственном положении Италию, становится своего рода «новым Энеем». Не случайно именно рассказ о походе остготов в Италию наполнен у Эннодия наибольшим количеством скрытых цитат из поэм Вергилия³⁴, а саму страну ритор называет в данном случае не иначе как Авзонией, ее поэтическим именем. Именно в отрывке, посвященном похо-

ду Теодориха в Италию, текст *Панегирика* получает поистине эпическое звучание. Эннодий особо поэтизирует текст. Вот как он передает состояние кануна битвы при Вероне: «Как только утренняя заря в шафрановой колеснице возвестила восход солнца и из чистых вод океана поднялся огненный диск солнца, тотчас запели горны, *кровавый бой возвещая*³⁵, войско же, не думая уже о себе, ждало тебя».³⁶ В этой системе образов Одоакр «превращается» в Турна, легендарного противника Энея в Италии, в битвах с которым решалась судьба Италии. Вполне возможно, что аллюзии на «Энеиду» также призваны показать ограниченность претензий Теодориха лишь пределами Италии.³⁷

Второй фигурой, на этот раз относительно недавнего прошлого, сравнение Теодориха с которой невольно появляется в *Панегирике*, является римский император Валентиниан I. Несмотря на то, что Эннодий не сравнивает напрямую Теодориха с римскими императорами и не включает его в череду прославленных Августов, обнаруживаемые в тексте *Панегирика* скрытые цитаты из «Панегирика Валентиниану» Квинта Аврелия Симмаха показывают, что Теодорих прославляется Эннодием в тех же словах и фразах, что и римский император. Не говоря о других случаях «цитирования», обратим внимание на то, что именно словами Симмаха, адресованными Валентиниану, Эннодий восхваляет остготского правителя за его покровительство риторике.³⁸ Эта параллель между Теодорихом и Валентинианом I, имплицитно выраженная Эннодием, или уже сознавалась современниками Эннодия, или станет сознаваться благодаря произнесенному им *Панегирику*: Аноним Валезия в «Жизнеописании Теодориха» прямо говорит, что римляне называли Теодориха новым Траяном и Валентинианом.³⁹

Таким образом, король-варвар (которого, кстати, Эннодий ни разу не именует *rex Gothorum*) оказывается у панегириста не просто включенным в контекст римского прошлого, но и олицетворяет собой возрождение римского благоден-

ствия. В *Панегирике* явно отразилось личное, пропущенное через сердце отношение Эннодия к Теодориху. Он был благодарен королю, восхищался им, возлагал на него особые надежды и готов был служить ему на своем церковном посту.

В 512 г. скончался епископ медиоланский Лаврентий, диаконом чьей церкви служил Эннодий. О последовавших за этой смертью событиях ничего не известно, поэтому остается немалое количество вопросов. В частности, не ясно, почему Эннодий не оказался преемником скончавшегося Лаврентия и даже покинул Медиолан. Очевидно только то, что в 513 или 514 г. он стал уже епископом Павии, сменив на этом посту скончавшегося епископа Максима. В этом качестве он дважды (в 515 и 517 г.) в составе папской миссии ездил в Константинополь ко двору императора Анастасия для переговоров по вопросам веры. Вопрос, который обсуждался в ходе переговоров, напрямую касался ситуации, сложившейся между западными церквями во главе с Римом и восточными епархиями после Халкидонского собора и ряда попыток настоятелей Константинопольской церкви при поддержке императоров достичь компромисса с монофизитами. В 514 г. казалось, что началось медленное сближение христианского Запада и Востока. Посольства, отправляемые папой Гормиздом в Константинополь, призваны были добиться примирения, не отказываясь от осуждения патриарха Акания, инициатора «Энотикона», подписанного Зеноном. *Liber pontificalis* называет Эннодия в качестве одного из главных действующих лиц папской миссии.⁴⁰ Судя по этому рассказу, второе посольство завершилось полным провалом: император прогнал представителей римского понтифика, приказал посадить их на корабль, запретив посещение имперских городов по дороге из Константинополя.⁴¹ По сути, это последнее сообщение источников об Эннодии. О последних годах жизни тицинского епископа, а именно о периоде с лета 517 г. по июль 521 г., нам, к сожалению, ничего не известно. В 519 г. состоялась очередная римская миссия в Константинополь,

положившая конец акакианской схизме, но Эннодий уже не участвовал в этом посольстве.

Скончался Эннодий в 521 г. Днем его поминовения является 17 июля.⁴²

Примечания

¹ В отечественной историографии главная заслуга по изучению особенностей культуры Остготской Италии принадлежит В.И. Уковой. В настоящее время эту проблематику в отечественной медиевистике продолжает разрабатывать П.П. Шкаренков. См., в частности, его труды об Эннодии: Шкаренков П.П. Между риторикой, историей и политикой: Образ короля и королевской власти в “Панегирике Теодориху” Эннодия // Новый филологический вестник. 2008. № 2. С. 122–142; Он же. “Vita Epiphani” Эннодия: риторический дискурс и формирование символического образа власти в остготской Италии // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. 2008. № 12. С. 81–114. Из последних зарубежных исследований творчества Эннодия особого упоминания заслуживают: Kennell S.A.H. Magnus Felix Ennodius: a gentleman of the church. Ann Arbor: University of Michigan Press, 2000.

² Жизненный путь Эннодия в целом реконструирован в исследованиях XIX в., прежде всего в труде Франческо Маджани (Magani F. Ennodio. Pavia, 1886). Из работ последних лет особо см.: Kennell S.A.H. Op. cit. P. 4-42; Rohr Ch. Der Panegyricus des Magnus Felix Ennodius // Rohr Ch. Der Theoderich-Paneyricus des Ennodius. MGH. Studien und Texte. Bd. 12. Hannover, 1995. S. 1–4; Schröder B. Bildung und Briefe im 6. Jahrhundert: Studien zum Mailänder Diakon Magnus Felix Ennodius. Berlin, 2007. S. 31–53.

³ Эпистолярное наследие Эннодия сейчас издается во Франции. Не так давно вышел первый том нового издания, включающий две первые книги его писем: Ennodius M.F. Lettres. T. 1. Livres I et II / Ed. S. Gioanni. Paris, 2006.

⁴ Весьма удачная попытка реконструировать родословную Эннодия предпринята Стефаном Жиоанни: Gioanni S. Introduction // Ennodius M.F. Lettres. T. 1. P. XI–XVII.

⁵ Из школы Эннодия вышли прославившиеся в начале VI в. риторы и грамматики Аратор, Патерий, Парфений, Север и др. См.: Уколова В.И. Культура Остготской Италии // Средние века. М., 1983. Вып. 46. С. 17.

⁶ Дата смерти тетки Эннодия устанавливается по сообщению самого Эннодия, который включает события собственной жизни в контекст политических событий своего времени. По словам Эннодия, он лишился «попечения своей тетушки» в возрасте примерно шестнадцати лет, когда в Италию вступил Теодорих (Ennod. Euchar. de vita sua. 5).

⁷ Ennod. Vita Epiphani. 80; Köpke J. Die italischen Bischöfe unter ostgotischer Herrschaft (490–552 n. Chr.). Prosopographische Untersuchungen zur Stellung des italienischen Episkopats zwischen Antike und Mittelalter. Hamburg, 2006. S. 244.

⁸ Lib. pontif. I. 53.3–5.

⁹ Свою литературную деятельность он прекращает, лишь заняв место епископа Тицина.

¹⁰ Schröder B. Op. cit. S. 134.

¹¹ Ennod. Ep. IX.1.4.

¹² Gioanni S. Op. cit. P. XXIII, XXVI.

¹³ Ennod. Ep. IX.13.2.

¹⁴ Ennod. Carm. I.9.167–170.

¹⁵ О кружке, сформировавшемся вокруг Боэция и Симмаха, пишет, в частности, В.И. Уколова, которая, впрочем, не поясняет, что собой представляло это сообщество интеллектуалов: Уколова В.И. Указ. соч. С. 14.

¹⁶ Ennod. Ep. VIII.1.

¹⁷ Ibid.

¹⁸ Ennod. Carm. I.7.

¹⁹ Ennod. Ep. VIII.11.

²⁰ Прокопий Кесарийский. Война с готами. I.3.

²¹ Именно так Эннодий назвал себя в одном из писем (Ennod. Ep. I.7.3).

²² «Панегирик» Эннодия относительно недавно был опубликован с параллельным переводом на немецкий язык Христианом Рором: Rohr Ch. Der Theoderich-Panegyricus des Ennodius // MGH.

Studien und Texte. Bd. 12. Hannover, 1995. См. также итальянское издание: Ennodio Magno Felice. *Panegyricus dictus clementissimo regi Theoderico / A cura di Simona Rota.* Roma, 2002.

²³ Совсем небольшой отрывок из Панегирика был переведен и опубликован В.В. Латышевым: Эннодий Магн Феликс. Панегирик, сказанный всемилостивейшему королю Теодерику / Пер. В.В. Латышева // ВДИ. 1949. № 4. С. 303–304. Значительно больший отрывок из Панегирика в русском переводе появился в 90-е гг. ХХ века: Эннодий. Панегирик Теодорику / Пер. Ю.В. Корзуновой // Опыт тысячелетия. Средние века и эпоха Возрождения: Быт, нравы, идеалы. М., 1996. С. 312–324. К сожалению, этот перевод не очень удачен, имеет пропуски слов и фраз в переведенных отрывках, часто напоминает пересказ, а порой содержит неверную трактовку текста.

²⁴ О мотивах Эннодия см.: Rohr Ch. Op. cit. S. 18–25.

²⁵ Ennod. Pan. XV.72–73.

²⁶ См.: Шкаренков П.П. *Theodericus rex genitus* в концепции королевской власти Эннодия. Риторико-стилистическая стратегия и национальная идеология // Диалог со временем. № 25.1. М., 2008. С. 353–375.

²⁷ Там же. С. 354.

²⁸ Там же. С. 356, 363.

²⁹ Вопрос о восприятии исторического времени в христианской литературе раннего средневековья довольно сложен, и нет смысла сейчас останавливаться на многопланности этого отношения. Некую сумму подходов мы попытались собрать в статье: Тюлевев В.М. К вопросу о восприятии времени в раннем христианстве // Вестник Ивановского государственного университета. Сер. «Гуманитарные науки». 2008. Вып. 3. «Филология. История. Философия». Иваново, 2008. С. 81–87.

³⁰ Не только Эннодий, но и его современники папа Гelasий и Кассиодор отчетливо противопоставляли современность прошлому (Jauss H.R. *Literaturgeschichte als Provocation.* Frankfurt am Main, 1994. S. 16).

³¹ Ennod. Pan. XI.56. См. также: V.22; VII.30.

³² Ennod. Pan. XVII.78.

³³ Обращение христианских, в том числе церковных, авторов к поэмам Вергилия можно назвать обычным и традиционным. Вергилий изучался в любой риторской школе. Что же касается Симмаха, то интерес к нему именно Эннодию весьма примечателен. Именно эпистолярное наследие Симмаха стало главным образцом для североиталийского ритора: Schröder B. Op. cit. S. 245–252. См. также: Rohr Ch. Nationalrömisches Bildungsgut im Reich der Ostgoten. Zur Rezeption von Q. Aurelius Symmachus bei Ennodius // Römische Historische Mitteilungen. Bd. 40. 1998. S. 29–48.

³⁴ Ennod. Pan. VI.26–27; VIII.41.

³⁵ Verg. Aen. XI.474. Пер. С. Ошерова.

³⁶ Ennod. Pan. VIII.41.

³⁷ Для Эннодия было важно снять с Теодориха подозрение в имперских притязаниях: Шкаренков П.П. Theodericus rex genitus. С. 363.

³⁸ Par fuit etiam, ut eloquentiam laudis praemiis incitares (Ennod. Pan. XVI.74). Cp.: Par fuit, ut eloquentiae usum reddes (Symmach. In Valent. 2.30).

³⁹ Anonimus Valesianus. Pars posterior. XII.62. См.: Тюленев В.М. Теодорих Великий в изображении Анонима Валезия // Человек в культуре античности, средних веков и Возрождения. Иваново, 2006. С. 248.

⁴⁰ См.: Lib. pontif. I. 54.2–4.

⁴¹ Ibid. 54.4.

⁴² Именно эта дата указана в эпитафии, которая сохранилась до наших дней в базилике Святого Михаила в Павии. Köpke J. Op. cit. S. 246.

Банников А.В.

Готы на службе империи

Бурные события второй половины III в. оказали сильнейшее влияние на всю последующую историю отношений Римской империи с варварами. Частые вражеские вторжения и гражданские войны способствовали тому, что многие ранее густонаселенные районы римских провинций лишились своего населения. Положение усугубилось из-за эпидемии чумы, распространившейся по всей империи, начиная с 250 г., и опустошившей ее в течение 15 лет. По мнению Р. МакМаллена, в результате всех этих катализмов людские потери составили от 7 до 10 млн. чел.¹ Отсутствие необходимой рабочей силы привело к тому, что многие культивировавшиеся ранее земли в Галлии, Италии, Северной Африке, а также в Балканских провинциях и Египте оказались заброшены.² Нехватка рабочих рук для обработки полей и рекрутов для пополнения армии стали основной причиной того, что правящие круги империи увидели в варварах не только смертельных врагов, но и неисчерпаемый ресурс, используя который можно было быстро восстановить силы государства. Начиная с этого времени добровольное или принудительное поселение варваров на римской территории приобретает особую значимость для правительства. В империи варваров селили еще во времена принципата. Так, например, в I в. Август разместил в Мезии 50 000 гетов, а Тиберий выделил земли в провинциях Галлия и Германия для 40 000 германцев. Однако никогда количество иммигрантов не было столь велико как в III столетии.³ Уже Галлиен (253–268 гг.) выделил для маркоманнов земли в Верхней Паннонии⁴, а Клавдий II (268–270 гг.) поселил в империи большое количество захваченных в плен готов⁵. Проб (276–282 гг.) разместил во

Фракии 100 000 бастарнов, гипедов, гривунгов и вандалов⁶, а, кроме того, предоставил земли для франков, искавших убежища на римской территории⁷. В Галлию им было депортировано такое множество побежденных германцев, что в своем послании сенату император заявил о том, что все варвары отныне пашут для римлян и являются их рабами.⁸ Наконец, при Диоклетиане (283–305 гг.) в империю было переселено целое племя карпов.⁹

Условия, на которых селили варваров, зависели, прежде всего, от того добровольно или по принуждению они переходили на римскую территорию. Однако независимо от этого фактора, все новые поселенцы были обязаны не только возделывать отданые в их распоряжение земли, но и отправлять свою молодежь в римскую армию. После введения Диоклетианом рекрутского набора, при котором рекрутов получали в основном из пограничных провинций, где процент поселенцев варварского происхождения был наиболее высоким, армия в значительной своей части стала пополняться потомками аланнов, франков и сарматов.

Кроме рекрутов, полученных от поселенных в империи иммигрантов, в регулярную армию могли привлекаться также и чужеземные варвары. Часть из них, несомненно, была волонтерами, служившими на определенных условиях. Они набирались главным образом индивидуально и служили под командой римских офицеров.¹⁰ Такие добровольцы предпочитали проходить службу поблизости от родных мест, что объяснялось, прежде всего, их нежеланием надолго покидать свои семьи, с которыми они в продолжение всей службы поддерживали связь.¹¹ Еще одной формой привлечения варваров на римскую службу являлся договор, требовавший отправки в армию варварской молодежи единовременно¹² или с определенной периодичностью¹³.

В IV столетии привлечение варваров на римскую службу стало уже устоявшейся практикой, необходимость которой

ни у кого не вызывала сомнения. Провинциальное население тяготилось воинской повинностью и охотно (*gratanter*)¹⁴ откупалось от нее деньгами. Нехватка людей для службы в армии стала одной из основных причин, оправдывавших в глазах римских властей поселение варваров на территории империи. Еще одним фактором, заставлявшим правительство обращаться к военным силам варваров, были низкие качества рекрутов-римлян, многие из которых зачастую были совершенно не приспособлены для ремесла солдата. Для варваров же военное дело было занятием, к которому они привыкались с детства. «Варвары, — пишет Вегетий, — и ныне считают, что только ему и нужно предаваться; они уверены, что все остальное состоит в этом искусстве и благодаря нему они могут достичь всего».¹⁵

Императорская пропаганда постаралась дать приемлемое для римской чести объяснение этому феномену. Заставить тех, кто нападал на империю, сражаться под римскими знаменами было одной из главных задач римского императора, поэтому появление в армии большого количества разноплеменных варваров следовало воспринимать как крупный политический и идеологический успех.¹⁶ Хороший император должен был получать от варваров рекрутов для армии и рабочую силу для обработки земли.¹⁷

Размещение больших масс варваров на пустовавших пограничных территориях сулило поступление в казну значительных денежных сумм, полученных от провинциалов, и приток необходимого числа рекрутов в армию. Как только новобранцы-варвары становились солдатами, они сразу же превращались в римских граждан, т.е. должны были нести все положенные повинности, но вместе с этим пользовались всеми привилегиями, гарантированными государством военным. В зависимости от необходимости новобранцев либо распределяли в уже существовавшие регулярные воинские части, в том числе и легионы, либо образовывали из них новые подразделения. Количество рекрутов-варваров, ежегод-

но попадавших в армию, должно было значительно превышать число провинциалов, поскольку землевладельцы предпочитали выплачивать положенную денежную сумму (*augum tironicum*), нежели лишаться своих колонов. Валентиниан и Валент решили легализировать эту практику, установив в 375 г. фиксированную сумму, которую землевладельцы должны были платить вместо рекрута. В преамбуле к закону от 375 г. указывается лишь на недопустимость того, чтобы денежные суммы, взимаемые вместо рекрутов, превышали установленные нормы. Основная часть полученных денег шла на вербовку чужеземных варваров.¹⁸ Созомен утверждает, что вместо пополнения армии рекрутами, набранными в римских городах и селах, Валент требовал от провинциалов денег, рассчитывая пополнить армию готами.¹⁹ Сократ Схоластик добавляет, что взамен каждого рекрута император требовал по 80 червонцев.²⁰ В кризисный 379 г. вышел указ Грациана, требовавший, чтобы всякий землевладелец, у которого будет обнаружен «чужеземец, пригодный к военной службе или уже поступивший в армию», подлежал смертной казни (CTh, VII, 18, 2).²¹ Как отмечает А. Барберо, текст этого постановления опирается на принцип, согласно которому если какой-либо варвар был поселен на территории империи, то лишь только для военной службы, а не ради возделывания земли.²²

Аммиан Марцеллин крайне негативно относится к подобного рода политике правительства, упрекая во всем поднаторевших в лести придворных сановников, подталкивающих императоров к принятию гибельных для государства решений.²³ Однако историк, ставший свидетелем печальных последствий готского восстания 375–382 гг., и не мог по иному смотреть на присутствие варваров на территории империи. Валент же и его советники должны были с большим энтузиазмом отнестись к решению готов переселиться на римскую территорию. В преддверии большой военной кампании, которую Валент готовил против персов, он особенно остро

нуждался во вспомогательных готских отрядах, большом количестве рекрутов для пополнения регулярных подразделений и в денежных средствах, необходимых для ведения войны. Несомненно, что напряженные отношения с персами были одним из важнейших факторов, заставивших императора дать свое согласие готам: предполагавшийся поход в Персию гарантировал, что значительная часть их мужского населения уйдет на Восток, а оставшиеся заселят пустующие земли и превратятся в послушных налогоплательщиков. Аммиан умышленно драматизирует события, описывая переправу варваров на римский берег.²⁴ Однако, если разобраться, то действия правительства в отношении новых иммигрантов были вполне продуманными и логичными. На римскую сторону было разрешено переправиться тервингам под предводительством Алавива и Фритигерна²⁵; грекам же в этом было отказано, также как и самому могущественному из готских вождей Атанарику, который вынужден был уйти в земли сарматов²⁶. Таким образом, разрешение перейти Дунай получила лишь определенная часть готов, которые не представляли серьезной военной угрозы и в то же время могли значительно усилить римскую армию и пополнить государственную казну. Ситуация вышла из-под контроля только тогда, когда выяснилось, что римские власти вместо того, чтобы обеспечить новых иммигрантов самым необходимым, стали всячески притеснять их и допускали в отношении них чудовищные злоупотребления. Все наши источники свидетельствуют, что причиной восстания готов был нестерпимый голод и притеснения лиц, ответственных за их расселение.²⁷ Первые успехи готов в борьбе с римскими войсками привели к тому, что правящие круги империи утратили контроль над дунайской границей, которая оказалась открытой для проникновения на римскую территорию новых групп варваров. После битвы при Салиции готовы, понесшие ощутимые потери, призвали себе на помощь гуннов и аланов.²⁸ Вместе с гуннами и аланами через Дунай перешли и новые массы готов,

прежде всего, гревтунгов и тайфалов.²⁹ Ситуация настолько осложнилась, что Валент посчитал необходимым не только отказаться от своих завоевательных планов, но и обратился к Грациану, прося его выступить на помощь со всеми своими силами.³⁰ Разгром императорской армии в битве при Адрианополе (9 авг. 378 г.) усугубил и без того тяжелое положение римлян.

Феодосий I, ставший императором после погибшего Валента, с самого начала правления направил свои основные усилия на восстановление сил армии. Э. Гибbon полагал, что моральный шок, потрясший римское общество после битвы при Адрианополе был столь велик, что римляне приходили в ужас при одном упоминании о готах, и армия, составленная из подобных солдат и выведенная в поле, была бы побеждена собственным страхом.³¹ Трудно согласиться с подобной точкой зрения. Наши источники свидетельствуют как раз об обратном: провинциалы сами потребовали от правительства выдать им оружие, чтобы сражаться с готами, и сразу же после поражения Валента жители Константинополя, вооружившись чем попало, отогнали варваров от города.³² Поэтому нет ничего странного в том, что Феодосий в борьбе с готами попытался опереться, прежде всего, именно на местные ресурсы. Либаний сообщает, что правительство, за неимением солдат, стало в массовом порядке призывать в армию земледельцев.³³ В 379 г. Феодосий отдал приказ вооружить крестьян и рабочих рудников.³⁴

Однако уже в это время император старался не столько уничтожать варваров, сколько привлекать их на свою сторону и использовать их силу в своих интересах. Для этого у Феодосия было четыре возможных способа. Варваров могли принимать в империи на правах *дедитищев*, наделяя их землями для обработки. В этом случае готы превращались в обычных колонов. Большие массивы заброшенных земель могли быть предоставлены вождям варваров с тем, чтобы они сами распределили земельные участки среди своих лю-

дей. Два других способа предполагали немедленное использование военных сил готов. Один из них, наиболее простой, заключался в том, чтобы зачислить варваров в качестве рекрутов в регулярные римские подразделения, а готским вождям предоставить высокие командные посты и значительное денежное содержание. Последний способ заключался в том, чтобы использовать готов в качестве вспомогательных войск, не предоставляя им статуса римских солдат.

Привлечение готов на военную службу не должно было вызывать серьезных опасений, поскольку такая практика существовала уже длительное время. Из варваров создавались не только отдельные отряды, но их зачисляли также и в регулярные подразделения армии. Первое время римское правительство старалось ограничивать количество автономно существующих отрядов наемников. Чтобы восстановить силы восточной армии варварами пополняли уже существовавшие римские подразделения или же создавали новые, имевшие, однако характер регулярных. Пакат в своем панегирике Феодосию, утверждает, что те, кто был некогда врагами римлян, подчиняются римским командирам и следуют за знаменами, против которых они еще недавно воевали, а города Паннонии, которые варвары ранее разорили и опустошили, они теперь охраняют будучи солдатами.³⁵ Эти готы, аланы и гунны, соблюдающие дисциплину, облаченные в панцири и идущие в бой, под звуки горнов и труб, не были отрядами наемников, вооруженных и воюющих в соответствии со своими традициями и обычаями, но солдатами регулярных подразделений римской армии. Зосим подтверждает слова Паката и говорит, что Феодосий повел против Максима в 388 г. варваров, «включенных в состав римских подразделений».³⁶ В 394 г. после победы Феодосия над Евгением восточная армия некоторое время находилась в городе Конкордия на северо-восточной границе Италии. Здесь на христианском кладбище было обнаружено 37 погребальных камней, принадлежащих солдатам и офицерам, умершим в

это время. Судя по именам, 6 или 7 из этих военных были готского происхождения, однако служили они в старых подразделениях, изначально никак не связанных с готами, например Флавий Синдила, имевший звание сенатора в отряде Герулы Старшии (*Heruli seniores*), Флавий Андила — центенакрий Бракхиатов (*Bracchiati*), или Флавий Фандигильд — протектор Армигеров (*Armigeri*).³⁷

Та же система пополнения регулярной армии рекрутами-варварами продолжала существовать и после смерти Феодосия. Клавдиан утверждает, что во времена регентства Стилихона на службу брали сарматов, готов, аланов³⁸, зарейнских германцев и франков³⁹.

Наплыв большого количества пригодных для военной службы рекрутов позволял не только укомплектовывать старые подразделения, но и формировать новые. Со всей определенностью можно утверждать, что Феодосием были созданы два подразделения *auxilia*: *Visi* и *Tervingi*. Две других ауксилии *Greuthungi* и *Austrogothi* были сформированы из готов, поселенных Феодосием во Фригии. Эти отряды были распущены после поднятого ими восстания. Отряд *Comites Taifali*, вероятно, также был образован в правление Феодосия. Всего на основании данных *Notitia Dignitatum* можно выделить 29 подразделений, размещенных на Балканах, в Азии или Египте, которые были созданы в правление этого императора. Двадцать из них являются кавалерийскими и, по всей видимости, они были практически полностью укомплектованы готами.⁴⁰

Феодосий старался не только вербовать готов в свою армию, но и привлекал на свою службу готских вождей. Уже в 379 г. он заключил договор с Модаром, бывшем одним из членов «царской семьи». Сначала Модару было предоставлено командование армией во Фракии, а на следующий год он получил звание магистра пехоты (*magister peditum*). Клиентам Модара были даны пограничные земли, чтобы они защищали

ли римскую территорию от набегов гуннов.⁴¹ Модар во главе римских войск произвел неожиданное нападение на варваров, грабивших Фракию и перебил их в большом количестве, захватив при этом около четырех тысяч повозок. По словам Зосима после этой победы положение во Фракии на некоторое время стабилизировалось.⁴² В начале 381 г. на службу к Феодосию перешел вместе со своей дружиной готский король Атанарих.⁴³ После смерти Атанариха все его войско осталось на службе у Феодосия.⁴⁴ Помощь готов позволила Феодосию нанести поражение скирам и карподакам, переправившимся через Дунай в 381 г.⁴⁵

В 382 г. с готами был заключен договор, который должен был положить конец войне. По мнению ряда специалистов, это соглашение стало началом новой эпохи в отношениях между империей и варварами и сформировало юридические основы для интеграции германских племен в римский мир. С другой стороны, оно создавало угрозу территориальной целостности империи и возникновения внутри нее варварских автономий, практически неподконтрольных центральной власти. Тем не менее, если мы проследим за тем, как развивалась ситуация во взаимоотношениях между империей и варварами на протяжении столетий, то станет ясно, что договор 382 г. является логическим продолжением политики иммиграции, проводившейся римским правительством как минимум с III в. Достигнутое с варварами соглашение не предусматривало никаких существенных изменений в юридическом плане, и лишь практическая невозможность выполнения его условий привела к дестабилизации и новым военным столкновениям.⁴⁶ Множество семей готов было поселено в империи в качестве землепашцев. Это должно было оказать благотворное влияние на экономику балканских провинций, подвергшихся до того опустошению. Данная модель с успехом была опробована в период тетрархии, в частности, в Галлии.

Таким образом, политика Феодосия, проводимая им в годы, последовавшие вслед за битвой при Адрианополе, представляется вполне традиционной: император пытался нормализовать отношения с готами, селя их семьи на государственных землях и вербую наилучше пригодных для военной службы в регулярные подразделения римской армии. По всей видимости, правящие круги империи были настроены весьма оптимистично, полагая, что ситуация нормализуется и готский кризис скоро удастся преодолеть. Договор 382 г. должен был избавить государство от врагов и предоставить ему новые человеческие ресурсы. Как отмечает А. Барбера, способность империи интегрировать варваров и использовать их в качестве крестьян, культивировавших заброшенные земли и в качестве солдат, пополнявших ряды регулярной армии, всегда была одним из ключевых факторов, обеспечивавших ее жизнеспособность. Именно поэтому, по крайней мере, в начале, очень многие разделяли оптимизм официальных властей.⁴⁷

И, действительно, на первый взгляд могло показаться, что ситуация в балканских провинциях начала стабилизоваться. По сообщению Зосима, варвары обеспечили охрану Дуная и на длительное время воспрепятствовали нападениям на римлян, поэтому «земледельцы могли возделывать землю, а скот и его приплод могли без боязни пастьись».⁴⁸ Феодосий, таким образом, восполнил, понесенный им ущерб.⁴⁹ К 386 г. была восстановлена оборонительная система на дунайской границе и, когда варвары вновь попытались вторгнуться на римскую территорию, то они были разбиты магистром пехоты Промотом, использовавшим не только сухопутные войска, но и речной флот.⁵⁰ Временное затишье на Дунае и военная помощь варваров позволили восточному императору отпра- виться со всей своей армией на Запад для борьбы с узурпатором Магном Максимом и 3 года оставаться в Италии, приводя в порядок дела западных провинций.

Тем не менее, при ближайшем рассмотрении выясняется, что с самого начала дела обстояли не столь благополучно, как это хотелось правительству империи. Отряды готов были компактно включены в большем, чем когда-либо прежде, числе в состав римских подразделений. В некоторых частях количество варваров превысило количество римских солдат.⁵¹ Это тут же отразилось на состоянии дисциплины и боеспособности армии. По сообщению Зосима, в войсках не было никакого различия между римлянами и варварами; учета людей, внесенных в списки подразделений более не велось; перебежчикам, уже включенным в состав воинских частей, было позволено возвращаться на родину, а на свое место присылать других людей, а затем снова поступать на римскую службу.⁵² Понятно, что в создавшихся условиях не могло быть речи ни о какой дисциплине или обучении новых солдат римским приемам ведения боя. Боевые качества таких войск были крайне низки. Феодосий не мог не видеть этого. Чтобы как-то изменить положение, он отправил часть своих наемников-варваров под командованием перса Хормизды в Египет, а на смену им вызвал оттуда старые регулярные части.⁵³

Ко всему прочему, готы, завербованные Феодосием, не прекращали поддерживать связь со своими соплеменниками, живущими за Дунаем, а дезертиры рассказывали обо всем, что происходит на римской стороне. Именно солдаты-готы позволили варварам в 380 г. пересечь Дунай и совершил новое нападение на Македонию. Во время произошедшего сражения между варварами и римской армией под командованием Феодосия, готские солдаты открыто перешли на сторону противника, а римляне и отряды, приведенные из Египта, были уничтожены все до единого человека. Сам император едва спасся бегством с поля боя.⁵⁴ Грациан (375–383 гг.), который не мог оставаться безучастным к судьбам балканских провинций, отправил на восток армию под командованием Баутона и Арбогаста, которая заставила готов уйти во Фра-

кию и просить Феодосия о мире.⁵⁵ Несмотря на измену солдат-готов, Феодосий предпочел заключить с варварами мир и вновь принял их на военную службу.⁵⁶

Ситуация с солдатами-готами становится еще более тяжелой в последующие годы. Некоторые подразделения вышли из-под всякого контроля командования. Перед самым началом войны с Магном Максимом Феодосий узнал, что варвары, зачисленные в римские подразделения, вновь посыплюют об измене, соблазненные большими наградами, которые им обещал узурпатор.⁵⁷ Часть заговорщиков была уничтожена, однако многие из них бежали в леса Македонии и Фессалии, откуда стали вести партизанскую войну, совершая грабительские рейды на близлежащие местности.⁵⁸ Во время трехлетнего отсутствия Феодосия, у правительства не было достаточных сил, чтобы справиться с этими варварами. Согласно сообщению Зосима, опасность их набегов была столь велика, что когда император вернулся на Восток, то он решил в дальнейшем отказаться от какого-либо участия в войнах.⁵⁹ В конечном итоге Феодосию так окончательно и не удалось стабилизировать положение на Балканах, и Иероним в 396 г. с горечью пишет о том, что война в этом регионе не прекращается уже в течение 20 лет.⁶⁰

Произвол готских солдат Феодосия по отношению к местному населению и их пренебрежительное отношение к солдатам-римлянам были причиной многих кровопролитных конфликтов. Так в 380 г. в городе Филадельфия в Лидии солдаты-готы отказались платить на рынке за купленные ими товары. Возмущенные их наглостью, находившиеся здесь же солдаты египетского гарнизона набросились на варваров и перебили более 200 человек.⁶¹ Геронтий, командир гарнизона города Томы, расположенного в провинции Скифия, заподозрил, что готовы, стоявшие рядом лагерем, посыплюют о том, чтобы захватить город. Геронтий напал на варваров со своими солдатами и всех их уничтожил.⁶² В 387 г. один готский солдат был обвинен в нарушениях, допущенных при разда-

че хлеба населению Константинополя. Он был убит разъяренной толпой, а труп его был выброшен в море. Феодосий угрожал за это лишить город хлебных раздач, однако, в конце концов, даровал жителям свое прощение. Либаний говорит, что самым опасным последствием этого инцидента было спровоцировать готов, намекая на то, что сам император рискует отныне стать пленником столь обременительных и опасных союзников.⁶³ Таким образом, становится абсолютно ясно, что спустя всего 5 лет после заключения Феодосием договора с готами, надежды на то, что их удастся мирно интегрировать в состав римской армии, полностью рассеялись в римском обществе. Это послужило причиной того, что события 375–378 гг., а также соглашения, достигнутые с готами в последующий период, стали представляться ошибочными и губительными для империи. Именно в это время Аммиан Марцеллин и публикует свою «Историю», в которой с горечью упрекает римские власти, позволившие варварам переправиться через Дунай. Писавший в те же самые годы Сульпиций Север, скорбит по поводу того, что на римской земле принимают людей, который лишь делают вид, что они покорны и что в римской армии и в римских городах находятся варвары, не желающие принимать римские обычай.⁶⁴

В 399 г. Синезий в своем трактате «О царстве», посвященном императору Аркадию, без всякого стеснения критикует политику Феодосия по отношению к готам.⁶⁵ Синезий предлагает не полагаться на варваров, но снова придать армии национальный характер и призывать на военную службу рекрутов-римлян, и не допустить того, чтобы готы стали однажды господами граждан.⁶⁶ По мнению автора трактата варвары должны находиться в крепостном состоянии, либо быть изгнанными из империи.⁶⁷ Однако подобные призывы в государстве, утратившем всякий контроль над иммиграцией и подвергвшемся чудовищному прессингу извне были уже бесполезны.

Тем не менее, события, ознаменовавшие начало V в., потребовали от константинопольского правительства радикального изменения своей политики в отношении варваров. В 400 г. во Фригии поднял восстание Трибигильд, который командовал варварскими войсками, размещенными здесь Феодосием.⁶⁸ Через некоторое время на его сторону открыто перешел со своими военными силами магистр армии (*magister militum*) Гайна. Вожди мятежников потребовали, чтобы император Аркадий сам лично явился к ним для переговоров. У Аркадия не было под рукой никакой вооруженной силы, поэтому он вынужден был прийти на встречу с вождями варваров и пообещать выдать им всех высокопоставленных сановников империи, которые вызвали их неудовольствие.⁶⁹ После достигнутого успеха Гайна наводнил Константинополь своими готами, уже намереваясь захватить столицу. Однако в городе произошло восстание местного населения, в результате которого 7 000 варваров были жестоко умерщвлены.⁷⁰ Гайна бежал за Дунай, где его войска были окончательно разбиты гуннами Ульдина, а сам он погиб (401 г.).⁷¹

Именно эти события окончательно развеяли иллюзии правящих кругов империи в отношении варваров. В Константинополе осознали, наконец, какую опасность представляет собой компактное поселение больших масс варваров на римской территории, и какие трагические последствия может иметь массовое инкорпорирование варваров в состав римской армии. В 409 г. римские войска захватили большое количество скиротов, которые все были отправлены в Константинополь. Правительство приняло решение расселить их малочисленными группами по разным удаленным от дунайской границы провинциям. Согласно Созомену, некоторые из пленных были проданы в рабство за ничтожную цену богатым латифундистам, а некоторые были отданы им задаром. В последнем случае пленники становились колонами, прикрепленными к земле. Императорский указ от 409 г. запрещал уводить их или принимать бежавшими; запрещалось также

селить скиротов во Фракии или Иллирике; им запрещалось появляться в Константинополе, или где-нибудь в Европе и они должны были быть отделены морем от известных для себя мест обитания. Многие из скиртов были поселены в Вифинии, возле горы Олимп. По сообщению Созомена, который видел их сам, они жили разобщенно и обрабатывали окрестные поля.⁷² Чтобы избежать проникновения скиртов в армию, указ освобождал их от конскрипции на двадцатилетний срок.⁷³ Это постановление показывает, что правительство не рассматривало более варваров как ресурс для пополнения армии.⁷⁴

Неспособность восточного правительства создать в придунайском регионе *praefecturae Gothorum*, подобных префектурам сарматов, которые были созданы в Италии и Галлии, имела в недалеком будущем самые печальные последствия. Привлечение беспрецедентно больших масс варваров в регулярные воинские подразделения могло, в конце концов, закончиться тем, что армейские традиции взяли бы верх и готы превратились бы в вполне обычных римских солдат. Однако Феодосий не ограничивался тем, что включал варваров в регулярную армию. Он постоянно прибегал к услугам наемников, подчинявшихся своим племенным вождям, вооруженных и воюющих в соответствии со своими обычаями. С одной стороны, в этом не было ничего нового. Во время больших кампаний варвары неизменно оказывали военную помощь римской армии. Однако ранее такие отряды носили временный характер и после окончания похода уходили к себе на родину. При Феодосии сложилась ситуация, когда количество наемников не только чрезмерно возросло, но и находились они постоянно на римской территории, и после прекращения военных действий не желали складывать оружие.

В письменных источниках, относящихся к этому периоду, очень четко прослеживается противопоставление римских солдат и наемников-варваров на римской службе. Хотя основная масса рекрутов, попадавших в армию, была варвар-

ского происхождения, однако прежде чем стать солдатами, все они проходили курс обучения, в соответствии с правилами римской военной науки, получали обмундирование и вооружение римского образца, присягали на верность римскому императору и проводили большую часть своей жизни, служа под римскими знаменами. Даже в том случае, когда варваров, переселявшихся или депортированных в империю, не включали в состав уже существовавших регулярных подразделений армии, а создавали из них отдельные отряды, получавшие статус регулярных, эти вновь сформированные части находились под контролем римских офицеров и подчинялись всем требованиям, которым должны были подчиняться римские солдаты.

Утрата правительством контроля над иммиграцией варваров в империю, и нежелание как включать их в состав римских регулярных подразделений, так и создавать из них отдельные регулярные воинские части, привели к тому, что на территории римских пограничных провинций появились практически автономные вооруженные формирования, не имевшие какого-либо определенного статуса. В действительности это были банды наемников, готовых предложить свои услуги либо законному императору, либо узурпаторам различного толка или, наконец, высокопоставленному военачальнику, окружавшему себя личной гвардией. В дальнейшем существование таких банд будет юридически оформлено, и они получат название *федератов* (*foederati*).⁷⁵

Использование большого количества варваров приобрело особенно широкий размах в последние годы правления Феодосия. Это было вызвано, главным образом, необходимостью вести войны с правителями Западной империи. Эпиграфические источники свидетельствуют, что во время войны с Евгением восточная армия включала в себя большое число регулярных частей. Однако отличительной ее особенностью было огромное количество «союзников» – варваров, живших

по ту сторону Дуная.⁷⁶ Иордан утверждает, что только одних готов за Феодосием последовало более 20 000 человек.⁷⁷

Похоже, что после смерти Феодосия численность регулярной армии Восточной империи катастрофически уменьшилась, а основная часть вооруженных сил состояла из варваров. Даже те войска, которые находились вблизи столицы под командованием магистра армии Гайны, состояли из чужеземных наемников, прибывших вместе со своими семьями и желавших поселиться в империи. В Малой Азии не было никаких крупных военных группировок кроме размещенных здесь варваров под командованием Трибигильда. Когда последний поднял восстание, то не нашлось никаких войск, чтобы противостоять ему. Если верить утверждению Зосима, то мятежникам было достаточно направиться через Фригию в Лидию, чтобы опустошить Ионию и разорить весь Восток вплоть до Египта, поскольку не было никакой силы способной сдержать их.⁷⁸ Местным жителям пришлось защищать себя самим. Во главе ополченцев встал некий Валентин, который, собрав рабов и крестьян, устроил варварам засаду, и почти всех их уничтожил. Спасти удалось только 300 человек под командованием самого Трибигильда, благодаря тому, что они подкупили гарнизон, охранявший ущелье, возле которого и произошло сражение.⁷⁹ Единственная армия, которая, как кажется, состояла из солдат регулярных подразделений, была армия прибывшего в Малую Азию магистра Льва. Однако Лев оказался неспособным полководцем, войска которого скоро были полностью уничтожены, а сам он убит во время бегства.⁸⁰

Уход готов на Запад избавил Восточную империю от необходимости прибегать к услугам столь опасных союзников и положил конец стремительному превращению восточно-римской армии в ополчение, состоящее из разноплеменных варварских дружин во главе со своими вождями. Военная система, перестроившись в соответствии с новыми требованиями, продолжила свое развитие. Готы, которые в конце

IV – начале V в. образовывали военное сословие империи и занимавшие в армии все ключевые посты, в скором времени утратили свои позиции и во времена Юстиниана уже ничем не выделялись среди представителей других варварских народов, состоявших на службе у империи. Хотя отдельные офицеры готского происхождения и достигали порой высоких постов, главное командование всегда оставалось в руках римлян.

Примечания

¹ MacMullen R. Roman Government's Response to Crisis A. D. 235–337. London, 1976. P. 184.

² Piganiol A. L'Empire Chrétien... P. 412.

³ MacMullen R. Changes in the Roman Empire. Princeton, 1990. P. 49 f.

⁴ Aur. Vict., De caes., 33, 6; cf. SHA, Gall., 4; [Aur. Vict.], [Aur. Vict.] Epit., 33, 1.

⁵ Zos., I, 46, 1.

⁶ SHA, Prob., 18, 1–2; Zos., I, 71, 1.

⁷ Zos., I, 71, 2.

⁸ «...Omnis iam barbari vobis arrant, vobis iam serviunt...» (SHA, Prob., 15, 2).

⁹ Aur. Vict., 39, 43.

¹⁰ Jones A. H. M. The Later Roman Empire... Vol. II. P. 679.

¹¹ Amm., XX, 4, 4; XXXI, 10, 3.

¹² Ibid., XXVIII, 5, 4; XXXI, 10, 17; cp.: SHA, Prob., XIV, 7.

¹³ Ibid., XVII, 13, 3.

¹⁴ Ibid., XIX, 11, 7.

¹⁵ «hanc solam hodieque barbari putant esse seruandam; cetera aut in hac arte consistere omnia aut per hanc adsequi se posse confidunt» (Veg., III, 10).

¹⁶ Pan. lat., II, 32.

¹⁷ Barbero A. Barbari. Immigranti, profughi, deportati nell' impero Romano. Roma, 2006. P. 127.

¹⁸ «... золото, получаемое вместо рекрутов, часто взимается в чрезмерном количестве, и наем молодых людей из чужеземцев обходится дороже, чем это надлежит» («... aurum saepe pro corporibus inmane depositur atque advenarum coemptio iuniorum insolentius quam convenit aestimatur») (CTh, VII, 13, 7 pr.).

¹⁹ Soz., VI, 37.

²⁰ Socr., IV, 34.

²¹ «actor eius fundi, in quo alienigena vel idoneus militiae vel ante iam traditus latuerit, ultima flammarum animadversione consumatur».

²² Barbero A. Barbari... P. 203.

²³ «quae spes rem Romanam aliquotiens adgravavit» (Amm., XIX, 11, 7).

²⁴ «“Quem qui scire velit” ut eminentissimus memorat vates “Libyci velit aequoris idem discere, quam multae Zephyro truduntur harenæ.”» (Amm., XXXI, 4, 6).

²⁵ Amm., XXXI, 4, 8.

²⁶ Ibid., XXXI, 4, 12.

²⁷ Ibid., XXXI, IV, 11; Oros., VII, 33, 11; Zos., IV, 21, 6.

²⁸ Amm., XXXI, 8, 4.

²⁹ В 375 г. царю гревтунгов Витерику и его опекунам Алафею и Сафраку, а также готскому князю Фарнобию не было позволено переправиться на римскую территорию (Amm., XXXI, 4, 12 – 13). Однако осенью 377 г. Фригерид обнаружил Фарнобия уже во Фракии (Ibid., XXXI, 9, 3), а конница Алфея и Сафрака нанесла римлянам удар в тыл под Адрианополем.

³⁰ Amm., XXXI, 10, 3.

³¹ Гибbon Э. История упадка и разрушения Римской империи. СПб., 1997. Т. III. С. 209.

³² Socrat., V, 1.

³³ Liban., Or., XXIV, 15.

³⁴ Them., Or. XIV, 181b.

³⁵ Pan. lat., II, 32–33.

³⁶ Zos., IV, 45, 3.

³⁷ Barbero A. Barbari... P. 154, n. 23.

³⁸ Claud., IV, Cons. Hon., 485–487.

³⁹ Claud., IV, In Eutr., I, 381–383. Впрочем, А. Барбера предполагает, что для столь позднего периода утверждение, что варвары вступают в римскую армию и подвергаются романизации стало уже риторическим топосом все менее и менее соответствующим реалиям своего времени (Barbero A. Barbari... P. 153).

⁴⁰ Barbero A. Barbari... P. 153, n. 22.

⁴¹ Eunap., fr. 45, 3.

⁴² Zos., IV, 25, 2.

⁴³ Jordan., 142

⁴⁴ Jordan., Getica, 145.

⁴⁵ Zos., IV, 34, 6.

⁴⁶ Barbero A. Barbari... P. 149.

⁴⁷ Barbero A. Barbari... P. 219.

⁴⁸ Zos., IV, 34, 5–6.

⁴⁹ Zos., IV, 35, 1.

⁵⁰ Zos., IV, 38–39; Claud., De quattro consulatu Honorii, v. 619–637.

⁵¹ Ibid., IV, 30, 1.

⁵² Ibid., IV, 31, 1.

⁵³ Zos., IV, 30, 2.

⁵⁴ Ibid., IV, 31, 2–5.

⁵⁵ Ibid., IV, 33, 1–2.

⁵⁶ Ibid., IV, 33, 3.

⁵⁷ Ibid., IV, 45, 3.

⁵⁸ Ibid., IV, 48, 1.

⁵⁹ Ibid., IV, 50, 1.

⁶⁰ «Более двадцати лет, как между Константинополем и Юлиевыми Альпами почти ежедневно проливается римская кровь. Скифию, Фракию, Македонию, Дарданию, Дакию, Фессалию, Ахайю, Эпире, Далмацию, и все Паннонии, готы, сарматы, квады, аланы, гунны, вандалы, маркоманы опустошают, растаскивают, грабят» («Viginti et eo amplius anni sunt, quod inter Constantinopolim et Alpes Iulias cottidie fere Romanus sanguis effunditur. Scythiam, Thraciam, Macedoniam, Dardaniam, Daciam, Thessaliam, Achaiam, Epiros, Dalmatiam cunctasque Pannonias Gothus, Sarmata, Quadus,

Alanus, Hunni, Vandali, Marcomanni vastant, trahunt, rapiunt») (Hieron., Epist., LX, 16).

⁶¹ Zos., IV, 30, 4–5.

⁶² Ibid., IV, 40, 1–5.

⁶³ Lib., Or., XIX, 22; XX, 14.

⁶⁴ Sulp. Sev., Chron., II, 3, 6.

⁶⁵ Syn., De Regno, 14.

⁶⁶ Ibid. De Regno, 19.

⁶⁷ Ibid. De Regno, 21.

⁶⁸ Zos., V, 13, 2.

⁶⁹ Ibid., V, 18, 6–9.

⁷⁰ Ibid., V, 19, 4.

⁷¹ Ibid., V, 22, 3.

⁷² Soz., IX, 5.

⁷³ CTh, V, 6, 3.

⁷⁴ Barbero A. Barbari. P. 225.

⁷⁵ Barbero A. Barbari... P. 228, n. 14.

⁷⁶ Socr., V, 25; Soz., VII, 24.

⁷⁷ Jord., 145; cf. Oros., VII, 35, 17

⁷⁸ Zos., V, 15, 4.

⁷⁹ Zos., V, 15, 5.

⁸⁰ Claud., In Eutr., II, 432–461. Зосим говорит, что Гайна отправил Льву под видом вспомогательных отрядов своих готов, которые должны были повсюду нападать на римских солдат и опустошать страну (Zos., V, 17, 1–2).

Библиография

I. Источники

Ammianus Marcellinus. Res gestae / Recensuit V. Gardthausen. Leipzig, Teubner, 1879; Аммиан Марцеллин. Римская история / Пер. Ю. А. Кулаковского, А. И. Сонни. СПб., 1994.

Claudius Claudianus. Carmina / Recensuit J. Koch. Leipzig, Teubner, 1893; *Клавдийан.* / Пер. с лат. М. Гаспарова // Поздняя латинская поэзия / Под общ. ред. С. Апта, М. Гаспарова, С. Ошерова, А. Тахо-Годи и С. Шервинского. М., 1982.

Codex Theodosianus / Ed. T. Mommsen, P. M. Meur. Berlin, Teubner, 1905.

Iordanes. Getica // MGH AA, 5, 1. Р. 53–138. Edidit Societas Aperiendis Fontibus rerum Germanicarum Medii Aevi. Berlin, 1882; *Иордан. О происхождении и действиях гетов* / Перевод Е.Ч. Скржинской. СПб., 1997.

Libanius. Orationes et declamationes / Recensuit I. Reiske. Leipzig, Teubner, 1903 – 1922; *Либаний. Речи* / Пер. с греч. С. Т. Шестакова. Т. 1–2. Казань, 1912–1916.

Notitia dignitatum / Ed. O. Seeck. Berlin. Teubner, 1876.

Orosius Paulus. Historiae adversum paganos libri VII / Recensuit C. Zangemeister. Leipzig, Teubner, 1891; *Павел Орозий. История против язычников. Книги I–VII* / Пер. В. М. Тюленева. СПб., 2001–2003.

Panegyrici Latini / Recensuit G. Baehrens. Leipzig, Teubner, 1911. Т. I–II.

Salvianus. De gubernatione dei. CSEL 8. Р. 1–200.

Scriptores Historiae Augustae / Recensuit H. Peter. Leipzig, Teubner, 1884; Властилины Рима. Биографии римских императоров от Адриана до Диоклетиана / Пер. С. П. Кондратьева под. ред. А. И. Доватура. М., 1992.

Socrates Scholasticus. Historia ecclesiastica // PG. Vol. 67. Paris, 1864; Сократ Схоластик. Церковная история / Отв. ред. Тимофеев М. А. М., 1996.

Sozomenos. Ecclesiastica Historia // PG. Vol. 67, col. 843–1630 / Hrsg. von J. Bides. Berlin, 1960.

Themistius. Orationes. Leipzig, Teubner, 1927.

Vegetius Flavius Renatus. Epitoma rei militaris / Recensuit C. Lang. Leipzig, Teubner, 1885; *Флавий Вегетий Ренат* / Пер. С. П. Кондратьева. СПб., 1996.

Victor Sextus Aurelius. Liber de Caesaribus / Recensuit F. Pichlmayr. Leipzig, Teubner, 1911; *Секст Аврелий Виктор. О цезарях* / Пер. В. С. Соколова // Римские историки IV века / Отв. ред. М. А. Тимофеев. М., 1997.

Victor Sextus Aurelius. Epitoma de Caesaribus / Recensuit F. Pichlmayr Leipzig, Teubner, 1911; *Секст Аврелий Виктор. Извлечения о жизни и нравах римских императоров* / Пер. В. С. Соколова // Римские историки IV века / Отв. ред. М. А. Тимофеев М., 1997.

Zosimus comes et exadvocatus fisci. Historia nova / Leipzig, Teubner, 1887.

II. Исследования

Barbero A. Barbari. Immigranti, profughi, deportati nell' impero Romano. Roma, 2006.

Jones A. H. M. The Later Roman Empire (284–602). Cambridge, 1980. T. II.

MacMullen R. Roman Government's Response to Crisis A.D. 235–337. London, 1976

MacMullen R. Changes in the Roman Empire. Princeton, 1990.

Piganiol A. Histoire romaine. T. IV, deuxième partie. L'Empire Chrétien (325–395). Paris, 1947.

Список сокращений

Amm. – Аммиан Марцеллин «Римская История»;
Aur. Vict. Caes. – Аврелий Виктор «Оцезарях»;
[Aur. Vict.] Epit. – Псевдо-Аврелий Виктор «Эпитома о цезарях»;

- Claud. – Клавдиан;
CTh – «Кодекс Феодосия»;
Hieron. Ep. – Иероним «Письма»;
Jord. – Иордан «О происхождении и деяниях гетов»;
Lib. Or. – Либаний «Речи»;
ND. Oc. – Notitia Dignitatum in partibus Occidentis – «Расписание должностей в западных провинциях»;
ND. Or. – Notitia Dignitatum in partibus Orientis – «Расписание должностей в восточных провинциях»;
Oros. – Павел Орозий «История против язычников»;
Pan. Lat. – «Латинские панегирики»;
SHA – Scriptores Historiae Augustae – «Писатели истории Августов»;
- Alex. Sev. – «Жизнеописание Александра Севера»;
  - Aurel. – «Жизнеописание Аврелиана»;
  - Claud. – «Жизнеописание Клавдия»;
  - Prob. – «Жизнеописание Проба»;
- Socrat. – Сократ схоластик «Церковная история»;
Soz. – Созомен «Церковная история»;
Them. Or. – Фемистий «Речи»;
Veg. – Вегетий «Краткое изложение военного дела»;
Zon. – Зонара «История»;
Zos. – Зосим «Новая история»;

Березкин А.В., Крицкая С.Ю.

Receptio praeiudicij iuris romani:
Нетипичное средство судебной практики¹

«Путь, по которому пошло
древнее римское право, путь
юриспруденции вообще, в такой
же малой степени можно считать
римским, как и тот путь,
которым пошли в математике
Эвклид и Архимед, можно
считать чисто греческим путем...
На самом деле юрист на
отдельном праве изучает не
только это право, но вместе с
тем и право вообще, точно так
же, как тот, кто изучает один
язык научным образом, вместе с
тем получает представление о
сущности, законах языка
вообще».

R. v. Jhering. Der Geist des
römischen Rechts auf den
verschiedenen Stufen seiner
Entwicklung.

Многообразие правовых систем в современном мире тре-
бует от юриспруденции как научного знания сравнительной
их систематизации и классификации, а для того, чтобы срав-
нивать между собой различные правовые явления, необхо-
димо установить ту пространственно-временную систему ко-

ординат, в пределах которой будет проведен анализ. Следовательно, сравнительно-исторический подход к объяснению юридических фактов — основа основ правовой компаративистики. Однако общая для нашего века болезнь — профессиональная узость — приводит к тому, что юристы едва осведомлены об исторических событиях, а историки вольно обращаются с правовыми реалиями. Так, заместитель председателя Комитета Совета Федерации по правовым и судебным вопросам, полномочный представитель Совета Федерации в Верховном Суде Российской Федерации А. Г. Лысков в своей статье утверждает: «Римские юристы много веков назад пришли к правовому выводу: *«Justitia regnorum fundamentum»*, что в переводе с латыни означает: «Правосудие — основа государства». Таковы ли роль и место судебной ветви государственной власти в современной России, как это понималось еще в Древнем Риме?».² Но государство в Древнем Риме называлось *res publica*, а не *regnum* — «царство», а тем более не «царства», ведь *regnorum* стоит во множественном числе *Genetivus Pluralis*. Данное выражение в римских литературных памятниках не засвидетельствовано, появляется оно в Новое Время, а источник его не установлен.³ Принцип разделение властей на ветви власти, в том числе и судебную, является порождением философии Просвещения и к римскому праву никакого отношения не имеет: римские магistrаты были наделены властными полномочиями и осуществляли одновременно и правотворчество, и административное правоисполнение, и судопроизводство.

В свою очередь, историки сами признают, что нередко игнорируют сущность права, несмотря на то, что в конкретных случаях знание юридических категорий является их прямой обязанностью. Так, признавая явные ошибки, допускаемые историками при переводе памятников римского права, ответственный редактор издания *Дигест*, историк Л.Л. Кофанов, известный публикацией в России римских источников, в 2002 г. отметил в своем выступлении на IX Коллокви-

уме романистов Центральной и Восточной Европы и Азии в г. Нови Сад: «В целом, историки долгое время порой недооценивали необходимость глубоких знаний самого римского права, поэтому они не всегда правильно интерпретировали язык римских юридических понятий и терминов... Переводы историков также не всегда отличаются точностью, что часто связано с недостаточным знанием римского частного права...»⁴ Эта характеристика, которую можно отнести к большинству историков, использующих правовые памятники в качестве иллюстраций своих построений, неприменима к, пусть и немногочисленной, группе историков, сумевших в своих исследованиях раскрыть во всем блеске обе ипостаси — историка и юриста. К их числу, несомненно, принадлежит и профессор Галина Евгеньевна Лебедева. Ее историко-правовые исследования отличают тщательный анализ текстов источников права и адекватное понимание правовых категорий. Нижеследующие заметки являются данью признательности Галине Евгеньевне как ученому, тонко чувствующему материю права.

Тот факт, что континентальные правовые системы, в том числе и российская, испытали на себе влияние римского права, не вызывает сомнений у большинства зарубежных и отечественных исследователей. Однако характер этого влияния, его интенсивность и значимость для отдельных отраслей права нередко вызывает споры.⁵

Юлиус Барон, известный немецкий цивилист XIX в., рассуждая о практике и научном праве, заметил: «Самые важные проявления научного права — *praeiudicia* и *communis doctorum opinio*. Под преюдицией разумеют в данном случае мотивированное научно-правовыми основаниями судебное решение прежнего случая, тождественного или сходного с тем случаем, который представлен на решение судьи теперь. Под *communis doctorum opinio* разумеют мнения, общепринятые в сфере ученых-юристов».⁶

Эти слова не потеряли своего значения и в наши дни, более того, в последнее время все большую актуальность⁷ приобретает конкретный порядок осуществления юридической деятельности, относящийся к такому феномену права, как преюдиция, и реализующийся через процесс судопроизводства в качестве нетипичного правового средства.⁸ Анализ преюдиции, сравнение с преюдициальными отношениями в других правовых системах — это все поможет лучше теоретически понять и практически оценить основные тенденции развития мировой судебной практики, поскольку, в связи с интеграцией России в европейское юридическое пространство, «законодатели и судьи обращаются к разным юрисдикциям за помощью или за прямым заимствованием».⁹

Сравнительная молодость для нашей страны этой теоретической и практической сферы правоотношений, специфика национального законодательства и судебной системы, недостаток литературы по кругу проблем, связанных с нетипичными правовыми средствами, в частности с преюдицией, а также отсутствие единого подхода у российских юристов к преюдиции и преюдициальности правовых актов обусловили необходимость как изучения истоков возникновения преюдиции в римском праве, которое для континентального права является той универсальной системой, что постоянно подвергается рецепции, так и ознакомления с зарубежным опытом использования преюдиции в современных условиях, например, в Королевстве Дания.

Государство предоставляет гражданам возможность судебной защиты нарушенных или оспариваемых гражданских прав, причем перечень способов защиты (ст. 12 ГК РФ)¹⁰ в дополнении к перечисленным может быть расширен за счет «иных способов, предусмотренных законом».

Установления компетентным судом в предписанной законом форме достоверного знания о фактических обстоятельствах спорного правоотношения, адекватного реально-

сти, реализуется в вынесении обоснованного решения — судебного акта, «где содержание правоприменительного решения выражено в виде документально оформленного, обязательного для конкретных адресатов индивидуально-определенного предписания»¹¹, и который является одной из форм проявления правовой жизни общества. Для оптимального выполнения судами своих функций необходимо избегать повторного рассмотрения дел, по которым уже были приняты соответствующие решения, поскольку это усложняет осуществление правосудия и приводит к бесцельному расходованию ценных ресурсов судебной системы и наносит удар по авторитету судебной власти.

В этом случае использование преюдиции как правового «рабочего инструмента судебной деятельности»¹², поможет избежать многих проблем. Поскольку, в отличие от официальных форм выражения и закрепления правовых норм, действующих в государстве, или типичных источников права, правовые положения процессуального характера, связанные с реализацией властных полномочий суда и выраженные в актах судебной деятельности, являются нетипичными правовыми средствами, выполняющими субсидиарную роль в правовом регулировании общественных отношений.¹³ Наряду с дефинициями, презумпциями, фикциями, техническими регламентами и другими нетипичными правовыми предписаниями, судебные преюдиции обладают элементами обобщения жизненных ситуаций, общепризнанности и обязательности, влекут за собой строго определенные юридические последствия.

Работ, посвященных анализу преюдиции немного¹⁴, хотя упоминания о преюдициальных отношениях в разных сферах юридической деятельности встречаются довольно часто, начиная с Т. Моммзена.¹⁵

Сохранилось документальное свидетельство о применении преюдиции в римском праве: это — фрагмент таблицы,

содержащий текст 2 законов, принятых и для Рима, и для муниципий Октавианом Августом предположительно в 17 г. до н.э., и которые, по сути, заменили кодексы процессуального уголовного (*lex Iulia iudiciorum publicorum* — «юлианов закон о судопроизводстве в публичном праве») и гражданского права (*lex Iulia iudiciorum privatorum* — «юлианов закон о судопроизводстве в частном праве»)¹⁶, так как детально регламентировали формулярное (т. е. осуществляемое судьями согласно проекту решения — формуле, составленной магистратом) судопроизводство.¹⁷ В надписи сказано: SINE PRAEIVDIC... PVBLICO... AVT PRIVATORVM...¹⁸ [quod haec recusat] — « без преюдиции в публичном и частном праве нельзя вновь выносить решение».

Самые ранние из сохранившихся свидетельств — это замечания о преюдиции, преюдициальных формулах в формулярном процессе, о преюдициальных исках в трудах Цицерона и Цезаря.¹⁹ Затем встречаются единичные упоминания о преюдициальных связях в трудах Квинтилиана, Ливия, Плинния, Тацита, Сенеки, Фронтона, Курция, Светония, Мацера, Апулея, Павла, Ульпиана²⁰, но полнее всего понятие преюдиции дано в «Институциях» Гая и в «Своде римского права»²¹.

Из этих свидетельств видно, что в разные периоды становления римского права под преюдицией понимали различные правовые явления: и правовую норму, определяющую влияние окончательного судебного решения на любую последующую судебную тяжбу по тому же предмету — *res iudicata* («дело решено»), и предварительное определение, решение, направленное на установление фактического отношения, от которого будет зависеть решение другого вопроса, и так же невыгоду, которая проистекает из предварительного решения побочного процесса, принятого в ущерб одной из сторон. Поэтому определение, данное Д. Франчози, что преюдиции — «иски об установлении, без присуждения, где судья, как правило, должен был установить право какого-либо

лица»²², весьма однолинейно отражает сущность этого правового явления.

Во-первых, в двух упомянутых *leges Iuliae* Августа даются установки для создания формулы, которая является основанием для производства во второй стадии процесса — непосредственно в суде (*in iudicio*). Важнейшая часть формулы, называемая *condemnatio* («осуждение, присуждение»), по которой судья получает право осуждать или освобождать, могла отсутствовать. И.А. Покровский замечает, что «есть случаи, когда истец добивается в настоящий момент только судебного признания своего права, не требуя никакой *condemnatio* ответчика; это признание ему необходимо, по общему правилу, для того, чтобы потом возбудить целый ряд исков и, может быть, против различных лиц».²³ Такого рода иски носят название преюдициальных — *actiones praeiudiciales*. «Иногда в формуле указывалась только претензия, особенно в преюдициальных исках, например, если возник вопрос о том, свободен ли данный раб или какова величина приданного, и многие другие вопросы» (*Gaius. Inst. 4.44*).

Насколько данная преюдиция была важна, свидетельствует указание Ульпиана: «*Si qui praeiudicio pronuntietur esse libertus*» («Если в отношении кого-то (раба) будет принята преюдиция, то он объявляется свободным» (*Ulp. Dig. 2.4.8.1*)). Одной из самых востребованных преюдиций была преюдиция о признании отцовства — *praeiudicium de partu agnoscendo* (*Ulp. Dig. 6. 1. 2*), которая принималась судьями наряду с преторскими интердиктами и авторитарными решениями магистратов.

Во-вторых, поскольку нередко негативное предварительное решение, невыгодное ответчику, может повредить ему, то он может в суде возражать против такого предварительного решения — преюдиции и добиваться того, чтобы спор о более важном вопросе предшествовал спору о менее важном

вопросе, так как преюдициальное решение второстепенного вопроса могло бы оказывать отрицательное влияние на принятие решения судьей в главном вопросе (ведь он так же, как и тяжущиеся стороны уже был бы связан более ранним преюдициальным решением). Например, решение по уголовному процессу в делах, где приговором могла быть смертная казнь, предшествовало решению по процессу об имущественных спорах; решение по процессу о наследстве предшествовало решению по обязательствам. Право ноксальной выдачи (*noxae datio*) предполагало возможность домовладыке (*paterfamilias*) самому возместить ущерб, причиненный подвластным ему лицом, или выдать подвластное лицо «головой» потерпевшей стороне. Процесс по ноксальному иску (*actio noxalis*) допускал преюдицию об установлении статуса свободы (например: «Если Тиций является рабом Авла Агерия») и статуса семьи подвластного лица (например: «Если Луций является сыном Авла Агерия»). Ведь от определения статуса подвластного: сына, раба, вольноотпущенника (как либертина, освобожденного по цивильному праву, т. е. по условиям, изложенным в законе, так и либертина, освобожденного домовладыкой, скажем, на пиру (*manutissio reg mensam*), т.е. без приобретения этим либертином прав будущего гражданства), или же клиента, подвластного патрону, зависела по судебному решению и тяжесть личной ответственности виновного, причем рабы и либертины без гражданства подвергались более тяжкому наказанию, чем свободнорожденные (Gaius. 1. 41; IV. 75 sqq.).²⁴ Поэтому и истцы, и ответчики пытались минимизировать ущерб, который принесла бы им нежелательная преюдиция. Отсюда в Кодексе Юстиниана сформулировано требование: *Res inter alios acta nemini praeiudicari debet* («Решение, принятое по делу двоих, никому не должно причинять вред в качестве преюдиции») (Cod. 7. 56. 2). Адольф Бергер считает, что преюдициальные отношения могли «затемнить» процесс по принципиальным вопросам и поэтому в позднеримском праве термин преюди-

ция используется в значении «ущерб».²⁵ Ф. Дыдынский полагал, что из значения «невыгода, проистекающая из предварительного разрешения побочного процесса», следует понятие «*praeiudicalis multa* — денежный штраф, который постигает того, кто подает апелляционную жалобу на предварительное решение или определение (*interlocutio*)».²⁶

В-третьих, поскольку в римском праве неукоснительно соблюдалось процессуальное правило *bis de eadem re agere non licet*²⁷, то это обстоятельство позволяло магistrату отклонять исковое заявление как истца, так и ответчика, поскольку относительно спорной вещи уже было вынесено судебное решение или поскольку дело было доведено до *contestatio* («контестации», судебного разбирательства иска). Иногда в процессе контестации судья выносил преюдицию об уже имевшейся юдиции (*iudicio*) — решению по делу, связанному с данной вещью, или отсыпал к преюдициальному постановлению по данному делу. Так как судья в качестве мотивированной части своего решения мог использовать преюдицию другого судьи, то А. Н. Брайан-Браун сделал вывод о том, что преюдицию можно рассматривать как «решение, которое следует взять за образец в последующих делах, или прецедент».²⁸

На наш взгляд, это довольно смелое предположение, поскольку в самом римском праве понятие судебного прецедента было не развито.

Кроме того, термин преюдиция в позднеримском юстиниановом праве приобрел еще значения «предубеждение» и «преимущество» (Codex Iustinianii 10. 31.). Своебразным отголоском этого «нового» понимания преюдиции может послужить выступление знаменитой американской певицы — soprano Джесси Норман по поводу предубеждения (*the decision to pre-judge Simpson*) суда белых в виновности афроамериканского спортсмена О. Дж. Симпсона, обвинявшегося в убийстве своей жены.²⁹

Многоаспектность применения преюдиции в римском праве очевидностью доказывает, какое значительное место занимала преюдиция в процессуальном праве римского государства.

Несомненно, что формирование национальной правовой системы в Дании, традиционно относящейся к романо-германской правовой семье³⁰, шло под влиянием как старо-германского, так и римского права. В настоящее время принято говорить о «Nordic Legal Family»³¹ (т.е. нордической правовой семье), название которой на русский язык переводят по-разному: североевропейская³², северная или скандинавская.³³ правовая семья, объединяя посредством терминов geopolitiki правовые системы Дании, Норвегии, Швеции, Норвегии, Финляндии, Исландии, хотя географически Дания и Исландия находятся вне Скандинавского полуострова. Датское королевство, одно из древнейших государств на территории Европы, в ныне действующей Конституции, принятой в 1953 г., определяется как конституционная монархия. Конституция закрепляет принцип разделения властей, объявляя, что судебная власть принадлежит Верховному суду, состоящему из 15 судей, и нижестоящим судам³⁴ (т.е. двум апелляционным судам восточных и западных земель и 84 общих юрисдикций), причем в Гренландии и на Фарерских островах существуют свои собственные судебные системы, что и отражено в дополнениях к этому акту.³⁵

Современная система гражданских процедур датского права стоит на тех же основаниях признания преюдиции как предварительного процесса, что и римское право³⁶, то есть, на признании процесса, который имеет целью не присуждение противной стороны, а только признание или непризнание какого-либо правоотношения или фактического события и от решения которого зависят все последующие, связанные с ним вопросы и процессы. Таким образом, датскими судами самой преюдиции отводится роль вспомогательного (*supplementary*) средства правового регулирования, носящего поднорматив-

ный характер, поскольку судебная преюдиция создается в пределах конкретной судебной деятельности и с необходимости учитывается в последующем судопроизводстве.³⁷ Интересно, что датская юридическая доктрина стоит на позиции, что преюдиция судебного решения в отношении иска истца не сопряжена с преюдицией отдельных оснований для такого иска. Например, если иск направлен на раздел совместной собственности *condominium*, который можно требовать от любого участника кондоминиума, то преюдиция будет состоять в судебном определении долей этой собственности согласно факту владения, а не на основании определения законности прав совладельцев или правового режима управления этой собственностью.

Р.В. Миллар писал о том, что «Датский Кодекс» (Lov om Rettens Pleje) не содержит четко заявленного определения предмета преюдиции. Основная доктрина, однако, остается существенным образом той же, что характерна для континентальной правовой системы. Для того чтобы судебное решение, касающееся рассматриваемых юридических отношений, получило статус преюдиции, необходимо, чтобы эти юридические отношения были реально отражены в судебном решении. Акцент, таким образом, ставится на сделанном судебном заключении, хотя и основания для его вынесения также обладают определенной степенью важности, особенно, когда они служат для объяснения заключения. Как правило, это правовое отношение, которое составляет отправную точку для принятия судебного решения, как, например, предложение со стороны суда относительно заявления истца, что он имеет право на вещь в качестве наследника или владельца,³⁸ суд принимает в качестве основания для своего суждения».

Однако (и здесь Миллар не точен) датские законы дают ясное определение преюдиции, называемой *præjudikat*³⁹, которая является формой судебского права, хотя и не имеющей обязывающей силы, но отражающей юридически установленные и иные общеизвестные жизненные факты. То есть,

с нашей точки зрения, это — достаточно широко применяемое, особенно в частноправовых случаях, нетипичное правовое средство судебной деятельности.

Юзеф Лукофский считает, что «наличие преюдиции, полагаемой как первоначальное решение суда, функция которого состоит в предназначении (насколько это возможно) быть моделью для последующего решения (as a prior decision which functions (at least potentially) as a model for later decision)» сильно тормозит развитие в датском праве precedента по типу общего права, так как в понимании судей преюдиция уже по своей природе наделена *præjudikatvirkning* — «более сильным потенциальным прецедентным эффектом (the stronger potential precedential effect of the decision)». Более того он полагает, что правило precedента с его обязательным для определенного типа судов характером не приживается на датской почве из-за того, что «последующий суд сам решает, какое решение предыдущего суда следует признать имеющим отношение к делу (the court itself considers the decision to be relevant)».⁴⁰

В датской юриспруденции закрепилось мнение, что преюдиция прилагается только к утвердительному решению по гражданскому иску и только в объеме, в котором иск был заявлен, поэтому преюдиция судебного решения не может расширяться за пределы, обозначенные в иске, с одной стороны, и выраженные в тексте самого решения, с другой стороны. Соответственно, решение преюдициального вопроса не становится автоматически преюдицией, так как основывается принципиально на основании, что стороны не искали окончательного судебного решения в отношении своего спора, и что у суда не было цели дать окончательное обязывающее предписание по данному вопросу. Однако, если преюдициальный вопрос встает нераздельно с иском истца таким образом, что он формирует часть иска и именно в этом смысле он рассматривается судом, преюдиция расширяется и до охвата всего круга вопросов, например, иск, в ходе которого хотят полу-

чить решение о том, что истец является наследником своего отца, также включает в себя иск о признании легитимности самого факта рождения истца от наследодателя, на основании чего признается и законность наследования.

В уголовном судопроизводстве преюдиция представлена незначительно и в основном опирается на закон, который регулирует случаи, когда доказывание не имеет места в судебных слушаниях, ввиду того, что противозаконное поведение доказано.

В российском процессуальном праве преюдиция занимает намного более скромное место. Под преюдицией в отечественной юриспруденции чаще всего понимается комплекс обстоятельств (юридических фактов и правоотношений), которые не нуждаются в доказывании, поскольку они установлены вступившим в законную силу судебным актом по ранее рассмотренному делу.⁴¹

Урегулированный нормами процессуального права ход установления истины путем перехода от вероятных суждений к достоверным утверждениям, подтверждающим или опровергающим существование искомых фактов, представляет собой судебное или процессуальное доказывание. Однако есть две разновидности фактов, которые не нуждаются в доказывании, так как по решению суда они устанавливаются как истинные. Во-первых, это факты, признанные судом как общизвестные или широкому кругу лиц (объективное условие), или всем членам суда (субъективное условие), а во-вторых, факты совершения действий физическими или юридическими лицами или совершения действий конкретным виновным лицом, которые установлены вступившим в законную силу приговором суда, решением суда общей юрисдикции или арбитражного суда, и которые носят название преюдициальные факты.⁴²

В отечественной юридической литературе во многих работах даются различные толкования процессуальных норм,

в том числе и норм о преюдиции, однако специальных работ, непосредственно посвященных исследованию преюдиции, не так много.⁴³ Поэтому большой интерес вызывает монография А.М. Безрукова «Преюдициальная связь судебных актов», в которой дано комплексное исследование преюдиции как процессуального явления.⁴⁴ Действующее процессуальное законодательство создает нормативную базу для применения преюдиции в судебной практике. Однако, в отличие от римского права, где преюдиции чаще всего применялись в процессах по частному праву и реже — по публичному, в российской правовой системе преюдиция формально зафиксирована только в Уголовно-процессуальном кодексе РФ (УПК РФ) в части первой, главе 11 «Доказывание», статье 90, которая так и называется — «Преюдиция»: «Обстоятельства, установленные вступившим в законную силу приговором, признаются судом, прокурором, следователем, дознавателем без дополнительной проверки, если эти обстоятельства не вызывают сомнений у суда. При этом такой приговор не может предрешать виновность лиц, не участвовавших ранее в рассматриваемом уголовном деле». Таким образом, преюдиция в уголовном процессе соответствует тем признанным обстоятельствам, которые установлены приговором, вступившим в законную силу. Оправдание или вторичное доказывание этих обстоятельств отвергаются, и судье, рассматривающему иное уголовное дело, достаточно сослаться на уже имеющийся законный судебный акт.

В гражданском судопроизводстве, несмотря на то, что термин «преюдиция» в тексте Гражданского процессуального кодекса РФ (ГПК РФ) отсутствует, тем не менее, в статье 61 «Основания для освобождения от доказывания» существует сам « дух преюдиции»: «Обстоятельства, установленные вступившим в законную силу судебным постановлением по ранее рассмотренному делу, обязательны для суда. Указанные обстоятельства не доказываются вновь и не под-

лежат оспариванию при рассмотрении другого дела, в котором участвуют те же лица».

Довольно странное толкование преюдиции дает Н.А. Колоколов: «...для упрощения задач управлеченческого характера, а именно для скорейшего умиротворения общественного сознания, такая правовая конструкция, как преюдиция судебного решения перед иными актами управления, оказалась жизнеспособной и совершенно необходимой. Иными словами, реальное установление истины судом вовсе не обязательно (!!), просто для достижения конкретных управлеченческих целей все готовы согласиться, что юридический факт установлен судом».⁴⁵ Получается, что преюдиция — это некий акт управления, но почему-то установленный судом, который при этом вовсе не должен устанавливать реальный факт и выяснить истину. Вероятно, автор путает преюдицию как правовое предписание с некоторой предварительной договоренностью сторон о том, что для общего блага лучше было бы отказаться от судебного разбирательства.

Ясно, что с датским правом преюдицию в российском праве объединяет только одно: и в том, и в другом случае это — правовая норма, устанавливающая пределы влияния конечного судебного решения на любое последующее судебное дело по тому же предмету и кругу лиц, участвовавших в ранее проведенном процессе. Однако намечающаяся интеграция правовой системы Российской Федерации в общемировое юридическое пространство потребует унификации процессуальных норм и транспозиции их в основном из континентальной правовой системы и системы общего права, а следовательно рецепция римского права в сфере судебной практики будет продолжаться. Перефразируя слова Горация из «Науки поэзии», можно сказать применительно к римскому праву:

Vos exemplaria Romana
Nocturna versate manu, versate diurna
Вы творения римлян
Ночью и днем листайте неустанной рукой!

Примечания

¹ Работа выполнена в рамках проекта РГНФ № 08-03-00420а.

² Лысков А.Г. Curantes jura juvant (законы помогают тем, кто о них заботится) // Российское правосудие. 2006. № 1. С. 28.

³ Бабичев Н.Т., Боровский Я.М. Словарь латинских крылатых слов. М., 1988. С. 399.

⁴ Цит. по: Тузов Д. О. Категории римского права в русском изда-
нии Дигест Юстиниана // Журнал российского права. 2007. № 6.
С. 44.

⁵ Обзор разных точек зрения см.: Салогубова Е.В. Элементы рим-
ского права в российском судопроизводстве X–XVII вв. // Древнее
право. 1999. № 1. С. 173–179; Летяев В.А. Необходимость и доста-
точность рецепции норм римского права в России XIX–XX в. //
Древнее право. 2000. № 1. С. 194–202; Kremer D. Ius Latinum: le
concept de droit latin sous la république et l'empire. Paris, 2007.

⁶ Барон Ю. Система римского гражданского права: В 6 кн. СПб.,
2005. С. 67–68. Восходит praeiudicium к предлогу, перешедшему
в приставку, rgaе — «до, перед, заранее, предварительно» и гла-
гольному корню iudic- «судить», который дал такие слова, как
iudex — «судья», iudicium — «судопроизводство», iudicio — «суд»,
«судебное решение», iudicare — «судить», и обозначает «предва-
рительное судебное решение».

⁷ Актуальность обусловлена принятием Концепции федеральной
целевой программы «Развитие судебной системы России» на 2007–
2011 годы. Утверждена Распоряжением Правительства РФ от 4 ав-
густа 2006 г. № 1082-р. // СЗ РФ. 2006. №33. В последнее время
ведется жаркая полемика по поводу использования понятия «пре-
юдиция» для решений Конституционного Суда. См.: Лазарев Л.В.
Конституционный Суд России и развитие конституционного пра-
ва // Журнал российского права. 1997. № 11. С. 4–5; Белкин А.А.
Источники права и судебная практика в Российской Федерации
// Ученые записки Института права Санкт-Петербургского уни-
верситета экономики и финансов. СПб., 2001. Вып 8. С. 10–11.

⁸ Смирнова М. Г. Правоположения судебной практики как нети-
пичный источник права // Ленинградский юридический журнал.
2006. № 1(5). С. 58.

⁹ См.: рецензию К.Ф. Загоруйко на работу Орюкю Е. Право как транспозиция // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 4: Государство и право. Реферативный журнал. ИНИОН РАН. 2003. № 1. С. 23. В последнее время термин рецепция все чаще заменяется на термин транспозиция, что оправдано для английского языка, где *reception* приобрело очень много значений в самой юриспруденции: усвоение римского права, прием, получение, слушание показаний, поступление в тюрьму, борстал по осуждению или приговору и т. п. (См.: Новый англо-русский юридический словарь. Киев, 1993. С. 207). Однако этого не скажешь о русской юридической терминологии, где рецепция прочно связана с римским правом и новых значений не приобрело (См.: Толковый словарь русского языка конца XX в. Языковые изменения. СПб., 2002.).

¹⁰ Здесь и дальше ГК РФ — Гражданский кодекс Российской Федерации, ГПК РФ — Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации, АПК РФ — Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации, УПК РФ — Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации.

¹¹ Сапун В.А. Правоприменительная деятельность: Особенности и структура // Ленинградский юридический журнал. 2005. № 3 (4). С. 189–190.

¹² Шопина О.В. Понятие, признаки и системные связи правовых актов // Ленинградский юридический журнал. 2006. № 2 (6). С. 36.

¹³ Апт Л.Ф. Нетипичные предписания в федеральном законодательстве // Ленинградский юридический журнал. 2008. № 3(13). С. 54–70.

¹⁴ Pissard H. Les questions préjudiciales en droit romain. Paris, 1907; Millar R. W. The Premises of the Judgment as *res judicata* in Continental and Anglo-American Law // Michigan Law Review. 1940. V. 39. No. 1. P. 1–36.; Podgers J. Prejudgement Interest Held Available in DC-10 Suits // American Bar Association Journal. 1980. V. 66. Issue 2. P. 137–139.

¹⁵ Mommsen Th. Römisches Strafrecht. Berlin, 1899. S. 367 etc.

¹⁶ Бартошек М. Римское право: Понятия, термины, определения. М., 1989. С. 191.

¹⁷ Несмотря на то, что закон Эбуция (ок. 130 г. до н.э.) декларировал введение формуллярного процесса, однако еще долгое время продолжал действовать легисакционный процесс. См.: Гарсиа Гарридо М. Х. Римское частное право: Казусы, иски, институты. М., 2005. С. 183.

¹⁸ Corpus Inscriptionum Latinarum. V. 14. No. 4704.

¹⁹ Oxford Latin Dictionary. Oxford, 1968. P. 1453.

²⁰ Berger A. Encyclopedic Dictionary of Roman Law. N. Y., 1953. P. 347, 475, 486, 512–513, 644.

²¹ В словаре: Дыдынский Ф. Латинско-русский словарь к источникам римского права. М., 1997. С. 427–428 цитаты приведены только из *Institutiones Gai* и *Corpus iuris civilis*.

²² Франчози Д. Институциональный курс римского права. М., 2004. С. 97.

²³ Покровский И.А. История римского права. СПб., 1998. С. 145.

²⁴ Право ноксальной выдачи было отменено в Кодексе Юстиниана (*Inst. IV. 8. 7.*)

²⁵ Berger A. Encyclopedic Dictionary of Roman Law... P. 644.

²⁶ Дыдынский Ф. Латинско-русский словарь к источникам римского права... С. 428. Ср.: «Si iam praeiudicio senatus damnatus esset Milo» — «Если уже Милон присужден к выплате штрафа по возмещению ущерба по преюдиции сената» (*Quint. Inst. 4. 2. 25*).

²⁷ Дважды по одному и тому же делу не следует возбуждать процесс.

²⁸ Oxford Latin Dictionary... P. 1433.

²⁹ Gates Jr., Louis H. Thirteen Ways of Looking at a Black Man: on the Decision to prejudge Simpson // The New Yorker. 1995. V. 71. Issue 33. P. 33–41; Crock S. What a Supreme Court Justice Prejudges? // Business Week. 1996. Issue 3482. P. 34–36.

³⁰ Давид Р., Жоффре-Спинози К. Основные правовые системы современности. М., 2003.

³¹ Tamm D. The Danes and their Legal Heritage: Danish Law in a European Perspective. Copenhagen, 2002.

³² Леже Р. Великие правовые системы современности: Сравнительно-правовой подход. М., 2009. С. 185.

³³ Цвайгерт К., Кётц Х. Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права: В 2 т. М., 2000. Т. 1. С. 415.

³⁴ Конституции государств Европы: В 3 т. М., 2001. Т. 1. С. 751–773.

³⁵ Lov om Retterns Pleje — Акт о судоустройстве 1915 г., у которого есть несколько редакций, например, Lov om ændring af lov om retterns pleje i Grónland, Nr. 151 af 31. marts 1993; Lov om ændring af retsplejeloven, Nr. 390 af 14. juni 1995 // Justitsministeriet Retsinformation Retsplejeloven. DK041. 2009.

³⁶ Fenger O. Romerret i Norden. København, 1977. S. 4 etc.

³⁷ Gomard B. Et retspolitisk program for dommerskabt ret in Højesteret 1661–1986. Copenhagen, 1986. F. 59.

³⁸ Millar R.W. The Premises of the Judgment as *res judicata* in Continental and Anglo-American Law // Michigan Law Review. 1940. V. 39. No. 1. P. 29–30.

³⁹ Rettens kilder 54, 15, Ch. 12.

⁴⁰ Lookofsky J. Precedent and the Law in Denmark // Danish National Report. XXIIth Conference of the International Academy of Comparative Law. Utrecht, 2006. P. 1–12.

⁴¹ См.: Ярков В.В. Юридические факты в механизме реализации норм гражданского процессуального права. Свердловск, 1992.

⁴² См.: Треушников М. К. Судебные доказательства. М., 1997. С. 39 и далее.

⁴³ См.: Семенов В.М. Преюдициальное начало в советском гражданском процессе: Автореф. дисс... канд. юрид. наук. Свердловск, 1951; Штутин Я.Л. Предрешения (преюдиции) в советском гражданском процессе // Государство и право. 1956. № 5. С. 56–60; Фетисов А. К. Нормоконтроль и преюдиция // Российский ежегодник гражданского и арбитражного процесса. М., 2002. № 1. С. 323–328.

⁴⁴ Безруков А.М. Преюдициальная связь судебных актов. М., 2007.

⁴⁵ Колоколов Н.А. Термин «судебная власть»: Проблемы толкования и законодательного определения // Законодательная дефиниция: Логико-гносеологические, политico-юридические, морально-психологические и практические проблемы. Нижний Новгород, 2007. С. 185.

Старостин Д.Н.

***Regnum* и *stirps regia*: Проблемы власти и правящей династии в королевстве франков VI — первой половины VII в.**

Проблема взаимоотношений рода, семьи и династии является одной из центральных для современной оценки родственной группы, которую мы традиционно называем «Меровингами». В конце ее правления современники стали называть эту группу *stirps regia*, но сам термин «династия» (которым иногда переводится это латинское выражение), который так широко используется при описании родственных отношений между королями франков, имеет достаточно широкий спектр значений и когда историки применяют его к разным по своей структуре и характеру взаимоотношений правящим родственным группам в Средние Века, они вынуждены делать большое количество оговорок, делающих значение этого термина крайне размытым. Более того, во многих современных концепциях и определениях родственных отношений в раннем Средневековье грань между семьей и династией весьма тонка, что делает эти концепции неудобными для употребления.¹ Но современные исследования показали, что само понятие семьи для этого времени едва ли может использоваться без оговорок. В частности, нуклеарная семья оформилась как социальный феномен только в середине IX в.² Правовая же концепция семьи, которая предполагает систему норм, четко определяющих родство и правила наследования (причем не на уровне устной культуры, а как система норм, зафиксированных в нормативных текстах), появляется только в контексте роста правовой культуры в XI–XII вв., и она оформляется нормативными документами только в эпо-

ху понтификата Иннокентия III и IV Латеранского собора (1215 г.).³

В свете новых исследований, которые предложили выделять из казавшихся ранее монолитными «династий» отдельные группы родственников,⁴ вопрос о структуре взаимоотношений внутри родственной группы потомков Хлодвига становится вновь актуальным. Несмотря на солидную историографическую традицию изучения франкского королевства, вопрос о том, как лучше воспринимать Меровингов и Каролингов — как род, семью или династию — не имеет четкого ответа. И особенно много проблем возникает в связи с формированием внутри внешне однородной группы Меровингов разного рода «ветвей» и «семей», которые постепенно выделились в то, что уже можно условно назвать «династиями» внутри «рода Меровингов». И здесь хотелось бы обратиться к двум взаимосвязанным сюжетам из истории Меровингского королевства, которые позволяют понять все проблемы, связанные с употреблением исторических категорий раннего Нового времени в отношении средневековой действительности. Это сюжет роста влияния Хильперика (са. 539–584), короля Суассона, и его попыткинейтрализации влияния соперничающей семьи своего сводного брата, Сигиберта I (са. 535–са. 575) и его королевы, вестготской принцессы Брунгильды (са. 543–613). Этот эпизод, как и некоторые другие, показывает, что за терминами «семья» и «династия», часто употреблявшимися историками, стоит фундаментальная неопределенность и расплывчатость основных социальных феноменов и сложность в употреблении категорий, используемых для оценки основных тенденций развития раннесредневекового общества. В этой статье нам хотелось бы поставить вопрос и уточнить границы применимости понятий «род», «семья» и «династия» в отношении раннесредневековых родственных групп и сделать это так, чтобы лучше понять характер власти в раннесредневековых королевствах в соответствии с современными представлениями. Исследова-

ние этого вопроса не только поможет лучше понять характер взаимоотношений внутри родственной группы Меровингов, но и правильно оценить характер власти в варварских королевствах раннего Средневековья, и в особенности вопрос о соотношении государственного, личного, семейного и родового начал в королевской власти Меровингов.

В течение долгого времени концепция «династии» служила частью системы представлений о характере раннесредневековой власти, разработанной в XIX в. Г. Вайцем и Н. Д. Фюстелем де Куланжем.⁵ В этой системе представлений «династия» и «семья» обозначали прежде всего власть семейную, непубличную, еще противоположную власти государственной, т. е. такую, которая еще не прошла процесс разграничения между общественными и семейными интересами, но уже представляющий шаг вперед по сравнению с «родовым», варварским строем.⁶ Отечественные ученые в значительной степени продолжали эти тенденции, развивая концепцию романо-германского синтеза.⁷ Разрабатывая марксистскую историческую концепцию, А.Р. Корсунский выделял «большую семью» как основную единицу социума, и видел в качестве основного социального процесса выделение индивидуума из семьи.⁸ Другой отечественный специалист 1960-х гг., хотя и не обращался к тематике семьи и династии королей, в своей концепции подчеркивал сложный и комплексный характер перехода от родовых структур к структурам раннесредневековой государственности, делая упор на том, что уже к моменту прихода варваров на территорию бывших римских провинций родового строя уже практически не существовало.⁹

В современных исследованиях приход Хлодвига к власти и дальнейшее существование Меровингов как *stirps regia* рассматривается как важнейший фактор формирования франкского королевства. Но здесь между исследователями есть расхождения, хотя большинство согласны, что приход к власти Хлодвига был центральным моментом истории в ис-

тории франков. Некоторые ученые считают, что это сделало франкский *gens* (не меняя его сути позднеантичного «племени», жившего на краю имперской ойкумены) и меровингский род (не меняя его сути правящего рода франков) значимым не только для севера Франции, но и для Средиземноморья в целом.¹⁰ Эта оценка делает франков похожими на готов, у которых короли всегда избирались из балтской династии визиготов и, в меньшей степени, на остrogотов (что не исключало возможность появления у готов отдельных правителей из военных предводителей в период сумятицы в 410–418 гг.).¹¹ Но другие видят смысл этого события в том, что оно не просто подняло значимость «племени» франков, но создало из «племени» франков новую общность, в которой все постепенно стали называть себя, как и правящая элита, франками, и в которой отдельные представители Меровингов, уже не составляя «рода» в прямом смысле этого слова, стали своего рода символом королевства.¹² Не менее важный вопрос, который встает при изучении франков и при их сравнении с другими «варварами» — не создал ли образ последовательного чередования поколений и правил передачи власти в королевской династии какой-нибудь из историков с позднеантичным образованием, как это сделал Кассиодор для остrogотского рода Амалов, одному из представителю которых (а именно, Теодориху Великому) он служил?¹³ Как мы видим, вопрос о том, чем же были Меровинги и как изменились взаимоотношения внутри этой родственной группы с течением времени, является продолжением важных споров западных и отечественных медиевистов, которые, несмотря на долгую традицию исследования, не позволили сформулировать однозначное мнение по этому вопросу.

Разделы королевства между сыновьями Хлодвига (Хлотарем I, Хильдебертом I, Хлодомером и Теодорихом I) в 511, раздел в 561 г. после смерти Хлотаря I между его сыновьями (Харибертом, Гунтрамом, Сигибертом и их сводным братом Хильпериком I), казалось бы, дают возможность говорить

о том, что в Меровингской династии существовали четкие нормы и правила старшинства и наследования, разделявшимися большинством семейства, а также позволяет выделять отдельные ситуации, отличавшиеся от общего контекста, и таким образом являвшиеся нарушением этой устоявшейся нормы («раскольники», как известно, существовали всегда). Однако возникает вопрос, являются ли принципы, которые современные исследователи увидели в этих разделах, исторической реальностью, и действительно ли сами короли из рода Меровингов, или, по крайней мере, их современники рассматривали эти разделы как равноправные и легитимные. На самом деле, в нескольких поколениях Меровингов мы можем заметить особые случаи, показывающие, что для современников состав «легитимных» Меровингов и взаимоотношения между родственниками были не такими, как мы привыкли видеть. В частности, вторая половина VI в. прошла под знаком драматического противостояния между сводными братьями, сыновьями Хлотаря I, Сигебертом (королем Реймса, т.е. Австразии), и Хильпериком I, королем Суассона (еще не превратившегося в то, что мы бы могли назвать Нейстрией). В результате междуусобной борьбы за главенство Фредегонда, жена Хильперика и «королева» (как ее называет Григорий Турский) подговорила своих слуг убить Сигиберта, когда его подняло на щит войско, якобы призывавшее его быть королем.¹⁴

Григорий Турский, в деталях описывая это сюжет, не говорит прямо о причинах конфликта, но тем не менее, в других частях его сочинения можно найти пассажи, которые дают нам возможность понять, что епископ Тура мог думать о братоубийственной войне. Кажется возможным предположить, что он усматривал причину трений между различными представителями рода Меровингов в том, что во второй половине VI в. принципы раздела королевства, реализованные в разделе 511 г., были нарушены. Тогда сыновья Хлодвига Хлотарь (са. 497–561), Хильдеберт (са. 496–558), Хлодомер

(са. 495–?) и Теодерик (са. 485–533/534) получили, как считал Григорий Турский, «равные доли» с центрами в Суассоне, Париже, Орлеане и Реймсе, и что в этом «идеальном» случае каждый из сыновей получил часть, немногим отличающуюся по размеру, политической или экономической значимости от других.¹⁵ Это значит, что они признавали друг друга равными наследниками своего отца, и их сосуществование можно (с некоторой долей условности) назвать «братским правлением». Правда, в этом пассаже Григорий Турский не оговаривал ни центры, ни границы их королевств, и предположить, что имелось в виду под этим «равенством», довольно сложно.¹⁶

Однако при разделе 561 г. после смерти Хлотаря I, как считают исследователи, эти принципы не были соблюдены: целью этого раздела была консолидация успевших распасться на фрагменты королевств (Орлеанского и Бургундского, в первую очередь), и четыре сына Хлотаря, Хариберт, Гунтрамн, Сигиберт и Хильперик, должны заново определить границы владений.¹⁷ Это, возможно, и обусловило активную завоевательную политику младшего сына Хлотаря от второго брака, Хильперика, который в 561 г. совершил неудачную попытку захватить Париж. Но в результате два младших сына этого короля, Сигиберт и Хильперик (бывшие друг другу сводными братьями), получили королевства Австразия (с центром в Реймсе) и Суассон, которые были сравнительно малы по территории и имели недостаточно большое политическое значение по сравнению с владениями их братьев, Харибера (Париж) и Гунтрамна (Бургундия).¹⁸ Владением Хильперика по условиям раздела был Суассон, владение его отца. Иногда этот раздел оценивали как следствие традиционной для германских и кельтских племен практики первородства, в соответствие с которой младший из сыновей, да еще и от другого брака, получал наименьшую по территории область.¹⁹ Таким образом, последующие попытки Хильперика захватить владения своих братьев (как, например, Па-

риж, т.е. королевство Хариберта в 561 г., и земли Сигиберта в 567 г.) иногда объяснялось как попытка своеобразного «переворота» (*coup d'état*) против сложившегося статус quo.²⁰ В результате, считали исследователи, режим «братского правления» распался в результате раздела 561 г., потому что был нарушен главный принцип равенства владений, что, парадоксальным образом, в долгосрочной перспективе дало возможность Хильперику (получившему меньшую долю, Суассон) и его потомкам одержать победу над другими ветвями Меровингов.²¹ В 567 г. Хильперик посредством своего сына Теоберта попробовал отобрать у Сигиберта Тур, но в результате союза Гунтрамна и Сигиберта вынужден был уступить. Однако же в 575 г. Хильперик с помощью своей королевы Фредегунды все-таки одержал верх над Сигибертом, когда последний был убит людьми Фредегунды.

Однако остается вопрос, были ли у Хильперика основания менять ситуацию, которая, как нам может показаться, сложилась не в его пользу после раздела 561 г. Суассон и прилегающие земли, который получил Хильперик, могли казаться «меньше», но этот город имел символическое значение, потому что это были «исковные» земли франков и «вотчина» отца Хильперика Хлотаря I (са. 497–561).²² Более того, остался соблюденным важнейший принцип раздела 511 г. — а именно, в обоих случаях младшему сыну достался Суассон, и традиция, таким образом, была соблюдена.²³ Таким образом, мы не можем с уверенностью утверждать, почему Хильперик боролся против сводных братьев за значимые фрагменты франкской территории: потому ли, что он чувствовал себя неуверенно, или же потому, что он, наоборот, чувствовал себя единственным «правопреемником» своего отца, и поэтому считал возможным претендовать на земли, не входившие в суассонское королевство.

Возможно, что наши сомнения относительно причин активных действий Хильперика позволяют перестать идеализировать понятие «семьи» и «династии» и дают возмож-

ность понять, в частности, что выделить в меровингской династии последовательные генеалогические линии и сформулировать правила передачи власти в них можно только с определенными оговорками, учитывая активно идущие процессы расслоения родственной группы. Как временную замену можно было бы использовать ту концепцию, которая была предложена историками, занимающимися Каролингской династией. А именно, представляется полезным говорить о «поколениях» Меровингов, в некоторых из которых мы можем заметить сравнительно четко выраженную систему династического старшинства, которую, однако, каждое последующее поколение вынуждено было создавать заново.²⁴ Так и в случае Меровингов стоит предположить, что Хильперика и Сигиберта, двух младших сыновей Хлотаря от разных браков, королей соответственно Суассона и Австразии (а если говорить более точно, то короля области с центром в Реймсе), нужно рассматривать не как братьев, правила поведения между которыми были точно определены, как это было в случае с сыновьями Хлодвига. Хильперик был сводным братом Сигиберта и двух старших братьев последнего, и таким образом, его статус среди потомков Хлотаря I не был четко определен. Хильперик и Сигиберт были не равноправными наследниками своего отца, а фактически представителями разных ветвей династии, отношения между которыми в 561 г. еще предстояло определить. Это, скорее всего, и объясняет демарш Хильперика 561 г. (захват Парижа), и его целью было не столько удержать этот символический центр франкского королевства, сколько заявить о своих правах сына Хлотаря I. Это хорошо соответствует тому мнению, которого придерживаются исследователи, обращющие внимание на существование внутри родственной группы Меровингов двух подгрупп, легитимных и нелегитимных Меровингов.²⁵ Хотя Хильперика нельзя отнести к «нелегитимным» Меровингам в полном смысле этого слова, но есть основания признать, что его действия были попыткой добиться своего места

среди старших сыновей Хлотаря, которое, видимо, не было ему изначально гарантировано. Таким образом, деятельность Хильперика обуславливалась совершенно другими соображениями, чем может показаться нам. Это был не «переворот», а, скорее, попытка утвердиться среди сводных братьев.²⁶

Сама по себе принадлежность к *stirps regia* не давала возможности определить первенство и правила передачи, и по этой причине проблема того, как лучше назвать родственную группу Меровингов, оказывается непростой. Мы видим, что Хильперика и Сигиберта вряд ли можно назвать представителями одной «семьи» в силу их борьбы на полное уничтожение (хотя сам Хильперик не отдавал приказ об убийстве своего сводного брата, оставив это право Фредегунде), и по той же причине вряд ли можно говорить о них как о представителях «династии», так как принцип передачи власти в рамках Меровингов в их случае был попыткой полного уничтожения родственника-конкурента. Скорее, в случае с Хильпериком и Сигибертом мы имеем дело с представителями рода Меровингов (*stirps regia*), в рамках которого в VI в. происходило достаточно болезненное выделение отдельных семей, чьи позиции могли улучшаться и становиться более значимыми только за счёт других ветвей меровингского рода. Отметим, что случай Хильперика и Сигиберта показывает, что не принадлежность к расплывчатому *stirps regia*, а укрепление положения своей семьи (в случае с Хильпериком — благодаря не только ему самому, но и решительности королевы Фредегунды), в которой власть еже передавалась от отца к сыну, являлось важнейшим для закладывания основы того, что получит полную реализацию в каролингскую эпоху — а именно, формирования территориальной основы власти во франкском королевстве, т.е отдельных *regna*. Но отметим, что этот процесс успешно завершился для «династии» Хильперика и затем «династии» правнука Хильперика Хлодвига II (637–655/658) потому, что, в отличие от каролингской эпохи, в этой родственной группе еще не усто-

ялась практика находить баланс интересов и урегулировать спорные вопросы в каждом поколении.²⁷ Существуя в рамках расплывчатого меровингского *stirps regia*, поддерживая свою линию наследования, но не вступая в открытые выяснения отношений с другими потомками Хлодвига, сын и внук Хильперика (соответственно, Хлотарь II (584–629) и Дагоберт I (са. 603–639)) в течение последней четверти VI и первой четверти VII в. смогли создать из «младшей» ветви династии важнейшую и практически единственную, реально претендующую на власть во всем королевстве франков.

Однако исследование только данных нарративных источников не дает нам возможности сделать окончательный вывод относительно того, как рассматривалась современниками значимость и роль отдельных ветвей династии и насколько для них было возможно выделить из меровингской *stirps regia* эти отдельные ветви. В качестве наиболее яркого примера, иллюстрирующего значимость «ветвей» родственной группы Меровингов для знатных людей и магната той эпохи, стоит привести интересный и немного необычный источник, известный как «диптих Барберини».²⁸ Этот диптих, состоящий из четырех пластин из слоновой кости, с изображениями, типичными для официальной имперской идеологии V в., был произведен в Константинополе в правление Анастасия, Зенона или даже Юстиниана. Диптих интересен прежде всего тем, что в дополнение к своей художественной и подарочной функции он стал своего рода «поминальной книгой». На обороте пластин чернилами были написаны около 300 имен, но наиболее интересным для нас является то, что среди этих имен можно найти также и имена королей Австразии с 575 по 662 г. (т. е. после смерти Сигиберта I до смерти Сигиберта II, который, несмотря на свое имя, происходил из «ветви» Хильперика, а не Сигиберта I.) Таким образом, в этом диптихе опосредованно отразились события очень бурного и неоднозначного периода в истории франкских королевств, связанных с именами сына Сигибера

та Хильдеберта и его матерью, королевой Брунгильдой, дочерью готского короля Атанагильда, которая в 567 г. была выдана замуж за короля Австразии и внука Хлодвига Сигиберта I. Убийство Фредегундой Сигиберта I привело к династическому конфликту в Австразии и к попыткам Брунгильды стать не просто регентшей при своем несовершеннолетнем сыне Хильдеберте II, но и фактически королевой Австразии. Ее попытки опереться на короля Бургундии Гунтрамна привели к междуусобной борьбе, которая продлилась до конца первого десятилетия VII в. В течение этого периода Брунгильда еще дважды пыталась стать регентшей при внуках Теодеберте II и Теодерице II, и каждый раз это приводило к недовольству знати и других представителей меровингской династии (прежде всего, королей Нейстрии Хильперика и Хлотаря). Более того, ее попытка подчинить себе своего внука Теодеберта II привела к тому, что он изгнал ее от своего двора в 599 г., и бродившая по Шампани «королевамать» австразийской ветви Меровингов была приведена ко двору своего второго внука Теодериха II проходившим мимо крестьянином. Мы знаем об истории этой эпохи благодаря «Житию Колумбана», написанному Ионой из Боббио, и это сочинение рисует картину упадка власти потомков Сигиберта I. В первую очередь, мы знаем из него о практически не оставившем никакого следа в истории правлениях Хильдеберта II и его сыновей Теодеберта II и Теодериха II.²⁹

Исследование имен, содержащихся на обратной стороне диптиха, показало, что человек, составлявший эти записи, имел особое мнение об истории Австразии в эту эпоху. Для него история Австразии не имела разрывов, и период с 575 по 662 г. был временем существования единого автразийского королевства. Это дало возможность утверждать, что диптих какое-то время существовал при дворе королевы и регентши Брунгильды, и представлял собой своего рода поминальную книгу, в которой отразилась та память, которую стремилась сохранить о своей семье королева Брунгильда и которую она

смогла передать своему окружению. Эта память значительно отличалась от того, что можно было найти в сочинениях других «современников» (или почти современников) — например, Хильдеберт практически не получил никакого реального внимания Ионы из Боббио, автора жития св. Колумбана, который проповедовал христианскую веру и способствовал постройке монастырей именно в Австразии Хильдеберта, однако в диптихе Барберини этот король занимает важное место среди других представителей этой семьи потомков Сигиберта и Брунгильды. Более того, кроме королевских имен, этот диптих содержал около трехсот имен, большинство из которых имели галло-римское происхождение.³⁰ Таким образом, память, запечетленная в записях диптиха Барберини, рисовала совершенно другую династическую реальность, нежели можно увидеть из нарративных источников и грамот. Этот странный источник создавал из фрагментов истории Австразии, раздираемой на части внутренними противоречиями и жестокой борьбой Брунгильды с противостоящими ей представителями знати, четкую династическую картину наследования Сигиберту I сначала Хильдебертом II, а потом Теодебертом II и Теодерихом II.

В отличие от «Жития Колумбана», рисовавшего практически покинутые знатью обломки королевской фамилии, диптих Барберини показывал, какой надежной поддержкой обладала Брунгильда, ее сыновья и внуки в южной части своих владений (т. е. в Оверни и прилежащих областях). В 656 г. майордом Гrimoальд попытался использовать эту династическую память для усиления своего положения, попросив Меровинга Сигиберта III усыновить его (т.е. Гrimoальда) сына под именем Хильдеберта III. Выбор имени был показательным, хотя Сигиберт III и был внучатым племянником Хильдеберта II. Выбор имени сына Брунгильды был скорее не столько реверансом в пользу Сигиберта III, сколько признанием того, насколько важную роль играл Хильдеберт II и в целом потомки Брунгильды и Сигиберта для самосознания

австразийской знати через восемьдесят лет после описываемых событий.³¹ Таким образом, в головах некоторых людей той эпохи история и политическое единство Австразии как королевства (а не просто земли) была связана с воспоминаниями о семье Брунгильды, потомки которой к середине VII в. уже потеряли все претензии на реальную власть. Парадоксальным образом, убийство Сигиберта в 575 г. по приказанию супруги Хильперика, королевы Фредегонды привело не к исчезновению боковой династической линии, а к обратному результату — а именно, к формированию на основе своеобразного «культ» злодейски убитого короля Сигиберта своего рода «поминального сообщества», которое объединяло разрозненные земли «старой» Австразии (Реймса) и части земель в Бургундии и которое являлось основой той «большой» Австразии, которую мы привыкли видеть на картах франкского королевства. Это дает возможность утверждать, что лояльность местной знати выражалась не просто в отношении меровингского рода как такового (*stirps regia*), а в отношении конкретной его «ветви». Более того, эта ветвь могла не быть представлена конкретными живущими представителями, и для лояльности было достаточно памяти о семье правителей.

Рассмотренные сюжеты показывают, что смена представлений о принципах формирования королевских и аристократических династий в Средние века необходима и в работах, посвященных меровингской эпохе. Термин «династия» в отношении Меровингов и Каролингов находится в арсенале средств, используемых современными исследователями, но представляется возможным оспорить правильность его употребления. В отличие от других варварских племен, у франков динамика развития властующей группы была особой: дихотомия королевской династии и отдельных военных предводителей, выбранных королями, у франков приняла форму взаимоотношений между меровингским родом в целом и отдельными семьями (или, если употреблять средневековый

французский термин, линьажами (от фр. *lignage*)). Возможно, что лучше использовать термин «семья», снабжая его, однако, рядом оговорок. Потомков Хлодвига можно разделить на ряд семей, у каждой из которых была возможность стать династией правителей, передававших власть от отца к сыну. Однако не каждая из этих семей превратилась в династию. Наиболее успешной была «ветвь» рода, состоявшая из Хлотаря I (са. 497–561), Хильперика (са. 539–584), Хлотаря II (584–629), Дагоберта (са. 603–639) и Хлодвига II (637–655/658) (суассонская ветвь Меровингов), которая с успехом вышла из ситуации династической неопределенности второй половины VI в. и смогла объединить всю Галлию под своей властью. Сыновей и внуков короля Нейстрии Хлодвига II и Балтхильды (Хлотарь III, 652–673; Хильдериk II, 653–675; Теодерих III, 654–691) можно тоже считать успешной «ветвью» (династией) Меровингов в полном смысле этого слова, так как именно в эпоху их правления была достигнута стабильность в меровингском королевстве и Нейстрия с Австразией были объединены под властью потомков Хлодвига II. Семья Брунгильды, как мы видели, оставила о себе хорошую память в умах отдельных представителей австразийской знати несмотря на то, что против Брунгильды яростно боролись их предки. Однако были и другие ветви в рамках Меровингского рода, которые никогда не превратились в семью. Однако их интересы которых прямо противоречили друг другу, и борьба между которыми и составляла основной сюжет меровингской истории второй половины VI — первой половины VII вв.

Стоит отметить, что в отличие от Н.Д. Фюстеля де Куланжа, используемая таким образом концепция «семьи» предполагает существование у раннесредневековых родственных групп не только семейно-родовых интересов, и позволяет рассматривать процесс формирования вокруг этих семей надежной опоры королям из числа местной знати и епископата. Этот положение хорошо изучено в недавних работах,

посвященных Каролингам³², однако представляется возможным распространить этот процесс и на время правления Меровингов.

Можно сделать следующее обобщающее замечание относительно тенденций развития рода, семьи и династии на протяжении всей эпохи существования королевства франков. Мы видим, что в VI в. из рода потомков Хлодвига сначала выкристаллизовываются и оформляются отдельные семьи. К концу VI в. между этими семьями идет борьба за право стать династией. Побеждает суассонская ветвь, которая становится сначала династией нейстрийских королей, а затем и династией общефранцской. Но парадоксальным образом, именно окончательное оформление Меровингов как династии совпадает с теми процессами, которые дали возможность Эйнхарду в 830-е гг. говорить о последних меровингских королях как о малозначимых и потерявших реальную власть. А это позволяет выдвинуть гипотезу: в мире раннего Средневековья любая семья, которая стремилась оформиться в виде династии путем отречения от родовых и семейных интересов заведомо несла в себе зерна своего распада и ослабления. В свете этого понятными выглядят предчувствия Григория Турского, который видел на семье Хильперика, начинавшей все более оформляться в династию в 580-е гг., печать неблагополучия.

Примечания

¹ Например, в соответствии с одним современным определением, династия — это «группа людей, принадлежащих к одной семье, которые различными способами остаются у власти». Это определение может только запутать в случае его использования в отношении раннесредневековых королевств, потому что оно определяет династию через семью.

² Le Jan R. Famille et pouvoir dans le monde franc (VIIe – Xe siècle): Essay d'anthropologie sociale. Paris, 1995.

³ Особенno стоит отметить 50–51 каноны собора, которые установили правила определения родственных взаимоотношений для

того, чтобы избавиться от браков между родственниками. Foreville R. Lateran I–IV. Paris, 1965. Les Conciles oecuméniques. V. 2. L’histoire, Les décrets / Ed. par C. Alberigo, A. Duval. Paris, 1994 (Le magistère de l’Église). Об отношении Иннокентия III и собора к правовой культуре и к законотворчеству см. Fuhrmann H. Das Reformpapsttum und die Rechtswissenschaft // Investiturstreit und Reichsverfassung. Konstanz, 1963 (Konstanzer Arbeitskreis für mittelalterliche Geschichte. Vorträge und Forschungen. Bd. 17).

⁴ В качестве примера можно привести, например, один из сборников, составленных по результатам работы и коллоквиумов Констанцской школы исследований Средних веков: Geblüt, Herrschaft, Geschlechterbewusstsein: Grundfragen zum Verständnis des Adels im Mittelalter / Hrsg. von K. Schmid, D. Mertens, T. L. Zott. Sigmaringen, 1998 (Vorträge und Forschungen, Bd. 44).

⁵ Правда, стоит отметить, что представители немецкой и французской школ подчас воспринимали роль семейных связей в процессе становления государственности с противоположными знаками. Немецкие представители этой школы в XIX в. и ее последователи в XX в. стремились доказать наличие у германцев современной, публичной государственности в период существования варварских королевств, и для них родовые и семейные связи были чем-то таким, что свидетельствовало о задержке в переходе к государственности. С другой стороны, Н. Д. Фюстель де Куланж видел в «семейственности» королевской власти положительный аспект, состоявший в том, что «семья» для него представляла разрыв с «родом».

⁶ В этом ключе выдержана работа И. Гобри, который подчеркивает по преимуществу династический характер власти и логику действий Меровингов. Gobry I. Les premiers rois de France: la dynastie des Mérovingiens. Paris, 1998. Стоит отметить, однако, что эта работа имеет скорее популярный и дидактический, а не сугубо исследовательский характер. Возможно, это и послужило причиной использования традиционного, устоявшегося обозначения Меровингов как династии.

⁷ Например, Д.М. Петрушевский формировал свою концепцию соотношений родового, семейного и государственного начал в королевстве франков путем синтеза различных представлений зарубежных и отечественных ученых. В частности, он подчеркивал, что

власть Меровингских королей строилась на основе разрыва со всеми традиционными социальными связями. Можно предположить, что таким образом он стремился соединить взгляды романистов и германистов и пытался сгладить как радикализм германистов, видевших в Меровингских королях родовых вождей франков, так и радикализм романистов, видевших во франкских королях союзников и ставленников франкской элиты.

⁸ В частности, он подчеркивал, что в законодательстве вестготского королевства мы постепенно находим все больше прав индивидуума, заключавшихся в возможности завещать свою земельную собственность кому угодно, что шло против прав семьи. Корсунский А.Р. Готская Испания. М., 1969. С. 49–53. Однако вопросы семьи и рода интересовали этого исследователя только в плане исследования социального строя вестготского королевства. Вопрос формирования королевской династии остался за пределами его интересов, несмотря на то, что организации вестготского государства была посвящена целая глава: Там же. С. 262–302. Можно предположить, что концепция своего рода «демократии знати», разработанная этим ученым, имела отношение к вопросу отношений внутри королевской семьи и вопросу формирования династии. В частности, эта концепция, вероятно, была призвана объяснить сложный и запутанный характер взаимоотношений среди родственников королей и практику выбора правителей среди боковых ветвей династии. Корсунский А.Р. Образование раннефеодального государства в Западной Европе. М., 1963. С. 154, 162.

⁹ Он считал, что в раннесредневековый период общество было «дофеодальным», т. е. таким, в котором еще не было значительных классовых противоречий, в котором большинство населения составляли свободные. Неусыхин А.И. Дофеодальный период как переходная стадия развития от родо-племенного строя к раннефеодальному. (Тезисы доклада) // Средние века. № 31. 1968. С. 45–48, 59–63 и Он же. Дофеодальный период как переходная стадия развития от родоплеменного строя к раннефеодальному // Вопросы истории. 1967. № 1.

¹⁰ Wood I.N. The Merovingian kingdoms (450–751). London, 1994. P. 49.

¹¹ Вольфрам Х. Готы. От истоков до середины VI в. СПб., 2003. С. 527–528.

¹² Goetz H.-W. Gens, kings and kingdoms: The Franks // *Regna and gentes: The relationship between Late Antique and early medieval peoples and kingdoms in the transformation of the Roman world* / Ed. Goetz H.-W., Jarnut J., Pohl W. 2003. P. 307–344. (The transformation of the Roman world, T. 13). Wood I. N. Deconstructing the Merovingian family / Ed. Corradini R., Diesenberger M., Reinitz H. 2003. P. 149–171. (The Transformation of the Roman World, T. 12).

¹³ Heather P. Cassiodorus and the rise of the Amals: Genealogy and the Goths under Hun domination // *The Journal of Roman studies*. 1989. Т. 79. С. 103–128. Idem. Goths and Romans, 332–489. Oxford, 1991.

¹⁴ Григорий Турский. История франков. IV, 51.

¹⁵ Григорий Турский. История франков. III, 1: «...regnum eius accipiunt et aequa lantia dividunt».

¹⁶ Вряд ли можно с уверенностью утверждать, как говорит об этом переводчица Григория Турского на русский, что «сыновья Хлодвига поделили между собой королевство и власть таким образом, что имущество и доходы с каждой части по возможности были одинаковыми». См. Савукова В.Д. Примечания. Кн. 3, прим. 10 // Григорий Турский. История франков. М., 1987. С. 372. Термин «aequa lantia» встречается в правовых документах меровингской эпохи (таких как судебные протоколы, т.е. placita, формуляриях и т. п.) в контексте разделов собственности, но его точное значение (а именно, предполагает ли он раздел земли, т. е. права собственности, или же только доходов с нее, т. е. права пользования) остается неизвестным.

¹⁷ Григорий Турский. История франков. IV, 3. Ewig E. Die fränkische Teilungen und Teilreiche (511–613) // Spätantikes und fränkisches Gallien: Gesammelte Schriften (1952–1973). 1976. Т. 1. S. 120. (Beihefte der Francia, Т. 3). Немецкий исследователь предполагал, что Григорий Турский, который не употребил термин aequa lantia при описании раздела 561 г., сам считал неравенство раздела одной из важнейших причин произошедших далее драматических событий.

¹⁸ Григорий Турский. История франков. IV, 22.

¹⁹ Rouche M. Clovis. Paris, 1996. P. 233.

²⁰ Григорий Турский. История франков. IV, 23. Gobry I. Clotaire II. Paris, 2005. P. 12.

²¹ Ewig E. Die fränkische Teilungen und Teilreiche (511–613) // Spätantikes und fränkisches Gallien: Gesammelte Schriften (1952–1973). 1973. T. 1. S. 138.

²² Armand F. Chilpéric I, le roi assassiné deux fois. Paris, 2008. P. 75.

²³ При разделе 511 г. Суассон получил Хлотарь I (са. 497–561), и именно его смерть в 561 г. привела к необходимости передела земель.

²⁴ Такая систематизация по поколениям была очень успешно использована для понимания истории Каролингской династии Т. Шиффером: Schieffer T. Die Karolinger. Stuttgart, 2006.

²⁵ Hagn, H. Illegitimität Und Thronfolge: Zur Thronfolgeproblematik Illegitimer Merowinger, Karolinger Und Ottonen. Neuried, 2006. Kasten B. Königssöhne Und Königsherrschaft: Untersuchungen zur Teilhabe am Reich in der Merowinger- und Karolingerzeit. Hannover, 1997.

²⁶ Lelong C. Chilpéric, un grand roi méconnu // Mémoires de l'Académie des sciences, Art et Belles lettres de Touraine. 1993. V. 6. P. 19–37.

²⁷ Таким образом, это показывает, что концепция «поколений» для Меровингских королей должна использоваться с учетом специфики этой эпохи. См. С. 111 настоящей работы.

²⁸ О нем см., например, Omont H. Inscriptions mérovingiennes de l'ivoire Barberini // Bibliothèque de l'École des chartes. 1901. T. 62. P. 152–155.

²⁹ Wood I. Jonas, the Merovingians and pope Honorius: Diplomata and the Vita Columbani // After Rome's fall: narrators and sources of early medieval history. Essays presented to Walter Goffart / Ed. Murray A. C. Toronto, 1998. P. 110–111.

³⁰ Что позволяет исследователям предполагать, что они принадлежали представителям галло-римской знати из Бургундии, где франкский элемент был крайне мал.

³¹ Thomas H. Die Namenliste des Diptychon Barberini und der Sturz des Hausmeiers Grimoald // Deutsches Archiv fur Erforschung des Mittelalters. 1969. T. 25. S. 17–63.

³² В случае Каролингов исследователи отмечает, что представители этой семьи, прежде всего Карл Великий и Людовик Благочестивый, могли подняться над сугубо семейными интересами и что в своей политике они учитывали также и интересы представителей региональной знати, которые шли к ним на службу (например, в договорах в Кулэне 843 г. и в Кьерси в 877 г.). Riché P. *Carolingiens: une famille qui fit l'Europe*. Paris, 1983. Ряд англоязычных исследователей подчеркнули в этой связи, что знать платила Каролингам за признание сторицей, шла к ним на службу и всегда признавала изначальную легитимность Каролингов как единственных общеевропейских суверенов. Airlie S. *The aristocracy in the service of the state in the Carolingian period // Staat im frühen Mittelalter* / Eds. Airlie S.; Pohl W., Reimitz H. Wien, 2006. Р. 93–112. Современные германоязычные исследователи говорят даже о различии между «государственной» и «реальной» властью. См. Goetz H.-W. *Die Wahrnehmung von «Staat» und «Herrschaft» im frühen Mittelalter // Staat im frühen Mittelalter* / Hrsg. von Airlie S.; Pohl W., Reimitz H. Wien, 2006. S. 39–58.

Самуткина Л.А.

Античная скульптура в ранневизантийской «Хронографии» Иоанна Малалы

Во всемирной «Хронографии» в XVIII книгах, созданной в VI в. сирийским хронистом Иоанном Малалой¹, материал о скульптуре занимает значительное место. В хронике, которая начинается с сотворения Адама, а завершается временем императора Юстиниана Великого, упоминается скульптура многих народов и разных времен. В данной работе предлагается особый подход для объяснения места античной скульптуры в ранневизантийской хронике автора, чье сирийское имя Малала (Melel), означает «Ритор». Особенность анализа состоит в обращении к исторической концепции Иоанна Малалы.² Это позволяет ограничить объем материала и определить значение античной скульптуры, которая в современной науке понимается как скульптура языческой Древней Греции и Рима с VIII в. до н.э. до V в. н.э.

Иоанн Малала выделяет четыре цивилизации, которые сменяют друг друга: за допотопной цивилизацией (первая половина I книги), следует языческо-иудейская цивилизация мифологических царей, евреев, вавилонян, ассирийцев и персов (вторая половина I книги – VII книга), на смену ей приходит языческо-христианский мир македонян и римлян (VIII книга – XVII книга). Последняя, четвертая, христианско-варварская цивилизация наступает со времени Юстиниана Великого (XVIII книга). В хронике две языческие цивилизации, а поэтому и восточная цивилизация, первоначальная часть которой называется «царство богов», и цивилизация македонян и римлян, которая начинается со времен Александра Великого, имеют один инвариант. Каждый период начинается с непосредственного вмешательства Бога в историю. За-

тем следует деятельность людей по созданию цивилизации, при этом Бог на время оставляет человечество. Люди в процессе усвоения и распространения цивилизационных форм жизни совершают ошибки, которые вызывают у Бога желание помочь людям. Он вмешивается в историю человечества, чтобы ее откорректировать. Среди людей Бог выбирает исполнителей своей воли. Однако люди продолжают грешить, что вызывает Божий гнев, который выражается в устрашении. Невосприятие людьми Божьего предупреждения ведет к гибели цивилизации. То, что языческая культура просуществовала две цивилизации, следует из понимания хронистом язычества. Во II книге (Mal. 38. 7–40. 53) он создает евгемеровскую по сути схему возникновения язычества как идолопоклонства: «полезность» деятельности культурных героев приводит их к славе, со временем «забвение» причины славы ведет к «обыкновению» воздавать почести в разных формах, что, в конце концов, приводит к «заблуждению», что культурные герои были богами. Со времен Фарры, отца Авраама, который был скульптором, «создающим богов из камня и дерева и продающих их», основной формой культа стало создание «статуй из камня и дерева или изваяния из золота и слоновой кости и поклонение им». Египтяне, вавилоняне и люди из Эллады придерживались этого культа. Виды деятельности и люди, которые заслужили у человечества поклонения в виде скульптурных памятников, даны в той же II книге, и их список обширен: прародители, правители, вожди, воины-победители, изобретатели алфавита, искусства, ремесел; люди, «совершившие в жизни мужественное или добродетельное действие»; знатоки магии и мистики, называемые телестами и чудотворцами. Всякий раз, рассказывая о возникновении новой цивилизации, Иоанн Малала начинал с деятельности людей, которые выводились в хронике благодетелями человечества и нередко запечатленными в памятниках. Так скульптура становится в хронике главным показателем языческого мира. Падение язычества рим-

лян описывается как сожжение в Константинополе изображений и статуй языческих богов, которые теперь названы мерзкими (Mal. 424. 9–11), как разрушение статуй императоров во время землетрясений, называемыми в хронике Божьим гневом (Mal. 419. 59–60). Хронист рассказывает о том, как вождь гуннов по имени Грод, приняв христианскую веру от византийского императора Юстиниана, расплавил изображения своих богов, «ибо были они из серебра и электра» и поменял металл на деньги в римском городе Боспор, за что был убит жрецами своего народа (Mal. 361. 62–66). Знаменательным становится сообщение о падении памятника императору Юлиану Отступнику и о водружении на его место Креста (Mal. 404. 49–51).

Повествуя о первых мифологических царях, хронист утверждает, что первую статую люди поставили ассирийскому царю Аресу, называемому хронистом также Ваалом, как покорителю мира, и стали ему поклоняться как богу (Mal. 12. 25–13. 30). Рассказывая о начале цивилизации македонян Иоанн Малала сообщает о том, что в Вавилоне персы установили конную статую Александру Великому (Mal. 147. 40–41), что Селевк поставил каменную стелу своему жрецу и телесту Амфиону, совершившему с ним ауспции при основании городов (Mal. 153.21–23). В описании истории Римской империи, которое сводилось к событиям в восточной ее части, сирийский автор пишет о том, что совет и антиохийский народ почтил императора Тиберия статуей как руководителя большого строительства в Антиохии (Mal. 177. 19–24). Император Коммод получил статую от жителей Антиохии в знак благодарности за учреждение в их городе регулярных Олимпийских игр (Mal. 216. 52–53). Сюда можно отнести и памятник коню Диоклетиана, который поставили благодарные Александрийцы. Конь споткнулся и замарал свою голень кровью, и император прекратил кровопролитие, ибо прежде заявил, что как только кровь в городе достигнет уровня колена его коня, он остановит избиение мятежных Александрийцев (Mal.

238. 40–47). Хронист приводит благодарственную надпись на мраморной статуе антиохийцу Артабану, оказавшему значительную материальную помощь своим согражданам, которая гласила: «Артабан, вечная память» (Mal. 218. 23–219. 30). Сообщая о том, что император Константин удостоился статуи от Плутарха, первого христианина в Антиохии, поставленного архонтом для строительства в городе церквей, автор транслитерирует на греческий язык следующую латинскую надпись на памятнике: «Bono Constantino» (Mal. 244. 45–49). По сведению Иоанна Малалы при императоре Льве сенат в термах Константинополя поставил портретную статую знаменитому и «всеми любимому врачу и философу» Иакову Киликийскому по прозвищу Психристос (Mal. 292. 88–92).

Значительное место в хронике (Mal. 179. 85–181. 43) занимает рассказ о том, как в Панеаде была поставлена статуя Иисусу Христу женщиной по имени Вероника, получившей от него исцеление.³ Рассказ о чуде избавления женщины от многолетнего кровотечения приводится в Евангелиях (Мф 9. 20–22; Мк 5. 25–34; Лк 8. 43–48). Излечившись, Вероника посыпает царю Ироду прошение о разрешении поставить Иисусу бронзовую статую. Хронист приводит текст прошения, где женщина сообщает о том, что, прослушав о чудесных исцелениях, совершаемых чудотворцем Христом, она обратилась к нему, как к богу. Затем следует пересказ новозаветной истории исцеления и просьба удовлетворить прошение. Царь Ирод удивился чуду исцеления и высказал мнение, что оно достойно более ценной, чем бронзовая, статуи. «Тотчас эта Вероника поставила в центре своего города Панеаде Господу нашему и Богу Иисусу Христу статую из бронзы, к которой были примешаны золото и серебро». В этом фрагменте для персонажей повествования Вероники и царя Ирода статуя Христа становится в один ряд с языческими почетными статуями. Сам же хронист, как рассказчик, трактует ее как христианскую. В другой месте хроники языческая статуя мифологического времени аргонавтов, которую аргонав-

ты поставили крылатому предвестнику победы над врагом близ Халкедона, толкуется как памятник архангелу Михаилу (Mal. 55. 91–56. 17). Эти два примера на материале пластического искусства указывают на амбивалентность во взглядах Иоанна Малалы в вопросах язычества и христианства.

В хронике также упоминаются статуи древнегреческим богам без указания причин почитания. В мифической стране аргосцев царь Инах построил город под названием Иополь, дав ему тайное имя луны, которую почитал. Он основал также храм Селене, поставив ей бронзовую статую, на которой написал: «О Ио, блаженная, светоносная» (Mal. 20.81–21.87). Хронист сообщает, что в Антиохии Селевка поставил исключительную по размерам бронзовую статую Афине, которую почитали афиняне, жившие в этом городе (Mal. 152.93–96). О статуе Гелиоса в Константинополе в хронике сообщается следующее: «Император Север поместил перед термами, которые построил в Византии, тетрастою, в центре которой стояла статуя Гелиоса. В подножии ее было написано тайное имя солнца «Зевксиппу богу». Ведь фракийцы так величали солнце. А жители Византия называли термы по первоначальному имени места «Зевксипп» и никогда — «Термы Севера». Вместо нее [тетрастой] он возвел на акрополе Визаполя храм, точнее, святилище Гелиоса близ находившихся там других святилищ, построенных прежде [правителем] Визом богине Артемиде с ланью и [женой правителя] Федалией богине Афродите». На верху храма он поместил статую Гелиоса, которая прежде стояла в тетрастое (Mal. 221. 62–76). О статуе Гелиосу на острове Родосе, получившей название Коллесс, хронист пишет дважды, сообщая о ней недостоверные, как нам кажется в наше время, сведения (Mal. 116. 35–39; 211. 16–21).

В «Хронографии» также описываются памятники, которые позиционируются как созданные правителями в свою честь. Первым был мифологический Персей, который вне города Икония поставил себе статую с головой Медузы-горгоны

в руках, с помощью которой он одолел всех врагов (Mal. 65–71). Сирийский царь Селевк увековечил в памятнике свою победу над Антигоном. Это была конская голова и рядом позолоченный ковчег, на них было выгравировано «На нем убегая, Селевк спасся от Антигона. Здесь, повернув назад и победив, убил его» (Mal. 153.18–21). Традицию римских императоров ставить в провинции памятники в свою честь хронист возводит ко времени Ромула (Mal. 133. 29–31). В Лаодикее, построив театр, римский император Август поставил себе мраморную статую (Mal. 169. 85–86). Он справил там триумф, реставрировав тетрапил, и поставил в ознаменование своей победы бронзовый памятник с четырьмя конями (Mal. 169. 86–89). Император Адриан возвел в Кизике огромный храм, одно из чудес, и установил на фронтоне свой мраморный бюст огромного размера и на нем написал «Божественному Адриану» (Mal. 210. 10–13). В ознаменование римской власти императоры ставили изображение Римской волчицы, кормящей Ромула и Рема (Mal. 178. 55–60; 208. 33–35). Христианский император Константин поставил себе статую в короне с семью лучами. Статуя была привезена из фригийской Трои. Памятник был установлен на верху вызывающей всеобщее восхищение порфировой колонне посреди большого форума в новой столице (Mal. 245. 79–246. 86). А в торжественной процессии в честь Дня рождения Константинополя традиционно, по воле первого христианского императора, в сопровождении почетного караула выносили на Ипподром и ставили перед кафисмой императоров еще одну статую Константина, и императоры поклонялись ей. Она была изготовлена из позолоченного дерева, в правой руке статуи была также позолоченная Тихи города по имени Анфуса (Mal. 247. 20–29). Автор также сообщает о константинопольских статуях, установленных на колоннах, императорам Феодосию Великому (Mal. 328. 86–88), Аркадию (Mal. 408. 24–26), Анастасию (Mal. 328. 80–86), Юстиниану (Mal. 408. 22–23).

У Иоанна Малалы город был одним из обязательных составляющих цивилизации, где господствовали восточные правители, и времени гегемонии македонян и римлян. Хронист пишет об образовании многочисленных городов. Необходимым ритуалом при закладке городов в «Хронографии» стало возведение бронзового изображения Тихи города. Ритуал этот состоял в принесении в жертву невинной девы, имя которой становилось именем Удачи города. Удаче города ставился бронзовый памятник, которому приносились жертвы во благо города. С разной степенью подробности этот ритуал описан в хронике многократно при основании или при переименовании города в обеих цивилизациях. Мифологический царь Тавр основал на Крите город Гортину, Тиха которой получила имя принесенной в жертву девушки Каллиники (Mal. 23. 53–57). Александр Великий основал Александрию Великую на месте селения Ракустис, принеся в жертву девственнуюницу, которую была названа им Македонией (Mal. 146. 6–8). Диокесария в Киликии при императоре Нерве была переименована в Аназарб по имени римского сенатора Зарба. Он восстановил город после землетрясения и «принес в жертву сельскую девушку по имени Кепара, поставил ей бронзовую статую для благополучия города» (Mal. 203.48–50).⁴ Наиболее подробным было описание статуй покровительниц сирийских городов, основанных родоначальником династии Селевкидов. В VIII книге, описывая закладку Антиохии, хронист сообщает: «<Селевк> заложил основание стен, принеся в жертву с помощью архиерея и телеста Афиона деву по имени Эмафа, ... 22 мая, в первый час дня, на рассвете, назвав город Антиохией в честь своего сына Антиоха Спасителя, также заложив святилище Боттия Зевса. Архитектор Ксеноний очень быстро возвел стены, поставив бронзовый памятник с изображением статуи убитой девы, установив Тиху города над рекой, и тотчас принеся этой Тихе жертву» (Mal. 151.73–152.81). После разрушения города своего врага Антигона Селевк создает Тихе Антигонии бронзовую статую,

имеющую перед собой рог Амалфеи. И создав там (на другой стороне реки) тетракион, поставил на всеобщее обозрение эту Тиху, установив перед ней высокий алтарь. Эту стелу Тихи после кончины Селевка, Деметрий, сын Антигона Полиоркета, увез в Росос, город в Киликии (Mal. 152. 83–89). Рассказывая о Константинополе, созданном на месте Византия, хронист пишет о переименовании города и о создании новой покровительницы новой столицы: «Тихе обновленного им и в его честь построенного города, Константин, совершив Богу бескровную жертву, дал имя Антуса. Этот город в древности основан был Фидалией и она назвала Тиху Кероей» (Mal. 246. 86–89). В дальнейшем в хронике не упоминаются Тихи городов.

Император Константин у Иоанна Малалы является исполнителем Божьей воли. Однако хронист, описывая статуи, показывает, что отношение христианского императора к прежним языческим традициям было бережным. Переосмысяля их, он отходит от них только в главном вопросе, которым в хронике стала человеческая жертва. Действительно, статуя Константина с лучистой короной прежде была изваянием Гелиоса, а повеление поклоняться статуе Константина и Тихе в День города продолжает традицию обожествления правителей.

Хронист также пишет о традиции освящения общественных зданий во времена Римской империи, чем-то напоминающей освящение города. Император Траян построил антиохийский театр, в фонтане проскятия которого на четырех колоннах сверху возвышалась статуя принесенной им жертву девушки. Позолоченная бронзовая статуя была похожа на Тиху города, сидящую над Оронтом и увенчанную царями Селевком и Антиохом (Mal. 208. 41–46).

Интерес Иоанна Малалы к теургам, к их чудесам, к их магической силе подтверждается также присутствием энфрасиса оберегов, некоторые из которых были изваяниями.

Хронист описывает священное изваяние, стоящее на порфировой колонне в центре Антиохии, поставленное во времена Юлия Цезаря неким телестом Дебборием для защиты от землетрясений (Mal. 200. 91–6). В повествовании о деятельности Аполлония Тианского, названного философом и телестом, упоминается бронзовый скорпион, закопанный в землю для защиты от укусов этого насекомого; свинцовый бюст Ареса, который носили в антиохийской процессии для защиты от комаров. Автор приводит рассказ о том, как теург отказался в Антиохии создавать новый оберег от землетрясений взамен уничтоженному молнией (Mal. 199. 58–201. 16). Уже упомянутая статуя Константина Великого в Антиохии была перелита христианином Плутархом из бронзовой статуи Посейдона, оберегающего город. Интересно отметить, что в хронике указано лишь одно имя античного скульптора Фидия (Mal. 131. 6), но четыре телестов: Аполлоний Тианский; Амфион, священник царя Селевка; Деборрий, живший во времена Г. Юлия Цезаря; легендарный Асий, создавший ксоан Паллады.

Палладий занимает особое место в «Хронографии», его история начинается в V книге, продолжается в VI, упоминается в VII и завершается в XIII книге о Константине Великом. У палладия две функции: он оберегает город, в котором находится, и обеспечивает победу. В V книге (Mal. 81. 5–85. 17; 93. 73–74) с эпическим раздольем рассказывается, как телест Асий создает деревянную статую (ксоан) Паллады и передает царю Трою. Во время троянской войны палладий святотатственно похищается Одиссеем и Диомедом, а после войны между Одиссеем и Аяксом из-за него возникает спор. Ожесточенная словесная борьба заканчивается только вечером, на ночь палладий отдается Диомеду, но ночью Аякс был убит. Его соратники полагают, что это дело рук Одиссея, который вынужден бежать, и палладий достается Диомеду. В VI книге (Mal. 128. 37–130. 93; 131. 13–16) Диомед возвращается к себе на родину, но там его ждут беды, его изгоняют

из страны, и он поселяется в Италии, основав новый город. В этом городе появляется Эней, которого Диомед встречает с большим почтением. Эней просит вернуть ему ксоан Паллады, что Диомед делает с большой радостью, так как от пророчицы Пифии он узнал, что все беды ему принес украденный палладий и его следует вернуть троянцам. Получив ксоан Паллады, Эней одерживает в Италии многочисленные победы, становится царем и основывает город Альвинию, куда поместил палладий. Далее тот перемещается последующими царями в города Лавинию, Сильву. В VII книге (Mal. 132. 3–12) сообщается, что братья Ромул (букв. Ром) и Рем перенесли палладий из города Сильвы в Рим. В XIII книге (Mal. 246. 83–86) даны слова: «Константин, взяв тайно из Рима так называемый Палладий ксоан, поместил его под колонной своей статуи, стоящей на построенном им форуме. Некоторые из жителей Византия утверждают, что он и поныне там лежит».

Конечно, этот рассказ, прежде всего, утверждает известную в римской традиции преемственность Трои и Рима, однако появление в этой череде третьего города, Константинополя, говорит о преемственности языческой и христианских культур в этих двух цивилизациях, которые просуществовали до Юстиниана Великого.

В «Хронографии» прослеживается интерес хрониста к скульптурному убранству городов, его площадей, портиков, общественных зданий, храмов. Однако в этом случае Иоанн Малала пишет о мраморах (разных, пестрых) и изделиях из бронзы. Так, он сообщает, что в термах города Триполис Финикийский находятся две скульптурные группы Икар и Дедал, Беллерофонт и Пегас. Хронист называет их чудесами (света) (букв. достопримечательностями) и изделиями из бронзы (Mal. 289. 40–44). Первые римские императоры Август (Mal. 169. 87), Тиберий (Mal. 177. 14–16) благоустраивали восточные города империи, украшая мозаиками, мраморами и изделиями из бронзы. Он сообщает, что Константин Великий свозил в свою новую столицу самые прекрасные

бронзовые изделия из всех городов империи для ее убранства и украшения (Mal. 328. 81–83). Но позднее, например, скульптурное убранство из бронзы Платеи было перелито для огромного памятника императору Анастасию (Mal. 328. 80–88).

Таким образом, языческая скульптура становится в «Хронографии» Иоанна Малалы концептом, подтверждающим наличие провиденциальной модели цивилизации, реализованной в четырех периодах истории, и расширяющим представление об исторической картине мира, сконструированной сирийским хронистом. Концепт «языческая скульптура» связана в хронике с концептами «язычество», «город», «царь», «магия». Языческая скульптура в понимании Иоанна Малалы не совпадает с современным толкованием античной скульптуры по многим параметрам (время, страны, конкретные памятники), но типологически они восходят к одному архетипу, а достоверность некоторых сведений подтверждается изображениями на античных монетах, сохранившимися римскими копиями⁵, раскопками в Константинополе (Стамбуле) и Антиохии.

На примере материала об изобразительной пластике в «Хронографии» прослеживается в полной мере искусство хрониста в пользовании одним из начальных риторических прогимнасм, каким является экфрасис. В позднеантичной прозе появляется особый жанр экфрасиса, а в поэзии эпиграмма становится описательной по преимуществу. Так как личности или события стали объектами других риторических жанров, главным образом панегириков, экфрасис как жанр был ориентирован на описание произведений искусств. В византийской литературе экфрасис был сосредоточен на описании строений, городов, религиозных церемоний во время христианских праздников. В нем также описывались сцены повседневной жизни. Экфрасис городов стал особым риторическим жанром и получил распространение в позднеантичный период со времен Диоклетиана (конец III в. — начало

IV в.). В науке он известен как патрия. В словаре Суда (Suida IV, 69, 1-8 = 803) *patria* определяется как произведение об обычаях, нравах, ритуалах и праздниках в городах. Жанр патрии восходит к речам Либания (IV в.), прежде всего, к известной речи о его родном городе Антиохии, где на рубеже V–VI вв. жил сириец Иоанн Малала. Именно в V–VI веках этот жанр становится популярным, и появляются патрии столичных городов Рима, Константинополя, Александрии, провинциальных городов Тарса, Аназарба, Берита, Никеи, Милета, Фессалоник, а также других городов. Эти патрии не сохранились, но упоминания о них встречаются у Иоанна Малалы (Mal. 167. 39–40) и у поздних византийских авторов. Этот жанр, как считают исследователи “Хронографии”⁶, имел значительное влияние на ее содержание. Ученые указывают на патрию Константинополя, написанную Гизихием Милетским, цитируемую хронистом без указания источника и материал об Антиохии, созданный по подобию константинопольской патрии. Легендарная история Рима у Иоанна Малалы также имеет черты этого жанра, Антиохия Великая и Константинополь удостаиваются наиболее полного экфрасиса.

Примечания

¹ Ioannis Malalae Chronographia / Rec. H. Thurn. Berlin, New York, 2000. В статье даны ссылки на это издание, вместо традиционных ссылок на боннское издание Л. Диндорфа 1831 года, в котором отсутствует первая книга.

² Более подробно см.: Самуткина Л.А. Концепция истории в «Хронографии» Иоанна Малалы. Иваново: ИвГУ, 2001. 126 стр.; Она же. Модель цивилизации в «Хронографии» Иоанна Малалы // Личность. Культура. Общество. Спец. вып. 1–2 (19–20) 2003. С. 389–396; Она же. Летосчисление от Адама в ранневизантийской хронистике // Проблемы социальной истории и культуры Средних веков и раннего Нового времени / Под ред. Г. Е. Лебедевой. Вып. 5. СПб., 2005. С. 184–197.

³ См.: Мещерская Е. Н., Зайцев Д. В. Вероника // Православная энциклопедия / Под ред. Патриарха Московского и Всея Руси Алексия II. М., 2004, Т. VII. С. 722–723.

⁴ О Тихах см: Moffatt A. A record of public buildings . . . P. 105–107; Jeffreys E. Malalas world view // Studies in John Malalas / Ed. by E. Jeffreys with B. Croke and R. Scott. Sydney, 1990. P. 56–57.

⁵ Римская копия бронзового оригинала Тихи Антиохии, изваянной учеником Лисиппа Евтихиом из Сикиона около 290 г. до н.э. Копия хранится в Ватиканских музеях.

⁶ Kazhdan A.P. Patria // Oxford Dictionary of Byzantium . . . Vol. 3. P. 1598; Moffatt A. A record of public buildings and monuments // Studies in John Malalas / Ed. by E. Jeffreys with B. Croke and R. Scott. Sydney, 1990. P. 96–99; Downey G. A History of Antioch in Syria from Seleucus to the Arab Conquest. Princeton, 1961. P. 112.

Степанова Е.В.

Эрмитажная печать архонта вихитов Эллады¹

В коллекции Государственного Эрмитажа хранится печать, когда-то находившаяся в собрании Русского археологического института в Константинополе (РАИК).²

Л.с. Шестиконечный крест на ступенях, в углах — маленькие крестики. По краю круговая надпись: КЕРОНΘΕΙΤΩΣΩΔ.

Надпись в шесть строк (первая строка не отпечаталась):

...Р/ΟΣΤΙΑΡΙ
ΕΠΙΤΩΝΟΙΚ
ΙΑΚΩΝΣΑΡΧ
ΟΝΤΒΙΧΙΤ,
ΕΛΛΑΔ/

Κ(ύρι)ε βοήθει τῷ σῷ δ[ούλῳ]... β(ασιλικῷ) ὁστιαρίῳ(ῳ) ἐπὶ τῷ
οἰκειακῷν (καὶ) ἔρχοντη βιχίτῳν Ἑλλαδ(ος)

«Господи, помоги своему рабу (имя не сохранилось), императорскому остиарию, эпи тон ойкеакон и архонту вихитов Эллады».

По сфрагистическим признакам эта печать датируется рубежом IX/X в.

Данный памятник относится к очень малочисленной группе печатей, принадлежащих архонтам одного из славянских племен — вихитов, проживавших на территории Греции.³ Содержание должности архонтов славян трактовалось по-разному. Скорее всего, речь идет о византийских чиновниках, представлявших интересы империи на территории, где преобладало негреческое, в данном случае славянское, население.⁴ Об официальном статусе архонтов свидетельствует, в частности, наличие у владельца рассматриваемой нами печати титула императорского остиария — не самого высокого титула евнухов.⁵, и придворной должности πταυοχειαχίν.⁶

В отличие от ряда других славянских народов (другувитов, сагудатов, велегезитов и т.д.) информация о вихитах в письменных источниках отсутствует. Единственными памятниками, упоминающими это племя, являются моливдовулы, где идет речь об архонтах вихитов. Одна из печатей хранится в Эрмитаже, ее владельцем был Константин (относится к началу IX в.)⁷, другая была опубликована Г. Закосом и А. Веглери, это печать Эсага, спафарокандидата (IX в.)⁸. Еще одна издана Дж. Нэсбиттом и Н. Икономидисом и принадлежала Никите, императорскому спафарокандидату.⁹ Кроме вышеуказанных существуют только две печати, содержащие в легендах указание как на вихитов, так и на топоним «Эллада». Благодаря этим экземплярам становится понятным, что вихиты проживали в феме Эллада.¹⁰ Одна из этих печатей, из бывшего собрания В. Лорана, хранится во Французском институте византийских исследований (IFEB) и была опубликована сравнительно недавно.¹¹ Она датируется рубежом IX/X в. и принадлежит Иоанну, императорскому кувикулюрию и архонту вихитов Эллады. Титул кувикулярия в византийской «табели о рангах» обычно присваивался евнухам.

Другая печать была издана А.Д. Мордтманом, автором ряда основополагающих работ по византийской сфрагистике, около полутора столетий назад. Судя по описанию автора (печать не воспроизведена) на л.с. этого экземпляра помещен, как пишет автор, двойной крест, в углах которого располагаются небольшие кресты. По краю идет инвокативная формула. На обороте печати сохранилась надпись в шесть строк (первая строка отсутствует): «...βασιλικῷ ὀστιαρίῳ
ἐπὶ τῶν οἰκειαῖν (καὶ) ἄρχοντι βιχίτῳ Ἐλλαδοῖς» (имя не отпечаталось).¹² После публикации Мордтмана следы печати теряются, дальнейшая история памятника неизвестна. Сопоставление описания этой печати с описанием эрмитажного экземпляра показывает, что они полностью совпадают, включая расположение букв в строках, и особенности оттисков печатей (в результате чего имя заказчика не сохранилось).

Различие заключается лишь в том, что А.Д. Мордтман видел окончание «!» в слове «ἄρχοутι», в то время как на эрмитажном экземпляре это слово, насколько можно видеть, оканчивается на «η» (явление итализма). Есть все основания предполагать, что опубликованный А.Д. Мордтманом экземпляр — именно тот, который ныне хранится в собрании Эрмитажа.

В Эрмитаж этот моливдовул попал из РАИКа. Как это произошло, можно высказать следующее соображение. Известно, что А.Д. Мордтман работал врачом в немецкой больнице Стамбула, и сам был владельцем большой коллекции византийских моливдовулов, собранной в турецкой столице. В дальнейшем одна ее часть (около 500 экземпляров) была продана в Венский мюнцкабинет, некоторые печати были приобретены русским нумизматом И.И. Толстым, более двадцати экземпляров были подарены А.Д. Мордтманом Восточному мюнцкабинету в Йене.¹³ Кроме того, в своих публикациях наряду с собственными сфрагистическими материалами он широко использовал печати стамбульских коллекционеров и торговцев, которые охотно предоставляли ему свой материал.¹⁴ Исследователь нередко делал пометки, в составе какого именно собрания хранится та или иная печать. Однако в статье Мордтмана нет упоминания о том, что печать архонта вихитов Эллады происходит из его коллекции. Возможно, она принадлежала не Мордтману, а другому, неизвестному нам, владельцу, который позже продал ее в музей РАИКа. Тем более, что никаких данных о том, что деятельность А.Д. Мордтмана каким-то образом была связана с институтом, нет: его фамилия не значится ни в одном списке дарителей или продавцов экспонатов для музея института.

Настоящая публикация печати императорского остиария, эпи тон ойкеакон и архонта вихитов Эллады, представляется нам важной по нескольким причинам. Прежде всего, потому, что данный моливдовул сам по себе представляет значительную историческую редкость, подтверждая суще-

ствование вихитов в Элладе. Печать была издана, но никогда не была воспроизведена на страницах исторических трудов. Постоянно ссылаясь на публикацию А.Д. Мордтмана, исследователи не имели непосредственного доступа к памятнику, что позволяло имвольно интерпретировать чтение его легенды. Так, через некоторое время после статьи А.Д. Мордтмана, появилось исследование Н.А. Вейса¹⁵, в котором он приводит другую печать из частной коллекции Х. Каллиспери-са, принадлежавшую (согласно чтению автора) Льву, императорскому остиарию, эпи тон ойкеакон и архонту *Фивитов и Эллады*. Насколько правильным было предложенное им чтение, судить сложно, поскольку, как и печать Мордтмана, моливдову не был воспроизведен в статье. Однако в своем комментарии Н.А. Вейс предположил, что издаваемый им экземпляр идентичен печати Мордтмана, следовательно, и она принадлежит Льву, архонту Фивитов и Эллады. В дальнейшем это мнение было поддержано и другими исследователями, в частности В. Зайбтом¹⁶. Обнаружение подлинного памятника не оставляет сомнения в том, что чтение А.Д. Мордтмана верно и мы имеем дело фактически с двумя разными печатями.

Примечания

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Византийские печати с географическими названиями из собрания Государственного Эрмитажа», проект № 08-01-00318.

² M-1333. Нб. дм.-26 мм. Сохранность: трещина вдоль канала л.с. Утраты металла в местах выходов канала. Матрицы л. и о. с. повернуты по отношению друг к другу на 180°. Оттиски сдвинуты.

³ Тема расселения славянских племен в южных областях Балканского полуострова на протяжении VII–X вв. неоднократно обсуждалась на страницах многочисленных научных исследований. См. Иванова О.В., Литаврин Г.Г. Славяне и Византия // Раннефеодальные государства на Балканах. VI–XII вв. М., 1985. С. 90–98;

Oikonomides N. L'archonte Slave de l'Hellade au VIII siècle // Византийский временник. 1998. Т. 55. Ч. 2. С. 111–118.

⁴ Науменко В.Е. К вопросу о статусе славянских «архонтов» Македонии и Греции в «темные века» // Россия и мир: панorama исторического развития. Сб. научных статей, посвященный 70-летию исторического факультета Уральского государственного университета им. А.М. Горького. Екатеринбург, 2008. С. 181-189.

⁵ Oikonomides N. Les listes de preseance byzantines des IX et X siecles. P., 1972. P. 300.

⁶ Ibid. P. 299.

⁷ Schlumberger G. Sigillographie de l'empire byzantin. P., 1884. P. 144; 443; 731, 3 = Лихачев Н.П. Моливдовулы греческого Востока / Сост. и автор коммент. В.С. Шандровская. М., 1991. Табл. LX, 3. Г. Шлюмберже считал, что резчик печати ошибся и в слове ΒΙΧΗΤΩ(Ν) вместо Ν вырезал Χ, и таким образом, по мнению автора, печать могла принадлежать архонту (главе) цирковой партии венетов.

⁸ Zacos G., Veglery A. Byzantine Lead seals. Basel, 1972. Vol. I, 2. No. 1877.

⁹ Catalogue of Byzantine Seals at Dumbarton Oaks and in the Fogg Museum of Art. Vol. 2: South of the Balkans, The Islands, South of Asia Minor / Ed. By J. Nesbitt and N. Oikonomides. Washington, 1994. No. 10.1.

¹⁰ О содержании топонима Эллада в разное время см. Ibid. P. 24.

¹¹ Dexinger F., Seibt W. A Hebrew lead seal from the period of the Sasanian occupation of Palestine (614-629 A.D.)//Revue des études juives. 1981. T. 140. Fasc. 3-4. P. 313. Note 41. Seibt W. Siegel als Quelle für Slawenarchonten in Griechenland //Studies in Byzantine Sigillography. Washington, 1999. Vol. 6. P. 34.

¹² Mordtmann A. Μολυβδόβουλλα βυζαντινὰ ἐπαρχιῶν Εὐρώπης // Ἑλληνικὸς Φιλολογικὸς Σύλλογος Κονσταντινουπόλεως. 1886. XVII. Supplement. P. 149. no. 19.

¹³ Соде К. А.Д. Мордтман Младший (1837-1912) и начало византийской сигиллографии // Византийский временник. М., 1994. Т. 60(85). С. 178-182.

¹⁴ Там же. С. 181.

¹⁵ Bees N.A. Zur Sigillographie der byzantinischen Themen Peloponnes und Hellas // Византийский временник. М., 1914. Т. 21. С. 201–203.

¹⁶ Seibt. Siegel als Quelle für Slawenarchonten in Griechenland. P. 34.

Шандровская В. С.

Печать с портретом Григория Просветителя (Лусоворича) XI в.

Работа над коллекцией византийских моливдовулов Эрмитажа, представляющих интерес как исторические источники и художественные памятники, дала возможность представить одну весьма примечательную печать под шифром М-2213 (илл. 1).¹

На лицевой стороне — погрудное изображение святого Григория, переданное в фас. Удлиненное морщинистое лицо, обрамленное клинообразной бородой, высокий лоб с залисинами, большие глаза на выкате, оттопыренные уши. На святом епископское облачение, хорошо виден омофор с крестами. Правая рука святого в жесте двуперстного благословения, левая прижимает к груди книгу Евангелия с орнаментальным узором. Надпись столбиком по сторонам: Ο - ΓΡ - Ι - ΓΟΡ, Τ, - Μ² - ΑΡ - Μ, Ν, = Ὁ ἦγιος Γρηγόριος της Μεταμορφώσεως Ἀρμενίας = «Святой Григорий Великой Армении». Читается также круговая надпись /оттиснулась неполностью/: +ΚΕΡΟ ..... - ΥΛ = +Κύριε βοήθει τῷ σῷ δούλῳ = «Господи, помоги своему рабу». (илл. 1)

Перед нами — портретное изображение исторической личности — основателя армянской церкви, ее первого патриарха, много свершившего в борьбе против язычества и в распространении новой христианской веры. Неслучайно Григорий назван «несущим свет», по-армянски: «Лусоворич». Армения — первая страна в мире, где христианство было принято в качестве государственной религии.

Образ Григория Просветителя в сфрагистике впервые запечатлен на печати из коллекции Г. Закоса, изданной в

1994 г. Вернером Зайбтом.³ При физиономическом сходстве изображенных, печати исполнены разными мастерами. Судя по фотовоспроизведению, печать Закоса более четко передает черты лица, детали одежды и декор переплета Евангелия. Характерным отличием ее лицевой стороны служит сопутствующая надпись, в которой назван официальный статус Григория: «Ο ἄγιος Γρηγόριος ἀρχιεπίσκοπος τῆς Μέγαλης Ἀρμενίας» = «Святой Григорий, архиепископ Великой Армении». Заказчиком моливдовула назван Апельгариф Арсакид, антипат патрикий, вест, стратиг Селевкии. Середина XI в.

Портретные изображения в сфрагистике редки, тем больший интерес и ценность имеют печати, передающие образ известного церковного деятеля — Григория Просветителя. Выбор его своим небесным покровителем не был случайным: оба заказчика печатей (эрмитажной и Закоса) были армянами по происхождению, о чем свидетельствуют их личные и фамильные имена. На обороте эрмитажной печати читается надпись:

+ΣΕΒΑΤ/	+Σεβάτ(α)
ΑΣΠΑΘΑΡ.Σ	(πρωτο)σπαθάρ(ιος και)
ΣΤΡΑΤΙΓΘΕ	στρατιγ(ός) θέ-
ΜΣΕΡΒΙΤΟ	μ(ατος) Σερβίου ό
ΣΕΝΑΧΕΡ	Σεναχερ-
.Μ	[i]μ

+Σεβάτα πρωτοσπαθάριος και στρατ(η)γός θέματος Σερβίου ό
Σεναχερ(εί)μ = «Севата Сенахерим, протоспафарий и
стратиг фемы Сервии» (илл. 2)⁴

С Григорием Лусоворичем связаны легенды, переданные армянским историком V в. Агафангелом, автором его «Жития»⁵ Арабская версия повествования, изданная Н. Я. Марром,⁶ дает представление об испытаниях, выпавших на долю Григория.

Будучи мирянином, святой Григорий претерпел много мук из-за христианской веры от армянского царя-язычника Трдата III (273–330).

По приказу царя, Григория подвешивали к столбу вниз головой, расплющивали ступни, опускали в железный котел с расплавленным свинцом, совершали также и другие бесчинства. Многие издевательства претерпевал он и от стражников, когда был брошен в яму со змеями и скорпионами, где находился 65 дней. Одна вдова из дворца доставляла ему туда немного хлеба и воды. За свои злодеяния потерял царь Трдат человеческий вид, принял он обличье дикой свиньи, став «Свиноголовцем». С ним случилось нечто подобное, что некогда произошло с вавилонским царем Навуходоносором, о чем писал пророк Даниил: «отлучен он был от людей, ел траву, как вол, и орошалось тело его росою небесною, так что волосы у него выросли как у льва, и ногти у него — как у птицы».⁷ Приближенные царя Трдата тоже были «не в себе»: они рвали собственные одежды и ели свое мясо. Сестра царя, сведущая в сновидениях, увидя трижды во сне ангела, сказала царю, что избавиться от страшной болезни он сможет лишь с помощью святого Григория. Вынужден был тогда Трдат освободить пленника и лишь после этого принял он прежний вид; исцелил Григорий своего мучителя. Затем по желанию царя архиепископ Кесарии Каппадокийской Леонтий посвящает Григория в иерархи армянской церкви. Григорий, взяв царя за руку, приводит его к церкви, где показывает ему изображение Христа, украшающее тимпан входа. Так был крещен Григорием царь Трдат, крещение получила и царская семья. Многие люди стали обращаться к святому с просьбой о прощении за грехи, и ответил им Григорий: «Я — человек, подобный вам. Однако исповедуйте Бога, творца неба и земли, солнца, луны и звезд, суши и моря и буду молить Бога, чтобы он сжался над вами». Царь издает указ: «всем поданным принимать христианство».⁸ Было это, как гласит предание, в 301 г.

Первосвятитель Григорий со словами Евангелия путешествует из страны в страну. Согласно повествованию Агапангела, он устанавливает деревянные кресты вместо языческих жертвенныхников и изображений, а также и в тех местах, где должны быть построены церкви и монастыри. Позже деревянные кресты стали сменять на каменные, а позже появились знаменитые армянские хачкары с крестами. Также и стелы постепенно заменили собой языческие памятники с их символами и изображениями. На раннехристианских рельефах можно увидеть Григория Просветителя, при котором Армения стала христианской страной, и царя Трдата, издавшего указ о принятии христианства. Примером может быть стела из Аричи IV–V вв. где представлены: Христос, дающий закон, а на боковых сторонах — Богоматерь с младенцем (с одной стороны), Григорий с Трдатом (с другой стороны).⁹ (илл. 4) «По сведениям армянских источников, царь Трдат III и Григорий Просветитель, разрушая языческие храмы, на месте большинства из них воздвигали первые христианские церкви Армении».¹⁰ В некоторых храмах воспроизводились сцены житийного цикла Лусовича. С этим знакомит нас посвященный ему храм Тиграна Оненца 1215 г. (илл. 3) Исследователь этого памятника — А.Я. Каковкин,¹¹ подробно рассматривает содержание 16 композиций, раскрывающих мученичество и проповедническую деятельность Григория, усматривая в идейном замысле росписи прославление и утверждение христианской веры в Армении.

Изображения Григория Просветителя (отдельно или вместе со святыми мучениками — христианами или прославленными епископами) можно встретить во множестве на различного вида памятниках. Примерами служат: складень — реликварий Хотакерац Сурб Ншан 1300 г.¹² (илл. 6) или «Хоругвь святого Григория Просветителя» 1448 г. (наиболее ранний образец лицевого шитья)¹³ (илл. 7), где на шелковой прямоугольной голубой основе изображены: святой Григорий в

патриаршем облачении, царь Трдат и святая дева Рипсиме в длинных орнаментированных одеяниях. Им имена вышиты над головами. На другой стороне хоругви переданы: Христос, солнце и луна и вышита памятная надпись.

Сцены мученичества и чудес Григория Армянского нашли отражение также в древнерусском искусстве.¹⁴

С утверждением в Армении христианства как государственной религии и с именем Григория Лусоворича связано предание, относящееся к возведению первой армянской церкви в бывшем городе Вагаршапате (Эчмиадзин) — родине Григория, сына Анака и Окоге (он родился в 257 г.) (илл. 5) Собор был возведен в центре столицы. Армянские историки V в. постройку первоначального здания собора Эчмиадзин относят к 301–303 гг. Согласно преданию, Лусоворич увидел во сне Христа, сына Мнацина (Единородного), который с огненным молотом в руках снизошел с небес и указал место для строительства храма. Отсюда и происходит его название — Эчмиадзин, что означает «место сопствия Единородного».¹⁵

Григорий Просветитель был хорошо известен в византийском мире и пользовался большой популярностью.¹⁶ Об этом свидетельствует огромный материал: фрески, мозаики, живопись, греческие рукописи, синаксари, иллюстрированные менологии, приведенный в статье Серарпи Тер-Нерсесян «Портреты Григория Просветителя в византийском искусстве».¹⁷ Перечень знаменитых храмов, монастырей, рукописных хранилищ, охватывающий огромную территорию, столь велик, что всех их трудно перечислить /можно лишь отослать читателя непосредственно к самой статье/. Среди портретов несомненный интерес вызывает первое изображение Григория на мозаике святой Софии в Константинополе (илл. 8), где он, согласно иконографической схеме изображения святителей, передан в рост, в фас, в епископском облачении, благословляющий правой рукой, левой он держит Евангелие. Мозаики, открытые в 1847–49 гг., — их от-

носят ко времени Василия I (867–886) - погибли, но, к счастью, были скопированы художником Г. Фоскати и позже изданы. Интересен портрет Лусоворича, находящийся в церкви Теотокос Паммакартистос в Константинополе XIV в.¹⁸ (илл. 9) Весьма примечательна, как считает сама С. Тер-Нерсесян, псалтирь 1066 г. Британского музея¹⁹, содержащая две миниатюры (илл. 10) со сценами из жизни Григория, рассказанными Агафонелем. На фоне миниатюр даны греческие надписи: «Святой Григорий, вытащенный из грязной ямы» и «Святой Григорий приводит Трдата к Христу». Значение этих двух сцен лондонской псалтири, по мнению С.Тер-Нерсесян в том, что они служат свидетельством более раннего (чем 1066 — В.Ш.) существования повествовательного цикла. Они не только более ранние византийские примеры, но также предшествуют почти на два века сохранившимся армянским образцам.²⁰

В связи с рассмотрением эрмитажной печати и сопровождающей изображение надписи очень важным представляется наблюдение: «неслучайно, что большинство изображений Лусоворича на памятниках византийского ареала сопровождается надписью: «Святой Григорий Великой Армении», что соответствует надписи на эрмитажной печати.²¹

Легенды и реально происходящие события дают некоторое представление о национальном святом Армении — Григории Просветителе (Лусовориче). Его портретное изображение, избранное владельцами печатей своим патроном, позволяет включить сами печати в число уже известных армянских и византийских памятников с изображением выскочкимого иерарха церкви.

Примечания

¹ Печать М-2213. Диаметр: 26,0 мм. Отиск неполный, смешен вверх. Сохранность: выперблена сверху и снизу, утрата букв на

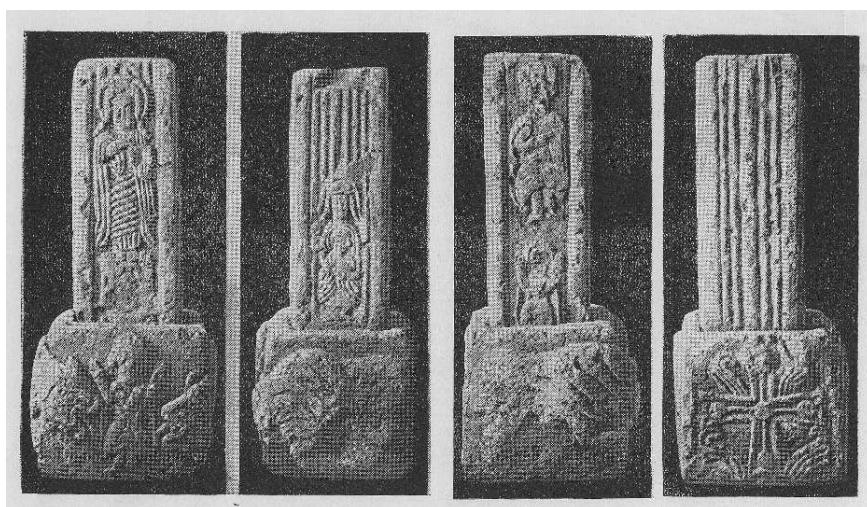
Илл. 1. Печать Эрмитажа М-2213. XI в. лиц. ст.

Илл. 2. Печать Эрмитажа М-2213. XI в. об. ст.

Илл. 3. Св. Григорий. Храм Тиграна Оненца. 1215 г.

Илл. 4. Рельеф из Аричи. IV–V вв.

обороте. Печать поступила в музей в 1931 г. из собрания б. Русского археологического института в Константинополе.

² При передаче слова ' — «Великая» использована лигатура: МГ

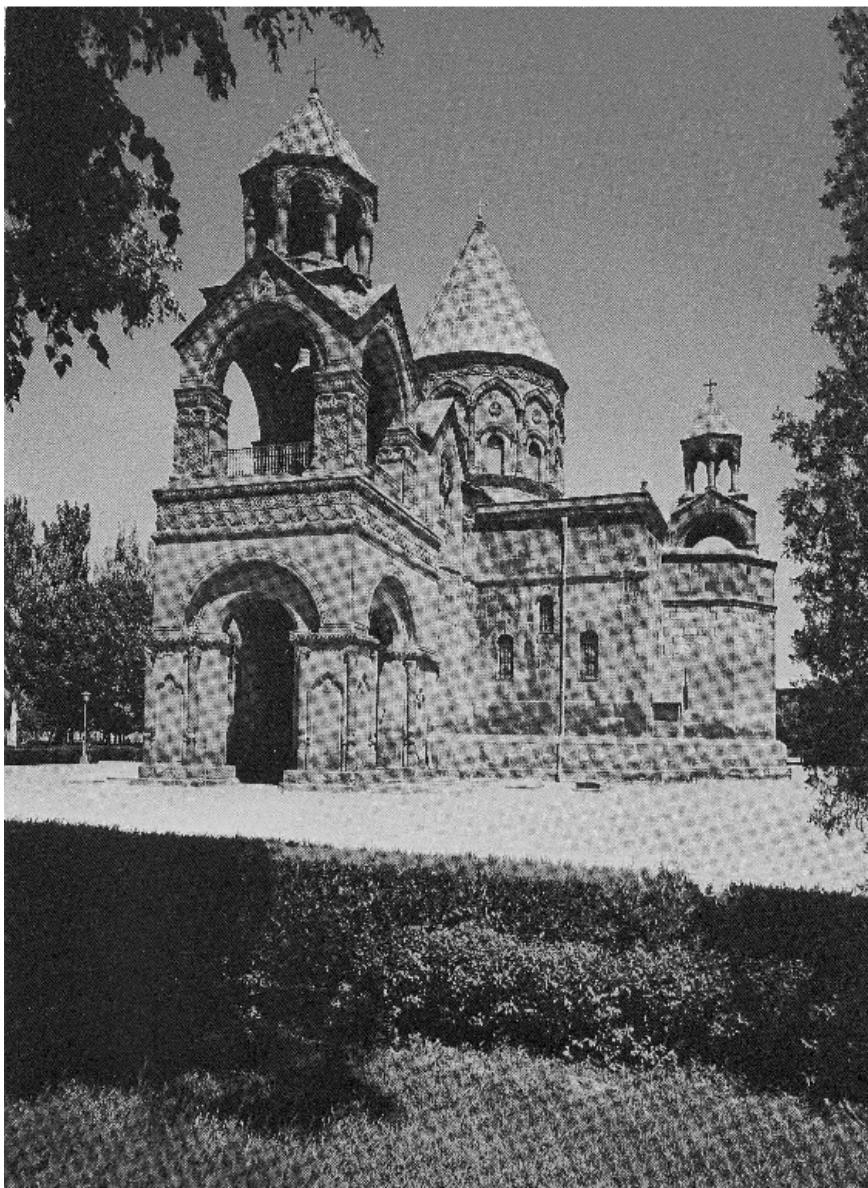
³ Seibt W. Αρσακίδης / Arsakuni – Armenische Aristokraten in byzantinischen Diensten // JÖB. 1994. Bd. 44. S. 352–353, № 3.

⁴ Шандровская В.С. Неизвестный правитель фемы Сервии // Античная древность и средние века. Екатеринбург. 2009. Вып. 39. С. 209–218.

⁵ В X в. тексты восстановлены Симеоном Метафрастом.

⁶ Mapp Н.Я. Крещение армян, грузин, абхазов и аланов святым Григорием (арабская версия) // Записки Восточного Отделения Императорского Русского Археологического общества. СПб., 1905. Т. 16. Перевод арабского Агафангела сделан с греческой рукописи: Тер-Гевондян А.Н. Новая арабская редакция Истории Армении Агафангела // Палестинский сборник. 1967. Вып. 17(80). С. 128.

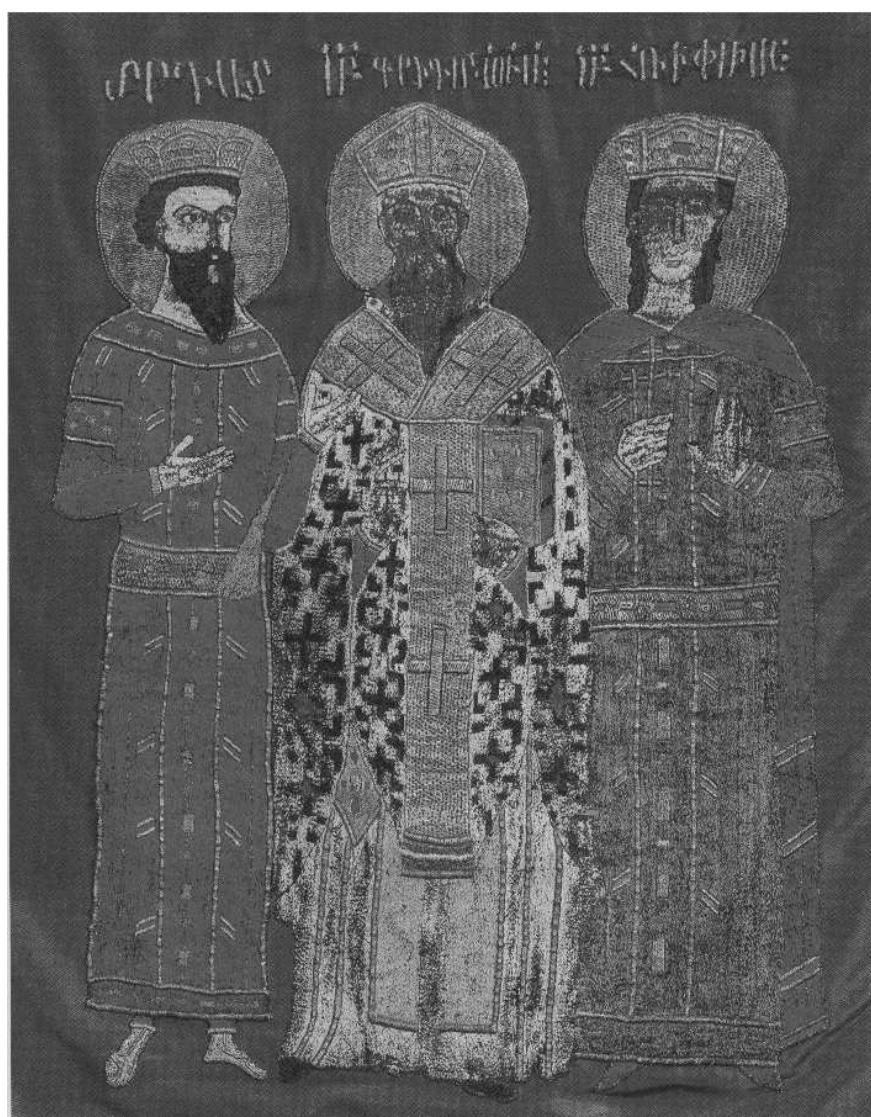
⁷ Библия. Книга священного писания Ветхого и Нового завета. М., 1968. Книга пророка Даниила. 4:30.

Илл. 5. Эчмиадзин. Собор.

Илл. 6. Складень – реликварий. Хотакерац Сурб Ншан. 1300 г.

Илл. 7. Хоругвь св. Григория Просветителя. 1448 г.

Илл. 8. Портрет св. Григория. Мозаика в храме св. Софии IX в.

Илл. 9. Портрет св. Григория. Мозаика церкви Теотокос Паммакартистос. XIV в.

Илл. 10. Миниатюры псалтири. 1066 г. Британский музей.

⁸ Марр Н.Я. Крещение. С. 63.

⁹ Аракелян Б.Н. Сюжетные рельефы Армении IV–VII вв. Ереван, 1949. Илл. 21; Декоративное искусство средневековой Армении. Л., 1971. С. 13.

¹⁰ Астяян М. Очерки армянской архитектуры. М., 1985. С. 29.

¹¹ Каковкин А.Я. Житийный цикл Лусоворича в храме Тиграна Оненца 1215 г. в Ани // Вестник Ереванского Университета. Ереван, 1989. № 3.

¹² Сокровища армянской церкви из собрания святого Эчмиадзина. СПб., 2000. С. 29. № 5.

¹³ Там же. С. 90–91. № 62.

¹⁴ Каковкин А.Я. Образ Григория Армянского на некоторых памятниках древнерусского искусства // Приведено армянское название журнала. Ереван, 1976. № 2. С. 166–172.

¹⁵ Арутюнян. Эчмиадзин. М., 1985. С. 6–8. В настоящее время Эчмиадзин — место резиденции Верховного патриарха, католикоса всех армян.

¹⁶ Каковкин А.Я. Страница армяно-византийских отношений в IX веке (о причинах популярности Лусоворича в Византии) // Вестник Ереванского Университета. Ереван. 1982, № 1 (46). С. 134–137.

¹⁷ Der Nersessian S. Les portraits de Grégoire l’Illuminatuer dans l’art byzantin // Byzantion. Bruxelles. 1967. Т. 36 (1966), fasc. 2. P. 386–395.

¹⁸ Ibid. Pl. II.

¹⁹ Ibid. Pl. V; P. 394.

²⁰ Ibid. P. 395.

²¹ Каковкин А.Я. Страница армяно-византийских отношений в IX в. С. 136, прим. 12.

Степаненко В.П.

К атрибуции печати Марии Мон<>ахи

В 1962 г. В.Л. Янин и Г.Г. Литаврин издали печать Марии Мон<>ахи, благородной архонтиссы, с изображением св. Андрея на л.с. приписанную ими дочери императора Константина Мономаха и жене киевского князя Всеволода.¹ По мнению издателей, «неразборчивость третьей буквы в слове, следующем за именем Мария, делает вероятным еще один вариант перевода надписи : «Печать Марии, монахини (?), благородной архонтиссы». Придерживаясь дословного перевода, можно, например, выдвинуть предположение о том, что рассматриваемая булла принадлежала монахине Андреевского монастыря, хотя бы его основательнице Янке, дочери Всеволода — Андрея Ярославича, которая действительно была «благородной архонтиссой». Однако такое предположение следует отвести с самого начала, поскольку схимница даже княжеского происхождения оставляла при пострижении все свои мирские титулы за воротами монастыря. Мы уже познакомились с княжескими печатями, на которых князья именуют себя уничтожительно просто «рабами божьими». Тем более невозможно пышное титулование на монашеской и к тому же женской булле. К слову, монашеские печати в русской сфрагистике XI–XV вв. неизвестны вовсе».²

На наш взгляд, аргументация авторов не совсем корректна, так как данные утверждения было бы желательно подкрепить примерами из византийской сигиллографии, раз уж надпись печати греческая, а сама печать атрибутируется гречанке Марии Мономахе. А в византийской сфрагистике монастырские и монашеские печати известны в большом количестве.³ Более того, представители византийской элиты

как мужского, так и женского пола никогда даже в монастыре не забывали о своем происхождении, о чем свидетельствуют надписи их печатей. Кесарь Иоанн Дука, постриженный в монахи в 1074 г., назван в надписи его печати Игнатием, монахом и кесарем.⁴ Известна печать Ксении Комниной, монахини и куропалатиссы. По мнению издателей, в миру это была Феодора Комнина, вдова сына Романа Диогена Константина, убитого под Антиохией в 1074 г.⁵, при постриге принявшая имя Ксении. В надписях печатей матери Алексея Комнина Анны Далассины, она — монахиня и куропалатисса (после 1067 г.)⁶, монахиня и мать василевса (после 1081 г.)⁷. Известны печати Ирины, монахини и зосты (2 пол. XI в.)⁸, Евдокии Таронитисы, монахини и севасты (конец XI в.)⁹, Марии, монахини и протовестархисы (XI в.)¹⁰, Зои Комниной, монахини и куропалатиссы (2 пол. XI в.)¹¹, Марии, монахини и сестры императора Константина (2 пол. XI в.)¹². При этом патроним обычно стоит в конце надписи, хотя это и не обязательно. Тем не менее неизвестная по имени монахиня сочла необходимым а надписи своей печати подчеркнуть, что она Дукаина Куртикина (2 пол. XI в.).¹³ Как следствие, вышеупомянутые исследователями аргументы в пользу атрибуции печати Марии Мономахине отпадают или, как минимум, не являются решающим.

Что же остается? — Изображение Андрея Первозванного на л.с. печати. В принципе, изображение св. мужей на женских печатях известны в византийской сигиллографии. Так, например, на л.с. печати Анны стратигиссы помещено изображение лоратного архангела Михаила.¹⁴ Оно явно не имеет прямого отношения к владелице печати, но подтверждает статус ее мужа-военного (стратига), так как архангел Михаил был архистратигом небесных сил и покровителем воинов, а также, вероятно, указывает на имя стратига — Михаил.

Печать Марии, благородной архонтиссы, судя по качеству матриц, явно выполнена русским резчиком. Как указа-

ли издатели, в основе образа ап. Андрея Первозванного на л.с. печати Марии лежит серия его изображений на печатах Всеволода Ярославича.¹⁵ Но А.П. Каждан в этой связи отмечал, что «чтение Мономаха весьма сомнительно. Много проще прочесть здесь «монахиня». Она могла быть монахиней монастыря св. ап. Андрея Первозванного, а не супругой Андрея-Всеволода. И, наконец, Мария несомненно не «архонтисса России», а просто «благородная архонтисса». В этом случае печать утрачивает свое отношение к загадочной жене Всеволода».¹⁶ Последнее замечание наиболее существенно, так как даже Феофано, предполагаемая супруга князя Олега – Михаила Святославича, киевским князем не бывшего, в надписи своей печати называет себя «архонтиссой России».¹⁷

В заключение отметим, что в свете вышеприведенной информации атрибуция печати Марии, монахини и благородной архонтиссы Марии Мономахе хотя и вероятна, но в настоящее время безусловно недоказуема.¹⁸

Примечания

¹ Янин В.Л. Литаврин Г.Г. Новые материалы о происхождении Владимира Мономаха // Историко-археологический сборник. А.В. Арциховскому к 60-летию со дня рождения. М., 1962. С. 205. Аргументация повторена в: Янин В.Л. Актовые печати Древней Руси X–XV вв. Т. 1. М., 1970. С. 17–19.

² Там же. С. 17.

³ Из последних публикаций см.: Burgurlu V. Bizans Kurşun Mühürleri. İstanbul, 2007. Nos. 222–227.

⁴ Zacos G., Veglery A. Byzantine lead seals (I). Basel, 1972. Т. I. Part 3. № 2685. Cheynet J.-Cl. Les sceaux de la famille de Doukas provenant de l'ancienne collection Georges Zacos // Captain and Scholar. Papers in memory of Demetrios I. Polemis. Andros, 2009. P. 37–39, no. 3–4. См. также печать Иоанна Пафлагонца Орфанотрофа, в надписи которой он назван монахом и орфанотрофом (1028–1042) - Zacos, I. 3, № 2677–2677 bis.

⁵ Cheynet J.-Cl., Morrisson C., Seibt W. Sceaux byzantins de la collection Henry Seyrig. Paris, 1991. № 290.

⁶ Zacos I
3, № 2695

⁷ Idem. № 2696.

⁸ Zacos G. Byzantine lead seals (II). Berne, 1985. № 448.

⁹ Laurent V. Le corpus des sceaux de l'empire byzantin. L'Eglise. Paris, 1965. Т. 5/2, № 1468.

¹⁰ Id. № 1474.

¹¹ Id. № 1476.

¹² Id. № 1477bis.

¹³ Corpus, 5/2, № 1464.

¹⁴ Zacos, II, № 361.

¹⁵ Янин В.Л. К вопросу о хронологии печатей Всеволода Ярославича // Сообщения Государственного Эрмитажа. 1975. Т. XL. С. 64–66.

¹⁶ Kazhdan A.P. Rus'—Byzantine Princely Marriages in the Eleventh and Twelfth centuries // Harward Ukrainian Studies. 1988–1989. V. 12/13. P. 417.

¹⁷ Янин В.Л. Актовые печати Древней Руси. С. 25.

¹⁸ Подобный казус произошел с печатью Михаила Матарха, приписанной князю Тмутаракани Олегу-Михаилу Святославичу и изданной как принадлежащей ему. См. Янин В.Л., Гайдуков П.Г. Актовые печати Древней Руси X–XV вв. М., 1998. Т. 3, № 29а. Но ср.: Шандровская В.С. К толкованию легенды одной свинцовой печати // Хранитель Эрмитажа. К 100-летию со дня рождения И.Г. Спасского. СПб., 2004. С. 250–255.

Митрофанов А.Ю.

Жизненные вехи Ансельма Луканского: штрихи к историческому портрету

Церковная история Италии в XI столетии представляет собой череду драматических событий, причудливо и неожиданно сплетавшихся между собой и в этом сплетеении предопределивших дальнейшее развитие, как Церкви, так и Империи в последующие века европейской истории. Как известно, Римская церковь входила в XI столетие, будучи подвластна принципам германского «цезарепапизма», — цезарепапизма во много раз более жесткого, чем византийский цезарепапизм. Завершался же указанный век для Римской церкви той упорной борьбой за церковное обновление и свободу от светской власти, которой повсеместно в историографии усвоется наименование «борьбы за инвеституру». Действительно, противостояние Римских епископов и светской императорской власти, окончательно принявшая при Григории VII внешнюю форму борьбы за право инвеституры епископов и аббатов, оказала важнейшее влияние, как на всю Западную церковь, так и на средневековое итальянское общество. Можно с уверенностью утверждать, что «борьба за инвеституру», начавшись как канонический конфликт папы и императора, очень быстро превратилась в конфликт между двумя пониманиями принципов существования земной церкви. В значительной степени этот конфликт уже был предопределен движением патаров против клира Миланской архиепископии, лидеры которого, пожалуй, впервые попытались воплотить идеалы клунийского движения в общественной и политической жизни, попытались изменить, причем изменить насильственно, а не соборно, привычный для раннесредневековых поколений церковный *modus vivendi*. Борьба

за инвеституру позволила в определенный исторический момент каждому активно мыслившему католику, как в Италии, так и за её пределами, публично обнаружить свое понимание устройства церковной жизни, дала возможность образно выражаясь, «сорвать маску» условной, прививавшейся еще с эпохи Каролингов, церковно-имперской благопристойности. Многие талантливые духовные мыслители и церковные писатели в Италии шли на этот риск, за который им вскоре пришлось отвечать, — отвечать не жизнью или политической карьерой, а личным спасением души. Неслучайно именно в эпоху борьбы за инвеституру отлучение от Церкви, раздававшееся направо и налево представителями обеих враждующих сторон, окончательно перестало быть крайним каноническим средством врачевания грешников, превратившись при этом в сознании большинства в своеобразное духовное клеймо, обрекавшее отлученного от церковного общения и тем самым заклейменного противника на адские муки. Одним из таких участников церковно-политической борьбы второй половины XI столетия стал, достаточно, малоизвестный в широкой историографии Ансельм Луканский. Именно Ансельм являлся одним из самых преданных сподвижником папы Григория VII. Именно он, осуществляя на страницах своих сочинений рецепцию римского церковного права древней Церкви, зримо направлял церковные и общественные судьбы в период схизмы Гвиберта Равеннского. Проблема рецепции греко-римского права древней Церкви была частично затронута в статье испанского канониста Ф. Мартинес Мартинеса, в которой автор анализировал эволюцию юридической терминологии в раннее средневековье, в том числе и в «Собрании канонов» Ансельма.¹ Однако, специального исследования, которое было бы посвящено биографии Ансельма, до сих пор нет.

Исторической науке хорошо известны причины и следствия борьбы за инвеституру, на фоне которой происходила Григорианская реформа Западной церкви. Характер этой

борьбы также понятен, однако целостный и четкий портрет Ансельма Луканского как канониста и общественного деятеля до сих пор еще не сложился. В связи с этим, в настоящей статье, предполагается наметить контуры и очертания этого портрета, опираясь на корпус источников, иллюстрирующих сложнейшую и противоречивую эпоху Ансельма Луканского.

Проблема общественного и семейного происхождения Ансельма во многом является ключевой для понимания его дальнейшей жизни. Указанная проблема была достаточно подробно рассмотрена Х. Келлером, который представил результаты своих научных изысканий на конференции в Лукке в 1986 г.² Ученый пришел к совершенно оправданному выводу о том, что уже с самого детства семья и общественное окружение приуготовляли то поприще церковного служения, на котором Ансельму предстояло потрудиться и самореализоваться в будущем. Источники не сообщают обстоятельных сведений в полном смысле этого слова, касающихся семьи Ансельма, который родился в 1036 г. Точно известно, что Ансельм был отпрыском знатной миланской семьи Да Бадджо (*da Baggio*), небольшие владения которой располагались недалеко от Милана. В «Житии» Псевдо-Бардона прямо сказано о том, что Ансельм «*indigena fuit, et nobilis prosapia*».³ Родным дядей Ансельма был Луканский епископ (с 1056 г.), которого также звали Ансельм. Именно он был фактическим воспитателем юного племянника, а затем его наставником. Ансельм старший был истовым поборником церковной реформы, в частности именно он всячески поддерживал движение патаров в Ломбардии, их различные выступления против миланского клира. С этой точки зрения далеко неслучайным выглядит то, что Ансельм младший должен был продолжить его дело после того, как дядя в октябре 1061 г. стал Римским понтификом Александром II. Рангieri в своей поэме, посвященной жизнеописанию Ансельма, называл его «*dignus Alexandri successor eique propinquus*».⁴

Имена родителей Ансельма остались неизвестны, также как, например, неизвестно точно, чьим братом являлся Александр II, — братом отца Ансельма или братом его матери. В письме Александра II Ланфранку содержится рекомендация принять в школу своего «fratruelis». Если идентифицировать Ансельма с этим безымянным персонажем, можно предположить, что он был сыном брата папы Александра II.⁵ Возможно, у Ансельма был брат Ариальд, вскользь упомянутый в «Житии Псевдо-Бардона».⁶ Дедом Ансельма и отцом Александра II был мириянин по имени Ардерик, умевший писать также как и его отец Таццион и брат Адельрик. Этот Ардерик — дед Ансельма, исполнял обязанности императорского представителя в графствах Миланском и Сеприйском в 1014–1015 гг. Он обладал при этом особым титулом, — титулом «рыцаря святого Амвросия» («miles sancti Ambrosi»). Х. Келлер связывал возвышение семьи Да Бадджо с выступлением миланцев против архиепископа Ландульфа. Во время этого выступления отец Ландульфа «Ambrosius qui et Bonizo» был убит слугой некоего Таццона (не исключено, что того самого Таццона, который был отцом Ардерика и працедором Ансельма).⁷ Очевидно, что семья Ансельма принадлежала к молодой миланской знати. Владения этой семьи находились на периферии городской общины. Семья обладала капитанством «di Cesano Boscone», и стремилась оттеснить старинные семьи от городского управления. Между тем, именно к старинным миланским семьям принадлежало в начале и в середине XI в. большинство миланских клириков, в том числе и сам архиепископ Ландульф.

Житие Ансельма сообщает очень мало сведений о его детстве и воспитании. О его юных годах известно только то, воспитание будущего канониста проходило под наблюдением Ансельма старшего.⁸ К моменту возникновения «патарии» — движения, ставшего тяжелым потрясением для Миланской архиепископии и всего ломбардского общества, — Ансельм был уже клириком базилики св. Амвросия. После того, как

патары выступили под началом диакона Ариальда и Ландульфа Котта против женатого духовенства и симонии, вдохновившись аскетическими лозунгами в 1056 г., Ансельм старший (будущий Александр II) оказывал им полную поддержку. Хотя Ч. Вьоланте постоянно подчеркивал, что миланский клир не был единодушен в своем отвержении проповеди «рауперес Christi» — патаров,⁹ однако большая часть духовенства архиепископии во главе со своим архиереем — епископом Гвидоном категорически осудила патарскую проповедь. Патары в действительности представляли собой в глазах многих миланских женатых священников, среди которых появлялись отпрыски знатных проимперски настроенных семейств, соборище невежественной черни. Эта чернь, вдохновляемая псевдоаскетической демагогией, нередко стремилась оправдать самочиние в Церкви, свою зависть к знати и банальную жажду разбоя мнимым радением за чистоту нравов духовенства.¹⁰ Патары нарушили вековой общественный порядок, оскорбляя, с точки зрения миланскогоnobiliteta, память св. Амвросия,¹¹ которого патары тем не менее лицемерно почитали. В этих сложных условиях двадцатилетний Ансельм должен был выбирать между сослужителями — противниками движения патаров, и дядей, который пытался направить неистовство патарских вождей в русло клунийской реформы. Поскольку Ансельм был воспитан в духе клунийских идей, которые оправдывали распространение аскетического монашеского образа жизни на весь клир любыми средствами, он выбрал сторону патаров. К сожалению, источники не сообщают практически ничего определенного об этом молодом периоде жизни Ансельма. Как покажет его дальнейшее поведение, дух движения патаров не овладел им еще полностью, быть может, из-за того, что Ансельм имел возможность лично наблюдать бесчинства фанатиков, водимых Ариальдом в Милане. Эти фанатики отрицали благодатность месс, совершившихся женатыми священниками, тем самым, отступая от католической веры в таинства, совер-

шающиеся *ex opere operato*. Они оскорбляли таинство брака, называя женатое духовенство «прелюбодеями и николаитами». Они приравнивали брак священников к не имеющему благословения сожительству, чем искаjали учение древней неразделенной Церкви о браке. Противостояние между патарами и традиционалистами в миланской архиепископии и в других регионах Ломбардии привело к тому, что между ними начались вооруженные столкновения, закончившиеся в итоге насильственной смертью их предводителей Ариальда, Эрминбальда и Ландульфа младшего. В ходе этих столкновений патары опирались на поддержку Тосканской маркграфини Беатрисы, а затем и ее дочери Матильды. В движении патаров легко угадываются черты будущих антицерковных движений черни, характерных для XII в., однако деятели клунийского движения не стеснялись оказывать им покровительство, ибо видели в малоуправляемых патарских фанатиках эффективное орудие политической борьбы за церковную реформу. Неслучайно Александр II благословил Ариальда, а кардинал Гильдебранд, будущий папа Григорий VII прислал, Эрминбальду стяг с изображением апостола Петра. Возникло дикое для многих современников противоречие, о котором справедливо писал Сигеберт из Жамблу: первый епископ Католической церкви поддерживал выступления мирян против своих пастырей. Причем эти выступления были направлены не только против отдельных представителей духовенства, которые казались недостойными, а против всей системы отношений клира и светской знати, складывавшейся веками и основанной на семейных узах между одними и другими. Хотя патары временно проиграли как политическая сила, благодаря вооруженной интервенции императора Генриха IV в ходе борьбы за investituru, их чаяния исполнились позже, когда при Викторе III и Убане II вооруженные отряды Матильды Тосканской подавили всякое сопротивление церковной реформе. Впрочем, это произошло уже после смерти Ансельма Луканского.

Оказавшийся с юности в лагере реформаторов, Ансельм долгие годы не имел возможности проявлять себя независимо, пребывая подле влиятельного дяди. В то же время дядя, по-видимому, не слишком стремился отпускать племянника, доверять ему поприще самостоятельного церковного служения. Исходя из письма священника Гуго Убальдо, епископу Мантуи, написанного уже после смерти Ансельма в связи с его грядущей канонизацией, можно сделать вывод о том, что будущий Луканский епископ получил первоначальное образование в соборной школе, существовавшей в Милане при базилике св. Амвросия.¹² Неслучайно Псевдо-Бардоне писал о том, что Ансельм «был искусным в школьных книгах, которые надежало прочесть».¹³ Став папой в 1061 г., Александр II был озабочен тем, чтобы успешно противостоять антипапе Пьетро Кадало, который опирался на императрицу Ангессу — мать юного императора Генриха IV и её окружение. В этих условиях он, вероятно, уже не мог тщательно следить за образованием племянника лично. В связи с этим понтифик решил отправить Ансельма учиться заграницу. Как свидетельствует Ч. Вьоланте, в 1063–1065 гг. Беренгарий Турский писал кардиналу Стефану с просьбой убедить папу направить своего племянника в школу Беренгария, существовавшую в Анжере.¹⁴ Однако Александр II пожелал направить племянника в другую прославленную школу той эпохи, а именно к Ланфранку в Бекский монастырь. Об этом говорится в недатированном письме папы.¹⁵ Впрочем, нет никаких более точных сведений о том, учился ли Ансельм в Нормандии в действительности или нет. В период получения образования, и даже после того, как Ансельм через некоторое время заменил своего дядю на епископской кафедре в Лукке, он не имел возможности проявить себя как церковно-общественный деятель или писатель. Возможно, именно с этим отсутствием поля для самостоятельной деятельности связано проишествие, которое сильно потрясло тридцатисемилетнего епископа Ан-

сельма и наложило отпечаток на его дальнейшее церковное служение.

Примерно в начале 1073 г. т.е. незадолго перед смертью Александра II, Ансельм получил приказание своего дяди занять его место в Лукке на епископской кафедре. Это распоряжение было вызвано тем, что сам папа уже не мог совмещать служение понтифика и окормление Луккского диоцеза. Между 18 марта и 21 апреля того же года Ансельм был избран епископом клиром и жителями Лукки. Спустя некоторое время он отправился, вероятнее всего по поручению дяди, к германскому королю Генриху IV, чтобы подтвердить свое избрание на епископскую кафедру в Лукке полагавшейся по обычай инвеститурой: посохом и перстнем.¹⁶ В «Житии» Псевдо-Бардоне обстоятельства этой поездки были изложены, чрезвычайно, путано. Там было сказано, что Ансельм поехал в сопровождении некоего Менегарда, кардинала и епископа Святой Руфины и Сильвакандиды, обладавшего к тому же графским титулом. Однако Ансельм уже тогда отвергал для себя возможность получить инвеституру из рук светского правителя, а потому возвратился домой, не дожидаясь получения епископских инсигний.¹⁷ Этим он вызвал гнев короля, который впоследствии перерастет в открытое противостояние. Сама поездка Ансельма к королю вызвала недовольство нового папы, которым 22 апреля 1073 г. стал пламенный поборник церковной реформы — кардинал Гильдебранд, принявший имя Григория VII. Следует отметить, что обычай принимать посох и перстень из рук монарха в самом деле вступал в непримиримое противоречие с фундаментальными принципами клунийского движения. Эти принципы предполагали совершенную независимость, и более того, превосходство церковной иерархии над светской властью в вопросах церковного управления и даже общественной жизни.¹⁸ Как напишет впоследствии Рангерий:

Перстень и посох — знака два священных,
И нельзя их принимать из рук непосвященных,
Перстень жениха, невесте даруется перстень,
Да решиться из них каждый не желать иного...
Посох знак являет пастырский и дело,
Дабы поднимал он павших и ленивцев гневом.
Христос держит их обоих: имя и служенье,
У Христа невеста [Церковь], Христос правит овчарней.¹⁹

К этому следует добавить, что с точки зрения сторонников церковной реформы клир и двор императора Генриха погрязли в распутстве и грехах. Псевдо-Бардоне не жалел красок, дабы описать состояние разложения придворного немецкого и ломбардского духовенства. По его словам, там, при императорском дворе, ценился тот клирик, сожительница которого была ослепительнее, и тот рыцарь, который как можно чаще преступал данную клятву.²⁰ Григорий VII пригласил Ансельма в Рим и поддержал его отказ от инвеституры, на основании того, что Генрих был отлучен от Церкви. В августе того же 1073 г. Ансельм, который был нареченным епископом, но не получил еще рукоположения в епископский сан, предпринял поездку в Верону. Там он участвовал в переговорах между Григорием VII и Генрихом IV, проходивших при посредничестве маркграфини Беатрисы Тосканской и ее дочери Матильды. По замечанию Ч. Вьоланте, Беатриса и Матильда были заинтересованы в том, чтобы папа дал свое согласие на получение Ансельмом светской инвеституры, владетельные госпожи Тосканы были в тот момент заинтересованы в мире с сувереном империи.²¹

Григорий VII был недоволен самой возможностью подобного компромисса, ибо вероятно рассчитывал на Ансельма как на сторонника церковной реформы. Скрытый упрек в адрес тосканской владетельницы был высказан понтификом ранее. Он звучал в письме папы графине Беатрисе Тосканской от 27 июня 1073 г.²² В этом письме папа возлагал на-

дежду на образованность Ансельма и на его способность различать правильные поступки от неправедных. Тем самым, он ставил Ансельма, отказавшегося от инвеституры, в пример Беатрисе. В связи с этим, следует отметить, что среди ученых не было единого мнения относительно того, что конкретно имел в виду папа в письме, когда указывал, что Ансельм пребывает «в знании божественной литературы» («*in eo tantam divinarum litterarum scientiam*»). Дж. Форнасари полагал, что под этой фразой папы следует понимать предположение о том, что Ансельм умел различать поступки, подобающие христианину, от неподобающих деяний в соответствии с идеалами клюнийского движения, и более того, умел следовать правильному пути. Тем досаднее для Григория был бы компромисс, на который пошел бы Ансельм в вопросе принятия императорской инвеституры, если бы уступил чаяниям Беатрисы.²³ Некоторые историки выдвигали на наш взгляд весьма поверхностный вывод о том, что Григорий имел ввиду каноническую акривию, выраженную в «Собрании канонов» Ансельма, от которой Луккский епископ почему-то отступил.²⁴ Подобная точка зрения не выдерживает критики, поскольку современными исследователями установлено, что «Собрание канонов» было составлено Ансельмом не ранее 1083 г.

С нашей точки зрения папа давал понять упомянутой фразой то, что Ансельм провел юные годы, будучи диаконом, при дворе своего дяди, папы Александра II и должен был научиться тому, как поступать в ситуациях с инвеститурой, исходя из принципов клюнийской реформы. Опасаясь давления на Ансельма со стороны светской правительницы Тосканы (Беатрисы), Григорий повелел ему в письме от 1 сентября того же года, отправленном из Капуи, воздержаться от королевской инвеституры, оставить кафедру и немедленно прибыть в Рим.²⁵ Ансельм исполнил повеление понтифика, и октябрь 1073 г. застал его в Риме возле папы, где он

пребывал как его родственник. Об этом вспоминал Гугон из Флавиньи в своей «Хронике».²⁶

В декабре 1073 г. Григорий VII оказался в очень сложном положении: король Генрих был отлучен, королевские послы, прибывшие в Рим, привезли прошение своего сюзерена о том, чтобы отлучение было снято, но настаивали на том, что покаяние короля должно быть компенсировано тем, что папа не станет рукополагать Ансельма для диоцеза и Гуго для диоцеза Ди без полагавшейся по имперским обычаям королевской инвеституры. При этом Beатриса Тосканская — единственный светский сеньор в Италии, готовый выступить тогда на стороны папы, также просила о компромиссе, вступавшем в противоречие с принципами клюнийского движения. В то время как тянулись переговоры с представителями Генриха о примирении его с Римской церковью, Григорий успел рукоположить Гуго де Ди без инвеституры 16 марта 1074 г. Однако, ситуация с Ансельмом была на много сложнее, ибо Beатриса Тосканская категорически не желала осложнений со сторонниками короля в своих владениях, тем более в тосканской столице. Папа не желал идти на обострение и рукополагать второго архиерея, причем архиерея тосканского, вопреки просьбам Генриха о соблюдении его королевских привилегий. С другой стороны понтифик не хотел поступать вопреки своим богословским и каноническим принципам. После того, как Генрих примирился с Римской церковью во второй половине апреля 1074 г., Ансельм был вынужден пойти на компромисс со своими идеями и ради политического мира принять королевскую инвеституру посохом и перстнем.²⁷ Вскоре состоялось рукоположение Ансельма в епископский сан, совершенное Григорием VII лично 23 октября 1074 г. Последний раз Ансельм упоминался в документах диоцеза Лукки как нареченный епископ «episcopus electus» 29 сентября того же года, а действующим епископом он был назван впервые 25 января 1075 г.²⁸ Первым канцелярским документом, упоминающим Ансельма в качестве епископа является

акт земельного дарения монастырю св. Зинона Веронского, оформленный от лица Тосканской графини Беатрисы и ее дочери Матильды.

Однако, подобно любому компромиссу в вопросах веры, незначительная уступка, связанная с получением инвеституры, создала для Григория VII и Ансельма сложности в будущем. На Латеранском соборе в конце февраля 1075 г. папа опубликовал декрет против светской инвеституры епископов и аббатов. Получение оной приравнивалось к симонии, а рукоположение архиерея, получившего инвеституру, признавалось незаконным. Несмотря на то, что ни один закон не имеет обратной силы, Ансельм был смущен постановлением канонического собора и считал свою хиротонию не действительной. Ансельм, которого мучило раскаяние за нравственный компромисс, на который он пошел, получив королевскую инвеституру, — ведь он воспитывался в клюнийских принципах ее отвержения, — покинул свое епископство. В начале мая 1075 г. он приехал во Флоренцию ко двору Беатрисы и Матильды, перед которыми объявил о своем отказе от епископии. Затем Ансельм покинул Тоскану и удалился в монастырь св. Эгидия в устье Роны, который был устроен по реформированному клюнийскому уставу.²⁹ Возможно, он усмотрел в своем епископстве нечто, неугодное Богу, и хотел теперь воплотить идеалы клюнийского движения, оградив себя от соблазнов в монашеской келье.³⁰ Тем более, у Ансельма, как показало его дальнейшее литературное творчество, кроме склонностей к аскетическому образу жизни был чрезвычайно развит духовный и поэтический талант, а также дарования экзегета. Однако долго пробыть в клюнийском ордене ему не пришлось. Григорий VII призвал своей властью Ансельма вновь исполнять епископские обязанности на рождество 1075 г. После этого Григорий даровал Ансельму папскую инвеституру *ex novo* для управления диоцезом.

Получив инвеституру от самого папы, Ансельм отныне старался оправдать этот знак доверия, и вся его дальнейшая

епископская деятельность будет отныне направлена на то, чтобы с жаром утверждать среди своего духовенства идеалы клунийского движения. Можно говорить о том, что к концу 1075 г. Ансельм сделал свой окончательный жизненный выбор, к которому его столь долго готовили с юности, но который он сделал лишь тогда, когда обе альтернативы столкнулись в неразрешимом противоречии. Выбор этот заключался в принятии решения: пребывать ли на стороне традиционалистов, презрев заветы своего покойного дяди, отказаться ли от Григория VII и остаться в монастыре, или принять сторону реформаторов, теперь уже вполне осознанно и окончательно вступив в лагерь, к которому его привлекал Александр II и, вероятнее всего, вожди патаров в молодости.

Первыми шагами Ансельма по распространению церковной реформы стали попытки создания общины каноников при кафедральном соборе св. Мартина в Лукке. Эта община должна была объединять всех священников главного диоцезального храма, которые вели бы монашеский образ жизни, оставив свое имущество и свои семьи (те, кто был женат). В своих стремлениях Ансельм опирался на буллу, которую еще в 1054 г. направил каноникам Лукки папа Лев IX, повелевавший учредить для них квазимонашескую общину.³¹ «Житие» Псевдо-Бардона в высшей степени красочно описывает тщетные усилия Ансельма, который уговаривал своих каноников создать общину. Он пытался увлечь этих клириков примером личного аскетизма, не жалея красноречия, обосновывал духовные преимущества монашеского образа жизни, страшал их папскими отлучительными грамотами, наконец, дошел даже до того, что сулил родственникам нерадивых каноников материальные блага, а самим упрямцам обещал высокие церковные должности. Ничего не помогало, ибо каноники упорно не желали создавать никакой «регулярной» монашеской общине, а хотели придерживаться привычного свободного образа жизни, сочетавшегося у них с различными светскими привычками. Попытки Луканского епископа про-

вести реформу в своем диоцезе предпринимались на фоне грозных церковно-политических событий. Генрих IV, возмущенный покушениями Григория на императорское право инвеституры, 24 января 1076 г. на Вормсском соборе обвинил папу в том, что он был избран народом, но не был утвержден императором. Генрих ссылался на старый обычай, в силу которого он как римский патриций имел право утверждать избранного понтифика. К этому добавились обвинения в клятвопреступлении и в безнравственном поведении. В ответ Григорий отлучил Генриха от Церкви в феврале 1076 г. и наложил на его владения интердикт.³²

Именно в этот исторический момент реформы Ансельма нашли поддержку в лице местной светской власти в лице маркграфини Матильды, и, наконец, в лице самого папы, который посетил Тоскану в 1076 г. Капитул дал папе притворное согласие на создание общины, однако прошел год, а обещание так и осталось пустым звуком. Дважды Григорий VII напоминал каноникам Лукки об их ручательствах, первый раз в письме от 11 августа 1077 г., второй в послании от 28 ноября 1078 г. Понтифик грозил отлучить их от Церкви, а в тот момент подобная угроза воспринималась в Италии очень серьезно. Совсем еще недавно, 25 января 1077 г. всесильный, как казалось доселе, император Генрих IV — опора церковных традиционалистов, униженно просил прощения у папы возле ворот Каносского замка.³³ У церковной реформы в тот момент были большие перспективы на будущее, если сам духовник императора — Гуго Клюнийский выступал за церковный мир.

Тем не менее, каноники ответили на угрозы Григория молчанием. В итоге Ансельм, как местный епископ, был вынужден прибегнуть к крайнему средству. Он созвал собор тосканских прелатов в замке Сан Джинезио ди Маммоли,³⁴ предоставленный Матильдой. На соборе, который проходил под председательством друга Ансельма — кардинала Петра Игнея, упорствующие каноники-традиционисты были от-

лучены от Церкви.³⁵ Однако, будущее показало Ансельму, какими духовными потерями обходятся попытки принудить кого-либо к аскетической жизни при помощи дисциплинарных внешних мер.

В начале 1077 г. после Каноссы и примирения Григория VII и Генриха IV, Ансельм, который особенно не проявлял себя во время первого противостояния папы и императора, отправился в Германию и Милан вместе с кардиналом Герардом в качестве легата. Как повествует Арнульф Миланский, в своем родном городе Ансельму предстояло прекратить схизму архиепископа Тедальда — традиционалиста,³⁶ который был возведен в сентябре 1075 г. на кафедру императором вместо епископа Аттона — сторонника реформы. Добрался ли Ансельм до Германии, сказать сложно. Скорее всего, произошедший с ним в Милане инцидент воспрепятствовал его путешествию к императору. По приезду легатов в град св. Амвросия кардинал Герард был арестован по приказу Генриха.³⁷ Самого Ансельма арестовать не решились, ибо миланцы видели в нем соотечественника, несмотря ни на какие политические разногласия.

В марте 1077 г. папа, не взирая на прощение, дарованное Генриху в Каноссе, благословил восстание Рудольфа Швабского и признал его королем Германии. Понтифик отправил ему знаменитую диадему с надписью «Христос даровал камень Петру, а Петр дарует диадему Рудольфу».³⁸ Германия погрузилась в хаос гражданской войны и за успех григорианской реформы в Италии вроде бы можно было более не беспокоится. Однако в марте 1080 г. Григорий VII вновь отлучил от Церкви Генриха IV, борьба за investituru вступала в решающую кровопролитную фазу, ибо Генрих сумел отстоять свои монаршие права в Саксонии. В июле того же года император, прибывший с войском в Ломбардию, провел собор в Брессаноне, на котором вторично низложил Григория и фактически повелел избрать Равеннского архиепископа Виберта папой под именем Климента III. В условиях им-

ператорского вторжения и начавшегося церковного раскола в Италии Ансельм, следуя своим клюнийским реформаторским убеждениям, безоговорочно поддержал папу Григория и принял участие в Римском соборе 1080 г. против антипапы Гвиберта. Однако каноники Лукки, непокорные реформам, выступили теперь на стороне антипапы и императора, который мог их легко защитить от насилия со стороны воинов Матильды Тосканской. В итоге Ансельм в 1083 г. не смог уехать в Рим из-за начавшихся в Тоскане волнений, которые вскоре переросли в восстание. Клирики-традиционалисты изгнали Ансельма из города за год до упомянутого Римского собора, а епископом Луканским был избран каноник по имени Петр, получивший из рук Генриха инвеституру. Для характеристики этого Петра автор «Жития» Псевдо-Бардоне не жалел самых резких выражений.³⁹

После своего изгнания Ансельм нашел пристанище 14 октября 1080 г. в замке Санта-Мария аль Монте, а затем в замке Мариано, принадлежавших Матильде.⁴⁰ Затем он поселился в Мантуе под защитой войск маркграфини, духовником которой Ансельм стал по поручению самого папы Григория. В «Житии» Псевдо-Бардона приводится трогательное сравнение этого эпизода с другим эпизодом, когда Христос вверял Пресвятую Деву апостолу Иоанну. Сверх того, Ансельм был назначен специальным легатом Григория в Ломбардии с целью сопротивления схизме Гвиберта.⁴¹ С этого момента начинается период активного литературного творчества Ансельма, который завершается лишь с его кончиной. Это творчество развивалось на фоне боевых действий, которые развернулись между войсками Матильды и итальянскими союзниками императора в Тоскане и в Ломбардии.⁴² Необходимо отметить, что еще в за два года до того, как Ансельм поселился в Мантуе в результате своего изгнания, военные отряды Матильды Тосканской потерпели жестокое поражение от традиционалистов 15 октября 1080 г., в сражении при Мантуанской башне (*Volta Mantovana*). Армия сто-

ронников «церковной реформы», которыми по свидетельству Рангерия предводительствовала сама маркграфиня,⁴³ были разгромлены наголову ломбардскими войсками, верными императору. Ломбардская рыцарская конница опрокинула перемешанные конные и пешие тосканские отряды. Это событие произошло в тот самый день, когда в Германии скончался смертельно раненый в битве при Гогельмользене Рудольф Швабский, которого Григорий VII все еще признавал германским королем.⁴⁴ На символическое значение подобного совпадения указывал еще современник событий — хронист Бернольд Констанцкий.⁴⁵

Расправившийся со своими противниками в Германии Генрих IV мог беспрепятственно начать поход на Рим, — тосканские войска Матильды также не были ему помехой. В сложившейся благоприятной стратегической обстановке императору было крайне важно выиграть время и успеть под стены Рима до того, как Григорий VII успеет заключить прочный союз с норманнским сицилийским королем. Поэтому император первоначально отложил штурм Мантуи до того, как Григорий будет побежден окончательно. Указанное обстоятельство позволило Ансельму и Матильде превратить Мантую в укрепленный центр сопротивления императору и традиционалистам. В июле 1081 г., по дороге на Рим, Генрих IV во главе рыцарских отрядов, сформированных из числа традиционалистов Лукки, приблизился к Мантуе и потребовал от Матильды согласия на конфискацию всех ее владений, в том числе и аллодиальных. Матильда отказалась сдаться и решила сопротивляться до конца, в чем ее, по свидетельству Псевдо-Бардона и Рангерия, всячески наставлял Ансельм.⁴⁶ Общее военное положение складывалось, как уже было отмечено, не в пользу реформаторов. Практически вся Тосקנה была потеряна, например Флоренция даже не сопротивлялась императору. В большинстве городов епископские кафедры были захвачены традиционалистами, верными антипапе Клименту III (Гвиберту) и конечно же Генриху.

В частности так было в Ареццо, Пистойе, Вольтере, Сиене, Лукке, Пьяченце, Парме, Реджьо, Модене и в Вероне. На стороне Матильды и Ансельма оставались только мелкие сеньоры, владения которых растянулись тонкой цепью укрепленных замков в трудно доступных для императорских отрядов Апеннинских горах (Каносса, Карпинети, Монтебаранцоне, Монтеельо).⁴⁷

Однако Ансельм и Матильда продолжали военное сопротивление традиционалистам, а Ансельм предавал анафеме как легат Григория VII всех «схизматических» священников, т.е. сторонников Климента III. Когда Ансельм маркграфиня запоздало узнали о том, что с апреля 1082 г. Рим находится в осаде, они решились на отчаянный шаг, имевший вместе с тем большое символическое значение для реформаторской партии. По приказу Матильды и с согласия Ансельма и местных аббатов была произведена конфискация сокровищ храма св. Аполлония в Каноссе и еще в некоторых монастырях с целью пожертвования средств на оборону Рима от Генриха. Подобная жертва дала повод традиционалистскому епископу Бенциону Альбийскому обвинить Ансельма и Матильду в том, что они «ограбили монастыри».⁴⁸ Антипа Климент II прямо объяснял столь упорное сопротивление сторонников Григория VII в Тоскане «дьявольским» влиянием Ансельма на Матильду, допускал двусмысленные намеки на их отношения, которые Ансельм гневно развенчивал в «Книге против Виберта».⁴⁹

В марте 1084 г. Рим был взят войском Генриха IV, и Климент III получил окончательную интронизацию. Спустя два месяца к стенам Вечного города подошла союзная Григорию VII армия норманнов под предводительством Роберта Гвискара, а также отряды сицилийских сарацин. Силы императора Генриха были уже слишком малочисленны и оторваны от своих баз, чтобы оборонять Рим. Генрих отступил вместе с Климентом III, а норманны ворвались в Вечный город, сожгли его и разграбили.⁵⁰ Причем арабские наемники, слу-

жившие под стягом Роберта Гвискара, въехали на конях в базилику апостола Петра и пели там суры из Корана, что было потрясением для всего латинского христианского мира. Распра между христианами повлекла за собой падение великой христианской столицы. На фоне этих драматических перипетий войны Ансельм и Матильда приняли решение перейти от обороны к более активным боевым действиям. Уже 2 июля 1084 г. войска маркграфини и отряды ее вассалов, которыми командовали лично Ансельм и Матильда, с рассветом предприняли неожиданное наступление и совершили разгромили в битве при Сорбаре недалеко от Модены не успевшее подготовиться к бою, застигнутое врасплох, полусонное войско традиционалистов. Победа была полной: в плен к тосканцам попал «схизматический» епископ Пармы Еверард, а также тяжело раненый командующий армией традиционалистов — маркиз Альберт и еще шесть капитанов. Победоносный клич войск Ансельма и Матильды «San Pietro!» вскоре разносился по всей Тоскане.⁵¹

Казалось бы у историка должен возникнуть вопрос, чем же можно объяснить то обстоятельство, что Ансельм, который первоначально отнюдь не был ненавистником «тирании Генриха», а даже принял из его рук investituru, который тяготел к монашеству более, чем к общественному пастырскому служению, в условиях разгоревшейся войны вдруг оказался столь непреклонным борцом, политическим и даже военным лидером? «Житие» Псевдо-Бардона содержит достаточно подробный для агиографического жанра психологический портрет Ансельма. Ансельм предстает в «Житии», а также в сообщении Гуго де Флавиньи, прежде всего, как аскет, который воздерживается от изысканной пищи, проводит долгие часы в молитве, ежедневно совершает мессу, одновременно, привлекая к себе людей добрым обхождением и духовными наставлениями.⁵² Как видно, Ансельм был далек от того психологического типа «аскета-канибала», который, к сожалению, распространился среди многих побор-

ников клонийского движения. Своеобразный манихействующий аскетизм, проявлявшийся в некоторых высказываниях Петра Дамиани или Гумберта Сильвакандитского, был лично Ансельму глубоко чужд. Его никак нельзя было назвать «святым сатаной», — прозвище, прилагавшееся к тому же Петру Дамиани, который наносил себе сотни ударов бичом и отрицал брак священников на том, основании, что супружеское житие якобы оскверняет пресвитера после служения мессы.⁵³ Однако именно в период войны против Генриха IV Ансельм вырабатывал свою концепцию церковной жизни, которая, будучи всецело реформаторской, не оставляла места никаким компромиссам с традиционалистами. Эта концепция, нашедшая свое отражение «Книге против Виберта», в «Собрании канонов», в сборнике «Collectanea» или в трактате «De caritate», написанных Ансельмом после 1082 г., включала в себя понятие «справедливой войны», которую Церковь может благословлять и даже непосредственно вести против схизматиков. Под последними Ансельм естественно подразумевал, прежде всего, сторонников Климента III. Возможно, Ансельм почерпнул идею «справедливой войны» у своего дяди, ибо именно папа Александр II, еще, будучи епископом Лукки, поддерживал радикальные выступления патаров в Милане, а затем, став Римским понтификом, благословил Кастильского короля Санчо Сильного на продолжение Реконкисты против испанских мавров. Но именно Ансельм сформулировал концепцию «справедливой войны» как каноническую доктрину, обосновав ее выдержками из творений отцов Церкви. В значительной степени эта концепция повлияет на политическую доктрину всей Католической церкви. Уже через десять лет после кончины самого Ансельма его доктрина «справедливой войны» будет применена на практике преемником Григория VII Урбаном II на знаменитом Клермонском соборе, результаты которого слишком хорошо известны, чтобы о них напоминать.⁵⁴

Следуя идеалам клюнийского движения, Ансельм исповедовал, что именно Римская церковь ведет своих чад к спасению, именно Римская церковь поставлена Богом над всеми церквями. При этом Ансельма, по-видимому, не интересовал вопрос об отношении к римскому первенству православных восточных патриархатов. Он был слишком погружен в местный итальянский исторический контекст, и вопрос об отношениях с Константинопольской церковью являлся для него вопросом сугубо теоретическим в отличие, например, от Григория VII или Урбана II.⁵⁵ Главными схизматиками, отпавшими от единства с Римской церковью в лице Григория VII, оставались для Ансельма ломбардские традиционалисты и германские имперские богословы, отвергшие Григория и признавшие антипапу Климента III. Против них он вел борьбу. Увлекаясь этой борьбой, он определенно заявлял о безблагодатности схизматиков, которые не имеют истинной евхаристии, и которые обречены на адские муки.⁵⁶ Подобный канонический радикализм противоречил учению Католической церкви о действительности таинств за пределами канонической церковной ограды и был в равной степени чужд преданию Восточной церкви.

25 мая 1085 г. в Салерно умер Григорий VII. Изгнанный из Рима жителями после норманнского погрома, он нашел убежище на юге Италии. Перед смертью Григорий вопреки канонам Латеранского собора 1059 г. назвал троих своих возможных преемников. Одним из них стал Ансельм, двое других также являлись преданными сторонниками григорианской реформы: Одо Остийский, который через некоторое время станет папой Урбаном II, и Гуго Лионский.⁵⁷ Однако Ансельм не на долго пережил своего наставника, — он почил в Мантуе спустя девять с лишним месяцев 10 марта 1086 г. в возрасте около пятидесяти лет. Тело Ансельма по настоянию жителей Мантуи было погребено в городском соборе вопреки завещанию самого иерарха, который хотел, дабы его останки упокоились в Полиронском бенедиктинском монастыре. Ав-

торитет Ансельма как главного борца за церковную реформу был к этому времени настолько серьезным, что спустя год он был канонизирован папой Виктором III, а спустя три года появилось его «Житие» — сочинение Псевдо-Бардона, в котором было упомянуто большое количество чудес, произошедших благодаря его заступничеству. В 1392 г. распоряжением Антонио дельи Убальди, епископа Мантуанского, гробница была вскрыта, и тело, хорошо сохранившееся, было помещено ближе к алтарю в правой части апсиды. В 1565 г. мощи были положены прямо под алтарь Мантуанского собора, где находятся до настоящего времени. Празднование памяти Ансельма Луккского совершается Римско-католической церковью 18 марта, хотя за пределами Италии, как отмечали болландисты, Ансельма Луканского часто путали с его великим современником и тёзкой — Ансельмом Кентерберийским.

Ансельм стал проповедником и борцом за клунийскую реформу, который, пойдя в начале своего епископства на компромисс с императорской властью, в дальнейшем последовательно старался отстаивать теократические идеалы, характерные для клунийского движения, не только пером, но и мечом. Трудно определить степень его личного участия в боевых действиях между войсками Матильды и Генриха, однако из источников становится ясно, что Ансельм проповедовал вооруженную борьбу против схизматиков, направлял военную политику Матильды как ее духовник и присутствовал в войсках маркграфини, как глава его капелланов. Жизненный путь Ансельма можно разделить на три периода. Первый «миланский» период, включающий детство, юность и молодые годы (1036–1073 гг.), характеризуется усиленным влиянием Александра II на Ансельма, служением в Милане в Амвросиевской базилике, и, возможно, ограниченным участием в движении патаров. Второй «луканский» период (1073–1083 гг.) был связан с епископством Ансельма, которое досталось ему после внутреннего кризиса, в начале выразившегося в отходе от принципов клунийского дви-

жения, а затем в попытках удалиться в Полиронский монастырь. Продолжился этот период попытками Ансельма провести клерикальную реформу в своем диоцезе и завершился изгнанием. Третий «мантуанский» период (1083–1086 гг.) одарил Ансельма славой духовного воителя за торжество григорианской реформы и беспощадного обличителя схизмы. Ансельм стал преемником Григория VII в северной Италии, как легат. Он, по-видимому, лично участвовал в походах войск Матильды, в это время он написал практически все свои канонические произведения. В итоге Ансельм в полной мере реализовал церковно-политические и общественные идеи своего дяди, папы Александра II, по сути, продолжая осуществлять те меры, к которым прибегали в период его молодости миланские патары: Ариальд и Эримбальд. О внутреннем противоречии между движением патаров и той поддержкой, которую оказывали ему римские кардиналы, мы уже писали выше. Однако каким же образом Ансельм мог разрешить главное противоречие между латинской церковной традицией и клюнийской реформой, о котором много писали современники, в частности Сигеберт из Жамбу? Как Ансельм мог согласовать предание и реформу, если многие действия клюнийских реформаторов — последовательных в своем исповедании доктрины блаженного Августина о «Граде Божьем», не находили своего обоснования в каноническом праве древней неразделенной Церкви? Ответ на эти вопросы является задачей будущих исследований, посвященных богословию и мировоззрению Ансельма Луканского. Сложность его мировоззрения проявляется в полной мере при освещении его еще очень малоизученной биографии и наследия.

Примечания

¹ Martinez Martinez F. Orto y ocaso de una definición: el concepto de derecho en las colecciones canónicas anteriores a Graciano. Madrid, 2003. P. 445–449.

² Keller H. Le origini sociali e famigliari del vescovo Anselmo // Sant'Anselmo vescovo di Lucca (1073–1086) nel quadro delle trasformazioni sociali e della riforma ecclesiastica / Ed. C. Violante. Roma, 1992. P. 27–50.

³ Bardonis presbyteri Vita Anselmi Lucensis / Ed. R. Wilmans // MGH SS. V. 12. Hannoverae, 1856. P. 13–35.

⁴ Rangerii Lucensis Vita metrica S. Anselmi Lucensis episcopi / Ed. E. Sackur, G. Schwartz, B. Schmeidler // MGH SS. V. 30/2. Lipsiae, 1929. P. 1155–1307. Как верно отметил Х. Келлер, по-видимому, Рангерий не воспринимал непотизм как проблему церковной жизни. См.: Keller H. Op. cit. P. 30.

⁵ Keller H. Op. cit. P. 34; Alexandri II epistola ad Lanfrancum // PL 146. Col. 1353.

⁶ Bardonis presbyteri Vita Anselmi, Loc. cit.

⁷ Keller H. Op. cit. P. 38; Idem. Militia. Vasallität und frühes Rittertum im Spiegel oberitalienischer Miles-Belege des 10. und 11. Jahrhunderts // Quellen und Forschungen ital. Arch. Bibl. 1982. V. 65. S. 59–118; Eiusd. Der Gerichtsort in oberitalienischen und toskanischen Städten // Quellen und Forschungen ital. Arch. Bibl. 1969. V. 49. P. 45.

⁸ Bardonis presbyteri Vita Anselmi, Loc. cit.; Rangerii Lucensis Vita metrica S. Anselmi Lucensis episcopi, Loc. cit.

⁹ Violante C. I laici nel movimento patarino // Studi sula Cristianità medievale. Società, istituzioni, spiritualità / Ed. P. Zerbi. Milano, 1972. P. 145–246.

¹⁰ Трубецкой Е. Н., кн. Религиозно-общественный идеал западного христианства. СПб., 2004. С. 220–544.

¹¹ Keller H. Op. cit. P. 47.

¹² Юрист Ланцоне ди Тревизо, проповедуя о святости Ансельма в 1086 г., говорил: «Memento familiaritatis quae nos in scholiis socios iunxerat», Hugonis presbyteri ad Ubaldum Mantuanum episcopum epistula // MGH SS. V. 12. P. 33; Violante C. Anselmo da Baggio, santo / Dizionario biografico degli italiani. Vol. III. Roma, 1961. P. 399.

¹³ «studiosus in scholasticis etiam legendis libris», Bardonis presbyteri Vita Anselmi Lucensis // MGH SS. V. 12. P. 13; Violante C. Anselmo da Baggio, santo... P. 399.

¹⁴ Violante C. Anselmo da Baggio, santo... P. 399.

¹⁵ Violante C. Op. cit. P. 399.

¹⁶ Violante C. Anselmo da Baggio, santo... P. 400; Richard P. Anselme de Lucques // Dictionnaire d'histoire et de géographie ecclésiastique / Ed. A. Baudrillart, U. Rouzés, R. Aigrain, P. Richard. Paris, 1924. Vol. III. Col. 489.

¹⁷ Bardonis presbyteri Vita Anselmi episcopi Luccensis. Loc. cit.

¹⁸ Трубецкой Е.Н. кн. Указ. соч. С. 350–473.

¹⁹ «Anulus et baculus duo sunt sacra signa, nec ullo / De laici manibus sucipienda modo. / Anulus est sponsi, sponsae datur anulus, ut se / Noverit unius non alium cupere... / At baculus prefert signum pastoris opusque, / Ut relevet lapsos, cogat et ire pigros. / Christus utrumque sibi nomen tenet officiumque / Christus habet sponsam, Christus ovile regit..» (Rangerii episcopi Luccensis Liber de anulo et baculo. v. 14–17, v. 24–27 / Ed. E. Sackur // MGH. Libelli de lite. V. 3. Hannoverae, 1867. P. 509.)

²⁰ Bardonis presbyteri Vita Anselmi episcopi Luccensis, Loc. cit.

²¹ Violante C. Anselmo da Baggio, santo... P. 400.

²² «De electo vero Lucensi non aliud vobis respondendum esse pervidimus nisi quod in eo tantam divinarum litterarum scientiam et rationem discretionis esse percepimus, ut quae sinistra quae sit dextra ipse non ignoret. Quodsi ad dexteram inclinaverit, valde gaudemus; sin vero, quod absit, ad sinistram, utique dolemus». Fontes litem de investitura illustrantes. Pars prior. Gregorii Papae VII Epistolae selectae / Ed. F. J. Schmale // Ausgewählte Quellen zur Deutschen Geschichte des Mittelalters. Bd. XIIa. Darmstadt, 1978. S. 36.

²³ Fornassari G. S. Anselmo e il problema della «caritas» // Sant'Anselmo, Mantova e la lotta per le investiture... P. 306–307.

²⁴ Ibid.

²⁵ «te ab investitura episcopatus de manu regis abstinere». Gregorii VII Registrum // PL 158; Golinelli P. Dall'Agiografia alla storia: le «vite» di Sant'Anselmo di Lucca // Sant'Anselmo, Mantova e la lotta per le investiture. Atti del convegno internazionale di studi (Mantova 23–24–25 maggio 1986) / Ed. P. Golinelli. Bologna, 1987. P. 43; Idem. I rapporti tra Gregorio VII e e signore di Canossa, Beatrice e Matilde, dell'epistolario gregoriano // Bollettino Storico Reggiano. V. 66. 1987. P. 17–27.

²⁶ По словам Гугон из Флавиньи, Ансельм Луканский и Гугон из Ди «aetate pares, caritate non impares... Senes autem erant non longevitatem vitae, sed morum maturitatem». *Hugonis Flaviniensis Chronicon* / Ed. G.H. Pertz // MGH SS. V. 8. Hannoverae, 1848. P. 411–412.

²⁷ Bardonis presbyteri Vita Anselmi episcopi Luccensis. Loc. cit.; Golinelli P. Dall’Agiografia alla storia: le «vite» di Sant’Anselmo di Lucca // Sant’Anselmo, Mantova e la lotta per le investiture... P. 42.

²⁸ Violante C. Anselmo da Baggio, santo... P. 400; Richard P. Anselme de Lucques // *Dictionnaire d’histoire et de géographie ecclésiastique* / Ed. A. Baudrillart, U. Rouzés, R. Aigrain, P. Richard. Paris, 1924. Vol. III. Col. 489.

²⁹ Violante C. Anselmo da Baggio, santo... P. 400

³⁰ Bardonis presbyteri Vita Anselmi episcopi Luccensis, Loc. cit.

³¹ Bardonis presbyteri Vita Anselmi episcopi Luccensis. Loc. cit.; Kehr P.F. *Italia Pontificia*. V. III. Berolini, 1908. n. 1. P. 397.

³² Sigeberti Gemblacensis *Chronica* // PL 160. Col. 219.

³³ Ghirardini L.L. La storia si è fermata a Canossa? Reggio E., 1985, passim; Donizonis *Vita Mathildis* // PL 148, Coll. 1046–1115.

³⁴ Bardonis presbyteri Vita Anselmi episcopi Luccensis, Loc. cit.

³⁵ Bertolini M.G. Enrico IV e Matilde di fronte alla città di Lucca // Sant’Anselmo vescovo di Lucca... P. 344–345; Kittel E. Der Kampf und die Reform des Domkapitels in Lucca im 11. Jahrhundert // *Festschrift* A. Brackmann. Weimar, 1931. S. 221–224; 225–226.

³⁶ Arnulfi Mediolanensis *Gesta archiepiscoporum Mediolanensium* // PL 147. Coll. 331–332.

³⁷ Golinelli P. Dall’Agiografia alla storia: le «vite» di Sant’Anselmo di Lucca // Sant’Anselmo, Mantova e la lotta per le investiture... P. 44; Violante C. Anselmo da Baggio, santo // *Dizionario biografico degli italiani*. Vol. III. Roma, 1961. P. 401.

³⁸ «Petra dedit Petro, Petrus diadema Rodulfo», Sigeberti Gemblacensis *Chronica* // PL 160. Coll. 219.

³⁹ Bardonis presbyteri Vita Anselmi episcopi Luccensis. Loc. cit.

⁴⁰ Bertolini M.G. Enrico IV e Matilde di fronte alla città di Lucca // Sant’Anselmo vescovo di Lucca... P. 345.

⁴¹ Marani E. Topografia e urbanistica di Mantova al tempo di Sant'Anselmo // Sant'Anselmo, Mantova e la lotta per le investiture... P. 208.

⁴² Bardonis presbyteri Vita Anselmi episcopi Luccensis. Loc. cit.

⁴³ Rangerii Vita metrica, Loc. cit.

⁴⁴ Ghirardini L.L. La battaglia di Volta Mantovana (ottobre 1080) // Sant'Anselmo, Mantova e la lotta per le investiture... P. 230–238.

⁴⁵ Die Chroniken Bertholds von Reichenau und Bernolds von Konstanz 1054–1110 / Hrsg. von S. Robinson // MGH SS nova series. V. XIV. Hannover, 2003. S. 426.

⁴⁶ Bardonis presbyteri Vita Anselmi episcopi Luccensis, Loc. cit.; Rangerii Vita metrica, Loc. cit.; Ghirardini L.L. La battaglia di Volta Mantovana (ottobre 1080) // Sant'Anselmo, Mantova e la lotta per le investiture... P. 238–240.

⁴⁷ Об оборонительном значении Каноссы см.: Arnulfi Gesta archiepiscoporum Mediolanensium // MGH SS. V. 5. P. 8; Ghirardini L.L. Il sistema strategico difensivo dell'Appenino Canossiano // Milleni Sampolesi, Atti del convegno di Studi Storici di S. Paolo d'Enza, 4-5-6 maggio 1984 / Reggio E. 1985. P. 99–127.

⁴⁸ Ghirardini L.L. Loc. cit.; Benzonis Albigensis Ad Henricum imperatorem libri VII // MGH SS. V. 11. P. 663.

⁴⁹ «Quod autem obsecras, per Iesum, ne nobilissimam feminarum amplius circumveniam, deludam et fallam, Deum testem invoco, nihil terrenum, nihilque carnale, in ea vel ab ea ex intentione concupisco, et sine intermissione oro ut ab hoc saeculo nequam cito eripi merear, nimio affectus taedio, quia incolatum meum prolongari (Ps. CXIX) video, serviens die ac nocte in custodiendo illam Deo meo, et sanctae matri meae Ecclesiae, cuius praecepto mihi commissa est». Anselmi Luccensis Liber contra Guibertum // PL 149. Coll. 455–456.

⁵⁰ D'Alessandro V. Storiografia e politica nell'Italia normanna. Napoli, 1978. P. 99–220; Guillelmi Apuli De rebus gestis normannorum in Sicilia // PL 149. Coll. 1074; Chronicon breve Normannorum // PL 149. Coll. 1086–1087.

⁵¹ Bernoldis Chronicon // MGH SS. V 5. P. 441; Donizonis Vita Mathildis II v. 774–780; Bardonis presbyteri Vita Anselmi episcopi Luccensis, Loc. cit.; Rangerii Vita Metrica v. 6551–6560 // MGH SS. V. 30(2). P. 1292–1293.

⁵² Bardonis presbyteri Vita Anselmi episcopi Luccensis. Loc. cit.; Hugonis Flaviniensis Chronicon // PL 154. Coll. 276.

⁵³ Трубецкой Е.Н. кн. Указ. соч. С. 315–341.

⁵⁴ Первый Крестовый поход 1096–1099 гг.

⁵⁵ Папа Григорий VII критически, но весьма сочувственно отзывался о византийцах, воспринимая их как заблуждающихся братьев: «... dixerimus de adiutorio faciendo fratribus nostris, qui ultra mare in Constantinopolitano imperio habitant, quos diabolus per se ipsum a fide catholica conatur avertere et per membrasua non cessat cotidie quasi pecudes crudeliter enecare...» (Dictatus Papae le 16 decembre 1074). Fontes litem deinvestitura illustrantes. Pars prior Gregorii Papae VII Epistolae selectae / Ed. F.J. Schmale // Ausgewählte Quellen zur Deutschen Geschichte des Mittelalters. Bd. 12a. Darmstadt, 1978. P. 70.

⁵⁶ Pasztor E. Lotta per le investiture e «ius belli»: la posizione di Anselmo di Lucca // Sant'Anselmo, Mantova e la lotta per le investiture... P. 380–381.

⁵⁷ Briefsammlungen der Zeit Heinrichs IV / Hrsg. von C. Erdmann, N. Fickermann // MGH Die Briefe der Deutschen Kaiserzeit. V. 5. Weimar, 1950. S. 75.

Киселева Л.И.

О верном рыцаре Людовика IX Жане сеньоре де Жуанвиль и его сочинениях

24 июня 1241 года в день св. Иоанна в Сомюре состоялось посвящение в рыцари брата короля Людовика IX Альфонса. Это был день солнцестояния. Все кругом сверкало. Кажется, природа приветствовала этот замечательный праздник. Рыцари, бароны, принцы, епископы собирались в прекрасном зале, построенном еще королем Генрихом II Английским для своих пышных пиров. Тут же присутствовала королева Бланка — мать короля. Блеск золота, серебра подчеркивал и оттенял разноцветие бархата, шелка в одеждах гостей.

На этом празднике присутствовал 17-летний оруженосец Жан Жуанвиль. Он был поражен собранием в одном месте столь многих знаменитых и уважаемых во Франции людей. Он видит короля, сидящего за столом, окруженного графами, принцами. Королю прислуживал его брат Артуа. Жуанвиль внимательно рассматривает короля и отмечает, что он одет в камзол из голубого атласа, поверх сюрко и плащ алого цвета, подбитый горностаями. На голове надета шапочка из хлопка, что очень удивило Жуанвиля. Такие шапочки носили обычно люди пожилого возраста, а королю тогда было 27 лет. Жуанвиля восхитил король не только своим внешним видом, но и простым обращением с окружающими.

Посвящение в рыцари состоялось, а праздник продолжался до глубокой ночи. После заката солнца наступили сумерки, начали зажигать костры, звучала музыка, танцы сменялись играми. Молодые рыцари пробовали свою ловкость в

фехтовании. Жуанвиль внимательно следил за происходящим. В свою очередь Людовик IX обратил внимание на застенчивого юношу. В дальнейшем его стали приглашать во дворец, и король с интересом расспрашивал юношу, беседовал с ним.

Кто же такой Жуанвиль? О нем и о Людовике IX — короле Франции, о его эпохе мы узнаем из сочинения «История святого Людовика», написанного самим Жуанвилем.¹ Сочинение Жана сира Жуанвиля — единственное в своем роде. Это по сути исторические документы высочайшей ценности, источник, из которого можно черпать точные данные об эпохе Людовика IX и о Франции XIII в., ибо никакой источник не может нас снабдить фактами, о которых сообщает Жуанвиль, находившийся рядом с королем в мирной жизни и в походе. Он часто переходит на прямую речь, и тогда, кажется, что ясно слышен голос короля. В своем сочинении Жан Жуанвиль четко формулирует свои мысли. Он никому не подражал, не стремился сохранять какие-либо традиции, он впервые стал писать от первого лица. Это биография Людовика IX и вместе с тем автобиография Жана сира Жуанвиля. Его мемуары — это шедевр французской литературы.

Имя Joinville появилось в XI в., корни которого уходят в домен нобилей варварской эпохи. Один из его потомков участвовал в печальном Крестовом походе 1147 г. В результате ряда наследований Симон сир Жуанвиль стал сенешалом Шампани. От второй жены Беатрикс Бургундской 1 мая 1225 г. в замке Жуанвиль родился сын, которого назвали Жаном. После смерти Симона его жена Беатрикс стала дамой Жуанвиль и сенешалом Шампани. В 1243 г. она передала этот титул своему 14-летнему сыну, поскольку старший сын Жоффруа скончался.

Жан сир Жуанвиль получил домашнее образование. Мать обучала мальчика сама, знакомила его с юридическими законами гражданского и уголовного права, знанием всех

кутюмов, с тем, чтобы успешно справляться с обязанностями сенешала, управлять фьефом, понимать феодальную систему человеческих отношений. Он учился читать и писать по латыни, читал Библию, был христианином, верил в чудеса, был в какой-то степени суеверным. При этом он был открытым, веселым, законопослушным и воспитывал в себе силу воли. Он был независимым от природы, говорил то, что думал, был добр ко всем людям. Аристократ Жуанвиль не был богат и не стремился к богатству, поэтому он хорошо понимал простых людей и часто выступал в их защиту. Он помогал и сочувствовал больным. Беатрикс Жуанвиль немногого научила его куртуазному политесу. Когда у него появилась семья, он был очень заботлив, внимателен к жене и детям. Не удивительно, что такой человек вызвал интерес Людовика IX. Королю очень импонировал молодой, наивный, честный и преданный сенешал. Жан Жуанвиль был искренним с Людовиком IX, восхищался и ценил его человеческие качества, но не был подобострастным. Их отношения складывались просто. Жан признавался: «Я никогда ему не лгал». Король это чувствовал и высоко ценил дружеские отношения. Между ними возникла необычная дружба. Людовик даже признался, что он любит Жуанвиля. А юный сенешал мог и покритиковать короля. Например, за некоторую раздражительность, проявленную к графу Анжуйскому во время игры в трик-трак.²

По воспоминаниям Жана сира Жуанвиля мы узнаем, что он был одним из самых близких людей Людовика IX. И если даже считать, что Жуанвиль многое преувеличил, то описываемые им факты свидетельствуют действительно о дружеских отношениях короля и сенешала. В разные периоды жизни Жуанвиль входил в узкий круг лиц, живших в королевском дворце в Париже. Он очень ценил общение с королем, который в свою очередь был склонен к поучению. Людовик часто приглашал Жуанвиля и каноника Парижского собора Нотр-Дам Робера Сорбона (1201–1274), выходца из крестьян, оставившего важный след в истории Франции.

Он организовал в Париже теологический колледж для бедных студентов, который превратился в Сорbonну — знаменитое учебное заведение. Людовику IX импонировало устраивать диспуты по образцу университетских занятий между Жаном Жуанвилем и Робером Сорбоном. Король задавал вопросы, внимательно выслушивал ответы и поучал обоих. Они разбирали теологические проблемы, цитировали тексты известных ученых, сравнивая с текстами Библии. Жуанвиль очень любил эти диспуты, особенно возможность беседовать с королем и прямо отвечать на его вопросы.

Именно эти диспуты обогащали Жуанвиля в области теологии и очень пригодились в его дальнейшей литературной деятельности. Поучения Людовика IX, короля нового благочестия, который возвел «совесть в королевское достоинство» и благосклонно относился к деятельности братьев нищенствующих орденов, находили отклик в душе юного Жуанвиля. И когда король спросил Жана Жуанвиля: «Сенешал, что есть Бог?» — тот ответил: «Сир, это нечто такое, прекраснее чего и быть не может».³ Людовик IX остался доволен ответом. Жуанвиль имел наивное представление о связи Бога с людьми: он верил в чудеса, необычные факты, верил в сны, но никогда не отрывался от действительности.

Когда Людовик IX направился крестовым походом в Египет, Жуанвиль понимал, что надо принимать решение. Его сердце разрывалось, как он сам об этом писал, между Богом и королем с одной стороны и его собственной землей и замком — с другой. Уходя из своего замка, он не оглядывался, «боясь, как бы сердце не дрогнуло при виде милого замка, который я покидал, оставляя в нем двух моих детей».⁴ Перед Крестовым походом Жуанвиль заложил свои земли, но не взял деньги за земельную ренту, оставив все своей матери.

Итак, решение об участии в Крестовом походе было принято. С необходимым багажом Жан Жуанвиль в компании с девятью шевалье поплыл по Соне до Лиона, затем

по Роне до Арля, и в августе 1248 г. они были уже в Марселе. Далее их путь лежал на Кипр, завоеванный еще в 1191 г. Ричардом Львиное Сердце, откуда весь флот Людовика IX отплывал в Египет. Жуанвиль очень красочно фиксирует момент: «Зрелище было великолепное, казалось, что все море было покрыто парусами кораблей».⁵ Но крестоносцы еще не знали, что их ожидает. Первая неожиданность — греческий огонь, изобретенный византийцами еще во II половине VII в. Жуанвиль сравнивал его с летящим драконом, издающим ужасный грохот.⁶

Этот огонь разрушил все защитные механизмы французов. К тому же, начались болезни, и эпидемия распространилась на все войско. Заболели король Людовик IX и его верный рыцарь Жан Жуанвиль. В воспоминаниях он очень выразительно описывает болезни, постигшие крестоносцев в Египте: «Ноги их иссыкали, дёсны гнили, а брадобреи отрезали это прогнившее мясо, чтобы люди могли принимать пищу. Кругом слышны были стоны».⁷

Несмотря на эти трудности, войско, возглавляемое Людовиком IX, 6 февраля 1250 г. одержало победу при Мансуре. Жуанвиль писал о короле, как о воине-рыцаре: «Никогда в жизни я не видел столь прекрасного рыцаря».⁸ Войско крестоносцев, ослабленное болезнями и изможденное достигнутой своей же победой, вынуждено было отступить и 6 апреля 1250 г. было разбито при деревне Фарискуре. Значительная часть войска попала в плен вместе со своим королем.

Королева Маргарита, возглавлявшая войско крестоносцев на кораблях в море, быстро собрала 400 тысяч bezantov (необходимый выкуп), и 6 мая того же года король был на свободе. Получив свободу, Людовик мог вернуться во Францию, но решил остаться в Святой Земле на неопределенное время, которое продолжалось до апреля 1254 г. Жуанвиль тоже попал в плен, когда плыл по Нилу. В воспоминаниях он писал, что бросил в Нил все свои сбережения, драгоцен-

ности и реликвии, чтобы они не достались врагу. Из плена его отпустили, приняв за родственника короля.

Когда король узнал о тяжелом материальном положении Жуанвиля, он пожаловал ему право фьефа и 200 турназских ливров. Это сделало Жана Жуанвиля вассалом Людовика IX, и он принес ему омаж. По истечении первого срока король продлил договор пожизненно и представил Жуанвиля королевскому Совету.

Время Крестового похода для Жуанвиля было годами дружественного общения с королем. Он сопровождал Людовика IX из Акры в Цезарею, Кафу, Яффу, Сидон. Жуанвиль подробно рассказал об организации жизни в Святой земле в тот период, о том, как устраивал фортификации и жилье королю, как заботился о рыцарях, которых король передал Жуанвилю, доставлял им провиант, воду, вино.

Служа королю, Жан Жуанвиль помнил и о своих непосредственных обязанностях: о своем доме и своей земле во Франции. Когда король собрался в следующий Крестовый поход в Тунис, Жуанвиль отказался, несмотря на уговоры самого Людовика IX и короля Наварры. Главная причина заключалась в том, что пока он отсутствовал, служа королю в Крестовом походе, его дом разрушался, люди несли потери, земля обрабатывалась плохо. Поэтому Жуанвиль считал, что он должен помочь своим людям. Кроме того, он осуждал тех приближенных короля, которые советовали королю предпринять поход в Тунис.

Вспоминая о короле, Жуанвиль обращает внимание на черты характера, которые ему импонировали, иногда рассказывает о курьезных случаях, происходивших на его глазах, и о реакции на них Людовика IX.

Однажды в лагерь близ Акры, где находился король, пришли христиане — паломники из Великой Армении и попросили разрешения пообщаться со святым королем. Жуанвиль вошел в палатку, где король сидел прямо на песке,

прислонившись к опоре, и сказал: «Сир, там целая толпа из Великой Армении. Они следуют в Иерусалим и просят меня, чтобы я показал им святого короля, но мне кажется, эта просьба преждевременна, и мне не хочется целовать ваши останки».⁹ В ответ Людовик IX громко рассмеялся. Это свидетельство того, что король хорошо понимал юмор, что с Жуанвилем у него были дружеские отношения, а главное, заметим, слух о добром, святом короле уже распространялся во многих странах.

Жуанвиль рассказывает о другом интересном случае, связанным со встречей Людовика IX с известным францисканцем, поклонником идей Иоахима Флорского, по имени Гуго. В своих проповедях он был сторонником установления на Земле «вечного Евангелия». Король находился в Йерре, и когда пришел Гуго, Людовик попросил его произнести проповедь. Гуго с поразительным вдохновением говорил о справедливости и утверждал, что «причина гибели царств — это упадок правосудия». Обращаясь к королю, он пожелал, чтобы, возвратясь во Францию, король справедливо правил, был любим своим народом и Богом и чтобы «Бог не оставил французское королевство после его смерти».¹⁰

Эта проповедь оказала большое воздействие на короля, удрученного поражением и ищущего выход из сложившейся ситуации. По мнению Жуанвиля, францисканец показал путь королю — быть справедливым по отношению ко всему народу Франции. Однако трудно утверждать, что было именно так, поскольку Жуанвиль писал свои воспоминания много лет спустя после смерти короля. Часто он приводит факты, которые могли подтвердить или опровергнуть оставшиеся в живых свидетели. Так Жуанвиль повторял, что король ценил и прислушивался к мнению своего друга. Однажды, когда король возвращался во Францию, в Провансе он ожидал нужных для продолжения пути лошадей. Сообразительный аббат Клюни подарил ему двух превосходных рысаков, а на следующий день аббат пришел с просьбами, к которым ко-

роль был благосклонен. Жан Жуанвиль поинтересовался, не потому ли король был благосклонен к аббату, что тот сделал ему подарок? Король признался. Тогда Жуанвиль попросил короля предупредить своих придворных и советников, чтобы они так не поступали. После этого король собрал Совет и передал им слова своего рыцаря, сказав, что он, король, считает этот совет очень полезным.¹¹

Общеизвестен факт, свидетельствующий о том, до какой степени король был одержим манией правосудия. Он устраивал показательные суды, сидя под дубом в Венсенском саду¹², пригласив подданных, членов Совета, выявлял виновников и выносил наказания.

Иногда Жуанвиль подмечал и отрицательные стороны характера короля. Людовик IX стремился искоренить из королевства сквернословие, он испытывал отвращение к азартным играм. Так король, будучи на корабле и узнав, что его брат, граф Анжуйский, играет в кости, он в раздражении выбросил и кости, и стол за борт. Жан Жуанвиль осудил короля за неспособность владеть собой.

Всю историю похода в Египет Жуанвиль описал краочно и точно, создав для истории ценнейший документ. Он часто цитирует слова своего сюзерена, а потому, кажется, что именно было так.

Находясь в Акре, где томились в плену крестоносцы, Жан Жуанвиль, сочувствуя их страданиям от болезней и плена, понимал, что единственное, чем он может помочь — это вселить веру во спасение душ. Для этого он обратился к «Символам веры» («Credo») и решил, что нужно дать подробное им разъяснение. Он написал комментарии. Получилась небольшая книжка. Из его воспоминаний становится известно, что он начал писать эту книжицу 10 августа 1250 г. и завершил к 24 марта 1251 г.

Оригинальность его сочинения заключается в том, что автор рассказывает о предсказаниях пророков Ветхого Заве-

та и их свершении в Евангелии. Считают, что авторами символов были 12 апостолов, а аббат Пирмин живописует это предположение следующими словами: Двенадцать Апостолов, вернувшись в Иерусалим, единодушно молились вплоть до Пасхи. В три часа дня раздались внезапно сильные звуки, все наполнилось ярким светом, и в этот момент каждый апостол произнес фразу. Соединенные вместе эти фразы составили 12 символов веры.¹³ Среди теологов оспаривались разные положения «*Credo*», и в том числе — какому апостолу какая фраза принадлежит.

Другая оригинальность сочинения Жана Жуанвиля заключается в том, что мирянин Жуанвиль обращается к мирянам, объясняя им символы христианской веры. В средние века было достаточно комментариев к «Символам веры» (Тертулиан, Киприан, Рабан Мавр, Августин и др.). Однако нет ни одного текста, который бы мог служить моделью для Жуанвиля. Это его совершенно самостоятельное сочинение. Автор не дает теологических определений, для него важнее рассуждение морального порядка, чем догматические объяснения. Разъясняя каждый символ веры, он обращается к душам внемлющих, стремясь показать возможность свершения чуда, возбуждая у каждого надежду на добрый исход тяжелейшего их состояния. Его эрудиции, приобретенной в дискуссиях с Робером Сорбонским в присутствии Людовика IX, было достаточно, чтобы обратиться к умирающим и поддержать их моральный дух. Читая текст его сочинения, становится ясно, что источниками для него были: Священное писание, комментарии к нему, легенды, жития святых, а также некоторые сочинения Августина.

Третья особенность его сочинения — это иллюстрация текста простыми рисунками. Они делали тексты более выразительными, и легче воспринимались больными и умирающими пленными соотечественниками. Следует заметить, что этот прием Жуанвиля нашел дальнейшее продолжение в «Библии бедных» («Biblia pauperum»), в которой жизнь Хри-

ста объяснялась изображениями и кратким текстом (самая древняя «Библия бедных» датируется 1325 г.).

К сожалению, книжка, написанная Жуанвилем в Акре, не сохранилась. Известна вторая редакция этой рукописи с миниатюрами, хранящаяся в Национальной библиотеке Франции в Париже (ms. Nouv. Acq. fr. 4509). В ее тексте имеется дата: 1287 г., в миниатюрах использовано золото, как дань воспоминаниям о византийских манускриптах, которыми Жуанвиль восхищался в Палестине. Вторая редакция «Символов веры» уже не имела такого значения, как та, которая была написана в Акре. Возможно, автор внес дополнения и исправления, поскольку он писал спустя 36 лет после первой редакции и 17 лет после смерти короля. Вероятно, он хотел оставить память о Крестовом походе, о его участниках, о своей роли в благородном деле — спасении душ. Тем более становится понятным это стремление, поскольку в восьмидесятых годах XIII в. решался вопрос о канонизации Людовика IX.

В 1282 г. в соборе Сен-Дени, где сам король еще при жизни выбрал место для своего захоронения, собрали тех, кто знал короля, был членом его Совета, служил в его войске в Крестовом походе, тех, кто мог рассказать о его действиях. Так, Жуанвиль рассказал случай, который отнесли к величайшей добродетели Людовика IX. Когда отдавали сарацинам выкуп за короля, то подданные Людовика IX обманули противников на 20 000 ливров. Узнав об этом, король разгневался и приказал вернуть эту сумму. Все свидетельства о Людовике IX тщательно записывались, составлялись хроники, обширные труды. Художники выражали свое отношение своими средствами: писали портреты этого удивительного человека.

Как мне кажется, книжка Жана Жуанвиля о «Символах веры» в ее второй редакции вдохновила художника из Реймса на создание необычного шедевра. Этим шедевром

является Реймский Миссал, хранящийся в Российской национальной библиотеке в Санкт-Петербурге (Lat. Q.v.I.78). Он поступил в 1805 г. в Императорскую Публичную библиотеку с коллекцией Петра Петровича Дубровского, секретаря русского Посольства в Париже, ставшего первым хранителем Отдела рукописей, созданного по его предложению. Первоначально в списке передачи его коллекции эта рукописная книга называлась «Breviarium» (с фигурами). В 1928 г. сотрудник Отдела рукописей В.В. Бахтин впервые назвал рукопись Миссалом.¹⁴ В настоящее время рукописная книга называется «Реймский миссал». В нем 250 листов, изготовленных из эластичного пергамена (23×16 см). Блок состоит из 34 тетрадей, в составе которых 3 тетради с миниатюрами, расположенными в разных местах книги. Как удалось установить, эта трансформация произошла во время замены старого переплета новым, предпринятой П.П. Дубровским в XIX в. (Форзацы переплета изготовлены из бумаги Белоостровской мануфактуры под Санкт-Петербургом).

Состав Реймского миссала следующий: календарь, молитвы очищения и благословления солью и водой, текст «Символов веры», молитвы на праздники всего года (*Proprium de tempore*), молитвы, посвященные страданиям Христа, молитвы святым (*comtinue sanctorum*), молитвы за умерших. В календаре отсутствует упоминание имени Людовика IX, канонизированного в 1297 г. Следовательно, Миссал был создан до этой даты.¹⁵ Как же были расположены миниатюры в Миссале и что они иллюстрируют? Удалось точно установить, что поначалу все миниатюры находились в начале книги. На обороте последнего листа 193 (пронумерованного в XVIII в.) последней тетради с миниатюрами обнаружен отпечаток историзированного инициала «А», начидающего текст Миссала (Первого воскресения поста: «Ad te levavi animam meam») на л. 27. Именно это наблюдение дает основание считать, что три тетради с миниатюрами следовали одна за другой в начале книги за текстом «Символов веры», иллюстри-

руя их. Этот Миссал — единственный в своем роде, благодаря включению иллюстраций к «Символам веры»: в других Миссалах с текстом «Символов веры» никаких иллюстраций нет. Кроме того художественные особенности Миссала обладают высочайшими достоинствами. Корни этого стиля, по мнению французского исследователя Франсуа Авриля, уходят в искусство иллюминаторов, работавших в Париже в 1260–1270 гг. для Сен-Шапель и королевского двора.¹⁶ Тонкость и изящество контурных линий, яркий цветовой декор на золотом фоне создают праздничный вид и образуют гармоничный декоративный ансамбль.

Какое же конкретно отношение имеет этот Миссал к Жану Жуанвилю? Ответ находим в миниатюрах, непосредственно иллюстрирующих «Символы веры». В одном из 52 сюжетов (л. 63) зафиксирован реальный факт: нарисована стена и окно с решетками, за которыми изображены люди (илл. 1). С внешней стороны у окна стоит стяжка в чалме, за ним — вооруженные воины. Наверху надпись на старофранцузском языке: «Li sarrasis dit au barons prisone site» (Сарацин говорит баронам, заключенным в тюрьме). Бароны — это те самые крестоносцы, о которых в своей книжке писал Жан Жуанвиль. Разумеется, этот факт заставил обратить внимание на рукопись второй редакции сочинения Жуанвиля (ms. Nouv. Acq. Fr. 4509) и сравнить ее текст с иллюстрациями рукописи, хранящейся в Санкт-Петербурге. Кажется очевидным, что художник имел в руках текст Ж. Жуанвиля и талантливо переложил его в рисунок и в цвет, учтя многие теологические особенности текста манускрипта.

Художник воплотил систему Жуанвиля о предсказаниях пророками и осуществление их апостолами следующим образом: миниатюры в книге помещены в развороте: слева, как правило, пророки, справа — евангелисты. Они держат в руках свитки с текстами: одни с пророчествами, другие — с символами веры.

Приведу несколько примеров.¹⁷ Обращаясь к первому Символу, Жуанвиль подтверждает, что он «верит в Бога-отца всемогущего, творца неба и земли. («Je croi en dieu le pere tout poissant le creator dou ciel et de la terre» (BNF. ms. Nouv. Acq. Fr. 4509, f. 1v rubrique).

Художник в двух миниатюрах (илл. 2 в развороте) воспроизводит текст первого символа веры на свитке, который разворачивает апостол Петр: «Credo in deu[m] Patrem om[ni]pote[n]te [m] creatorem celi et terre» и изображает Бога-отца всемогущего на небесах в окружении добрых ангелов, внизу — падение ангелов, ослушавшихся Бога и превращающихся в олицетворение зла, а во второй миниатюре Бог-отец изображен стоящим на земле в окружении всего того, что им создано. Вверху помещен текст окончания первого символа, написанный красными буквами. Художник дополняет изображение Иеремии, разворачивающего свиток, в котором дается текст на латинском языке, о том, что «Бог создал небо и землю силою своею и благоразумием» («Patrem vocabis me dicit dominus qui fecit celum et terram in fortitudine sua et prudentia sua firmauit celos»).

В трактате Жан Сир де Жуанвиль пишет, что здесь, на первой странице, нет места пророкам, т.к. это начало всего сущего. «Des propheties nail nules sor cette premiere page, p[or] ce q[uel]le touche de len commencement dou monde, que cil fist qui est commencement et qui durra sanz fin» (BNF. ms. Nouv. Acq. Fr. 4509, f. 2).

Второй символ веры (илл. 3 в развороте): «и в Иисуса Христа, сына его единственного нашего Господа» художник вкладывает в уста, как и Жуанвиль, апостола Андрея: «Et in Jhesum Xristum filiu[m] eius unicum dominum nostrum». Помещенные на развороте книги две миниатюры логически связаны содержанием: в одной дается предсказание, в другой — его осуществление. В миниатюре с предсказанием художник почти дословно воспроизводит текст Жуанвиля, изображая ко-

ленопреклоненного Авраама, родоначальника еврейского народа, которому в видении явились три ангела — один из них был с золотым nimбом, и в нем он узнал сына божьего. «Les proph e cies de lauenerent dou fil dieu ce est a savoir q[ue] troi ange vindrent herbegier chies Abraha[m] en mi des quex quenut Abraham p[ar] la volente Dieu le Fil Dieu et p[or] ce q[ue] il sout q[ue] ce estoit cil q[ui] le devoit rachater des pointes denfer il laora» (BNF. ms. Nouv. Acq. Fr. 4509, f. 2).

Художник дополняет этот сюжет, представляя на поле слева царя Навуходоносора, который держит свиток с воспроизведением текста на латинском языке (написано красивым) и видит четырех ангелов, среди которых был сын божий. «Nabugodonosor rex: “Ecce inquit ego video uiros quatuor solutos et a m bulantes in medio ignis et nichil corruptionis in eis est. Et species quatri similis filio dei...”».

В нижней части миниатюры дается предсказание, которое зафиксировано в третьем символе «Credo». Изображены: Моисей, «неопалимая купина», Гидеон с золотым руном. Эта миниатюра выполнена в соответствии с текстом Жуанвиля: «Moyses le vit et le quenut ausinc, ou boisson qui sembloit q[ui] ardist, et si nardoit mie et en ce fu senefie la virginite dou cors la benoite Virge Marie... et de la toison ausi la ou la rosee dou ciel descendoit p[ar] mervei l leuse meniere p[ar] la volente dieu» (BNF. ms. Nouv. Acq. Fr. 4509, f. 2v). Он рассказывает о пророчестве Моисея, который видит несгорающий куст, символизирующий появление Девы Марии, а также золотое руно на розовом небе, спускающееся чудесным образом по воле Бога-отца. Выпавшая на землю роса — в христианском истолковании — есть символ благодати.

Текст третьего символа «Credo» художник, иллюстрируя, делит на две части: «Воплотившегося от Святого Духа и Рожденного от Девы Марии». В верхней части миниатюры художник представил текст «Credo» свитком, развернутым св. Иаковом. «Qui conceptus est de spiritu sancto natus ex

Maria Virgine». Тут же изображена Дева Мария, которой архангел Гавриил приносит благую весть: «Ave . . . gloria ple[na]. Следуя тексту трактата Ж. Жуанвиля : «La pr o phetie de la parole si est de Ysaie le prophete q[ue] vous veez point ci apres, qui prophetiza q[ue] la Vierge conceuroit (f BNF. ms. Nouv. Acq. Fr. 4509, 2v). La prophetie Daniel le profete qui desus est point, lor la natuuite dist as juis q[ue] q[ua]nt li saint des sainz venroit lor onction faudroit (BNF. ms. Nouv. Acq. Fr. 4509, f. 2v–3)», художник изображает пророка Исаию со свитком в руке, на котором написано предсказание на латинском языке о том, что, следуя голосу свыше, Дева родит сына: «Esse virgo concipiet et pariet filium et voca nomen».

В нижней части миниатюры помещена сложная композиция сцены «Рождества», разделенной на две части свитком с текстом «cum venerit», который держит Даниилл. На самом верху — Христос в люльке, согреваемый дыханием вола и осла, ниже возлежит Богородица, а у стены города изображены пришедшие: слева пастухи, справа — волхвы. Этот же принцип (противопоставление пророчеств их исполнению) сохраняется в последующих миниатюрах Санкт-Петербургской рукописи и свидетельствует о том, что символы веры иллюстрируются в соответствии с трактатом Жана Жуанвиля.

В своем сочинении Жуанвиль упомянул о том, что Людовик IX в 1249 г. отправил правителю сарацинов письмо с разъяснением христианской веры, рассказал о рождении, крещении, страданиях Христа, воскресении. В связи с этим Жуанвиль ввел тему «Воскресения», активно обсуждавшуюся теологами того времени.

В книжке Жуанвиля о Людовике IX мы узнаем, что среди пришедших к пленникам, был старичок, который обратился к ним и сказал: «Я знаю, что ваш бог был арестован, принял мучения и смерть за вас, а на третий день воскрес. Вам не следует сетовать на то, что вы попали в плен из-

за него, потерпели поражение из-за него, были ранены из-за него — ведь он страдал за вас и он имеет возможность воскресить вас»¹⁸. Так Жуанвиль передавал свою веру в Воскресение, а художник представил эту сцену среди других, непосредственно связанных с символами веры.

Следует учесть, что Миссал был создан для бенедиктинского аббатства св. Никеза в Реймсе. Об этом свидетельствует включенный в календарь на 26 сентября праздник освящения аббатства, вигилии 13 декабря, и день св. Никеза вписан в календарь красными буквами 14 декабря, перенос мощей этого святого — 13 февраля. Кроме того, в инициали (л. 204) изображен момент мучения Никеза и текст его прославляющий.

Святой Никез был первым епископом первого кафедрального собора во славу святой Богородицы в Реймсе, им построенного и освященного в 401 г. Он был замучен и принял смерть на пороге этого собора в 407 г.

Почему понадобился особый Миссал, предназначенный для церкви св. Никеза в Реймсе? Почему его украсили превосходными миниатюрами, сюжеты которых связаны с трактатом Жана сира Жуанвиля о «Символах веры»?

Вспомним, что время создания Миссала до 1297 г. (в календаре отсутствует имя Людовика IX, канонизированного в 1297 г.). Вторая редакция сочинения Жуанвиля датирована 1287 г. Как упомянуто выше, католическая церковь с 1282 г. начала готовиться к канонизации Людовика IX, короля Франции, умершего в Карфагене в 1270 г. во время Крестового похода.

В Реймсе тоже готовились к этому важному событию, ведь Людовик IX в 1226 г. был коронован именно в Реймском соборе. Оставшиеся в живых рыцари Шампани, участники Крестовых походов, возглавляемых Людовиком IX, хранили память о тех событиях. Вполне вероятно, что стремление внести свой вклад в это важное дело выразилось в создании

главной литургической книги особо торжественного вида в аббатстве св. Никеза — основателя Реймского собора. Обращение к сочинению своего земляка Жана сира Жуанвиля было не случайным. Этим подчеркивалась близость к королю, укрепление христианской веры. Возможно, автор трактата причастен к созданию Миссала. За свою долгую жизнь (он не дожил 8 лет до 100-летия, умер 24 декабря 1317 г.) он успел многое совершить. В 1861 г. на площади у замка «Жуанвиль» благодарные потомки поставили бронзовую статую рыцаря, сенешала и друга Людовика IX, Жана сира Жуанвиля. Превосходным памятником его сочинению можно также считать миниатюры, иллюстрирующие текст «*Credo*», созданные при его жизни с использованием его комментариев к «Символам веры».¹⁹

Примечания

¹ Это сочинение было написано по просьбе королевы Жанны Наварской, жены Филиппа Красивого, и посвящено их сыну Людовику X, будущему королю Франции (1314–1316). Оригинал рукописи в 1373 г. находился в библиотеке Карла V, а в XV в. манускрипт исчез. Сохранилась копия, изготовленная для Карла V (BNF. ms. fr. 13 568), и 2 копии XVI в. — все они послужили основой для многочисленных изданий в XIX и XX вв. Для написания статьи в качестве источника использовано издание на старофранцузском языке *Natalis de Wailly: Jean sire de Joinville. Histoire de Saint Louis.* Paris, 1874.

² *Jean sire de Joinville. Histoire...* P. 220–221.

³ Там же. Р. 15: «*Sire, ce est si bone chose que mieudre ne puet estre*».

⁴ Там же. Р. 68–69.

⁵ Там же. Р. 82–83.

⁶ Там же. Р. 112–113.

⁷ Там же. Р. 113–115.

⁸ Там же. Р. 126–127.

⁹ Там же. Р. 310–311 («...mais je ne b   j      baisier vos os»).

¹⁰ Там же. Р. 362–363.

¹¹ Этот эпизод описан там же. Р. 358–361.

¹² «Дуб Людовика IX» остается символом французского святого короля, (хотя современное дерево было посажено в XX в.).

¹³ Patralogia lat. T. LXXXIX, 1034.

¹⁴ В.В. Бахтин, написавший об этой рукописи статью, отдал ее французскому исследователю Шарлю Ланглау, который зачитал краткое ее содержание на заседании Академии надписей: Langlois Ch. Observations un Missel de Saint-Nicaise de Reims, conservé à la Bibliothèque de Léningrad par W.W. Bakhtin // L'Academie des Inscriptions et Belles-Lettres. Comptes-rendus des séances de l'année 1928. Bull. d'Octobre–Décembre. Paris, 1928. Р. 362–368. К сожалению, статья В.В. Бахтина не сохранилась.

¹⁵ В одном переплете с Миссалом (л. 1–250) небольшой Санкторал, составленный после 1297 г. (упоминается имя Людовика IX), на листах 251–299, и на листах 300–336 помещены «Страсти Христовы» по тексту Евангелия от Марка и от Луки, включающие праздник «Святого Алтаря», утвержденный в 1317 г. Таким образом в одном переплете объединены рукописи конца XIII и начала XIV в.

¹⁶ F[rançois] A[vril]. L'Art au temps des rois maudits Philippe le Bel et ses fils. 1285–1328. Paris, 1998. Р. 320.

¹⁷ Подробный анализ каждого символа рукописи (ms. Nouv. Acq. Fr. 4509) и миниатюр (Lat.Q.v. I. 78) изложен в моей статье (на исп. яз.) к факсимильному изданию рукописи: Misal de Reims (Biblioteca Nacional de Rusia, Ms. Lat.Q.v.I. 78), Madrid, 2008. Р. 19–49.

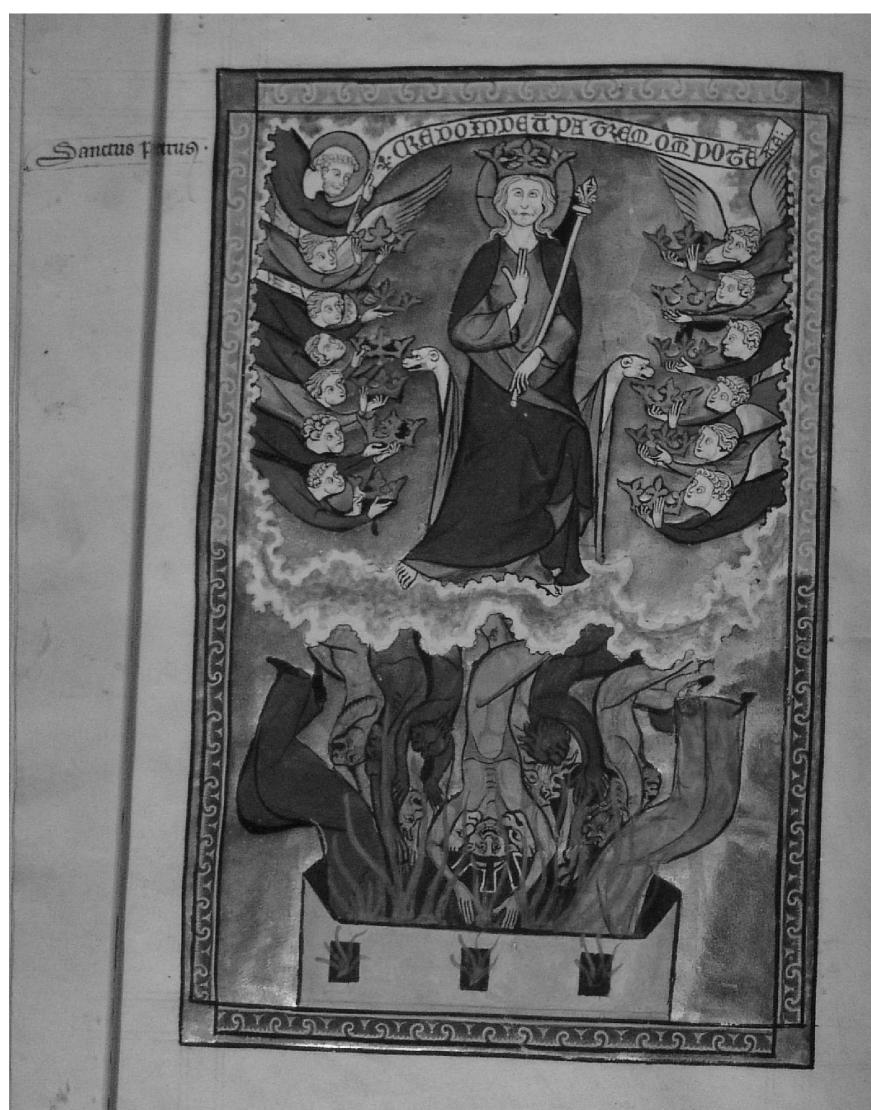
¹⁸ Jean sire de Joinville. Histoire... Р. 430.

¹⁹ Библиография включает значительное число публикаций, посвященных и Людовику IX, и Жану сиру Жуанвилю. Называем некоторые из них: Langlois C.V. Le Credo de Joinville, dans La vie spirituelle. Paris, 1928. Р. 1–22; Lozinski G. Recherches sur les sources du Credo de Joinville // Neuphilologische Mittelungen, t. 31 (1930). Р. 170–231; Foulet. The Archetype of Joinville's vie de Saint Louis // Modern Language Quarterly, t. 6, 1945. Р. 77–81; Le Goff J. Saint Louis et la parole royale // Mél. P. Zumthor // Nouvelle Bibliothèque du Moyen Âge, 12. Paris, 1988. Р. 126–136. В Российской литературе

нет ни одной работы, специально посвященной верному рыцарю короля Жану сиру Жуанвилю.

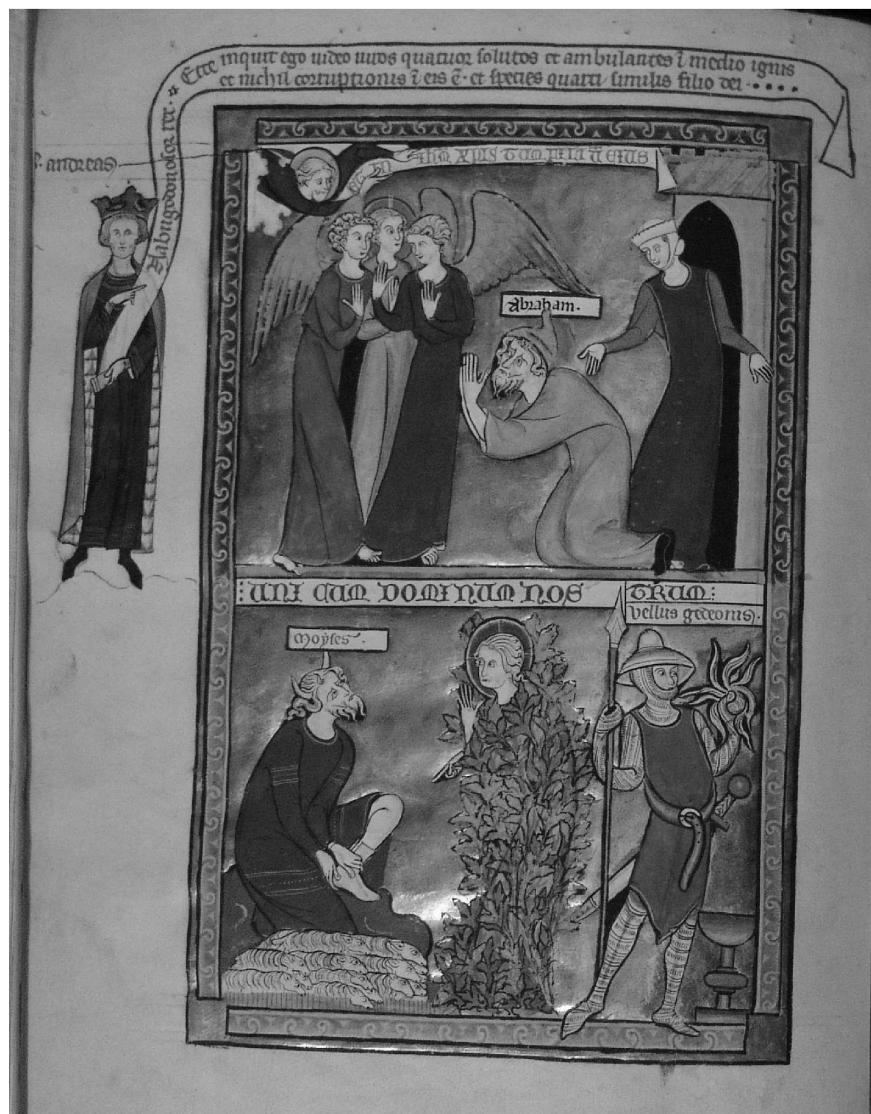
илл. 1.

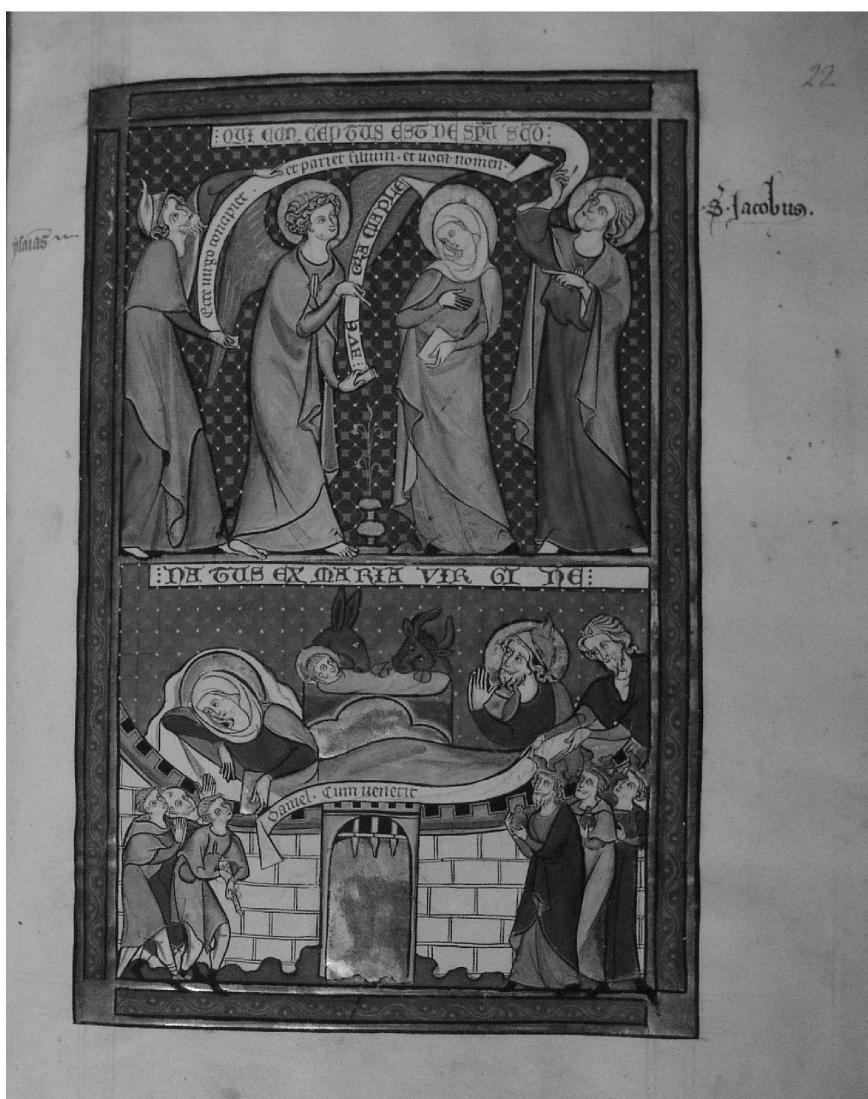
илл. 2. Разворот. Левая часть.

илл. 2. Разворот. Правая часть.

илл. 3. Разворот. Левая часть.

илл. 3. Разворот. Правая часть.

Поляковская М.А.

Идея святости василевса в отражении двух дворцовых церемоний XIV в. (по Псевдо-Кодину)¹

В центре византийского церемониального пространства в течение всей византийской истории находилась фигура императора, олицетворявшего могущество и величие империи. Как было замечено К.-П. Мачке, император был объектом и субъектом византийского дворцового церемониала.²

Стержнем византийской имперской идеологии являлась «императорская идея»³ — Kaiseridee, как ее часто называют ученые вслед за немецкими византистами. Она имела в основе набор политических аксиом, существовавших в сохраненном или адаптированном виде со времен домината, — это идеи «второго Рима», «вечного Рима», «христианской ойкумены».⁴ Тезис о богоизбранности империи и императора являлся основным стержнем византийской политической доктрины.⁵

Идеология как нравственно-политический фундамент империи, должны упрочивать ее могущество, доносился до поданных представителями властных кругов различными способами, среди которых, наряду с церемониалом, несомненно, имевшим для целей пропаганды «императорской идеи» первенствующее значение, можно назвать политическую риторику, придворное искусство, иконографию монет, официальные документы. К примеру, императорские златопечатные грамоты, исходившие из канцелярии властителя, помимо закрепления в них подписью императора соответствующей документальной или юридической информации, выполняли функцию трансляции политической доктрины империи.

Преамбулы хрисовулов посредством использования сложившихся словесных формул концентрированно формулировали аксиомы политической идеологии. «Императорская идея» выражалась через понятные любому получателю грамот и людям его круга общения сложившиеся с античных времен нравственные ценности, должны украшать личность императора: это мудрость (*σοφία*), справедливость (*δικαιοσύνη*), мужество (*ἀνδρία*), благородство (*σωφροσύνη*). Святость василевса также была представлена в прообразах хрисовулов в виде коротких, легко запоминающихся характеристик: власть императора — «от Бога» (*ἐκ Θεοῦ*), а сам носитель власти — «подражание Богу» (*μίμησις Θεοῦ*) и «возлюбленный Бога» (*θεοφυλής*).⁶

Однако, в отличие от хрисовулов или византийских золотых номисм, для которых отражение идеологии империи не было их главной функцией, наиболее эффективным выражением «императорской идеи» был, без сомнения, дворцовый церемониал, являвшийся сложившейся системой презентации власти. Для византийского мира дворцовый церемониал был главной составляющей официальной политической культуры, способствовавшей в условиях ограниченных средств информативности трансляции политической доктрины. Церемониал служил власти, а власть придавала церемониалу значимость самой власти.

В поздневизантийскую эпоху, когда империя жила в условиях борьбы за власть, перманентных междоусобий, бурных религиозных разногласий и все усилившейся угрозы турецкой агрессии, сохранение традиционной политической идеологии и прежде всего — ее центрального тезиса о богоизбранности империи и императора — становилось для политической элиты вопросом самосохранения.

Идея святости василевса является проходной для церемониальной книги XIV в., принадлежащей перу Псевдо-Кодина.⁷ Церемониал во всем — в каждом жесте и в каждом

слове — был ориентирован на презентацию полученной от Бога власти императора. Святость правителя находила воплощение в самых различных приемах построения церемониальных «сценариев». Это могли быть «явление» василевса (ритуал прокиписса), его «возвышение» (анавафра) или «отдаление» (трон, занавесы и многое другое). Презентация власти была ориентирована на все возможные формы транслирования через них «императорской идеи». Кульминацией же церемониала был ритуал коронования императора.⁸ Сопровождающий акт помазания императора возглас патриарха «Свят!», трижды им произнесенный, звучал в главном константинопольском храме св. Софии многократным эхом, повторенный священниками, а затем и народом, присутствующим на церемонии. Этот ритуал был особенно впечатляющим и глубоко проникал в массовое сознание эпохи.

На этом фоне рассмотрим две детально описанные Псевдо-Кодином церемонии, в высшей степени концентрированно отражающие идею святости василевса.

Первая из заявленных в названии статьи церемоний связана с ритуалом праздника Входа Господня в Иерусалим ($\eta \ \epsilon\sigma\tau\eta \ \tau\omega\nu \ \mathbf{Βαΐων}$), приходившегося на воскресенье перед началом Страстной недели. Сравнивая информацию о ритуалах этого праздника в церемониальных книгах эпохи Македонской династии и времени Палеологов, можно обнаружить заметные отличия. Как видно из «Книги церемоний» Х в., праздник Входа Господня в Иерусалим не имел уставившегося дворцового церемониала. Накануне праздника, в Лазареву субботу, в храме св. Димитрия в Фаре перед вечерней службой придворным раздавали ветки с укреплёнными на них листьями финиковой пальмы и других растений.⁹ Согласно источникам, жители Иерусалима встречали Иисуса Христа, держа в руках пальмовые ветки, с которыми и стало ассоциироваться начало Цветоносной недели. В силу этого праздник Входа Господня в Иерусалим византийцы называли Вайя (от греч. $\tau\delta \ \beta\alphaΐον$ — пальма, пальмовая ветвь). Исследо-

ватель византийского церемониала О. Трайтингер отметил, что во дворце «в Пальмовое воскресенье не было никаких особых церемоний».¹⁰ Возглавляемую патриархом литию и крестный ход духовенства из дворца в церковь Богородицы в Дафне вряд ли можно отнести к дворцовому ритуалу праздника Вайи.¹¹

В XIV же веке, как следует из описания Псевдо-Кодина¹², начало праздника Вайи было связано с Влахернским дворцом и торжественным выходом из него в храм. Этот ритуал назывался «церемонией галереи» (*ὁ περίπατος*). Идущая от императорских покоеv через дворец к Влахернскому храму галерея¹³ подготавливалась к торжественному выходу заблаговременно — с середины недели (*διὰ μέσης τῆς ἐβδομάδος*). По истечении Лазаревой субботы, когда наступала ночь, предшествующая празднику, присыпали пол галереи и украшали колонны ветвями лавра, мirta и оливкового дерева. На рассвете праздничного дня, когда из церкви раздавались звуки начавшейся утренней службы, император выходил из своей комнаты в торжественном одеянии, непременном для высоких празднеств — в саккосе и императорской стемме на голове, держа в правой руке скипетр, увенчанный крестом, в левой — мешочек с прахом (акакио) и большую свечу (*ἡ λαμπάς*). Начиналась «церемония галереи». Под звуки исполняемого тропаря (*τὸ ἰδιόμελον*) «Выjdите народы, выjdите люди и любуйтесь сегодня царем небес» (*Ἐξέλθετε ἔθνη, ἐξέλθετε καὶ λαοί, θεάσασθε σήμερον τὸν βασιλέα τῶν οὐρανῶν*) начиналось торжественное шествие. В процессе движения по галерее свершалось моление.¹⁴ Шествие открывал лампадарий, несший большую свечу. Впереди процессии как образ Христа несли Евангелие. За свечой и образом Господа первым шел император, а также члены его семьи — коронованные отец и сын (если они были) в соответствующих торжественных одеяниях. В шествии галереи принимали участие высшие сановники — деспоты (ими были, прежде всего, близкие родственники императора — сыновья, братья,

зятья). За ними следовало высшее духовенство: патриарх или патриархи, архиdiакон с Евангелием и пять священников с иконами. Процессия следовала до церкви, где к этому времени шла к концу утрення служба, и останавливалось перед храмом, у иконы Божьей Матери.¹⁵ Это было финалом праздничного ритуала. С завершением службы в храме император, предшествуемый лампадарием, возвращался назад. Сорванная императорским слугой ветвь (*ὁ χλάδος*) являлась знаком желания императора, чтобы галерея была к этому времени пуста.

Несомненно, что сохраненная обрядником XIV в. церемония галереи, бывшая напоминанием о Входе Господнем в Иерусалим, служила презентации василевса как подобия Бога, его земного представителя и наследника, помазанного на царство самим Богом.

Второй из указанных в названии статьи церемоний был ритуал омовения ног (*ὁ μπτήρ*), связанный с праздником Великого четверга (*ἡ Μεγάλη Πέμπτη*) Страстной недели.¹⁶ Следует заметить, что этот ритуал, имевший в основе библейский сюжет, известен давно. И.С. Чичуров упоминает в своем исследовании по византийской политической идеологии (к сожалению, без ссылки на источник), что известна «процедура омовения императором в Великий четверг ног беднейшему из константинопольцев».¹⁷ В X в., согласно «Книге церемоний» Константина VII Багрянородного, главным ритуалом Великого четверга было омовение патриархом и представителями духовенства св. Престола в алтаре храма св. Софии. После этого патриарх с сопровождением проходил через ряд помещений храма в нартекс, где совершался обряд омовения ног.¹⁸ По «Книге церемоний», названая церемония в стенах императорского дворца василевсом не проводилась.¹⁹

Непременным дворцовым церемониалом обычай омовения императором ног беднякам становится лишь в поздневи-

зантийское время, что зафиксировано обрядником Псевдо-Кодина.²⁰

Перед литургией Великого четверга Страстной недели в императорскую комнату (ἐν τῷ τοῦ βασιλέως κελλίῳ) приводили двенадцать бедняков (πτωχοὺς δώδεκα) — по числу учеников Христа. Их «заранее подготавливали» (по всей вероятности, мыли), надевали на них нательные рубашки (ὑποκαθίσα), нижние штаны (χουρτζουβάχια) и башмаки (παπούτζια). В комнату василевса заблаговременно приносили ковш (λεχάνη), воду и все необходимое для омовения ног приведенных и подготовленных к ритуалу бедняков.

Находившийся перед дверью императорской комнаты протопапа благословлял начало церемонии и обращался к чтению соответствующего текста из Евангелия. При произнесении им слов «влил воды в умывальнику»²¹ император наливал воду в ковш. Затем приводили одного за другим бедняков, держащих в руках зажженные свечи. Каждый — сменяя один другого — садился, и протопапа читал текст Евангелия, где говорится «и начал Иисус мыть ноги своих учеников».²² Этот ритуал повторялся, пока не были все омыты. Василевс мыл правую ступню каждому, вытирая ее тканью, повешенной перед ним, а затем целовал ступню. В завершение церемонии каждому из бедняков вручалось по три золотых монеты (χρυσᾶ νομίσματα τρία). После этого начиналась литургия.

Как уже отмечалось, эта церемония, ставшая непременным дворцовым ритуалом лишь в XIV в., в эпоху Палеологов, была формой отражения идеи смирения василевса, бывшего, согласно имперской идеологии, подобием и подражанием Христа.

Разумеется, Византия не была единственным государством, где в основу политической идеологии была положена идея святости правителя. Стремление к упрочению веры народа в сакральную природу монарха присуще и другим средневековым государствам, прежде всего государствам эпохи

абсолютизма, когда иератические признаки власти заметно усилились.²³

В поздневизантийской политической идеологии процесс сакрализации личности императора в значительной степени усилился. Некоторые ритуалы сакрального характера были перенесены в пределы императорского дворца.²⁴ Имперская идеология все более приобретала характер «монархической религии».²⁵ Две рассмотренные в статье дворцовые церемонии, подтверждая значимость идеи подобия императора Богу, обращают на себя внимание еще и тем, что в ритуалах и Пальмового воскресения, и Великого четверга василевс на фоне библейского «сценария» выступал в роли Христа.

Примечания

¹ Статья подготовлена в рамках проекта «Поздневизантийский церемониал как форма трансляции идеи могущества империи в условиях её кризиса» при поддержке РГНФ (грант № 09-01-00158а).

² Matschke K.-P. Sakralität und Priestertum des byzantinischen Kaisers // Die Sakralität von Herrschaft. Herrschaftslegitimierung im Wechsel der Zeiten und Räume. Fünfzehn interdisziplinäre Beiträge zu einem weltweiten und epochenübergreifenden Phänomen. Berlin: Akademie Verlag, 2002. S. 50.

³ Treitinger O. Die oströmische Kaiser- und Reichsidee nach ihrer Gestaltung im höfischen Zeremoniell vom oströmischen Staats- und Reichsgedanken. Zweite unveränderte Auflage. Darmstadt, 1956; Angelov D. Imperial Ideology and Political Thought in Byzantium, 1204–1330. Cambridge, 2006.

⁴ Hunger H. Reich der neuen Mitte: Der christliche Geist der byzantinischen Kultur. Graz, 1965. S. 61–107; Чичуров И.С. Политическая идеология средневековья (Византия и Русь). М., 1991. С. 26–30, 151.

⁵ Beck H.-G. Das byzantinische Jahrtausend. München, 1978. S. 87.

⁶ Hunger H. Prooimion. Elemente der byzantinischen Kaiseridee in den Arengen der Urkunden. Wiener byzantinische Studien. Bd.I. Wien, 1964. S. 49–83.

⁷ Pseudo-Kodinos. *Traité offices / Introduction, texte et traduction par J. Verpeaux*. Р., 1976. (далее — Ps.-Kod.).

⁸ Поляковская М.А. Поздневизантийский чин коронования василевса // Византийский Временник. 2009. Т. 68 (93). С. 5–24.

⁹ Рахманов Иоанн, протоиерей. Обрядник византийского двора (*De ceremoniis aulae Byzantinae*) как церковно-археологический источник. М., 1895. С. 162.

¹⁰ Treitinger O. Die oströmische Kaiser- und Reichsidee . . . S. 227. Anm. 77.

¹¹ Рахманов Иоанн, протоиерей. Обрядник византийского двора . . . С. 163–184.

¹² Ps.-Kod. Р. 224.5–226.21.

¹³ Treitinger O. Die oströmische Kaiser- und Reichsidee . . . S. 126.

¹⁴ Ps.-Kod. Р. 227. 20–24.

¹⁵ Ibid. Р. 228. 1–3.

¹⁶ Ibid. Р. 228. 10–229. 20.

¹⁷ Чичуров И.С. Политическая идеология средневековья . . . С. 29. Источниковой основой главы является византийская литература VII – начала IX в.

¹⁸ Беляев Д.Ф. *Byzantina II. Ежедневные и воскресные приёмы византийских царей и праздничные выходы их в храм св. Софии в IX–X в.* СПб., 1893. С. 224–225.

¹⁹ Treitinger O. Die oströmische Kaiser- und Reichsidee . . . S. 127. Anm. 12. Подобный ритуал Чистого четверга в X в. имел место в храме св. Софии, где он совершался простым священником. Обычай омовения ног беднякам был распространен и в высшей католической среде: папы нередко проводили этот ритуал. — Ibidem.

²⁰ Ps.-Kod. Р. 228. 10–229. 20.

²¹ Иоанн. 13.5.

²² Там же. Порядок слов в обряднике немного отличается от текста русского Синодального издания.

²³ Можно вспомнить об омовении ног королевой Англии в Чистый четверг приведенным во дворец старым больным женщинам. — Дмитриева О.В. Сотворение божества. Сакрализация культа Елизаветы I Тюдор // Средние Века, 1995. Вып. 58. С. 159–160.

²⁴ Поляковская М.А. Поздняя Византия: «дворец как храм» // Античная древность и Средние Века. 2009. Вып. 39. С. 352–359.

²⁵ Treitinger O. Die oströmische Kaiser- und Reichsidee... S. 51; см. также: Grabar A. Pseudo-Codinos et les cérémonies de la cour byzantine au XIVe siècle // Art et société à Byzance sous les Paléologues. Actes du colloque organisé par l'association internationale des études byzantines à Venise en septembre 1968. Venise, 1971. P. 217.

Алексеев Ю.Г.

«Ино тебе не князя Данила стереги, стереги тебе меня и моего дела»

Средневековая Русь до последней четверти XV в. — это совокупность княжеств, каждое из которых в известном смысле было самостоятельной системой, возглавляемой своим князем, опиравшейся на свой служебный аппарат — прежде всего военных слуг, вчерашних дружиинников, а теперь — потомственных землевладельцев. Никаких реальных и формальных обязательств за пределами данного княжества эти слуги не имели и иметь не могли — они зависели только от своего князя. Князь имел над слугами право суда и дани, под его знаменами ходили в походы. Именно это положение было положено в основу межкняжеских военных конвенций, известных нам с середины XIV в., начиная с первого договора Калитичей — духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв.

Великое княжение Владимирское состояло из таких княжеств, связанных между собой только на высшем уровне — межкняжескими договорами и традицией. Служилый человек нес службу своему князю и никому больше.¹

Но в последней четверти XV в. произошли разительные перемены. На протяжении жизни одного поколения совокупность княжеств превратилась в единое целое, а великий князь Владимирский и Московский — в Государя всея Руси. Появилась новая историческая реальность — Российское государство.

Государь всея Руси и великий князь Владимирский, Московский, Новгородский, Псковский, Тверской... объединил в своем лице всю Русскую землю. Объектом его власти

стало не княжество, а государство. Слуги его из слуг княжеских превратились в служилых людей Российского государства.

Этот крупнейший переворот в исторической реальности не мог не отразиться на национальном и личном самосознании русских людей. Вершителем их судеб теперь стал не местный удельный князь, которому из поколения в поколение служили их предки, а государь всея Руси. А, следовательно, сепаратистские интересы и отношения теперь должны отступить перед интересами общими — общенациональными, общегосударственными.

По словам С.Б. Веселовского, началось полное перерождение класса служилых землевладельцев. Иван III сделал очень много, чтобы разрушить дружинную организацию армии и низвести крупных бояр на положение родовых служилых людей, всецело подчиненных государю.²

Июль 1500 года. Уже третий месяц идет большая война — Русское государство борется за возвращение земель, захваченных Литвой в тяжелые времена упадка Руси, княжеских смут и татарского лихолетья.

Рать воеводы Юрия Захарьича овладела Дорогобужем. В глухом лесу поджидает она своего противника — гетмана князя Константина Острожского, который ведет с собой главные силы великого князя Александра Литовского.

Русская Ставка внимательно следит за ходом событий. Узнав о движении Острожского, великий князь Иван вводит в действие свой стратегический резерв — рать князя Данилы Васильевича Щени.

Одновременно в войска из Ставки поступает новое боевое расписание — расписка воевод по полкам.

«В Большом полку князь Семен Иванович Стародубский... да князь Василий Иванович Шемячич да великого князя воевода князь Данило Васильевич Щеня...»

... в Сторожевом полку Юрий Захарьич да Иван Шатра».³

Накануне решительного сражения происходит смена командования. Первый воевода Большого Полка — фактически и формально командующий всей армией. Все понимают, что этот командующий — не жалкий, хотя и родовитый князек, вчерашний вассал Александра Литовского, а опытный воевода Щеня. Тот, который смирил непокоренную вятку (1489 г.), освободил от литовцев Вязьму (1493 г.).

А вчерашний воевода Большого Полка, герой Дорогобужа, отодвинут на задний план — ведь Сторожевой полк иерархически ниже всех других — Передового, Правой Руки, Левой Руки.

Впервые и единственный раз воевода решается обратиться с письменным протестом к самому великому князю Ивану (который, по словам современника «встречу [спор с ним — Ю.А.] любил и за встречу жаловал»).

«И Юрьи Захарьич писал к великому князю, что ему в Сторожевом Полку быти не можно. То мне стереги князе Данила».

И великий князь им отвечал: «Гораздо ли ты так чинишь? Говоришь в Сторожевом Полку бытии тебе не пригоже, стереги княже Данилева Полку? Ино тебе стереги не князе Данила, стереги тебе меня и моего дела. А каковы воеводы в Большом Полку таковы чинят и в Сторожевом Полку. Ино не сором тебе быть в Сторожевом Полку».⁴

Старое представление о ценностях столкнулось с новым. В глазах великого князя Большой Полк и Сторожевой Полк — одно целое; все воеводы и полки — единый целостный механизм, решающий общую задачу — «дело» государя, т.е. Российского государства. На этом фоне нет места личным амбициям.

Волей великого князя механизм приводится в действие.

14 июля на речке Ведроше русские воеводы одерживают одну из самых блестящих побед в истории нашего Отечества.

Поучение великого князя честолюбивому воеводе — едва ли не первый пример общественного сознания. На заре местнических споров великий князь сформулировал тезис о приоритете государственных интересов перед частными амбициями. Это — истоки той идеи, что высшая честь для служилого человека любого ранга — исполнение своего долга перед Отечеством.

Эта новая система ценностей, порожденная великим историческим фактом — рождением Российского государства, постепенно становится основой общественного сознания.

Почти через сотню лет, во времена полного расцвета местнической психологии, русским послам в Польшу князю Федору Троекурову и дьяку Дружине Петелину, в ответ на их местническую жалобу было заявлено: «Добро искати, дела и прибытка государю, а не своей чести и бесчестью».

Даже такая важная для корпоративного сознания категория, как местническая «честь» отступает перед идеей государственного «дела».

Так под влиянием исторической реальности формируется характерный для России приоритет государственных, т.е. общенациональных отношений и интересов над всеми прочими — корпоративными и личными. Только такой приоритет, ставший одной из основ нашего национального самосознания, мог на протяжении долгих веков обеспечить само существование России ее народа.

Реалии России XV–XVII столетий вынуждали ее «дважды в год концентрировать и расходовать все свои экономические и людские резервы для отражения опустошительных нашествий».⁵ Эти реалии, подобных которым не знал ни одно европейское государство, с необходимостью должны были выработать именно такую систему национальных ценностей,

определить именно такой тип государства, с «небывало возросшей ролью самодержца», как персонификация этого государства и несущего ответ только перед Богом.

Едва ли можно видеть в Российском государстве XV–XVII вв. «ретрогressive» тенденции.⁶ Тип государства сложившийся в позднесредневековой России, был результатом реального исторического развития, и именно этот тип государства с сильной централизованной властью, поставленной выше каких-либо местных, сословных, корпоративных и частных интересов оказался в данных условиях наиболее жизнестойким, а стало быть и наилучшим.

Перерождение общественного самосознания из удельно-княжеского в национально-государственное впервые ощутимо проявившееся накануне сражения на Ведроше — это и результат, и предпосылка дальнейшего развития российского менталитета.

Примечания

¹ 1471 — Тверичи.

² Веселовский С.Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1964. С. 76–77.

³ Разрядная книга 1475–1598 гг. М., 1966. С. 30–31.

⁴ Разрядная книга. С. 30–31.

⁵ Эскин Ю.М. Очерки истории местничества в России XVI–XVII вв. М., 2009. С. 400.

⁶ Эскин Ю.М. Очерки... С. 400.

*Дмитриева М.И.***Семьи Салимбени и Толомеи в средневековой Сиене**

Салимбени и Толомеи — семьи городской аристократии, издавна проживавшие в Сиене. Уже в эпоху ранней коммуны (кон. XII–XIII в.) они относились к ее «ведущим слоям». В Сиене «главных» семей нобилей было пять: Салимбени, Толомеи, Малавольти, Пикколомини и Буонсиньори. Все отличались «благородным происхождением»¹, которое, впрочем, не помешало им заняться банковским делом и превратить Сиену в XIII в. в крупнейший европейский банковский центр.² Именно банкирские дома Салимбени, Толомеи, а также Пикколомини, Галлерани, Малавольти, Скварчалупи собирали папские подати во многих диоцезах Европы, ссужали деньгами папскую курию³, императоров Священной Римской империи и королей Франции.

В историю Сиены Салимбени и Толомеи вошли также как сиенские «Монтекки и Капулетти» — две семьи-соперницы, кровавая вражда которых «красной нитью» проходит через всю ее средневековую историю. Возможно, изначально она носила кровный характер, а затем превратилась в борьбу двух влиятельных семейств, оспаривавших финансово-экономические и политические позиции друг друга.

Мы постарались выяснить, какое значение эта борьба имела для истории города с конца XIII в. до конца XIV в. Выбор данного периода определен его особой значимостью в исторической судьбе Сиены: социально-политическая история города от становления власти народа до утверждения «партийного» и коалиционного принципа в его политической жизни явила собой один из самых ярких примеров развития коммунальной демократии.

В конце XIII в. длительная борьба между нобилями и пополанами, тесно связанная с противостоянием гвельфов и гибеллинов, закончилась отстранением нобилей от власти в коммуне. Это положение было закреплено в ряде законов, самыми важными из которых стали «народные уставы» 1277 г. Они исключили из городского правительства представителей нобилей — «казати»⁴, и провозгласили, что правительство должно быть сформировано из купцов и гвельфов Сиены⁵. В 1287 г. у власти встало правительство Девяти Синьоров (1287–1355) — первое народное правительство в истории коммуны, которое формировали представители пополанов-гвельфов. Основные позиции в экономической жизни перешли к представителям «среднего народа» — богатым и влиятельным пополанам, формировавшим правительство Девяти.⁶

Тем не менее, и нобили продолжали играть важную роль в жизни республики. Изучение источников показывает, что отстранение нобилей от власти не особенно повлияло на их общественное положение и доказывает, что это отстранение произошло скорее *de iure*, чем *de facto*. Так, на страницах городских хроник XIII в. представители пяти главных семей нобилей фигурировали в качестве консулов⁷ и участников всех крупных финансовых предприятий коммуны⁸, представители ее посольств⁹, предводители коммунального ополчения¹⁰ и лучшая часть сиенского войска — «добрый народ».¹¹ В хрониках первой половины XIV в. нобили вновь предстают в качестве членов посольств коммуны¹², епископов¹³, предводителей и участников крупных военных предприятий коммуны¹⁴, капитанов гвельфской партии¹⁵, руководителей военных сообществ пополанов¹⁶, а также проведиторов Биккерны — т.е. инспекторов главного финансового органа коммуны¹⁷. Изменение статуса не отразилось и на их имущественном положении. Так в первой половине XIV в., несмотря на свое отстранение от власти, семьи Салимбени и Толомеи продолжали оставаться самыми богатыми в городе.

По данным поземельной описи (*La Tavola delle possesioni*), составленной в 1320–1330 гг. (документы этой описи, хранящейся в городском архиве Сиены, подробно исследованы в монографии Дж. Керубини)¹⁸, самым значительным в этот период является богатство многочисленной группы Салимбени — 193.000 лир (эквивалентное 6,5% всей частной недвижимости), Толомеи — 177.233 лир (5,9%), Галлерани — 135.000 лир (4,5%), Буонсиньори — 98.277 лир (3,3%)¹⁹. Члены правительства Девяти также располагали недвижимостью в городе и за его пределами, но их имущественное положение сильно уступало богатству семей нобилитета.²⁰

Доказано, что нобили находились в тесных деловых связях с правящей группой. По данным американского ученого В.М. Боуски, в начале XIV в. восемь членов правительства состояли в торговой компании Буонсиньори, которая разорилась и была ликвидирована в период с 1298 по 1310 гг., еще трое стали партнерами Толомеи в обществе, сформированном в 1310 г. для ведения международной торговли и банковских дел.²¹ Члены правительства постоянно занимали у нобилей-магнатов деньги, а также одолживали им.²² Кроме того, они продавали приобретенные коммуной земли нобилям-магнатам. Наличие подобных связей между правительством и нобилями подтверждается и материалами городских хроник, в которых рассказывается о том, что правительство покупает и продает окрестные земли и что нобили Салимбени, Толомеи, Буонсиньори, Галлерани и Пикколомини являются активными участниками этих сделок.²³ Особенно частыми такие случаи были в годы войны или неурожая.²⁴

Таким образом, в первой половине XIV в., несмотря на свое официальное отстранение от власти в коммуне, главные семьи нобилей, прежде всего, Салимбени и Толомеи, продолжали играть важную роль в жизни города. Продолжалось и их противостояние. Страницы хроник, описывающих события этого периода, полны описанием стычек, главными участниками которых являются эти семьи. По сведениям ав-

торов городских хроник, периодически дело доходило до открытых конфликтов, и тогда «вооружался весь город», а его население делилось на противоборствующие партии.²⁵ Правительству Девяти не всегда удавалось самостоятельно ограничивать вооруженные столкновения между семьями нобилей, например, ставя охрану на башнях домов (семей Rossi и Бандинелли). Как сообщается об этом в Большой хронике: «и это сделали сиенцы для того, чтобы разнять Салимбени и Толомеи, когда они устроили спор и волнение».²⁶ Судя по материалам хроник, трения возникали и между другими семьями нобилитета²⁷, но они не были столь постоянными.

Важно отметить, что Толомеи неоднократно восставали против народного правительства Девяти. Они спровоцировали все четыре крупных выступления этого периода: мятеж нобилей и ремесленных кругов в 1318 г., восстания 1324 и 1326 гг. и антиправительственный заговор 1346 г. Во всех этих случаях Толомеи диктовали свою волю цехам нотариусов и мясников, находящимся под их покровительством.²⁸ Как утверждают хронисты, целью всех этих восстаний было свержение правительства Девяти. Выступления решительно и жестко подавлялись, «простые» участники карались казнью, Толомеи наказывались разрушением их домов и ссылкой, но продолжали восставать вновь и вновь.

Итак, в первой половине XIV в. Салимбени и Толомеи — самые богатые в городе семьи, обе находятся в тесных деловых отношениях с народным правительством Девяти, обе претендуют на ведущую роль в общественно-политической жизни города, обе продолжают кровавую вражду.²⁹ При этом Толомеи четырежды пытаются свергнуть народное правительство Девяти. Когда же в 1355 г. правительство Девяти сменяется правительством Двенадцати, то оказывается, что за кулисами этого политического спектакля стоят их противники — Салимбени, могущественным союзником которых выступает император Карл IV.³⁰

Из сообщений хроники Донато Нери, относящихся к 1355 г., следует, что именно глава семьи Салимбени — Джованни д'Аньолино (вместе с представителями других семей нобилей: Толомеи, Аккариджи и Монтанини) был в составе посольства, отправленного правительством Девяти Синьоров в начале марта 1355 г. навстречу императору Карлу IV в Пизу, и что именно в его дворце император остановился, приехав в Сиену.³¹ Исследователями высказывались разные точки зрения на сущность социально-политических перемен в Сиене в середине столетия³², в числе которых — и мнение о том, что роль семьи Салимбени в свержении олигархии Девяти была решающей, а правительству Двенадцати удалось продержаться у власти лишь ценой политических фарсов, выступая в роли послушной марионетки в ее руках³³. С нашей точки зрения, роль Салимбени во время прихода к власти и 13-летнего правления «среднего народа» — «додичини» (1355–1368), действительно была значительна. Но, говоря об этом, следует учитывать и ряд объективных факторов. Важнейшим из этих факторов стала Черная смерть 1348 г., сократившая население, повлиявшая на финансовое положение сиенской коммуны, изменившая ее демографическую и социальную структуры и ознаменовавшая начало экономического упадка Сиены. Купечество было разорено, долги коммуны выросли, поэтому и восстание горожан в 1355 г., инициированное нобилями, смогло поставить точку в почти 70-летнем олигархическом правлении богатых пополанов.

Когда правительство Девяти бежало из города, горожане добились от императора организации нового управления: вместе с народным правительством Двенадцати Синьоров (в которое вошли представители цехов, ранее не принимавших участия в управлении городом), была образована Коллегия нобилей — в качестве его консультативного органа. Коллегию составили шесть нобилей, главным среди которых стал глава семейства Салимбени — Джованни д'Аньолино де Боттоне Салимбени. Коллегия просуществовала менее двух

месяцев и была упразднена.³⁴ В этот момент роль Джованни д'Аньолино Салимбени и обозначилась достаточно четко, ведь он, будучи одним из членов Коллегии шести нобилей выступил, тем не менее, в поддержку решения правительства Двенадцати о ее ликвидации.³⁵ По мнению хрониста Донато Нери, Джованни Салимбени хотел разделить нобиляй и утвердиться как лидер народа.³⁶ Судя по всему, он весьма преуспел в этом, поскольку в дальнейшем, если верить сообщениям хроники, он снискал у народных властей такой авторитет, что ни одно важное политическое решение ни принималось без его участия.³⁷ Поэтому заговоры против правительства Двенадцати Синьоров обычно возглавляли кровные враги клана Салимбени, их политические соперники — Толомеи. Так, уже в сентябре 1356 г., организатором антиправительственного заговора выступил Мейо ди Джакомо Толомеи вместе с несколькими своими сторонниками. По сообщению хрониста, простые участники заговора были казнены, сам организатор выслан из города.³⁸

Нам представляется, что отношения Салимбени и народного правительства Двенадцати были своего рода политическим компромиссом. Салимбени поддерживали правительство Двенадцати, когда его политика отвечала их интересам и резко меняли свою позицию, когда Двенадцать «выходили из-под контроля». Например, в 1358 г. Джованни Салимбени защищал интересы пополанского правительства, выступая в качестве предводителя сиенского городского ополчения³⁹, а уже в 1362 г. выступил против него, объединившись с другими нобилями и богатыми пополанами — членами партии Девяти. Это произошло после того, как в 1361 г. правительство Двенадцати выкупило у семьи Салимбени небольшое поселение Монтеорсайо: 1/4 суммы (1500 флоринов) было заплачено Соццо Салимбени, 3/4 (5100 флоринов) — Никколо Салимбени. Судя по сообщению хрониста, выкуп не входил в планы Джованни д'Аньолино Салимбени, а его недовольство политикой правительства приняло такую форму.⁴⁰ Заговор

был раскрыт и виновные наказаны. Простые участники заговора поплатились за это жизнью, в то время как нобили ограничились крупными денежными штрафами и изгнанием из города сроком на пять лет.⁴¹ Впрочем, уже в следующем году правительство республики заключило мир со «всеми теми, кто был изгнан или осужден» и Джованни Салимбени вернулся в город.⁴² За свое возвращение Салимбени заплатил круглую сумму городским властям.⁴³ Все это, однако, это не улучшило финансового положения Сиены.

Финансовая несостоятельность власти вела к ее расшущей зависимости от нобилей и обострению внутриполитической ситуации. В конце 60-х гг. XIV в. старая вражда между Салимбени и Толомеи возобновилась. Каждое из семейств, поддерживаемое своими сторонниками, стремилось утвердиться у власти. Правительство разделилось на сторонников обеих семей.⁴⁴ В апреле 1368 г. часть сторонников Толомеи (при поддержке семей нобилей Пикколомини, Сарачини и Черетани) предприняла попытку государственного переворота, которую сторонники Салимбени пресекли.⁴⁵ Позиции Салимбени укрепились в мае, когда стало известно о приезде в Италию императора Карла IV. Джованни Салимбени вновь отправился к нему в Ломбардию в составе посольства. Поддержка Карла IV обеспечила ему триумфальное возвращение в Сиену.⁴⁶

Авторитет Джованни Салимбени в этот момент был максимально высок. Из материалов хроники становится очевидным, что, даже принимая активное участие в политике коммуны, Джованни Салимбени не был полностью удовлетворен своим положением и стремился «узаконить» свою власть.⁴⁷ Кажется, ему оставалось сделать последний шаг, чтобы стать синьором города, но в начале августа 1368 г., спустя несколько дней после своего возвращения, Джованни Салимбени трагически погиб в результате несчастного случая, так и не успев реализовать своих честолюбивых планов.⁴⁸ Эта незрелую попытку становления синьории, которую персони-

фицировал собой Джованни Салимбени, одна из современных исследовательниц метко назвала «квази-синьорией».⁴⁹ Смерть Джованни Салимбени «привела город в очень дурное состояние» — по определению хрониста⁵⁰, а его торжественные похороны ознаменовали начало нового периода городской истории.

Сразу после его смерти, начиная с сентября и по декабрь 1368 г., в Сиене произошла целая серия восстаний⁵¹, в результате которых у власти встало новое народное правительство — Пятнадцати или Реформаторов (1368–1385), в которое вошли новые группы народа, ранее не участвовавшие в политической жизни республики.

Салимбени стремились контролировать политическую ситуацию: в новое правительство наряду с группировкой Девяти вошла поддерживаемая ими группировка Двенадцати.⁵² Изгнанные из города Толомеи (вместе с Малавольти, Пикколомини и Сарачини), захватив несколько населенных пунктов в сиенском контадо⁵³, начали разорять сиенскую округу, что привело к голоду в городе⁵⁴.

На фоне обострения социальной напряженности, в январе 1369 г. (18 января) в Сиене вновь вспыхнуло народное восстание, подготовленное «додичини» — сторонниками Двенадцати, за которыми стояли «Салимбени и император с Малатестой...»⁵⁵, и направленное против «новески» — сторонников Девяти. В событиях приняли участие императорские войска. Когда представителей Девяти изгнали из правительства, произошла мобилизация сил городского ополчения⁵⁶. Началось сражение городского ополчения с кавалерией императора, которое продолжалось, по свидетельству хрониста, более семи часов и результатом которого стало полное поражение войска императора.⁵⁷ В конце января в Дуомо состоялась «месса мира», на которой враждовавшие группировки поклялись соблюдать мир и сотрудничать на благо республики.⁵⁸ Очевидно, позорное поражение императора —

главного союзника Салимбени и стало тем рубежом, за которым в конце XIV – начале XV вв. началось «падение» Салимбени.

Реформаторы начали наступление на Салимбени, чтобы отвоевать обширные и важные земли, оказавшиеся под властью семейства. Фактически военные действия продолжались с интервалами следующие 50 лет. Они шли с переменным успехом. Правительству Реформаторов не удалось восстановить полный контроль над контадо: здесь продолжались беспорядки, нашествия кондотьеров и волнения в коммунах. Сложное внешне- и внутриполитическое положение Сиены усугублял финансовый кризис и нехватка продовольствия. В 1370–1371 г. города Тосканы, в том числе и Сиену, опустошил голод⁵⁹, который стал главной причиной нового восстания в Сиене в июле 1371 г.

Его начали наиболее пострадавшие от голода рабочие и ремесленники цеха Лана⁶⁰, а продолжили Толомеи и Салимбени, выступившие в союзе с народными группировками Девяти и Двенадцати, соответственно. К началу августа зачинщики восстания были разгромлены и группировка Девяти победила группировку Двенадцати. В результате, в правительство вошли 12 представителей новой группы народа, которых хронист называет «истинным» и три сторонника Девяти, фактически вставшие во главе правительства.⁶¹ Толомеи — сторонники Девяти возвратились из ссылки⁶², а Салимбени (вместе с Двенадцатью) были осуждены⁶³. В апреле 1372 г. семейство Салимбени снова стало ядром антиправительственного заговора.⁶⁴ В октябре 1372 г. ситуация повторилась.⁶⁵ В 1374 г., когда город охватила новая эпидемия чумы, последствия которой усугубил голод⁶⁶, Салимбени вместе со своими союзниками Двенадцатью развязали военные действия и в течение нескольких месяцев осаждали сельские коммуны Монтемасси и Боккеджиано⁶⁷. Мир с Салимбени был заключен в следующем 1375 г.⁶⁸, но только

в начале XV в., после многих лет борьбы, коммуна смогла справиться с ними окончательно.

В 1383 г. город опять посетила чума.⁶⁹ Падение производства и торговли привело к серьезному финансовому кризису, который с конца XIV в. стал хроническим. У Сиены не хватало средств на контроль над собственной территорией.⁷⁰ В 1385 г. недовольство правительством Реформаторов, спровоцированное семейством Толомеи (за которыми теперь стояли флорентийские власти)⁷¹, вылилось в новое массовое восстание в Сиене. Оно привело к свержению правительства Реформаторов, на смену которому пришла новая коалиция, сформированная из представителей Девяти, Двенадцати и новой прослойки народа, т.н. «пополаров», которую образовали не входившие в цехи ремесленники и наемные рабочие. Пополары стали последней из народных «партий» позднесредневековой Сиены. Смена власти не привела к ее стабилизации. Межпартийная борьба продолжилась, но ни одна из политических группировок не имела достаточных сил для установления единовластного правления и стремилась улучшить собственные политические позиции, вступая в союзы, продиктованные конкретными, сиюминутными интересами. Поэтому конец столетия был ознаменован целой серией краткосрочных коалиционных правительств Десяти (1386–1387), Одиннадцати (1388–1398), Двенадцати приоров (1398–1399).

В обстановке политической нестабильности, в 1387 г., Флоренция, воспользовавшись восстанием в Монтеупульчиано, захватила его и другие сиенские земли.⁷² В ответ Сиена в 1389 г. заключила соглашение с Миланом, направленное против Флоренции. Став главной опорой экспансии миланского герцога Джангалаеаццо Висконти в Тоскане⁷³, Сиена и в конце XIV–начале XV вв. на короткое время попала под власть Милана (1399–1404). Когда между Сиеной и Флоренцией разразилась война, Толомеи открыто встали на сторону флорентийцев. Один из представителей этого семейства (Берточчио Толомеи) стал капитаном флорентийского вой-

ска и командовал разрушительными набегами на сиенское контадо.⁷⁴ За это сиенские власти в очередной раз разрушили дворец Толомеи.⁷⁵

Во Флоренции в этот период уже начал формироваться патрициат, в состав которого вошли семьи Альбицци, д'Уццано, Медичи, Строцци, Питти, Каппони и Валори. Между ними развернулась жестокая борьба за преобладание в республике. По мнению И.А. Красновой, «... в политических перипетиях 80–90-х гг. XIV в. выкристаллизовалось главное общественное противоречие: альтернативой правлению народа, которое единодушно осуждали представители и формирующегося патрициата, и средних слоев, могло стать дальнейшее сужение и замыкание правящей элиты, таящее в себе угрозу возвышения одного семейного клана и установление тиранической формы правления».⁷⁶

В сиенской политической жизни к концу столетия фигурировали уже четыре народные «партии» или «монти» («monti») — своеобразные политические группировки, в которые входили граждане, участвовавшие в деятельности народных правительства: партии Девяти, Двенадцати, Реформаторов и Пополаров. Существовала также партия нобилей. Ни одна из народных группировок не была сильной настолько, чтобы водвориться у власти единолично, поэтому они, опираясь на поддержку других политических сил: нобилей, Флоренции, императора, пытались достичь компромисса в коалиционных правительствах. Во второй половине роль нобилей возросла. Противоборство семейств Салимбени и Толомеи сыграло в этом процессе важную роль, являясь на протяжении всего XIV в. одним из главных компонентов социально-политической жизни Сиены.

Хотя в основе политической организации Сиены лежала социальная стратификация общества, значительное влияние имели также семейные, клиентские и территориальные связи, благодаря чему нобили зачастую поддерживались по-

поланами. Социально-политическая практика второй половины XIV в. рельефно обрисовала эти связи. Межпартийная борьба, продолжавшаяся на протяжении всего столетия и достигшая своей максимальной остроты в его второй половине, привела к нестабильности государственной власти и существенному ослаблению республики.

Вместе с тем, остройшая социальная борьба, замешанная отчасти на давней вражде Салимбени и Толомеи, привела в Сиене не к постепенному сворачиванию демократических элементов, как это произошло во Флоренции, а к победе в ее политической жизни в конце XIV в. «партийного» и коалиционного принципа. Таким образом, противоборство двух влиятельных семейnobилитета стало важным компонентом политического развития Сиены.

В 1403 г. вспыхнул мятеж Двенадцати, поддержанный Салимбени и Флорентийской республикой. Восстание было жестоко подавлено, а додичини изгнаны из страны. Правительство утвердило закон об отстранении представителей этой партии от участия в управлении «навеки». В 1405 г. между Салимбени и коммуной был заключен мир, но когда на политической сцене появился король Владислав, семья Салимбени вместе с другими восставшими в Тоскане оказала ему военную поддержку. В 1410 г. был заключен мир между Сиеной, Салимбени и королем Владиславом. Окончательно вопрос с Салимбени был решен в 1419 г. В январе 1419 г. Совет народа постановил, что «земли и замки Кокко Салимбени и его семьи переходят под власть Сиенской коммуны».⁷⁷ Этим актом республика вернула себе окончательно все земли, на которые она рассчитывала, а семья Салимбени потеряла свои богатства и свое значение для общественной жизни Сиены. Подобная участь постигла семейства Малавольти и Буонсиньори, а вот Толомеи, подобно Пикколомини, по крайней мере, в середине и во второй половине XV в. (после понтификата Пия II 1458–1464), продолжали оставаться важным фактором сиенской политической жизни. Под дав-

лением Пия II представители нобилитета были допущены к участию в выборах, однако уже в 1464 г. они вновь были изгнаны из Сиены, за исключением некоторых семей (в частности, Пикколомини), которые получили статус пополанов.

Место старого сиенского нобилитета в общественной жизни начали занимать новые семьи: Спанокки, Боргези, Киджи и Петруччи. Из семьи Петруччи, потомков крупных купцов партии Девяти, вышел в конце XV в. Пандольфо Петруччи, основавший в Сиене позднюю, непрочную и совсем недолгую синьорию (1487–1524).

Примечания

¹ Салимбени и Буонсиньори были потомками иноземных завоевателей, ведя свое происхождение от графов и баронов франкских королей и германских императоров, Пикколомини были известны своими римскими корнями, Малавольти принадлежали к аристократии консульского периода. — Hook J. *Siena. Una citta e la sua storia*. Siena, 1988. Р. 10–11.

² Это положение Сиена занимала до конца XIII в., когда ее банковские дома начали вытесняться флорентийскими. В 1180 г. Сиена получила право чеканки монеты, хотя фактически ее монетный двор (*zecca*) был одним из старейших в Тоскане. — Toniolo G. *Storia dell'economia sociale in Toscana nel Medio Evo. Lib. 1. Citta del Vaticano*. 1948. Р. 71.

³ Рутенбург В.И. Очерк из истории капитализма в Италии: флорентийские компании XIV в. М., Л., 1951. С. 51.

⁴ Consiglio Generale N21, fols. 91 ff. (28 di Marzo 1277). Цит. по: Bowsky W.M The «Buon Governo» of Siena (1287–1355). A Medieval Italian Oligarchy // *Speculum*, 1962, XXXVII. P. 370.

⁵ Sbaragli L. I mercanti di mezzana gente al potere di Siena // *Bullettino senese di storia patria*. 1937. V. 34. P. 59–62.

⁶ По мнению Ж. Люшера, у власти во время правления Девяти находился не весь «средний народ» («mezza gente»), не вся политическая партия popolo, а лишь небольшая, влиятельная ее часть, представленная купеческой гильдией (*l'Arte della Mercanzia*) и

цехом Шерсти (*l'Arte della Lana*) — Luchaire G. *Documenti per la storia dei rivolgimenti politici del comune di Siena dal 1354 al 1369*. Lyon, 1906. P. 18. Ф. Шевилл указывал, что первое народное правительство Девяти Синьоров формировали богатые пополаны — представители Купеческой гильдии (*L'Arte della Mercanzia*) и Цеха Шерсти (*L'Arte della Lana*), которые «превратили государственные посты в личные монополии». — Schevill F. *Siena: History of a medieval Commune*. London, 1909. P. 195.

⁷ Cronaca senese, conosciuta sotto il nome di Paolo di Tommaso Montauri / Ed. A. Lisini e F. Jacometti // *Rerum Italicarum Scriptores*, XV, 6. Bologna, 1937. P. 180–211. P. 181, 185–186 etc.; *Cronica Sanese di Andrea Dei*, continuata da Agnolo di Tura / Ed. L.A. Muratori // *Rerum Italicarum Scriptores*, XV. Mediolani, 1729. P. 11–128. P. 12–20.

⁸ *Cronaca di Paolo di Tommaso Montauri*. P. 200; *Cronica di Andrea Dei*. P. 39 etc.; *Cronaca senese dall'anno 1202 al 1262 di autore anonimo* / Ed. A. Lisini e F. Jacometti // *Rerum Italicarum Scriptores*, XV, 6. Bologna, 1937. P. 42–162. P. 57.

⁹ *Cronaca di Paolo di Tommaso Montauri*. P. 199.

¹⁰ Ibid. P. 186. Довольно часто в хрониках встречаются фамилииnobилей: Сарачини, Rossi, Скотти, Марескотти, Фортегуерри, Скварчалупи, Аккариджи, Монтанини, Раничини, Утуржиери, Черетани, Сансадони, Бандинелли, Раньони, Пальярези, Сальвани, Лотторенги, Бернадуччи, Ринальдини, Торначини. Некоторые из них, также как «главные nobili», заняты предпринимательством (Скотти, Марескотти), другие упоминаются в связи со своим участием в военных действиях коммуны.

¹¹ «...giente valorosa de chasati di Siena» — *Cronaca di autore anonimo*. P. 79.

¹² *Cronaca di autore anonimo*. P. 90; *Cronaca senese attribuita ad Agnolo di Tura del Grasso detta la Cronaca Maggiore* / Ed. A. Lisini e F. Jacometti // *Rerum Italicarum Scriptores*, XV, 6. Bologna, 1937. P. 253–564. P. 356, 485, 562.

¹³ *Cronica di Andrea Dei*. P. 45.

¹⁴ *Cronaca Maggiore*. P. 406, 494, 528, 530, 543, 545, 551, 561, 562; *Cronaca di autore anonimo*. P. 126–127.

¹⁵ *Cronaca Maggiore*. P. 410.

¹⁶ Cronaca di autore anonimo. P. 127

¹⁷ Ibid. P. 554

¹⁸ Согласно подсчетам Керубини, 5,3% городских собственников принадлежало 42,6% городских земель. — Cherubini G. Signori, contadini, borghesi. Firenze, 1974. P. 247–249.

¹⁹ Cherubini G. Signori, contadini, borghesi. P. 247–249.

²⁰ По данным В.М. Бовски, из 71 человека, представленного в начале XIV в. в правительстве Девяти, большинство имело собственность, оцененную между 1000 и 5000 лир, только 11 человек владели недвижимостью стоимостью менее 1000 лир, а 14 — в диапазоне от 10000 до 37000 лир. — Bowsky W.M. The «Buon Governo» of Siena (1287–1355). A Medieval Italian Oligarchy // Speculum, 1962. XXXVII. P. 377.

²¹ Bowsky W.M. The «Buon Governo»... P. 380.

²² Они занимали деньги у Пикколомини, давали взаймы Сарачини на свадебные подарки и собирали приданое для Толомеи. Ibidem.

²³ Cronaca Maggiore. P. 522, 546, 548 etc.

²⁴ Isaaks A.K. Magnati, comune e stato a Siena nel Trecento e all'inizio del Quattrocento // I ceti dirigenti nella Toscana tardo comunale. Firenze, 1983. P. 84.

²⁵ Frammento di cronaca senese di anonimo (1313–1320) / Ed. A. Lisini e F. Jacometti // Rerum Italicarum Scriptores, XV, 6. Bologna, 1937. P. 168–169; Cronaca di autore anonimo. P. 105–106, 111 etc.

²⁶ Cronaca Maggiore. P. 502

²⁷ В Большой хронике постоянно описываются подобные эпизоды: например, события 1302 г. с участием семей Малавольти, Салимбени, Пикколомини, Скварчалупи и Пеликаны. — Cronaca Maggiore. P. 266; 1340 г. с участием Толомеи и Пикколомини. Cronaca Maggiore. P. 526; 1341 г. — с участием Скотти и Сарачини, а также Малавольти и Пикколомини. — Ibid. P. 530. Аноним также описывает вражду, разгоревшуюся в 1302 г. между Салимбени и Малавольти, Пикколомини и Скварчалупи; а также события 1306 г., в которых участвовали Толомеи и Малавольти. — Cronaca di autore anonimo. P. 82, 86.

²⁸ Представители этих цехов были отстранены от власти сразу после прихода к ней Девяти Синьоров, поскольку они занимали оппозиционную позицию по отношению к правительству.

²⁹ *Frammento di anonimo* (1313–1320). Р. 168–169; *Cronaca di autore anonimo*. Р. 105, 106, 111–112, 122–123.; *Cronaca Maggiore*. Р. 307, 349, 364, 397, 438, 501, 518.

³⁰ Карл IV дважды совершал походы в Италию: в 1354 г., чтобы короноваться в Милане королём и в Риме императором (5 апреля 1355 г.), во второй раз, в конце 60-х — в интересах папы, для войны с Висконти. Его появление в Сиене каждый раз приводило к смене власти.

³¹ *Cronaca senese di Donato di Neri e di suo figlio Neri* / Ed. A. Lisini e F. Jacometti // *Rerum Italicarum Scriptores*, XV, 6. Bologna, 1937. Р. 577.

³² Эти сведения привели итальянского исследователя К. Росси к мысли о том, что Джованни д'Аньолино Салимбени выступал в качестве своеобразного инструмента императорской власти в Сиене. — Rossi P. Carlo IV di Lussemborgo e la Repubblica di Siena (1355–1369) // *Bullettino Senese di Storia Patria*, 37 (1930). Р. 3–39. Иной позиции придерживался в оценке его деятельности другой итальянский исследователь Дж. Катони. По его мнению, Джованни д'Аньолино оказался в сложной ситуации, ведь ему приходилось и сохранять верность Карлу IV, и поддерживать шаткое политическое равновесие в городе. Власть Двенадцати, по мнению исследователя, ознаменовала лишь появление средней буржуазии, но, в действительности, строилась на разногласиях, порожденных древней враждой между группами нобилей: Малавольти и Салимбени, с одной стороны и Толомеи, Пикколомини, Сарачини и Черетани — с другой. — Catoni G. I «Regolatorie» la giurisdizione contabile nella repubblica di Siena // *Critica storica*. NS, XII (1975). Р. 50. Теснейшую связь партии Двенадцати (Monte dei Dodici) с семьёй городской аристократии Салимбени отмечала В. Вейнрайт. — Wainwright V. Conflict and popular government in fourteenth century Siena il Monte dei Dodici, 1355–1368 // *I ceti dirigenti nella Toscana tardo comunale*. Firenze, 1983. Р. 73–80.

³³ Isaaks A.K. Magnati, comune e stato . . . Р. 81–96.

³⁴ Это произошло в июне 1355 г. при следующих обстоятельствах: император Карл IV, находившийся тогда в Пизе, затребовал к

себе трех членов правительства Двенадцати, в ответ на что, правительство, увидев в этом происки нобилей, ликвидировало Коллегию: «Из-за этого случая Коллегия негодовала и высказывала угрозы Двенадцати Синьорам и за этим последовало народное волнение: несколько вооруженных кричали: «Да здравствует народ!» — сообщил хронист. — *Cronache di Neri di Donato da Siena / Ed. L.A. Muratori // Rerum Italicarum Scriptores. T. XV. Mediolani, 1729.* P. 152.

³⁵ *Cronaca di Donato Neri.* P. 581.

³⁶ *Cronache di Neri di Donato.* P. 152.

³⁷ *Ibid.* P. 149, 157, 169–172, 196.

³⁸ *Cronaca di Donato Neri.* P. 584

³⁹ *Cronache di Neri di Donato.* P. 160. Последствием демографического кризиса середины столетия стало ослабление центральной власти, что продемонстрировала ситуация с восставшим Монтерпульчано. Город объявил о своём присоединении к Перудже, что вызвало войну двух коммун в 1357–1358 гг. — *Cronaca di Donato Neri.* P. 586–589.

⁴⁰ *Ibid.* P. 594–595.

⁴¹ *Cronache di Neri di Donato.* P. 172–174; *Cronaca di Donato Neri.* P. 597–599.

⁴² Сиену в это время охватила эпидемия чумы. «Смерть была в Сиене как почти по всей Италии» — сообщил хронист. — *Cronaca di Donato Neri.* P. 599. Её последствия усугубил голод и продолжающиеся набеги кондотьеров. — *Ibid.* P. 600–602.

⁴³ Его штраф составил 1240 лир и был вторым по величине после суммы, присужденной Нанни ди Риккардо Марци, составившей 1600 лир. — *Ibid.* P. 604.

⁴⁴ Как написал об этом хронист: «Сиенцы управлялись Двенадцатью Синьорами и Капитаном Народа Гонфалоньером Справедливости... Названное управление Двенадцати разделилось на две части: одна называлась Каниски (*Canischi*), другая — Грасселли (*Grasselli*), Каниски объединились с Толомеи, Грассели — с Салимбени». — *Cronaca di Donato Neri.* P. 615.

⁴⁵ *Cronaca di Donato Neri.* P. 615.

⁴⁶ *Ibid.* P. 616.

⁴⁷ Cronache di Neri di Donato. P. 157.

⁴⁸ Cronaca di Donato Neri. P. 618.

⁴⁹ Carniani A. I Salimbeni. Quasi una signoria. Siena, 2006.

⁵⁰ Cronaca di Donato Neri. P. 618

⁵¹ 1) 2 сентября 1368 г. Салимбени объединяются с Толомеи и другими нобилями и предпринимают попытку свержения правительства Двенадцати Синьоров. — Cronaca di Donato Neri. P. 617–618. У власти встает правительство Консулов, которое существует чуть более двух недель. Император, получивший известие об этом, посыпает в Сиену своего наместника Малатесту да Римини с отрядом в 800 кавалеристов, в поддержку Салимбени и «додичини». 2) 23 сентября «...народ и миссер Малатеста реформируют город[ское управление], в которое теперь входят 3 представителя Девяти, 4 — Двенадцати и 5 — мелкого народа». Салимбени поддерживают это правительство, пользуясь, в свою очередь, поддержкой императора и вновь выступая «врагами Малавольти и других благородных», за что получают от властей огромную денежную компенсацию и шесть замков в сиенском контадо. — Cronaca di Donato Neri. P. 619–622. 3) В декабре (11 декабря) начинается новое восстание, подготовленное «...мессером Малатестой, партией Двенадцати и Салимбени, а также некоторыми из мелкого народа...» и направленное против Девяти. Оно приводит к изгнанию из правительства не только Девяти, но и Двенадцати, и к обновлению его состава: к пяти оставшимся представителям «мелкого народа» добавляется еще десять членов этой прослойки. Новое правительство Пятнадцати составляют «мелкие пополаны». — Ibid. P. 622.

⁵² Девять и Двенадцать сразу же выступают против Реформаторов и допускаются в правительство (16 декабря). Однако борьба группировок продолжается. — Ibid. P. 623.

⁵³ Ibid. P. 619–622.

⁵⁴ Ibid. P. 623; Cronache di Neri di Donato (ed. 1729). P. 203.

⁵⁵ Cronaca di Donato Neri. P. 624–625.

⁵⁶ Ibid. P. 625.

⁵⁷ Карл IV, покинутый своим позорно бежавшим войском, просил у горожан помощи и прощения. Хронист очень красочно описывает его состояние: «Император остался совсем один наедине со

своим огромным страхом, ему еще никогда не было так плохо. Он плакал и извинялся, обнимал и целовал каждого, кто к нему подходил и твердил: «Я был предан мессером Малатестой и мессером Джованни, и Салимбени, и Додичи» — так он повторял и повторял много раз». 25 января «прощенный» сиенцами император вместе с супругой покинул город и направился в Пизу. — Cronaca di Donato Neri. P. 625–626.

⁵⁸ Ibid. P. 626.

⁵⁹ Ibid. P. 633.

⁶⁰ По сообщению Нери Донато, ядром восстания стала т.н. «компания Гусеницы». Сообщая об этом хронист, по-видимому, имел в виду военную компанию одноименной контрады. По свидетельству хрониста, в начале июля 1371 г. рабочие и чесальщики цеха Лана потребовали, чтобы им платили по справедливости, в соответствии с распоряжением коммуны, а не цеха. Затем восставшие потребовали отставки представителей «новески» и «додичини» из правительства города. Они отобрали у Салимбени знамя народа, которое те держали в качестве консортов народа и, победив объединенный отряд нобилей Толомеи, Малавольти и Монтанини, изгнали из правительства представителей Девяти и Двенадцати и сформировали свое правительство, — Ibid. P. 639–640.

⁶¹ Cronache di Neri di Donato. P. 227; Cronaca di Donato Neri. P. 642–643.

⁶² Cronache di Neri di Donato. P. 227–228.

⁶³ 1 августа союзник Двенадцати — Капитан народа Франчина дель маэстро Наддо был казнен на Кампо, начались казни других членов группировки Двенадцати: специальная комиссия осудила 12 представителей семьи Салимбени. — Cronaca di Donato Neri. P. 641–642.

⁶⁴ В нем участвовали также представители Двенадцати и мелкий народ. Многие «додичини» (среди которых был и сам хронист Нери Донато) были осуждены, некоторые из них — высланы из города, а Салимбени заплатили штраф. Ibid. P. 645.

⁶⁵ Ibid. P. 647.

⁶⁶ Ibid. P. 654–655.

⁶⁷ Ibid. P. 655–656.

⁶⁸ Ibid. P. 657.

⁶⁹ Cronache di Neri di Donato. P. 282.

⁷⁰ В 1384 г. город Ареццо, о покупке которого сиенцы вели переговоры с анжуйцами, был продан Флоренции — главному коммерческому и политическому конкуренту Сиены. — Cronaca di Paolo di Tommaso Montauri. P. 704.

⁷¹ Ibid. P. 709.

⁷² Cronaca di Paolo di Tommaso Montauri. P. 724.

⁷³ Ibid. P. 728.

⁷⁴ Ibid. P. 732.

⁷⁵ Ibid. P. 743

⁷⁶ Краснова И.А. Политические настроения в обыденном сознании граждан Флоренции в конце XIV–первой половине XV вв. // От средних веков к Возрождению: Сб. в честь Л.М. Брагиной. СПб, 2003. С.46.

⁷⁷ Isaaks A.K. Magnati,comune e stato... P. 89

Ревякина Н.В.

**«Остаться в памяти потомков»
(итальянские гуманисты XV в. о славе)**

Слава, которая наряду с добродетелью, была любимым словом в гуманистическом лексиконе, считалась верным путем добиться признания современников и остаться в памяти потомков. Желание славы, прижизненной и посмертной, связано с пробуждением чувства личности в эпоху Возрождения. Оно поддерживалось и опорой на античную культуру с ее героическими личностями, прославившимися в веках.

К славе готовили с детства, в педагогических трактатах гуманистов главным методом воспитания является одобрение. У Маффео Веджо ребенка надо прежде всего похвалить, сделав вид, что не замечаешь его ошибок, и даже упрек, заставляющий стыдиться, надо смешивать с одобрением; но пусть так учитель хвалит, чтобы похвалы скорее предвещали возможность будущих добрых деяний, чем свидетельствовали об уже достигнутом совершенстве.¹ Если у маленьких детей, которые еще не понимают значения славы и добродетели, воспитывают стремление заслужить похвалу, то у юношей — стремление к славе на основе прославления деяний героев древности, которым педагоги призывают подражать. Зрелище общественного прославления, на которое детей советовали приводить, тоже считалось полезным для воспитания. Признак благородного нрава у Верджерио — «стремиться к похвале, воспламеняться любовью к славе, откуда рождается благородная зависть и лишенное ненависти состязание в похвале и честности (*probitate*)».² Итак, стимулом поведения было желание славы, в таком духе воспитывали детей. Прославиться означало выделиться среди других и выделиться не богатством, властью, титулами, а добрыми деяниями и

добродетелью. Прижизненная слава давала надежду заслужить благодарность у потомков, войти в бессмертие.

Сами гуманисты пытаются объяснить желание славы ссылкой на его естественность. Маттео Пальмиери в жизнеописании Никколо Аччайоли говорит, что стремление прославиться у потомков добродетелями и деяниями дано человеку от природы. И даже если человек пишет о презрении к славе, он все равно ее желает, ставя свое имя в сочинении, где учит презирать славу. Природное основание славы Пальмиери подтверждает и другими доводами: человек состоит из души и тела, душу с помощью добрых искусств он направляет к божественному, вечному — к бессмертию, но и телесной частью нельзя пренебрегать, ее надо «отнять у забвения и судьбы и оставить память о себе у потомков, полагая, что после смерти тела телесная жизнь остается на земле в том, что продолжается восхищение добродетелями /человека/, что ширится слава о его деяниях».³ Потомки будут подражать действиям славных людей и пользоваться их научными трудами и достижениями — так мыслят гуманисты практические результаты славы, т.е. в этом жизнь их продлится в веках. О том, что этот феномен чрезвычайно волновал гуманистов, свидетельствует их обсуждение славы: что ее рождает, слава истинная и ложная, высшая и совершенная⁴, прижизненная и посмертная. Гуманистов не очень смущало то обстоятельство, что слава имела некоторое отношение к гордыне — одному из 7 смертных грехов, или то, что добродетель, за которую полагается слава, у стоиков, а многие из гуманистов исповедовали стоические идеалы, считалась самодостаточной, целью самой по себе. Поджо, хотя в «Речи на похоронах Бруни» вспоминает о самоценности добродетели (плод добродетели заключен в самой добродетели), однако признает и славу: «для славы также важно, чтобы и память в будущем ценили, сберегали, чтили и всюду славили бы те, кто и сам жил похвально».⁵

Открыто написать о своем желании прославиться и остаться в памяти потомков решается отнюдь не каждый гуманист. Не все они способны сказать, как Лоренцо Валла о своем труде «О красотах латинского языка»: «...Книги мои имеют больше заслуг перед латинским языком, чем все, что было написано в течение шестисот минувших лет либо по грамматике, либо по риторике, либо по логике, либо по гражданскому и каноническому праву, либо о значении слов».⁶ Их страстное желание славы находит своеобразную форму: в своих письмах они восхваляют своих корреспондентов, а те в свою очередь хвалят их и тем самым заставляют современников и потомков (а письма бережно хранились, переписывались и издавались) знать об их заслугах. Возможность сказать о себе так, чтобы запомнили потомки, некоторые гуманисты находят и другим способом. Поджо в «Речи на похоронах Леонардо Бруни» говорит о своей прочной и нерушимой 44-летней дружбе с Леонардо и объясняет причины этого: «Ведь та дружба истинна и устойчива, которую связывают изучение наилучших искусств и сходство добрых нравов». Сказано вскользь, но у слушателей остался в памяти и Поджо — человек ученый и добрых нравов.

Биографии и автобиографии гуманистов, письма, надгробные речи, стихи, инвективы, иногда и трактаты содержат много интересного материала по этому вопросу. В зависимости от того, что сделал гуманист в науке и литературе, где он живет и какие общественные и государственные должности исполняет, насколько развито его личное самосознание, желание остаться в памяти современников и потомков обретает разные формы. В раннем гуманизме соединение деятельной и созерцательной жизни было своеобразным идеалом, наивысшей формой жизни, отсюда в городах-республиках деятельность на благо государства, гражданские доблести вкупе с учеными занятиями давали возможность человеку прославиться. Именно за это воздаются похвалы канцлерам-гуманистам флорентийской республики

(Бруни, например). Высокая оценка Бруни государством и участие в погребении множества граждан свидетельствуют о выдающейся славе Бруни и «это побуждает и живых стремиться /идти / тем жизненным путем, на котором, как они могут видеть, этот гражданин достиг таких высоких почестьей и стал так дорог республике».⁷ Пальмиери как республиканец полагает, что многие прославились, пренебрегая ради общего блага отечества не только имуществом, но и своей судьбой, кровью и жизнью.⁸

Другие гуманисты, не связанные с республиканской формой правления, надеются обрести славу на ином поприще — за свои ученые труды (Валла за новизну своих идей). В Апологии к папе, Валла заявляет, что он не заботится о славе, но дальнейшие его слова, что «большая часть латинской логики ложна, и истинна логика Лоренцо»⁹, этому не соответствуют. Разговоры о славе — частая тема переписки Верджерио. Так, он убеждает друга из Феррары быть полезным многим людям и создать что-то для будущего — тогда потомки будут почитать его имя; или ратует за установление памятнику Салютати, который «славными своими писаниями, изданными во многих томах, уготовил себе долговечную славу у потомков».¹⁰ Он отмечает воспитательную пользу монументов выдающихся людей: «Ведь памятники волнуют души потомков, когда те видят их, и являются хорошей шпорой для нравов, направляя их к добродетели и славной жизни. Сципион обычно говорил, что созерцание изображений выдающихся людей сильно побуждает его к стремлению подражать им».¹¹

Требует разъяснения и часто упоминаемое гуманистами слово «добродетель». Это слово емкое и у гуманистов оно означает и благие дела, и нравственность. У Верджерио добродетель почти совпадает со «studia humanitatis». В речи Поджо на похоронах Бруни гуманист считает необходимым соединение учености и добродетели, т. е. для него они не тождественны. Добродетель он понимает как нравствен-

ность. Почести Леонардо, говорит он, воздаются не роду, не предкам, а честности, благоразумию, умеренности, чистоте жизни, которые приобретены не чужим трудом, а собственной добродетелью. Если нет добродетели, руководительницы в трудах, то науку, предназначенную к благу людей, обращают на погибель человечества. Для кого важнее знание, чем искание добродетели, те становятся лукавыми и опасными, вредными для государства и остальных людей.¹² Надо ли говорить, сколь актуальны эти мысли о нравственности науки.

Еще одна сфера культурной деятельности, где роль гуманистов была исключительно велика и где они несомненно желали добиться славы и бессмертия, это их поиски, сохранение, переписка и распространение древних рукописей. Гуманисты хорошо понимали значение своей работы: «Как для прочей /жизни/, так более всего для сохранения памяти о прошлом важны и необходимы памятники письменности, в которых описываются деяния людей, превратности судьбы, редкостные творения природы, и обо всем этом сохраняются суждения /прошедших/ времен... Ведь именно памятники письменности и книги являются верной памятью о событиях и общей кладовой знаний, заключающей все, что мы можем знать и помнить».¹³ Поэтому важно «передать потомкам целями и невредимыми книги, полученные от предков; тем самым мы позаботимся о пользе тех, кто будет жить после нас, а тех, кто ушел, вознаградим за их труды хотя бы этой единственной наградой».¹⁴ Ландино в элегии славит Поджо за его книжные находки, называя при этом найденные гуманистом манускрипты Квинтилиана, Италия Силика, Лукреция, Колумеллы. Поджо выводит из черной тьмы на белый свет стольких мужей. «Рука варвара погрузила в черную ночь ритора, философа, поэта, ученого земледельца, Поджо смог подарить им вторую жизнь, освобождая их с необыкновенной умелостью (*mira arte*) из позорного места».¹⁵

Разыскивая, переписывая и сохраняя древние книги, гуманисты сокрушаются по поводу гибели латинских и гре-

ческих манускриптов, уничтоженных, как пишет Чинчо Романо, отчасти по невежеству, отчасти по небрежению, отчасти для того, чтобы рисовать на листах пергамена, очищенных от текста, лик святой Вероники для паломников. Его не останавливает даже авторитет пап, которых он обвиняет в попустительстве этому «наипагубнейшему преступному деянию, уменьшающему достоинство человеческого рода», уподобляя их «негодяю», сжегшему храм Дианы в Эфесе, т. е. Герострату. «Так же и стражи нашей религии, не способные восхищаться блеском и красотой Рима и не будучи в состоянии подражать древним никоим образом, учинили этот разгром и разрушение».¹⁶ Из письма Чинчо Романо видно, что гуманисты пытались защитить и материальную культуру, обличая разрушителей скульптуры, архитектурных сооружений, которые превращали древние памятники (Колизей, Форум, Большой цирк и др.) в каменоломни. Гуманисты указывают на две причины подобного варварства, не признавая и обличая и то, и другое: это борьба с идолами ложной религии и использование камня для строительства церквей, башен, жилых домов.

В условиях, когда родилась большая востребованность на славу, среди гуманистов появились люди, осознававшие свою интеллектуальную силу и способность прославить человека в веках, оставить его жить в памяти потомков, своеобразные трубадуры славы, дарители бессмертия. «Ведь память о людях, — пишет Верджерио, — легко исчезает и едва ли живет век, если не вверена книгам и письменности. Следовательно, ошибается тот, кто стремится к собственной славе и пренебрегает писателями, поскольку он не может приобретенную славу и доброе имя сохранить без помощи литературы».¹⁷ А Поджо в «Речи на похоронах Бруни» вменяет в обязанность всем ученым и красноречивым людям «прославить у потомков имя того, кто был величайшим украшением нашего времени и ученых». Подобные рассуждения часто встречаются и позже. Так Б. Варки в Посвящении к

Медичи своей «Истории Флоренции» пишет о славе, выделяя славу творцов деяний, достойных того, чтобы о них осталась память у потомков, и славу тех, кто пишет о славных деяниях, сохраняя их для потомков; и то, и другое, на его взгляд, похвально и славно, трудно и мучительно. И далее замечает: «Если те, кто совершают великие деяния, не имели бы тех, кто описывает их доблестные дела, то их труды были бы тщетны и почти потеряны и навсегда покоились бы во тьме, и ни себе, ни другим не принесли бы пользы и удовольствия».¹⁸ Авторы многочисленных жизнеописаний (Веспасиано Бистиччи, Бартоломео Фацио, ученики Витторино да Фельтре и др.) приобщают к славе у современников и потомков тех, о ком они пишут в своих воспоминаниях и биографиях, обеспечивая им жизнь в веках.

Но у гуманистов появляется и ощущение собственной силы для хулы недостойного человека, возможности вычеркнуть его имя из истории. Первым, кто показал, как это делается, был Верджерио в письме к правителю Имолы Лодовико Алидози, которое является настоящей инвективой. Гуманист пишет по поводу поступка Карло Малатесты, свергшего памятник Вергилию в Мантуе на том основании, что Вергилий — язычник и потому не достоин статуи. Эти слова Карло напоминают Верджерио рассуждения тех, кто, видя в храме изображения иудеев и язычников, обезображивают эти изображения из благочестивого рвения, «словно именно в разрушении изображений, а не в уничтожении грехов и противопоставлении им добродетелей состоит достойная жизнь». Гуманист оценивает деяние Карло как в высшей степени недостойное, принимая во внимание авторитет Вергилия. Но оно не сможет ни затмить славу Вергилия, ни уничтожить славу о нем. Самого же Карло и его деяния, которыми он еще повсюду славится, ужаснейший позорный поступок погубил. «И он может быть уверен, что последовал примеру того, кто хотел сжечь храм Дианы в Эфесе, чтобы уготовить себе славу у потомков, хотя бы величайшим злодеянием, раз не смог

прежде добиться лучшим путем великой похвалы и славы, что составляет основу вечной памяти».¹⁹ Восхваляя «божественного поэта» Вергилия и позоря свергшего его статую Карло Малатеста, гуманист пишет: «Удивляются /потомки/, когда прочитают такое: «Карл Малатеста, победив у Мантуи врагов и обратив их в бегство, чтобы получить право на триумф за победу также над поэтами, которым он был жесточайшим врагом, сверг статую Вергилия, поставленную в его честь много веков назад. О позорное деяние, о злодейство, достойное проклятия во все века».²⁰ Он готов высказаться сильнее, но его сдерживает опасность писать против тех (Верджерио приводит слова Цицерона), кто может объявить вне закона. «Но мне поверят те, которые придут после нас, и писатели заклеймят позором поступок. И когда им нечего будет бояться, они уничтожат, благодаря свободе высказывания, воспоминание об умершем».²¹

Заключая, можно сказать, что вся культура Возрождения была пронизана идеей славы. В ней заявляла о себе рождающаяся новая личность, а также давало о себе знать героическое прошлое древности, на которое во многом опирались гуманисты. Слава у гуманистов наполнена этическим и педагогическим содержанием и через это органически вписывается в идеологию гуманизма. Получить прижизненную славу и остаться в памяти потомков можно было через добродетель и выдающиеся деяния (в разных сферах жизни), которые для современников и потомков были стимулом и образцом для подражания. И напротив, злые деяния приводили к уничтожению памяти о человеке. Стремление к славе, воспитываемое с детства, означало поиск общественного одобрения, с точки зрения складывания новой личности это свидетельствовало о ее неполноте или скорее о специфике возрожденческой личности: человек все время оглядывался на современников и старался жить так, чтобы добиться славы у потомков. Наконец, стремление к славе способствовало

развитию исторической науки, имевшей дело прежде всего с описанием человеческих деяний.

Примечания

¹ Francisci Philelphi de educatione liberorum clarisque eorum moribus. Tubingae, 1513. F. 20v. Под именем Филельфо в результате неправильной атрибуции помешен трактат Маффео Веджо.

² Верджерио Пьер-Паоло. О благородных нравах и свободных науках. Пер. Н.В. Ревякиной // Итальянский гуманизм эпохи Возрождения: Сб. текстов / Предисл. и ред. С.М. Стама. Ч. II. Саратов, 1988. С. 74.

³ Маттео Пальмиери. Жизнеописание Никколо Аччайоли. Предисловие // Ревякина Н.В. Итальянское Возрождение. С. 43

⁴ Palmieri M. Vita civile / Ed. critica a cura di G. Belloni. Lib. IV. P. 168–169.

⁵ Поджо Браччolini. Речь на похоронах Леонардо Бруни. Пер. Н.В. Ревякиной // Итальянский гуманизм эпохи Возрождения: Сб. текстов. / Вступ. ст. и ред. С.М. Стама. Ч. I. Саратов, 1984. С. 181.

⁶ Письмо Лоренцо Валлы к Джованни Серра. Пер. А.В. Санникова // Возрождение: общественно-политическая и историческая мысль, человек в гуманизме. Иваново, 2003. С. 82.

⁷ Поджо Браччolini. Речь на похоронах Леонардо Бруни // Итальянский гуманизм эпохи Возрождения. Ч. I. С. 181.

⁸ Пальмиери М. Гражданская жизнь. Пер. О.Ф. Кудрявцева // Образ человека в зеркале гуманизма. Мыслители и педагоги эпохи Возрождения о формировании личности (XIV–XVII вв.). М., 1999. С. 195–197.

⁹ Валла Л. Апология. Пер. Н.В. Ревякиной // Лоренцо Валла. Об истинном и ложном благе. О свободе воли. М., 1989. С. 398

¹⁰ Epistolario di Pier Paolo Vergerio. / A cura di L. Smith. Roma, 1934. Ep. CXI. P. 298.

¹¹ Пьер-Паоло Верджерио — Лодовико Алидози, государю Имолы // Н.В. Ревякина. Итальянское Возрождение. Гуманизм второй половины XIV века-первой половины XV века. Новосибирск, 1975. С. 14

¹² Поджо Браччолини. Речь на похоронах Леонардо Бруни // Итальянский гуманизм. Ч. I. С. 191.

¹³ Пьер-Паоло Верджерио. О благородных нравах и свободных науках // Итальянский гуманизм эпохи Возрождения. Ч. II. С. 88–89.

¹⁴ Там же. С. 89.

¹⁵ Garin E. Il Rinascimento italiano. Bologna, 1980. P. 55.

¹⁶ Из письма Чинчо Романо к Франческо Фьяно // Возрождение. Культура, образование, общественная мысль. Иваново, 1985. Приложение. С. 125.

¹⁷ Пьер-Паоло Верджерио — Лодовико Алидози, государю Имольы // Ревякина Н.В. Итальянское Возрождение. С. 11.

¹⁸ Garin E. Il Rinascimento italiano. Firenze, 1980. P. 189.

¹⁹ Пьер-Паоло Верджерио — Лодовико Алидози, государю Имольы. С. 10–11.

²⁰ Там же. С. 13.

²¹ Там же. С. 16.

Прокопьев А.Ю.

Дело магистра Райнхарта, или почему нельзя пороть государственных детей

В марте 1596 г. дорога в Дрезден пылилась под копытами гонцов. Посланцы регента или как тогда говорили «администратора» курфюршества саксонского и вдовствующей курфюрстины Софии торопились затребовать гофмейстера наследников престола и ещё двух советников в резиденцию вдовы Рохлиц для весьма неприятного дела. Суть его нельзя было предать публичной огласке. Вдова, молодая женщина двадцати восьми лет, собираясь возвращаться с приятных торжеств: у её близкой родственнице герцогине Веймарской были крестины новорождённого, и курфюрстина Саксонская, натура живая и общительная, не могла отказать себе в удовольствии лично засвидетельствовать почтение эрнестинской родне.

Но в разгар празднеств регент, герцог Веймарский Фридрих Вильгельм сообщил вести, потрясшие и глубоко оскорбившие её. Как оказалось, наставник её детей, двух будущих курфюрстов Христиана и Иоганна Георга, а также герцога Августа магистр Райнхарт осмелился подвергнуть чад телесной экзекуции. Событие скандальное! В кое-то веки рука простолюдина, хотя и с авторитетным именем, поднялась на скудель наследников славного Саксонского Дома. Не припоминалось ничего подобного из недавнего прошлого. Признаемся, и мы, располагающие великолепными по полноте работами Эрнста Райманна и Юлиуса Рихтера едва ли что можем сказать о трепках, коими подвергался покойный отец наследных принцев, а ещё раньше и его дед, знаменитый Август I.¹ Разумеется, многое могло храниться в тайне, вполне возможно, в нежной юности шлепкам подвергались многие

будущие знаменитости из прославленного рода Веттинов. Но то — младенчество, время материнского наставничества, вечной суеты и причитаний нянек и кормилиц. Здесь не было чему удивляться, даже если бы расшалившихся детей пришлось охладить хорошим подзатыльником. Мы знаем, в конце концов, как Мария Австрийская собственноручно отстегала розгами будущего императора Фердинанда II за капризный отказ пожелать благополучия родному отцу. Но то — годы младенчества. И к тому же здесь была одна важная особенность: наказанием руководил сам родитель. Мать был инициатором и, вероятно, исполнителем.² Случившиеся же в Дрездене в детских комнатах юных Веттинов решительно выходило за все границы: и возраст был уже отреческий — старшему шел тринадцатый год, среднему Иоганну Георгу — одиннадцатый, и экзекутор был не родной человек. Более того, сразу же стало ясно — наставник был один в двух лицах: и инициатором и исполнителем телесного воздействия. Не потому ли, что попраны оказались все обычаи, изучением обстоятельств занялись всерьез и тотчас закипела, запуршила бумажная работа. К великому счастью для нас историков: спустя четыре сотни лет мы можем почти досконально разобраться в этом весьма любопытном деле. Бумаги Дрезденского архива проливают свет почти на все нюансы злополучной и для матери и для учителя истории.³

Для начала посмотрим на хронологию событий. Она освещена в письме Софии отцу курфюрсту Бранденбурга от 23 марта.⁴ Из него явствует, что вдова узнала о скандальном деле ещё будучи в Альтенбурге на крестинах. Суть дела, с её слов, в «строгом и суровом наказании», каковое учинил наставник детям. На языке оригинала оно обозначалось как «*harte und scharffe Disciplin*». По началу мать сама намеривалась прояснить обстоятельства скандала. Но решено было все же ознакомиться сперва с письменными объяснениями Райнхарта непосредственно во вдовьем уделе Софии в Рохлице: их надлежало изложить по четырем пунктам и обсудить

с ближайшими доверенными слугами Софии — гофмейстером принцев Поникау и советниками Балтазаром Вурмом и Вольфгангом Ойленбеком. Судя по всему, письменные ответы Райнхарта не удовлетворили высокие чины. Решено было затребовать незадачливого магистра собственной персоной, дабы выслушать лично. Формально требование исходило от администратора Фридриха Вильгельма — таково было право регента: все что касалось управления подлежало ведению веймарского герцога, но понятно, что инициатива исходила от Софии — «поскольку мы препоручили дело его княжеской милости администратору» — как значилось в письме. По прибытию педагога в замок Вальдхайм — ещё одну резиденцию Софии в течении дня, «до полудня и после», носители высшей власти выслушивали его ответы. Райнхарт, со слов Софии, говорил витиевато, двусмысленно. Говорил, что в делах воспитания он исходил из имевшихся полномочий и ни в чем не нарушил свои обязанности, в том числе и в вопросах поддержания надлежащей дисциплины. Сказанное, видимо, сильно напуганным магистром совершенно не удовлетворило мать: она пишет, что в течении немногих дней собирались свидетельства совершенно обратного, и что трудно поверить Райнхарту. Впредь же, вплоть до назначения новых «личных персон» к особам наследников магистр отстранялся от своих обязанностей.

В чем собственно должен был давать отчет магистр Райнхарт? К письму прилагались копии вопросов. Из них явствовало, что в Рохлице разбирались четыре главных пункта. Во-первых, о правах учителя и родительской четы — должны ли мать и администратор наблюдать за воспитанием? Во-вторых, могут ли сыновья требовать себе алкогольные напитки или же это строго запрещалось, и за это мать обязана наказать детей розгами. В-третьих, верно ли, что курфюрст Бранденбурга ещё давно предупреждал Райнхарта о недопустимости подношения принцам спиртного и, наконец, знает ли магистр, что курфюрстина-мать сама разрешила

вдовствующей графине Хонштайн разок поднести принцам «стаканчик вина».⁵ Райнхарт решительно не признавал свою вину по всем четырем пунктам и выразил готовность лично и устно в присутствии матери дать исчерпывающий ответ⁶.

Итак, формальный регистр обвинений при всей скрупульности строк убеждает в ошибках, лежавших за пределами чисто педагогической материи. Исходным пунктом скандала, как мы видим, были не дела, связанные, строго говоря, с образованием. Речь шла совсем о другом. И это «другое» оказалось столь важным, что заставило вмешаться высшую власть. К скандалу оказались причастны некие важные персоны, имена которых прозвучали во время письменного допроса.

Более обстоятельную картину дают протокол устного опроса самого Райнхарта, датированный 18 марта 1596 г. Состоялся он, как и сообщала София отцу, в замке Вальдхайм.⁷ Райнхарт просил регента избавить его от подробных объяснений и, видимо, сильно боялся придать огласке пикантные подробности. Герцог Веймарский, однако, настаивал, и магистр вынужден был отвечать. Сначала, как гласил протокол, обсуждались некие обстоятельства связанные с герцогом Августом, самым младшим из всей троицы наследников. Райнхарт якобы в свое время просил аудиенции у матери, дабы поговорить об инциденте с принцем, но не смог её добиться. В скорости, однако, сама мать через своего гофмаршала и канцлера потребовала объяснений от магистра. София хотела выяснить, почему Август совершил без присмотра покидает свои детские комнаты. Райнхарт отвечал, что принц так поступает не по его вине, и что ему вообще следовало бы прилежней посещать «школу». Намек был ясен: Август уже неоднократно злоупотреблял бездельем. Любопытна, однако, реплика администратора: он поторопился заявить, что принц в настоящий момент вообще не должен посещать занятия. Райнхарт замялся и дальнейшие расспросы его по этому поводу были безрезультатны, кроме уверений, что все было не

так, как сообщили Софии. Регент внезапно заявил, что не стоит винить в жалобах на него женскую половину двора (*Frauenzimmer*) и уже упомянутую графиню Хонштайн, что жаловалась на него сама София и что ему Фридриху Вильгельму известно, в чем состояли жалобы. Райнхарт начал было извиняться перед вдовой, но регент, видимо, перебив его, ещё раз решительно отвел все подозрения от графини: с его слов во время последнего праздника, бывшего при дворе (маски или ряженые), он имел возможность лично беседовать с графиней и та ни словом не оговорила Райнхарта.

Учитель, как мы видим, не стал вступать в спор. Он лишь заявил, что не жаловался на непосещение школы Августом, и что никаких наказаний принцам якобы не было. На вопрос же, отчего дед, курфюрст Бранденбурга во время недавнего визита удивлялся печальному виду учеников, своих внуков, Райнхарт ответил, что всему виной забавы: дескать, представления ряженых и «прочее» отняло много сил.

И вновь ответы Райнхарта не удовлетворили вдову. Более того, учитель, скорее всего, продолжал отрицать якобы сказанное им по адресу графини и матери. 23 марта на сей раз уже в Цабельтице состоялся ещё один допрос. Помимо Софии и регента, ответы магистра слушала и означенная графиня Хонштайн, и ещё пять придворных, включая советников Ойленбека, Масбаха, Балтазара Вурма, гофмейстера Хольтцендорфа и Кнобельсдорфа.⁸ Запирательства Райнхарта, видимо, сильно надоели высоким персонам. Протокол открывается заявлением администратора: он удивлен и раздражен отказом магистра от своих слов.

Райнхарт начал с горьких излияний, заявил, что ему очень больно оказаться в немилость у курфюрстины, тем более что со слов самой Софии якобы не было найдено никаких ущербов в воспитании принцев и того, о чем судачат, не было на самом деле. Когда же вновь затронули дело с графиней Хонштайн и «стаканчиком вина», Райнхарт действительно

изменил прежней своей манере. Теперь он уже ссылался на неверную передачу своих слов. Он действительно высказывался относительно вдовы, но не в том смысле, о котором говорят. Райнхарт сослался на слова самого Христиана, будто тот никогда бы не взялся за стакан, не будь воля матери. Кроме того, Райнхарт сообщал, что во время последнего визита курфюрста Бранденбургского супруга его спросила магистра о причинах его печального вида. Он же отвечал княгине, что у него нет сейчас повода быть довольным и радостным, явно намекая на состояние дел с воспитанием принцев. Райнхарт подтвердил, что матери Софии не нравилось больше воспитание принцев, ибо те пили сверх меры, «что ни разу не вставали из-за стола, не выпив», и что графиня Хонштайн действительно подносила им стаканчик вина. Любопытно, что сама графиня не стала оспаривать сказанное на допросе, а хотела лишь выяснить, какими словами сопроводил Райнхарт её появление в детских апартаментах. По мнению графини это звучало как: *Haec est perditio disciplinae meae*. Что можно было бы перевести как: «вот погибель моего воспитания!». Райнхарт, вовремя сообразив, к чему клонится вопрос, поторопился поправить, он-де сказал иное: *Haec est fundi mei calamitas*, т.е. «Вот печаль всего моего дела», намекая наискажение смысла. Далее, наступила самая неприятная минута. Магистра спросили, верно ли, что он однажды дал пощечину принцу Августу? Райнхарт поторопился вновь поправить: наказание было, но речь шла лишь об одном ударе розгами по ногам. Далее он отрицал, будто жаловался на немилость от женской половины двора и от графини, и что он говорил подобное лишь раз, когда принцев взяли на охоту.

Сейчас же взяла слово София, заявив, что она отныне находит в наставнике доверия меньше, чем ранее. Райнхарт вновь просил избавить его от дальнейших расспросов. Но допрос продолжался. Верно ли, что магистр жаловался, будто наследники прежде времени выходят из школы к «государыне-матушке». Райнхарт отвечал, что он жаловался лишь

на одну старую фрейлину, которая отправила принцев принимать горячую ванну и что он, Райнхарт, сильно переживал за подобного рода процедуры. Он вновь решительно отрицал все якобы сказанное им в адрес матери Софии и «женской половины» двора и говорил, что, возможно, слова его неверно были переданы самими детьми. У него и в мыслях не было обвинять Софию в отсутствии интереса к детским комнатам, хотя сам он и не знает, почему мать не посещает школу принцев. Но высокие чины явно хотели добиться признания. Последовал прямой вопрос: верно ли, что Райнхарт говорил, будто графиня Хонштайн любит много пить, как это было «недавно у госпожи Пуршенштейн» (надо полагать, речь идет о Барбаре фон Шенберг, богатой вдове, владелице поместья Пуршенштейн на юге Саксонии). Райнхарт в испуге заявил, что говорил это с чужих слов и что об этом говорят многие. То был ключевой момент: признание получено.

Вновь слово взял регент: он уже перед этим хотел бы более обстоятельно изучить вопрос с обстоятельствами принцев и просил магистра прибыть в Торгау и там просить прощения за оговор графини.⁹ Райнхарт выразил удивление и заявил, что уже давал письменное объяснение, имея в виду, очевидно, свои ответы в Рохлице. Тут посыпались вопросы относительно принцев. Советник Ойленбек по приказу Софии подробно рассказал, каким наказаниям подвергался принц Христиан. Райнхарт вынужден был отвечать: «в последнюю среду» в Рохлице герцог Христиан должен был сидеть на уроке, но не захотел продолжать занятия, и тогда он Райнхарт стал заклинать его именем Господа и десятью заповедями, и даже напомнил, что за некоторое время до этого он, принц, заслужил своим прилежанием один шиллинг у учителя. Когда же Райнхарт повернулся спиной к принцу, тот засмеялся и младший брат Иоганн Георг тотчас наябедничал Райнхарту о поведении старшего. Учитель доложил обо всем гофмейстеру. Когда же «герцог Христиан принялся

громко шуметь, то он, Райнхарт, схватил его за щеку двумя пальцами, хотя перед этим у принца «шла кровь, и случился приступ катара, отчего он опал лицом».¹⁰ Мать также сообщила, будто наставник побил герцога Иоганна Георга, когда тот отказался подписывать письмо королю Дании. Райнхарт это решительно отрицал: у него и в мыслях не было так поступить. Но София сослалась на свидетельство гофюнкера принцев Штеллана фон Хольтцендорфа: учитель действительно бил герцога Христиана, на что принц жаловался сам. На это «наставник сообщил, что герцог Ганс Георг сам сказал ему (о проделках Христиана — А.П.) частным образом, но во всем остальном (он, Райнхарт — А.П.) отказался сознаваться, также и в том, что якобы запретил принцам жаловаться матери».¹¹ В конце концов, присутствовавшие потребовали от учителя извинений. Протокол заканчивается извинительным заявлением Райнхарта.

Таковы были обстоятельства допроса. Какая картина складывается в итоге? Совершенно ясно, проступки магистра Райнхарта лежали в двух сферах, тесно взаимосвязанных. Высвечивался конфликт магистра и высших чинов двора, включая вдовствующую мать и «женскую половину» — с одной стороны, и недопустимое обращение с принцами — с другой. Легко увидеть резко выраженный статусный характер конфликта: речь все время вращалась вокруг оскорблений высоких персон, будь то графиня Хонштайн, вдова София или сами наследники. Обратим внимание: Райнхарта совершенно не расспрашивали относительно педагогической материи, самих предметов и успехов наследников в оных. Это пока оставили в стороне. Речь шла о гораздо более важных общественных делах.

Началось все, видимо, с малого. Среди троицы принцев Христиан давал самую большую пищу для жалоб своим поведением, шумным, взрывным характером. От старшего дурные манеры передавались младшему: Иоганн Георг, как видно, упрямился выполнять принятые нормы. Терпение Райн-

гарта лопнуло, хотя с его слов, он подробно информировал начальство в лице гофмейстера принцев. В глаза бросается характерный момент: мать и высшая власть, видимо, были особенно задеты самой формой наказания, прикосновением учителя к лицу высоких учеников. Райнхарт со слов гофмейстера и матери именно за щеку схватил непоседу Христиана и дал пощечину самому младшему Августу. Мы видим, сколь решительно Райнхарт отрицал именно тот проступок, который вменялся ему в вину. Он утверждал, что шлепнул Августа розгами только по ногам. Относительно Христиана и Иоганна Георга учитель вообще ограничился заявлением, что не мог бы сие сделать. Именно тогда София призвала в свидетели гофюнкера Хольтцендорфа. Было очевидно: даже в рамках устоявшейся практики употребления розог, нельзя было оскорблять подопечного прикосновением к голове. Райнхарт прекрасно понимал: этот вопрос решал его судьбу. Именно его обсуждением, как мы видим, заканчивался протокол допроса в Цабельтице.

Но розги были лишь поводом к более широким материалам, открывшимся в ходе дознания. Кто был задет и явно обижен поступком? Помимо матери Софии, постоянно звучало имя вдовы Хонштайн. Речь шла об Агнесс, урожденной госпожи Эберштейн (1576–1636), бывшей замужем за последним графом Хонштайн — Клеттенберг Эрнстом VII, скончавшимся ещё в 1593 г. В ней текла кровь титулованной знати: по матери она состояла в родстве с графами Мансфельд, старыми ленниками Веттинов. С Софией её связывала давняя дружба, а родная сестра Агнесс по протекции Софии была позже пристроена в штат супруги курфюрста Христиана II. Сама Агнесс также устроит весьма престижную вторую партию с Шенком фон Таутенбургом.¹² В 1596 г. она была семьёй годами старшего из наследников и, видимо, пользовалась полным доверием курфюрстины, коль скоро разделяла с её сыновьями трапезу. Была помянута и недобрым словом хозяйка Пуршенштейна Барbara фон Шенберг. Особа была

вдовой известного в Саксонии богача Каспара фон Шенберга, отпрыска старинной дворянской семьи, получившего от курфюрста Августа в наследственное держание целый округ (амт) Фрауэнштайн. По смерти мужа в 1578 г., она состояла в тесной дружбе с супругой курфюрста Августа и свекровью Софии Анной Датской. Дружба передалась и невестке: София вплоть до смерти Барбары консультировалась с ней по самым задушевным вопросам.¹³ Гофмейстером наследников, которому жаловался Райнхарт, состоял Иоганн Георг фон Поникау, убеленный сединами почтенный слуга династии из древней семьи курфюршеских вассалов. София сама хотела его назначить на эту должность в 1595 г. и питала к нему большое доверие.¹⁴ Едва ли Поникау мог стать беспристрастным защитником молодого учителя в столь щекотливом деле. Райнхарт имел несчастье восстановить против себя целую фалангу знати, внушительную группу придворных, прочно связанную помимо службы узами дружеских чувств.

София публично заявила об утрате доверия к магистру Элиасу. Сразу же вслед был поднят вопрос с графиней Хонштайн. Один из самых щекотливых моментов и самый захватывающий во всех этих разбирательствах! Он повлек за собой явно неприятные для обеих сторон реплики и откровения. Софии не нравились частые трапезы наследников в обществе «стаканчика вина». Протокол ясно свидетельствует о позиции вдовы. Но чем защищается Райнхарт? Он выставляет виновницей именно вдову графиню Хонштайн, старую подругу Софии. Именно госпожа Хонштайн давала повод к скандалу подношением вина. Нельзя было заподозрить Райнхарта в лживости или в глупой ошибке. В таких делах ошибок быть не могло, Райнхарт при всей молодости прекрасно понимал, чем рискует. Но у него попросту не было выбора: следить за столом и трапезой подопечных входило в его непосредственную обязанность, перечить же графине он, конечно, не мог. Учитель был вынужден строить свою защи-

ту на precedente: Хонштайн сама подливала вино в детские бокалы.

Дело магистра, уже проигранное в истории с наказаниями, было окончательно погублено именно в этом пункте: было бы странно, если бы мать София решила бы выместить обиды на старой приятельнице. Но защита магистра повлекла неприятное продолжение: Хонштайн встремляла в расспросы и вынудила Райнхарта сделать сомнительные заявления на латыни, весьма двусмысленные. Позже Райнхарта спросят вновь о поведении графини, и тот вынужден был сослаться на мольбу, обсуждавшую её пьянство в поместье Пуршенштейн. Со слов протокола видно, что графиня Хонштайн выступала лишь самым злым precedентом: важность имели, видимо, всякого рода комментарии Райнхарта относительно влияния женской половины двора. Намекал он, вполне вероятно, и на поведение матери, давно уже не наблюдавшей за обучением принцев. И это вновь сильно задело Софию: мы видим, как именно из этой посылки стали разворачиваться детали «дурного влияния» женщин, в том числе графини Хонштайн. Но возразить на это матери было нечем: между делом действительно промелькнули доказательства частых отлучек детей для охотничьих утех.

У стороны обвинение проглядывало желание прежде всего защитить репутацию Софии и свести дело к личным оскорблениюм Райнхарта графини и косвенным — матери наследников. Допрос в Цабельтице все время строился на стремлении выдавить из магистра признание в дурных словах по адресу двора. Сделать это удалось, поскольку снимая с себя вину в оскорблении величества, т.е. Софии, Райнхарт неизбежно вынужден был ограничить дело лишь конфликтом с графиней. Но даже в этом случае вкупе с розгами и пощечинами наследников формировалась нарочито красочная картина преступлений несчастного педагога против статуса власти. Райнхарт покусился на этическую сферу, на прерогативы, ему никак не принадлежавшие. Понятно, что сам допрос

превращался в показательный спектакль с большим дидактическим смыслом: вмешиваться в дела власти даже в видах воспитания будущих её представителей нельзя.

Показательным было и продолжение дела. Райнхарт был задержан и, как уже говорилось, подвергся форменному домашнему аресту, видимо до выяснения полных обстоятельств дела. Более того, в письме Софии регенту от 26 марта мы читаем о комиссии, назначенной к «инвентаризации дел» магистра Райнхарта, включая его библиотеку. В состав комиссии назначены канцлер Давид Пайфер, советник Исаия фон Бранденштейн, доктор Зигмунд Реллинг и секретарь Абрахам Бок, все — ответственные чины двора.¹⁵

Но с неожиданной стороны в дело вмешался дед курфюрст Бранденбурга. Мы помним, как дочь подробно информировала отца о ходе разбирательств: она обязана была к тому не только родственной «аффекцией», но и статусом курфюрста. Бранденбуржец числился вторым опекуном после герцога Веймарского. В письме же на имя дочери от 22 марта курфюрст просил дозволить Райнхарту пребыть к нему для дальнейших разбирательств уже в Берлине.¹⁶ О том же хлопотала его супруга княжна Ангальтская: пусть-де сестрица отпустит Райнхарта с Богом.¹⁷ София благодарила за содействие и участие, но спешила передать дело на совместное усмотрение с регентом. Дед же между тем выказывал явное беспокойство и нетерпение: 30 марта в Дрезден вновь мчались гонцы теперь уже с двумя письмами дочери. В одном вновь была просьба избавить несчастного педагога от дальнейших процедур и «не чинить ему позора». Звучала напыщенная риторика: необходимо скорейшее назначение к внукам «знающих, добродетельных и опытных педагогов».¹⁸ Во втором сообщалось, что опальный учитель ему, курфюрсту, до сих пор служил с пользой и что задержка в Саксонии при сложившихся обстоятельствах влечет позор его имени.¹⁹ София отвечала с запозданием на целую неделю, формально объясняя это пасхальными праздниками. В депеше отцу

от 6 апреля она благодарила за заботу, но сообщала, причем в весьма холодных тонах, что речь идет не только о респекте отцовскому ходатайству, но и «поддержании нашего курфюршеского авторитета». Намек был ясен. София не хотела второпях замять весьма скандальное дело. Она оказалась в тисках необходимости: с одной стороны — полоскание грязного белья, выставлявшее напоказ изъяны воспитания наследников, с другой — собственная репутация и репутация детей, подпорченная выходкой Райнхарта. Вдова, вероятно, хотела выдержать разумную паузу, позволившую бы показать её волю и в то же время не обидеть отца. Причины же отцовской тревоги лежали на поверхности: не столько поведение магистра, сколько ответный удар дочери вредят его авторитету как урожденного господина самого Райнхарта. Поясним: биография оскаンдалившегося педагога имела бранденбургский этап. По рождению силезец, Райнхарт с 1588 по 1592 г. помогал своему брату Самуэлю в обучении бранденбургских принцев, жил в Берлине и состоял на курфюршеской службе.²⁰

4 апреля София письменно извещала регента о намерении повидаться лично, дабы ещё раз обсудить дело. В приложении была записка самого магистра с изложением успехов принце в учебе. Регент ссылался на занятость и просил отложить дело на пару дней вплоть до окончания пасхальной недели. Договорились встретиться в среду после Пасхи, причем София просила даже взять с собой супругу, её сестрицу и старшую дочь.²¹ Между тем Иоганн Георг Бранденбургский начинал терять терпение. Беспокойство все больше перерастало в явное неудовольствие. На страстную пятницу он вновь напоминал дочери о пагубных последствиях проволочек. Во-преки его просьбе отпустить Райнхарта, тот содержится под стражей в своих покоях, как о том стало известно «из одного сообщения». Он вновь просят внять его совету и позаботиться о собственной репутации и репутации регента и не принимать столь суровых мер. Судя по всему, у курфюрста име-

лись и свои информаторы при дрезденском дворе.²² Письмо от 9 апреля раскрывает карты: адресатом курфюрста был советник Вольфганг Ойленбек. Всё свое неудовольствие берлинец излил этому человеку, не стесняясь прозрачности красок. Иоганн Георг напоминал, что Райнхарт все ещё числится на его службе, до скандала справлял её хорошо, и дабы люди не распространяли дурные слухи, просит поскорее отпустить его домой, если в нем нет теперь надобности. Из сообщений он видит, что учителю до сих пор сделать это не позволили.²³ Ойленбек тянул с ответом до 14 апреля: в тот день он извинялся перед курфюрстом иным мнением дочери его Софии, впредь же он будут подробно сообщать по поводу намерений Софии и регента относительно Райнхарта.²⁴

И тогда же, видимо, Ойленбек подробно информировал вдову о тревогах отца: письмо Софии в Берлин было датировано тем же днем, что и извинения Ойленбека, 14 апреля. Дочь решилась противопоставить неудовольствию отца собственное раздражение и непреклонность. Каждая строчка её письма дышала высокой репутацией и властностью. Её отец из присланных протоколов допроса должен был бы понять, как вел себя педагог в отношении детей, «изволил касательно нашей персоны изливать непристойные и предосудительные речи и сверх того не только осмелился вести себя дерзко с сыновьями, но и держал себя к нам и администратору курфюршества Саксонского крайне своевольно». Оттого всему делу может быть дана «несчастливая и широкая огласка». И уже мягче в конце письма: пусть отец не сомневается, по прибытию в Дрезден, она, вдова, отпустит магистра.²⁵

Иоганн Георг Бранденбургский, однако, не успокоился и со все большей настойчивостью требовал выдачи своего слуги. Понимая, что дело во многом зависело от регента, он шлет прошение на его имя 17 апреля и тогда же вновь — Софии.²⁶ София между тем действительно намеривалась покончить с затянувшимся делом, но предварительно добиться от Райнхарта полного признания и извинений. Она писала ре-

генту о необходимости скорейшего ответа курфюрсту Бранденбургскому и требовала отпустить Райнхарта «в предстоящее воскресенье после обеда». В том же письме содержалась копия приказа канцлеру Пайферу: магистра отправить в Берлин, но перед тем потребовать принести извинения трем лицам — Софии, регента и вдовы графа Хонштайн. В противном случае грозились употребить «иные средства» к повиновению.²⁷

Развязка наступила 17 апреля. В тот день, судя по протоколу, бывший наставник принцев был выведен из своих покоев в дрезденском замке в присутствии высших чинов канцлера Пайфера, гофмаршала Кристофа фон Лос, советника Балтазара Вурма и в сопровождении капитана дворцовой стражи. Его препроводили в т.н. «соломонов кабинет», помещавшийся в воротной башне. Там ему напомнили как «тяжело» он оскорбил вдовствующую курфюрстину и графиню Хонштайн первый раз в Рохлице 17 марта (очевидно, имелось в виду письменное объяснение) и вторично 18 марта в Вальдхайме и что было засвидетельствовано во время допроса в Цабельтице 23 марта в присутствии регента и Софии. От магистра требовал принесения форменных извинений, в противном случае намекали на употребление «иных» способов выдавить из него покорность. Несчастный педагог говорил, что не хочет вступать в «диспутацию» ещё раз, просил о снисхождении и уверял, что слова его, видимо, были неверно поняты. Если это так, то просил о милости и прощения. Канцлер отвечал, что никто и не собирался вступать с ним в «диспутацию», и тому надлежало бы послушаться высочайшей воли. Магистр вновь бросился в объяснения и повторял, что ничего не делал противу княжеской воли. Пайфер лишь холодно повторил требование формальных извинений, обещая прощение со стороны княжеских персон. Райнхарт согласился, и написанные извинения были тотчас переданы Кристофи фон Лос и Балтазару Вурму.²⁸ Одно — на имя вдовы Софии, другое — графине Хонштайн.²⁹ В письме графине

Райнхарт вновь повторял, что не имел дурных намерений, но лишь сплетение обстоятельство повлекло непонимание его истинных намерений. Софии было направлено и ещё одно письмо, написанное, видимо, до 17 апреля. В нем Райнхарт жаловался на тринадцатидневное заключение в т.н. «покоях пророков». При нем был лишь умывальник, кровать, кусок мыла и один псалтырь, по коему он молился к ряду несколько раз о прощении.³⁰ Из протокола вскрытия его комнатки мы узнаем подробности её местоположения: «в замке над кухней на втором этаже против внутреннего двора».³¹ Письмо Софии регенту от 22 апреля, видимо, называет и дату отъезда Райнхарта в Берлин: «предстоящее воскресенье после обеда». Э. Райманн говорит о 18 апреля.³²

Так закончилась история одного скандала. Вдова прекрасно осознавала необходимость скорейшего замещения опального педагога. С середины марта дети не могли приступить к правильным занятиям. Но вынужденные каникулы продолжались и в апреле. 30 марта дед, курфюрст Бранденбурга, помимо просьб о высылки Райнхарта советовал по-быстрее приступить к поиску «добродетельных педагогов». Вопрос постоянно поднимался и в переписке Софии и регента в первых числах апреля: мы помним, пасхальные праздники вносили вынужденную паузу. На помощь, впрочем, пришли дела общеимперской важности. В начале апреля, т.е. на Пасху в Виттенберге собрался съезд чинов верхнесаксонского округа Империи. На нем обсуждалась помочь императору в турецкой войне: собравшиеся сословия должны были вотировать необходимую сумму на содержание своей квоты воинских контингентов. София в письме регенту от 9 апреля не забыла соединить обсуждение имперского дела с собственным, и просила переговорить с чинами, кого можно было назначить вместо уволенного Райнхарта. Так к вопросу образования наследников были подключены сословия. Со своей стороны вдова, помимо вероятных рекомендаций сословий, хотела бы приставить к принцам дворян Ганса Лезе-

ра и Генриха фон Шенберга.³³ Оба ходили в высоких чинах: Лезер занимал пост наследного маршала курфюршества (Erbmarschall), т.е. был обязан возглавлять работу курий на ландтагах, Шенберг также по наследству был главой горного округа курфюршества (Oberhauptmann Erzgebierge). Оба же представляли самые именитые роды Саксонии. Регенту был по душе совет Софии, о чем он сообщал 10 апреля.³⁴ Поправка была внесена лишь относительно второй кандидатуры: Генриха Шенберга решились заменить его же родственником Гансом Фридрихом, бывшим начальником амта Виттенберг. Оба кандидата фигурировали в письме регента курфюрсту Бранденбурга от 10 апреля с присовокуплением просьбы сообщить свое мнение до 14 апреля, ко дню окончания виттенбергского съезда, когда должно было быть готовым итоговое постановление. Сроки и место проведения съезда могут, очевидно, прояснить и замену второй кандидатуры: Ганс Фридрих фон Шенберг был непосредственным участником съезда и останавливался по долгу службы в самом Виттенберге. Регент мог вступить с ним в быстрый контакт. Впрочем, новыми персонами предполагалось укрепить лишь надзорные инстанции, т.е. воспитательный процесс: и Лезер и Шенберг рассматривались лишь в качестве советников. Вопрос же с собственно педагогами был все ещё открыт.

Курфюрст Бранденбурга не мог быстро разобраться с кандидатами на новые назначения и прислать советы относительно наставников. Большого старика можно было понять: он не очень хорошо знал саксонские обстоятельства родной дочери, и за его высокопарными и пустыми советами подыскать «добродетельных наставников» скрывалось желание лишь дождаться и одобрить окончательное решение родни. На это косвенно указывал Софии её советник Ойленбек в письме от 16 апреля, т.е. накануне последнего спектакля с Райнхартом: к нему прибыл гонец из Берлина с вопросом, кого София хотела бы видеть преемником Райнхарта.³⁵ В ответном послании вдова выражала явное неудовольствие

нерасторопностью бранденбургских советников, от которых самих хотелось бы получить внятный совет. Видно, письма регента слишком долго идут в Берлин.³⁶ В конце концов, туда решили отправить Ойленбека, но тот писал регенту ещё в конце месяца, что ведет переговоры с советниками курфюрста, и пока тщетно. Подыскать «человека прилежного, богобоязненного, укрепленного в истинной вере этой страны, ученого, также в жизни и в обхождениях с людьми предусмотрительного и благоразумного» оказалось делом нелегким.³⁷ Вновь приходилось обращаться за советом к сословиям. В Торгау в те дни должен был заседать ландтаг и вопрос решено было передать за советом к курфюршеским вассалам. 22 мая, т.е. спустя ещё месяц советники городов в купе с рыцарством излагали свои предложения: они благодарили за исключительную «аффекцию» со стороны регента, выражали сердечную радость от забот в воспитании наследников, кои выказаны матерью Софией и регентом, называли непременные достоинства будущего наставника, но терялись в догадках, кого бы можно было приискать на должность. По их разумению следовало ограничиться учеными людьми наследственных земель. В конце перечня многих кандидатов звучал совет переговорить с советником двора доктором Зигмундом Реллингом. Сословия высоко аттестовали его способности, говорили, что «с ревностью воспитывался своими родителями в религии, богобоязнен, сведущ и силен в истории и юридических науках, благонравен, начитан и хорошо трудится в совете». Восполнить его отсутствие в оном в случае назначения наставником легко, ибо «сия страна» обладательствована множеством достойных людей. Призывали поскорей помочь делу и гофмейстера принцев господина Поникау, и духовника знаменитого Поликарпа Лейзера.³⁸

В списке лиц, обсуждавших вопрос, мы вновь встречаем сплошь именитые фамилии: трех Шенбергов, двух представителей семьи Бюнау, одного Пфлуга и одного Шляйница, уже упомянутого Лезера, Штаршеделя, двух Айнзиде-

лей. Помимо них — три советника (Бок, знакомый нам Ойленбек и Мосбах), гофмейстер Поникау и некто Анарг Фридрих фон Вильденфельс. Из 16 лиц 7 представляло семью т.н. «четырех столпов саксонского дворянства» - Шенберги, Шляйницы, Пфлуги и Бюнау.³⁹ Курфюрст Бранденбурга мог лишь участливо констатировать выбор: он выражал надежду на благополучный исход дела, не знал, что можно присоветовать ещё, но соглашался на кандидатуру Реллинга, если его хотят.⁴⁰ Любопытна реакция Софии: она была согласна с предложением по Реллингу, коль скоро о нем известно уже как год и он нем же хорошего мнения слуги принцев. Мнение двора молодых наследников выставлялось одним из определяющих. Знания магистра — одно, другое дело — общий взгляд на его поведение ближнего круга, иными словами социальный аспект.⁴¹

Летом того же года Реллинг получил назначение сроком на 2 года. Вопрос был решен, хотя несколько месяцев дети были лишены правильного обучения. В конце хотелось бы сказать несколько слов о собственно педагогических успехах опального магистра.

В бумагах дрезденского архива мы обнаружили два отчета за весну 1596 г. Один принадлежал самому Райнхарту, в нем он излагал успехи принцев под его началом.⁴² Другой был в сущности протоколом экзамена, проведенного советниками, дабы уяснить степень реальных знаний.⁴³ Вполне понятны акценты: шумиха вокруг скандалной истории скорее побуждала экзаменаторов искать ограхи в штудиях учителья, хотя в целом картина рисуется достаточно объективной. Учеников спрашивали о катехизисе Лютера, таинствах, св. Евангелии, Библии, грамматике немецкой, латинской и греческой, оценивали арифметику и, наконец, каллиграфию. Вопросы распадались на обычный для конфессионального времени ряд. Естественно, главное внимание вращалось вокруг религиозной сферы. Советники указывали на неплохое знание немецкого катехизиса и его латинского перевода. Учени-

ки разбирались в вопросах таинств, покаяния и в библейском тексте. Хуже обстояло дело со знанием грамматики, в правильной деклинации слов и в изложении текста. Здесь надобно было знать больше и лучше. Скромны и успехи в латыни: пока ещё мало знают слов и потому не могут делать развернутые упражнения. Ещё хуже с греческим: буквы знают, но читать не могут. Да и время обучаться языку пока ещё, очевидно, не настало. Плохо и с арифметикой: экзаменаторы даже думают ограничить занятия сей дисциплиной. Результаты не бросали откровенно густую тень на репутацию опального педагога, но почти по всем пунктам говорилось о желательности больших знаний. Кроме того рекомендовалось впредь проводить подобного рода экзамены почаще. В любом случае мы видим, что Райнхарт не привнес ничего нового в детскую комнату наследников, его метода была вполне обычной и результаты в целом удовлетворительные. Приоритеты указывали лишь на обычное предпочтение в деле образования XVI в.: строго лютеранский почерк разбавлялся гуманистическими инвективами в виде прикладного (к религиозной сфере) знания двух классических языков.

Мы знаем: Райнхарт приступил к работе в 1592 г., приняв эстафету от уволенного магистра Себастьяна Леонгарда. Четыре года его наставничества совпали по времени с быстрым взрослением принцев, с началом переломного возраста — самого настоящего мучения далеко не только свечетой XVI в.! Успехи его, при всей энергии, были, очевидно, средними — с похожими проблемами позже столкнется и преемник его Реллинг. Для Софии, вполне возможно, явные провалы незадачливого педагога могли доказать его несостоятельность и в деле воспитания. Но едва ли именно на этом сосредотачивались экзаменаторы в 1596 г. В противном случае можно было бы ожидать и более громкого резонанса. К тому же, проверку знаний можно было бы устроить гораздо раньше, в самом начале скандальной истории. Вдова, скорее всего, решилась постепенно замять дело, отослав ма-

гистра отцу. Причины здесь лежат на поверхности: Райнхарт был протеже курфюрста Бранденбургского. Именно по его совету в 1592 г. он прибыл к дрезденскому двору. За молодого учителя говорило безупречное прошлое: в Берлине он отличился прилежанием и ученостью. София могла не беспокоиться относительно собственно учебы, потому, видимо, все реже навещала классные комнаты принцев. Пауза с отсылкой, наполненная разбирательствами и грозными жестами, была соблюдена. Репутация обоих: отца и дочери была сохранена в той мере, в какой это было возможно сделать.

Каков урок магистра Райнхарта и приключившейся с ним истории? Для нас, историков, он весьма показателен решительным приоритетом сословной этики перед прикладными частностями. Оскорблению власти нетерпимо, оно перечкивает все прошлые заслуги. Сохранение сословных ориентиров — альфа и омега немецкого быта конфессионального времени. Механизм реакции оказался сложным и многоступенчатым даже в сжатые сроки инцидента. Условно он распадался на движение по вертикали и горизонтали. Вверх тянулась процедура разбирательств: сперва в дело были замешаны собственно двор принцев (ближние слуги), потом советники и регент, потом сама вдовствующая курфюрстина. Горизонталь складывалась из родни (бранденбургский курфюрст) и собственных сословий, также втянутых, как мы видим, в ход дела. Причем видно, как хлопоты об общем благе влекли разницу в суждениях: София и её отец никак не хотели поделить Райнхарта друг с другом. Создавалась своеобразная зона напряженности, влекшая многодневную затяжку и неприятные объяснения. Но чем дальше тянулись разбирательства, тем стремительней росли вертикали и горизонтали сословной солидарности.

Здесь со всей ясностью отражался аспект элитарный: скандал бросал тень на репутацию вдовы и знатных лиц придворного общества, тем решительней вдова и регент стремились наказать именно за оскорбленное величие. Но этот же

элитарный аспект влек конфликт между дочерью и отцом: опекунство обрекало на взаимозависимость разных чинов словного мира Империи. Однажды приняв помощь от близкого родственника, нельзя было ею пренебречь в дальнейшем. Необходим был компромисс, в противном случае возникала угроза для репутации и стороны принявшей (София) и стороны помогавшей (Иоганн Георг Бранденбургский). Именно ножницы между желанием покарать во имя защиты репутации и смягчиться во имя того же помогли, в конце концов, опальному учителю покинуть Дрезден. Казалось, беспощадные правила игры удивительным образом оставляли спасительную лазейку.

Решительное желание сильных мира сего сохранить авторитет парадоксальным образом исключало самоуправство, произвол. София на всех этапах была связана мнением советников, регента, собственного отца и сословий. Даже если бы она хотела решительно поставить точку в деле, она не могла пойти на это без соблюдения принятых процедур. Весьма последовательно на всех этапах конфликта она отдавала предпочтение мнению элиты: и проверенных управленцев, и надежных придворных, сызмальства знакомы с бытом её детей, и самых известных из числа знати. Имена Лезерров и Шенбергов, представителей лучших, самых известных дворянских родов Саксонии встречались именно в решающие моменты, когда требовалось сыскать верных помощников или получить надежный совет от сословий.

Наконец, скандал вводит нас в мир внутренних отношений, царивших при дрезденском дворе. Совершенно очевидно сильное влияние вдовы и женской половины: София не только властно оберегает репутацию знатных дам, она сама выступает центром своеобразного кружка вдов, где помимо княгини мы встречаем и вдову графа Хонштайн, ставшей одной из причин неприятной истории, и вдову Шенберг — владетельницу поместья Пуршенштейн. Женская половина двора была тесно связана с миром наследников: увлече-

ние «стаканчиком вина», как видно, подстегивалось визитами знатных дам. Но и «стаканчик вина», и охотничий поездки в ущерб школе соответствовали общепринятым меркам взрослеющих правителей. София, хотя и олицетворяла лишь одну из ипостасей опекунства, в делах правительственные уступая первенство регенту и отцу, все же стремилась привить наследникам обычные правила мужской власти. Социализация определялась в том числе и матерью. И женская половина двора, судя по всему, по мере сил помогала своей повелительнице.

Примечания

¹ Reimann E. Prinzenerziehung in Sachsen am Ausgange des 16. und im Anfange des 17. Jahrhunderts. Dresden, 1904; Richter J. Das Erziehungswesen am Hofe der Wettiner Albertinischer (Haupt)-Linie. Berlin, 1913. Оба автора очертили лишь внешнюю сторону интересующего нас сюжета, предпочитая избегать детального разбора.

² Franzl J. Ferdinand II. Kaiser im Zwiespalt der Zeit. Graz, Wien, Köln, 1989. S. 19.

³ Вкратце мы уже касались этой истории: Прокопьев А.Ю. Детская комната — основа государства? // Albo dies notanda lapillo коллеги и ученики — Г.Е. Лебедевой / Под ред. В.А. Якубского. Спб., 2005. С. 260.

⁴ Дрезденский Государственный Архив (далее: HSTAD). Loc. 8017/14. Schrifften belangende des gewesenen Praeceptors M. Elias Reinhards unziemliche Reden auch scharffe Disciplin gegen die junge Herrschafft und seine darauf erfolgte Abschaffung Anno 1596. Bl. 8–10.

⁵ HSTAD. Loc. 8017/14. Bl. 12

⁶ Ibid. Bl. 13

⁷ Ibid. Bl. 14–15

⁸ Ibid. Loc. 8017/14. Bl. 17–21.

⁹ Торгau было резиденцией регента, в то время как двор наследников располагался в Дрездене.

¹⁰ HSTAD. Loc. 8017/14. Bl. 20.

¹¹ Ibid.

¹² Essegern U. Fürstinnen am kursächsischen Hof. Lebenskonzepte und Lebensläufe zwischen Familie, Hof und Politik in der ersten Hälfte des 17. Jahrhunderts. Leipzig, 2007. S. 79.

¹³ Барбара фон Шенберг, урожденная фон Бюнау умерла в 1599 г. О ней см.: Weber K. Anna Churfürstin von Sachsen, geb. aus königlichen Stamm zu Dänemark. Ein Lebens — und Sittenbild aus dem sechszehnten Jahrhundert. Leipzig, 1865. S. 42; Archiv für sächsische Geschichte / Hrsg. von K. von Weber. Bd. 4. Leipzig, 1866. S. 333–334.

¹⁴ Прокопьев А. Ю. Детская комната — основа государства? С. 251–252.

¹⁵ HSTAD. Loc. 8017/14. Bl. 26–27.

¹⁶ Ibid. Bl. 22.

¹⁷ Ibid. Bl. 24

¹⁸ Ibid. Bl. 31

¹⁹ Ibid. Bl. 33.

²⁰ Reimann E. Prinzenerziehung in Sachsen. S. 159.

²¹ HSTAD Loc. 8017/14 Bl. 43.

²² Ibid. Bl. 51.

²³ Ibid. Bl. 57–58.

²⁴ Ibid. Bl. 58–61.

²⁵ Ibid. Bl. 52

²⁶ Ibid. Bl. 64. Письмо Иоганн Георга Бранденбургского регенту от 17 апреля. Bl. 66. Его письмо Софии.

²⁷ Ibid. Bl. 68–70. Письмо Софии регенту от 22 апреля 1596 г.

²⁸ Ibid. Bl. 72–75.

²⁹ Ibid. Bl. 77–78.

³⁰ Ibid. Bl. 92.

³¹ Ibid. Bl. 98. Протокол датирован 25 марта 1596 г.

³² Reimann E. Prinzenerziehung in Sachsen. S. 160.

³³ HSTAD Loc. 8017/14. Bl. 45–46.

³⁴ Ibid. Bl. 47.

³⁵ Ibid. Bl. 86.

³⁶ Ibid. Bl. 88. Письмо Софии Ойленбеку от 17 апреля 1596 г.

³⁷ HSTAD. Loc. 8017/12. Erster Theil Schriften der Churf. Junge Herrschafft education belangende 1593–1596. Bl. 300. Письмо Ойленбека герцогу Фридриху Вильгельму от 29 апреля 1596 г.

³⁸ Ibid. Bl. 322–328.

³⁹ Ibid. Bl. 320.

⁴⁰ Ibid. Bl. 331. Письмо курфюрста регенту от 28 мая 1596 г.

⁴¹ Ibid. Bl. 326–328. Письмо Софии регенту от 28 мая 1596 г.

⁴² Ibid. Loc. 8017/14 Bl. 128–132.

⁴³ Ibid. Bl. 134–141.

Ковалев В.А.

Пропаганда или магия? Придворный театр и «Великое дело» Якова I Стюарта¹

Традиционно раннестюартовский придворный театр рассматривается как специфическая форма театрального искусства либо органический элемент придворного церемониала. Точка зрения, согласно которой придворные маски воспринимаются как вид театрального представления, как вариант пьесы в Англии эпохи Шекспира, была достаточно популярной в историографии начала XX в.,² однако на данный момент справедливо отвергнута исследователями. Следует заметить, что и в классической «театральной» трактовке (Чамберс, Николл)³ авторы постепенно обращали все большее внимание на то, что маски являлись не столько представлением, сколько демонстрацией эмблем и символов. В частности, Николл видел в придворных представлениях демонстрацию эмблем и символов, характерных для неоплатонической философии эпохи Ренессанса.

Сэр Рой Стронг трактовал маски как «государственную литургию», заменившую в протестантских странах литургию церковную. В целом комплексное исследование Стронга и Стефана Оргела, включавшее рассмотрение архитектуры театра, его оформления и механизмов, расположения декораций, текста масок, самой структуры рифм и ритма позволило говорить о яковитском театре как о специфическом явлении королевской пропаганды и идеологии. Основой трактовки масок становится традиция неоплатонической философии, делавшая действующей силой идеи и аллегорические образы, подчинявшие все аспекты придворных спектаклей.⁴

В работах современных исследователей, таких как Малcolm Сматс, Ежи Лимон, Каролин Хиббард⁵ на первое место

выходит роль масок как специфического ритуала. Малcolm Сматс совершенно справедливо отметил, что символика масок не могла восприниматься аудиторией непосредственно. Наиболее последовательно маски как особую форму социального ритуала рассматривает Ежи Лимон. Поскольку в ритуале равное значение имеют все его составляющие, он рассматривает все элементы придворного театра как части единого социального ритуала. В подтверждение этого он приводит несколько примеров того, как просцениум и другие части сцены, рассматриваемые в работах Оргела как декоративные, являются элементом представления — фронтлистом текста масок. Однако Лимон ограничивает ритуал масок только демонстрацией абстрактных эмблем и символов — «обезличенных добродетелей, порожденных королевской мудростью».⁶ Он утверждает, что маски «часть метафорического мира, представляющие добродетели двора. Иногда после танцев они возвращаются в божественные сферы и исчезают. Они являются порождением божественной мудрости... Если они не исчезают, то снимают маски и тогда становятся реальными придворными».⁷ Это утверждение практически полностью повторяет тезис Николла о том, что «аудитория в Уайтхолле... видела в масках не что иное, как серию живых эмблем».⁸ В целом, несмотря на стремление комплексно рассмотреть ритуал масок, следует заметить, что Лимон и другие современные исследователи концентрируют чрезмерное внимание на иконографии, архитектуре, оформлении и структуре масок в ущерб анализу текста, который также является необходимой (проговариваемой) частью ритуала.

Сведение представлений придворного театра к демонстрации символов династии и эмблем, пропагандирующих конкретные действия, оставляет за пределами внимания исследователей важную роль масок как магического ритуала, не просто прославляющего короля и его деяния, а воплощающего его политику в реальность. Да, разумеется, реальность магическую, существовавшую только на сцене, но от этого не

терявшую своего значения. Рассматривая то, как воплощалось в придворном театре «великое дело» Якова I — объединение Англии и Шотландии, следует обратить внимание на один очень важный момент. Даже после того как Парламент отверг идею полной интеграции двух корон, маски реконструировали реальность так, словно этого парламентского решения не было, и Англия и Шотландия слились в единую Британию. Хотя необходимости в пропаганде провалившейся идеи уже не было, придворный театр играл свою магическую роль, формируя реальность и, одновременно, исполняя «психотерапевтическую» функцию, внушая чувство спокойствия и уверенности в прочности союза во всех присутствовавших.⁹

В той или иной степени все придворные маски мыслились как некий псевдорелигиозный магический ритуал. Основными ритуалами, воплощенными на придворной сцене были свадебные ритуалы, триумфы, псевдорелигиозные праздники (например, приход весны в масках «День Рождения Пана»), рыцарские церемонии (принесение оммажа). Ритуальная форма представления была весьма гибкой, позволяла интегрировать в единое целое процесии, жесты, костюмы, текст речей, символы, танцы и пение. Она позволяла выстроить связь со сверхчувственным идеальным миром богов, выделить день представления как особый, продемонстрировать образы идеальной монархии и подчеркнуть преимущества конкретного монарха. При этом поклонение богам в ходе ритуала на сцене превращалось в поклонение монарху, присутствовавшему в зале. Наконец, ритуальная форма позволяла включить отрицательные образы (антимаски), отделить их от положительных образов (масок) с помощью поэтических и текстуальных различий, и успешно одержать над ними победу. Кроме того, ритуальная форма позволяла маскам (непрофессиональным актерам — придворным) молчать во время представления, поскольку говорили жрецы и боги.

Такой взгляд на маски согласуется с собственным определением Бена Джонсона, которое он давал своему творче-

ству: его маски — панегирик принцепса. Если вспомнить, что панегирик — это не просто хвалебное стихотворное произведение, но и проговариваемая часть ритуала поклонения императору, то становится очевидной программа Бена Джонсона — превратить театр в ритуал поклонения монарху — идеальному и конкретному.

Ритуалом, позволявшим наиболее точно отразить союз двух королевств, стал обряд бракосочетания. Хотя идея создания единой Британии будет воплощаться и в других представлениях придворного театра, я ограничиваю анализ свадебными масками, как наиболее ярким примером слияния магических и пропагандистских функций придворного театра.

Первые из свадебных масок были поставлены на 12-ю ночь 1606 г. (должны были быть поставлены маски Красоты — продолжение Черных Масок, но в планы вмешалась свадьба графа Эссекса и леди Франсез Говард). Это представление, поставленное Беном Джонсоном, было одним из самых ярких примеров реализации ритуальной концепции масок. Разумеется, в данном случае основным ритуалом был свадебный, оформленный в античном стиле. Но, как будет показано в дальнейшем, не только церемония римского брака нашла свое воплощение на сцене Банкетного Зала.

Для масок «Гименей», поставленных 5 января 1606 г., Джонсон оставил весьма подробное описание оформления сцены (что, кстати, для него не характерно, обычно он ограничивался общими пожеланиями Иниго Джонсу, главному оформителю придворных представлений). На сцене располагается алтарь, на котором надпись *J(oni) O(imae) M(imae) Unioni Sacr.* За ним располагаются 5 пажей, далее — еще один, представлявший жениха. С другой стороны входил Гименей, сопровождаемый тремя юношами, среди которых шла актриса, исполнявшая роль невесты. В середине находились два жреца, которые пели гимны. Один из них держал воду, второй —

огонь. Следует заметить, что Джонсон довольно скрупулезно следовал в воссоздании римской брачной церемонии нескольким античным авторам, прежде всего Катуллу, Овидию и Сексту Помпею Фесту.

Свадебная процессия направлялась в храм Юноны, рядом с которым был установлен Глобус или Микрокосм на плечах у Атласа. При этом Гименей в сопровождении хора жрецов пел свадебную песню:

Что за чудесный луч
Юну озарил,
Прекрасен и могуч,
Какой небесный бог нас посетил?
Нет, я не ошибусь —
Создал монарх земной
Прекраснейший союз,
Разливший яркий свет над всей страной.
Да, вот сидит он сам —
Король и мира жрец,
И лучшая из дам —
Один венчает их златой венец.¹⁰

Наиболее интересными представляются два момента. Первое — Юнона (то есть воплощенный союз) не светится сама. Она светит отраженным светом того, кто одновременно является Юпитером и земным королем, то есть Якова I. Теория, согласно которой моделью благородного сообщества является образ Вселенной, в центре которой расположен «король-солнце», а аристократы — его планеты, была популярна не только при яковитском дворе, но и во всей Европе начала XVII в. При этом планеты не имеют собственного света, но сияют отраженным светом монарха, вокруг которого и вращаются — каждый на своей орбите. Второе — очевидна ассоциация союза, заключаемого на сцене — между графом Эссексом и леди Франсез Говард и союза, заключенного в

Британии с воцарением Якова I — между Англией и Шотландией. Брачный союз освящается королевской четой, которые выступают как боги-покровители ритуала, сообщающие ему магическую силу. Таким образом, происходящее на сцене бракосочетание, являясь отражением союза двух королевств, в свою очередь должно было скрепить Англию и Шотландию, связать их в единый узел так же, как руки новобрачных связывались шелковой лентой. Кроме того, настойчиво подчеркивается еще один элемент яковитской пропаганды — Яков I как мирный монарх.

После этого Глобус поворачивается, открывая 8 масок, сидящих внутри шахты с различными металлами. Мужчины-маски одеты в костюмы, представляющие смесь эпох — персидские тюрбаны, парчовые одежды с разрезом на манер римских тог. Под масками скрывались графы Эрандел (Томас Говард) и Монтгомери (Филипп Герберт), бароны Уиллогби (скорее всего — Фалк Гревилл, барон Уиллогби из Брука) и Уолден (Теофил Говард, сын графа Саффолка), сэр Джеймс Хей, сэр Томас Говард, сэр Томас Сомерсет и сэр Джон Эшли. Джонсон особо подчеркивает, что он дал понять зрителям, кто скрывается под масками, разместив геральдические знаки на костюмах участников.¹¹ Итак, в составе масок мы видим трех представителей семейства Говардов, причем двое — братья невесты. Связь Якова I с Говардами общеизвестна. Кроме того, в списке участников мы видим королевских фаворитов — графа Монтгомери и сэра Джеймса Хея, а также сэра Томаса Сомерсета, 3-го сына графа Вустера. Он познакомился с Яковом I еще в 1603 г., когда был послан вместе с сэром Чарльзом Перси в Шотландию засвидетельствовать перед королем смерть Елизаветы I. Разумеется, следует обратить внимание на национальную принадлежность участников масок. Мартин Батлер отметил, что в масках Ирландцев (1613 г.) и в масках «За честь Уэльса» (1619 г.), которые также пропагандировали союз Англии и Шотландии, участники представления делились поровну —

5 шотландцев и 5 англичан в первом случае и 6 и 6 — во втором.¹² Здесь мы не видим подобного разделения. На сцене только один шотландец — сэр Джеймс Хей. Однако ритуальная форма бракосочетания позволяла обойти этот вопрос — не было необходимости подчеркивать союз составом участников — он вполне достаточно воплощался в свадебном алтаре, ритуале, образах Гименея и Юноны.

Эти Маски представляют 4 темперамента и 4 чувства, которые мешают брачному союзу. Гименей призывает на помощь Разум, который появляется на вершине Глобуса (то есть царит над миром). Разум как бы увенчан светом, он в синей одежде, усыпанной звездами и в мантии с изображением геометрических фигур. В его руках — сияющий меч и светильник. Порядок церемонии восстановлен, появляется Юнона в сопровождении Ириды, духов воздуха и 8 леди в масках, представляющих 8 добродетелей невесты.

Здесь проявляется характерная для придворных масок особенность — победа над отрицательными персонажами одерживается, фактически, без борьбы. Достаточно проявления власти верховного бога, чтобы изгнать любые пороки, достаточно только света Солнца, чтобы изгнать тьму. Наиболее ярко это проявится уже в поздних яковитских масках, однако и здесь мы видим важный элемент стюартовской пропаганды. Королю достаточно просто править, просто быть, чтобы на Земле (то есть в Британии и при дворе) наступили мир и гармония.

После этого Разум произносит довольно длинный монолог, снова подчеркивая священность союза. В целом он посвящен разъяснению символов ритуала, однако дважды проводятся параллели между союзом королевств и союзом новобрачных. Естественно, все происходит по воле верховного бога, покровителя ритуала — Юпитера, появляющегося на сияющем шаре и воплощающего другое божество, сидящее в зрительном зале — Якова I:

Разделены вы алтарем,
Но скоро станете вдвоем
Единым, вас покинет грусть,
Благословляет сей Союз
Не сам алтарь, но ясный знак
От божества: «Да будет так!»

И далее:

То, что связал, не разделить
На части, но продолжит быть
Единым вечно. Так решила
Священного Союза сила.
Ведь только добрый мирный бог
Создать союз нечетных мог,
А выпади хоть элемент,
И рухнет все в один момент.¹³

Союз нечетного числа элементов — формально союз всех присутствующих на сцене (если не считать музыкантов), но всем было понятно, что имеется в виду новый трехчастный титул Якова I — король Великой Британии, Франции и Ирландии, принятый им 5 декабря 1604 г. При этом Джонсон снова подчеркивает роль «доброго мирного бога», то есть монарха, как создателя союза и источника магической силы, этот союз скрепляющей.

Далее начинаются собственно маски, то есть танцы под музыку и пение, с неба спускается золотая цепь, которая образует имя жениха. Одновременно она же напоминает собравшимся о могуществе Юпитера, верховного бога, освятившего ритуал.¹⁴ В песне снова подчеркиваются преимущества союза. В конце масок участники образуют круг:

Теперь же увенчаем вечер —
Возьмемся за руки, за плечи

Круг образуем совершенный,
А Разум будет центр Вселенной.¹⁵

Круг символизирует корону и, одновременно, весь мир. Тем более что одна модель мира уже присутствует на сцене — это микрокосм (глобус), из которого появились участники масок, а вторая — в зале — особый мир двора с монархом-солнцем и придворными-планетами. Завершается представление еще одним ритуалом — участники попарно, Гименей впереди, подходят к трону, чтобы поклониться и удаляются в свадебную беседку.

На следующий день представление продолжается барьерным боем. В начале представления возникает спор между аллегорическими персонажами — Истиной (*Truth*) и Мнением (*Opinion*). Мнение выступает за девственность и против брака, Истина — за брак. Мнение говорит, что девственность должна бежать от брака и сравнивает потерю девственности с сорванным и опавшим цветком. Истина же призывает девственность стремиться к Гименею и сравнивает ее с виноградной лозой посреди пустынного поля, которая никому не подарит радость. Также интересно, что обе стороны апеллируют к королевской власти и устройству Вселенной:

Мнение.

Я привести пример тебе должна:
Один наш Бог, природа лишь одна,
Одно сияет солнце в небесах,
Один на троне царствует монарх
И подданных в один собирает круг.

Истина.

А что же Брак, по-твоему, мой друг?
Не он ли узел, что спаял навеки
С душою тело в каждом человеке,
Един с вассалом добрый суверен.
Один дал верность — власть другой взамен.¹⁶

Здесь снова находит отражение концепция двора-Вселенной, построенной по коперникианскому принципу. При этом единственность не противоречит объединению различных элементов в единую систему под властью одного центра — монарха-солнца. Далее Истина и Мнение призывают своих рыцарей, по 16 с каждой стороны, и происходит барьерный бой, итог которого — победа Истины, естественно, предопределен. Анализ состава участников барьерного боя дает результаты, сходные с анализом участников масок. Преобладают англичане (из шотландцев — только герцог Леннокс), значительно представительство семейства Говардов, существует даже жених, причем, что самое странное, в проигравшей команде. После победы появляется Ангел, который обращается в своем монологе к Истине и, хотя и не впрямую, к присутствующему в зале монарху. Наконец Истина изгоняет Мнение и приносит оммаж королю.

Итак, Джонсон создал весьма сложную ритуальную схему. Начало — ритуал бракосочетания, в середине — моделирование Вселенной, и, наконец — рыцарский ритуал принесения присяги. Причем вся эта сложная схема служит одной цели — пропаганде союза Англии и Шотландии, «великого дела» Якова I. Кроме того, внедряются и другие элементы раннеистиартовской мифологии: монарх — хранитель мира, «король-солнце» как центр двора-Вселенной.

Следует заметить, что среди исследователей нет однозначного ответа на вопрос — насколько успешными были маски. Д. Гордон пишет: «Джонсон превратил тему бракосочетания королевств в классическую римскую свадьбу,

… прерываемую триумфальную процессию, увенчанную эпифанией богини и ее участием в маскараде через действие ее сил (масок). Это позволило взглянуть на союз по-новому. Неудача «Гименея» была связана с тем, что Джонсон выстроил слишком сложную, заумную связь».¹⁷ Так, например, при появлении Юноны Разум говорит, что ее имя — анаграмма Союза:

Юнона, в имени твоем
Свое единство мы найдем.¹⁸

Юнона становится криптографическим, а не действующим символом. Кроме того, обращение к римской форме вызывало скорее археологический интерес, история еще не стала символом.

Более обоснованной, однако же, выглядит точка зрения Тодда Фернисса, который обратил внимание, что Юнона не была центральным символом. Всем присущим было понятно, что центральное действующее лицо масок присутствовало не на сцене, а в зале. Кроме того, в тексте подчеркивалось, что Юнона светит отраженным светом, а источник — монарх. Именно король освящает союз, именно он создает единство, именно ему приносят оммаж.¹⁹

Вполне понятна символика этих масок была и современникам. Мистер Джон Пори в письме сэру Роберту Коттону писал, что «Иниго, Бен и актеры исполнили все очень старательно… Сердцем масок было то, что поэт сделал акцент на союз двух королевств».²⁰

6 января 1607 г. маски сопровождали свадьбу между лордом Хеем и Анной, дочерью лорда Денни. Это представление значительно отличалось от предыдущего. Автор масок, Томас Кэмпион не стал разрабатывать сложную ритуальную схему (хотя некоторые элементы ритуала сохранил), сделав представление ближе к обычному виду придворных масок,

составших из драматической части, поставленной профессиональными актерами, и костюмированных танцев. Следовательно, акцент в пропаганде союза королевств должен был быть смещен в сторону текста. Это облегчалось тем, что, на этот раз, жених и невеста представляли шотландскую и английскую знать, поэтому союз королевств реально воплощался в самой свадьбе. Это Кэмпион подчеркивает с самого начала, в тексте, который прозвучал еще до начала самого представления:

Тогда, monarch великий, мудростью своей
Кровь разделенную смешай, и я клянусь,
Что подготовит эта смесь кровей
Священный и возвышенный Союз
Шотландцев и их братьев — Англичан
На этой свадьбе двух людей, двух стран.²¹

Далее следуют эпиграммы, из которых для нас интерес представляет следующая:

Мерлин, как был король Артур убит,
Предсказывал — вновь встреча предстоит.
И стало так — единая страна
Вновь радости полна, и вновь сильна.
Случилось, как Мерлин и предсказал,
Лишь с именем он что-то напутал.²²

Следует заметить, что ассоциация Яков I — король Артур, необходимая для прославления доблести короля (поскольку Артур был идеальным рыцарем), использовалась яковитской пропагандой, но в несколько переработанном виде. Артур, как мы видим и здесь, воспринимался не столько как идеальный рыцарь, сколько как объединитель Британии. Разумеется, это связано с пацифизмом Якова, но, также, и с тем, что «Великое дело» объединения Британии для короля было намного важнее демонстрации доблести. Последнее

воспринималось скорее как обязанность. Демонстрация доблести со временем перешла в маски принцев — сначала Генри, потом Карла.

Далее открывается дом Флоры. Флора, Зефир и 6 сильванов рвут цветы и поют песню, восхваляющую это занятие (намек на потерю девственности). Потом открывается вся сцена — на противоположной стороне стоит дом Ночи, а между двумя этими домами — скала с деревом Дианы. Возникает конфликт, поскольку Гименей похитил нимфу из свиты Дианы. В споре Флора доказывает, что девственность — добровольная сила (*voluntary power*), свободная от принуждения. Ночь показывает ей 9 золотых деревьев, в которые обращены Рыцари Аполлона, дерзнувшие оскорбить Диану:

Вот рыцари, проникнувшие в сад,
В деревья обращенные, стоят.
Ограбить свиту Синтии желали,
А ныне сами неподвижны стали,
Могущество Дианы их сковало,
Сам Аполлон, что любит их немало,
Смог только корону им позолотить.
Должна сама Диана их простить.²³

Их спор разрешается, когда появившийся Геспер (традиционный символ королевской воли — посланник Небес) передает волю Дианы. Диана согласна простить рыцарей Аполлона, поскольку сама уже примирилась с Фебом:

Так пусть же Феб примирится с Дианой,
А рыцарь с нимфой пусть семьею станут,
Пусть этот брак сияньем озарит
Феб славный, что в Британии царит,
Один лишь он Вселенной дарит свет
И правит в окружении планет.
Искусства — так Оракул предсказал —
И мудрость заполняют Феба зал.²⁴

Поскольку примирение состоялось, Геспер передает Но-
чи повеление Дианы:

Геспер.

Та госпожа, что над тобой царит,
Велит: верни скорее прежний вид
Тем, кто в деревья ныне обращен,
Чей повелитель — светлый Аполлон,
Вот повеленье.

Ночь.

Подчинится Ночь.
Меня свет Феба изгоняет прочь.²⁵

Для присутствующих символический смысл происходя-
щего был очевиден. Аполлон как солнечный бог и как пове-
литель муз был одним из образов (наряду с Соломоном-миро-
творцем и повелителем моря Нептуном), с которым наиболее
регулярно отождествлялся король Яков. С другой стороны,
Диана традиционно ассоциировалась с королевой Елизаве-
той. Преемственность власти Дианы и Аполлона превраща-
лась в объединение не только двух стран, но и династической
и додинастической знати. Рыцарь Аполлона — представитель
Шотландии и стюартовской знати заключал брак с дочерью
lorda Денни — англичанина и елизаветинского лорда. Одно-
временно на сцене происходило примирение двух символиче-
ских фигур, отождествлявшихся с предыдущим и нынешним
правлением. Цель этого ритуала — не только пропаганди-
ровать, но и совершить в реальном мире объединение двух
стран и двух знатных сообществ в единое целое. При этом
интересной представляется форма ритуала. Это не римская
свадьба, не торжественная процессия, не моделирование Все-
лennой и не рыцарский ритуал. Это то, что принято называть
«ритуал перехода».²⁶ Совершая превращение, рыцари меня-
ют свой статус, становясь из рыцарей Аполлона рыцарями

Аполлона и Дианы, рыцарями объединенной Британии, рыцарями Елизаветы и Якова.

Кроме того, следует отметить, что движущей силой союза, все-таки, оставался Яков. Именно он представлялся как то высшее неназванное божество, приславшее Геспера. С другой стороны, важно, что в этих масках отстаивалась мысль, что Аполлон (точнее — его рыцари) должен оказать уважение Диане. Только тогда этот союз станет возможен.²⁷

В конце представления деревья поворачиваются и из них выходят Рыцари Аполлона — маски в зеленой одежде (lord Уолден, сэр Томас Говард, сэр Томас Джарett, сэр Генри Кэри, сэр Джон Дигби, сэр Ричард Престон, сэр Томас Боджер, сэр Джон Эшли, мистер Горинг).

Интересно, что в финальной песне Аполлон называется «Славой Британии»:

И снова песня пусть звучит, не смолкнет никогда:
Будь славен Аполлон! тобой Британия горда.²⁸

Кроме приведенных примеров свадебные маски сопровождали также свадьбу лорда Рамзи и леди Элизабет Рэдклифф, дочери графа Сассекса (2 февраля 1608 г.). В целом, их оформление и ритуал не отличаются от двух представлений, рассмотренных выше. В оформлении присутствует намек на фамилию невесты — огромная красная скала, перед которой стоят два столба с «трофеями любви». Затянутые тучами небеса открываются, и появляется триумфальная колесница, которую влекут 2 голубя и 2 лебедя. В колеснице сидит Венера и 3 грации — Аглай, Талия и Ефросинья. Они разыскивают сбежавшего с небес Купидона. В их описании Купидон несет не только радость, но и страдания влюбленным. Появляется Купидон в сопровождении 12 юношей, олицетворяющих Развлечения и Удовольствия. Затем появляется Гименей, который просит обратить внимание на короля,

который благочестив, установил мир, спасся от измены. Последнее, скорее всего, является намеком на участие Рамзи в спасении короля Якова от заговора Гоури. Венера говорит, что любит короля и его Защитника (*Champion*), то есть Рамзи. В финале масок Вулкан приказывает красной скале открыться, и все видят пещеру, в которой находится глобус 18 футов в диаметре и 12 знаков зодиака, представленные 12-ю масками.²⁹.

Также маски сопровождали свадьбу графа Сомерсета и Франсез Говард (27 декабря 1613 г.). Текст этих масок не сохранился, нам известно, что торжества проходили несколько дней, в первый день был брошен вызов, который произошел в итоге ссоры двух Купидонов, каждый из которых доказывал, что он настоящий Купидон, а его соперник — ложный. Через два дня произошел барьерный между двумя отрядами по 10 человек — Купидона от жениха, цвета которого — лазоревый и белый, и Купидона от невесты, цвета которого — зеленый и желтый. На стороне первого сражались герцог Леннокс, графы Пемброк и Монтгомери, лорды Норт, Чандос, Норриз и Дингуолл; за второго были графы Ратленд и Дорсет, лорды Уолден, Скроуп, Комптон и Хей. После того, как отряд невесты начал побеждать, появился Гименей, который примирил рыцарей, а Купидонам объяснил, что они оба одинаково важны. Таким образом, обязательным итогом боя была ничья.³⁰

Итак, придворный театр выполнял несколько важнейших функций, и пропаганда королевской политики была только одной из них. Согласно схеме Т. Фернисса, персонажи масок воспринимались на трех уровнях — неоплатонических идей (античные божества, идеальные сущности), идеального монарха и придворных, и конкретных людей (Яков I, королева Анна, принц Генри, герцог Бекингем, маркиз Гамильтон, граф Монтгомери и т. д.).³¹ Также следует обратить внимание на трактовку архитектуры придворного театра Э. Николла, который говорил о двух сценах — основной и «распро-

страненной» (*dispersed scenery*).³² Первая из этих сцен воплощала неоплатонические идеи и была по своей сути иерархичной, демонстрировала величие монарха и его отделенность от аристократического сообщества. Вторая была более «демократичной» и демонстрировала единство конкретных людей в рамках придворного аристократического общества. По крайней мере, на одном из трех уровней (идеальные сущности, античные божества, идеи) и на одной из сцен (основной) действие масок было не столько пропагандой, сколько магическим ритуалом. Это действие было призвано преобразовать мир, распространить структурирующую энергию бога ритуала (монарха) и, что также немаловажно, порождало в зрителях чувство уверенности, помогало преодолеть негативные последствия реальных политических неудач. Подобный подход позволяет не только более полно взглянуть на раннестюартовский придворный театр, но и объяснить ряд особенностей постановок (их цикличность, незначительное количество регулярно повторяющихся символов), а также включить в анализ не только декорации, костюмы и архитектуру сцены, но и тексты масок, являющиеся органической проговариваемой частью ритуала.

Примечания

¹ Статья подготовлена в рамках проекта «Раннестюартовская монархия: институты, политическая идеология и церемониал» при поддержке РГНФ (грант № 09-01-00316а)

² Это предположение высказано в Wallace C.W. *The evolution of English drama up to Shakespeare*. Berlin, 1912. Более того, Уоллес рассматривал маски как новую форму театрального искусства, ставшую основой шекспировского театра. Он видел источник современного театра не в средневековом публичном театре, но в театре придворном.

³ Chambers E.K. *The Medieval Stage*. 2 vols. Oxford, 1948; Chambers E.K. *The Elizabethan stage*. 4 vols. Oxford, 1934; Nicoll A. *Stuart Masque and the Renaissance Stage*. New York, 1963.

⁴ Orgel S. The illusion of power. Political theatre in renaissance England. Berkley, 1975; Orgel S. The Jonsonian masque. Cambridge, 1965; Orgel S. and Strong R. Inigo Jones. Theatre of the Stuart Court. 2 vols. Los Angeles, 1973. Strong R. Festival designed by Inigo Jones. Washington, 1968.

⁵ Smuts M. Cultural diversity and cultural change at the court of James I // The Mental World of the Stuart Court / Ed. by L.L. Peck. Cambridge, 1991; Limon J. The Masque of the Stuart culture // The Mental World of the Stuart Court / Ed. by L.L. Peck. Cambridge, 1991; Hibbard C. The theatre of dynasty // The Stuart Court and Europe: essays in politics and political culture / Ed. by Malcolm Smuts. Cambridge, 1996.

⁶ Limon J. The Masque of the Stuart culture... P. 220.

⁷ Ibid. P. 212.

⁸ Nicoll A. Stuart Masque... P. 155.

⁹ Эмоциональная функция ритуала подробно исследовалась Брониславом Малиновским и его последователями. См.: Малиновский Б. Магия, наука и религия. М., 1998.

¹⁰ Nichols J. The progresses, processions and magnificent festives of King James I. 4 vols. London, 1828. Vol. II. P. 4. Стихотворный перевод здесь и далее автора.

¹¹ Nichols J. The progresses... Vol. II. P. 5.

¹² Butler M. The invention of the Britain and the early Stuart masque // The Stuart Court and Europe: essays in politics and political culture / Ed. by Malcolm Smuts. Cambridge, 1996. P. 67.

¹³ Nichols J. The progresses... Vol. II. P. 7–8.

¹⁴ Следует вспомнить эпизод из «Илиады», когда Зевс (Юпитер) предлагает остальным богам испытать его могущество:

Или дерзайте, изведайте, боги, да все убедитесь:

Цепь золотую теперь же спустив от высокого неба,

Все до последнего бога и все до последней богини

Свесьтесь по ней; но совлечь не сможете с неба на землю

Зевса, строителя вышнего, сколько бы вы ни трудились!

Если же я, рассудивши за благо, повлечь возжелаю, —

С самой землею и с самым морем ее повлеку я

И мою десницу окрест вершины Олимпа

Цепь обовью; и вселенная вся на высоких повиснет —

Столько превыше богов и столько превыше я смертных!
(Гомер. Илиада. Песнь 8.15–25. Перевод Н.И. Гнедича)

¹⁵ Nichols J. The progresses... Vol. II. P. 15.

¹⁶ Ibid. Vol. II. P. 28.

¹⁷ Gordon D.J. Hymenaei: Ben Jonson masque of Union // Journal of the Warburg and Courtauld Institutes. Vol. VIII. 1945. P. 132.

¹⁸ Nichols J. The progresses... Vol. II. P. 9.

¹⁹ Furniss T. Ben Jonson / Three studies in Renaissance. Sidney, Jonson, Milton. New-Haven, 1958. P. 161.

²⁰ Goodman G. The Court of King James. Vol. II. P. 124.

²¹ Nichols J. The progresses... Vol. II. P. 104.

²² Ibid. Vol. II. P. 105.

²³ Ibid. Vol. II. P. 113.

²⁴ Ibid. Vol. II. P. 113.

²⁵ Ibid. Vol. II. P. 114.

²⁶ Термин «ритуалы перехода» введен в научный оборот и блестяще разработан Арнольдом Ван Геннепом. См. ван Геннеп А. Обряды перехода. Систематическое изучение обрядов. М., 1999.

²⁷ Butler, M. The invention of the Britain... P. 72

²⁸ Nichols J. The progresses... Vol. II. P. 116

²⁹ Ibid. Vol. II. P. 177–182

³⁰ Ibid. Vol. II. P. 715–730

³¹ Furniss T. Ben Jonson... P. 113.

³² Nicoll A. Stuart Masque... P. 54.

Паламарчук А.А.

Цивильное и общее право: Парадоксы сосуществования в раннестюартовской Англии¹

Важность сюжетов, связанных с ролью права, юридической теории и практики для изучения истории стюартовской Англии трудно переоценить. Практически все процессы, разворачивавшиеся в королевстве в период правления Якова I и Карла I — начиная от поиска путей сосуществования и созиания в единое культурно-историческое целое держав, объединившихся под скипетром Стюартов до регулирования религиозной жизни королевств, то есть неизбежно все шаги, предпринимавшиеся короной, отражались на правовых реалиях Англии. Подобная взаимозависимость является очевидной не только для историков: еще более очевидной она была для современников.

С точки зрения стюартовских теоретиков права, любые административные учреждения и связанные с ними должности имели, помимо собственно административного, еще и судебно-юридическое измерение. Сама судебная система, равно как и система социальная — иерархия титулов и достоинств знати, а также иерархия придворных и административно-«государственных» должностей являлась ничем иным, как «развертыванием» абсолютной в пределах страны власти монарха. В конечном счете, решение английского суда любого типа и любого уровня являлось совершившимся правосудием монарха. После Реформации любое действие подданных, равно клириков и мирян, находилось в юрисдикции короны, а согласно Брактону — одному из непререкаемых авторитетов для британских юристов всех времен — «юрисдикция суть

право вершить суд, то есть право высказываться о правоте действий сторон соответственно тому, что обнаружено судом обычных или делегированных полномочий» (кн. 10 f. 73а).

Показательно и общепринятое объяснение, которое давалось юристами происхождению понятия «суд». Первое значение латинского *curia* и английского *court* — «королевский двор», местообиталище монарха, *palatium regium*; во вторую очередь это слово обозначает собственно «суд». Лингвистический подход удовлетворял необходимость указывать на «исхождения» английских судов из института королевского двора и королевского совета как его важнейшей составляющей, а также указывать неразрывную связь судебных учреждений — впрочем, как и любых других — с персоной государя. Действительно, по общему убеждению теоретиков любые административные учреждения Англии являлись одновременно учреждениями судебными, но прежде всего любые обычаи и институции воплощали и актуализировали присутствие монарха и полноту его власти в любом месте страны в любой период времени.

Идея права занимала ключевое место в процессе осмысливания социальных и государственных реалий не только при осмысливании настоящего, но и при анализе прошлого Британии. Английское Общее право, *Common Law*, представляло в глазах современников основой, стержнем развития английской истории. Сам термин «common» должен был указывать на общность данной правовой системы для всех подданных английской монархии, сделать ее своего рода надвременным явлением. Тем не менее, Общее право определялось как динамичная система: среди британских юристов могли существовать разногласия относительно сроков, периодов и темпов ее развития, но подвижность и динамизм *Common law* традиционно представлялись отличительными сильными чертами английского права.² Представления об эволюции права становились отправной точкой для более пристального рассмотр-

рения форм государственности и общества, присущих сменявшим друг друга эпохам.

В историографии тема взаимовлияния и взаимоопределения права, структур управления, а также национального самосознания и истории так или иначе освещалась в работах самых авторитетных исследователей, начиная с У. Мэйтленда, Д. Покока, Дж. Соммервилла и Дж. Эйлмера, а в отечественной литературе — С.Е. Федорова и С.В. Кондратьева.³ В результате ими был сформулирован круг идей, важных для понимания того места, которое занимало Общее право в политических воззрениях англичан (исключительная роль права в формировании национального самосознания англичан, использование представлений о «древней конституции» в разрешении спорных моментов политической жизни).

В центре внимания при изучении стюартовской монархии неизбежно оказывается именно практика и своеобразная «культура», образуемая Общим правом Англии. Проблемы рецепции римского цивильного права и культурное поле, формируемое юристами-цивилистами освещаются в историографии менее широко и получают гораздо более однозначную трактовку, во многом повторяя концепции оценки, введенные в научный оборот еще современниками — конкурирующей группой юристов Общего права. Самые общие установки относительно цивильного права в раннестюартовском обществе таковы: изучение римского права становится привилегией узкого круга университетских докторов; в юридической практике цивилисты очевидно уступают свои позиции юристам Общего права; теории, создаваемые цивилистами, возводят основания для расширения королевской прерогативы и опровергают общепринятое со времен Фортескью представление о существовании в Англии «смешанной» монархии.

Представляется, что особенно плодотворные попытки ревизии описанной схемы в отношении цивильного права в Англии предпринимаются не историками, а юристами, спе-

циализирующимися на эволюции наследия римского права в Европе.⁴ С другой стороны, важные моменты, связанные с «цивильным» наследием становятся очевидными при изучении попыток реформирования судебной системы Англии в царствование Якова I Эллисмером и Бэконом.⁵

В характерной для рубежа XVI–XVII веков интеллектуальной ситуации, когда сфера политического и активно формировалась и обособлялась сфера социального⁶ не достигли окончательного размежевания, именно рассмотрение явлений в правовом ракурсе давало возможность улавливать в логике развития государства и общества многовариантные подобия и параллели. Кроме того, именно правовые практики и концепции обеспечивали такие методы работы с фактологическим материалом, которые были одинаково действенными и при исследовании развития государственных институтов, и при анализе истории и современности социальных явлений.

Таким образом, благодаря проецированию, с одной стороны, правовых концепций, с другой стороны — правовых методов, государство и общество представляли в сознании современников как явления во многом аналогичные и однопорядковые.

Общее право воспринималось образованными англичанами тюдоро-стюартовской эпохи как один из главных — наряду с монархией — элементов «национальности», «английскости», и в определенном смысле играло в их глазах роль стержня национальной и культурной идентичности.

Английские юристы никогда не оставались исключительно юристами: представление о роли и границах воздействия права вынуждало их одновременно быть практикующими юристами, придворными, обладателями должностей в королевской администрации или судах, теоретиками права и историками. Профессиональная подготовка юристов и практический опыт были таковы, что в тех случаях, когда

возникала потребность совершить экскурс в смежные области знания, они обладали более чем необходимым багажом знаний. Сами же юристы вполне осознавали важность миссии, исполняемой теоретиками права. Профессия юриста, таким образом, представлялась современниками не просто как социально престижная и материально выгодная, но еще и связанная с поддержанием национального единства. Еще в Средневековье, поясняет Дж. Сэлден, упоминая о возникновении юридических иннов как аналогов университетам, «образовался круг лиц [юристы Общего права. — А.П.], который, посвятив себя целиком изучению законов страны и более не полагая это простой низшей наукой, годной только для развлечения на досуге, вскоре довел названные законы ... до совершенства».⁷

Неоспоримая беспристрастность подхода и незамутненная национальной спесью трезвость взгляда в прошлое (которой так красноречиво хвалились обращавшиеся к истории Британии юристы) неизбежно должна была привести их к мысли о превосходстве, совершенстве, древности и крайней эффективности английских правовых норм и практик.⁸ Осмысление национальной исключительности англичан, коренившееся в размышлении о процессе формирования и роли права в британской истории, подталкивало авторов, писавших на исторические темы, к созданию национально ориентированных историй. Даже если рассматривать, скажем, на первый взгляд экуменический труд Дж. Сэлдена «О титулах достоинств», окажется, что, несмотря на бесспорную научность и содержательную ценность глав, повествующих об истории знати континентальной Европы, древней и новой, все европейские сюжеты, в конечном счете, подчинены главной цели: через них читатель лучше понимает норму, образцовость, превосходство всего английского: монархии, социальной иерархии, критериев знатности, даже нравов. И, с точки зрения английских интеллектуалов, оттачивание английской «нормы» происходило благодаря благодатному дей-

ствию системы английских законов и обычаев королевства и их постоянного соблюдения.

«Единственное предпочтение, которое выказывала наша нация, — пишет Сэлден, — было предпочтение закону «страны», называемому Общим правом, и это засвидетельствовано статутами и исками короны... Доказательства тому можно увидеть в трудах Хоудена и Матвея Парижского, равно как и в писаниях известных в то время юристов, однако особенно — во всевозможных публичных актах».⁹

В начале XVII в. в английской историко-юридической мысли существовало три подхода к рассмотрению формирования права вообще и роли права в развитии государства и общества.

Первый из них нашел наиболее завершенное воплощение в работах Эдуарда Кока¹⁰, который озвучивал идею континуитета английского права, обеспечивавшую, по аналогии, континуитет английской истории. Подходу Кока свойственно в высшей мере спокойное отношение к случавшимся времена от времени завоеваниям Альбиона («Тогда как краса других стран меркла и уходила с кровавыми войнами, я благодарю Господа за тот удивительный мир, который в сем государстве неизменно процветал благодаря правлению согласно нашим Законам»¹¹), которые, в его понимании, лишь поверхностно влияли на правовые основы, заложенные в незапамятные времена. «Если бы древние законы нашего благородного острова не превосходили все прочие, они были бы всего лишь законами многочисленных его завоевателей и правителей, как то: римлян, саксов, данов или нормандцев»¹². Действительно, последнее, нормандское, завоевание серьезно повлияло на правовую ситуацию в королевстве: появился источник совершенно нового, четко фиксируемого права, права статутного, творимого как реакция на вызовы современности, и этот источник невозможно было игнорировать: монарх, его совет, его парламент, его администрация. Однако, отмечает Кок,

«Необходимо знать, что Общее право существовало до каких бы то ни было статутов».¹³ Тем не менее, статутное право и вообще действия монархии лишь упорядочивали и более четко формулировали изначально действовавшие обычаи, к тому же сообщая им новую обязывающую силу.

Источником построений Кока, помимо его собственных штудий, было наследие Дж. Фортескью, который, воспроизведя легенду об основании английской монархии Брутом, представлял «тело» государства с главой — королем, сердцем — подданными, и законами — кровеносными сосудами неизменным. Право в понимании Фортескью — право прежде всего обычное, распространяющее свое влияние вплоть до самой королевской законодательной инициативы. Тезис о «смешанной монархии», существующей в Англии, помимо прочих коннотаций, должен был трактоваться как правление короля, ограничивавшего свою волю добровольным подчинением и согласованием нововведений с уже существующими обычаями.

Оппонентом Кока по вопросу правового континуитета обычно называют Генри Спелмана¹⁴, опиравшегося на идеи Полидора Вергилия. Ключевым моментом в размышлении о роли нормандского завоевания здесь было понимание того, что в интересах короля Вильгельма было укрепление позиций его собственной знати через привнесение континентальных механизмов управления, социальных явлений и законодательных методов.

Подход к проблеме права у представителей антикварного направления стал своеобразной *via media* по сравнению с позициями Кока и Спелмана, при этом восприняв многие выработанные ими идеи. В немалой степени это было обусловлено как более широким кругом источников, не ограничивавшимся сугубо юридическими и административными документами, так и характерной для антиквариев установкой

на поиск компромисса и умеренных взвешенных формулировок.

В Обширном сочинении «О титулах достоинств»¹⁵ Дж. Сэлдену удается провести, с одной стороны, сравнительный анализ форм государства и права в различные исторические эпохи в Англии, и, с другой — сопоставить пути развития государств Европы с британскими реалиями.

В условиях противопоставления концепций историко-правового континуитета и дисконтиунитета антикварии избрали компромиссный третий вариант — представление об эволюции английского права и основанных на нем форм государственности как эволюции от хаоса к порядку, от крайне несовершенного выражения богоданных основ английского государства к их совершенным формам.

Что же касается видения антиквариями места английских законов в ряду европейских конституций, то, как правило, им легче говорить о специфике стран и находить различия территориальные, чем временные: английская монархия с момента ее основания отличалась от остальных европейских стран прежде всего тем, что любые характеристики государства применительно к Англии приобретали превосходную степень. Специфика истории и современного состояния других стран Континента служит лишь для того, чтобы оттенить гармонию английских обычаев.

Однако, как правило, антиквариям чужда мысль о том, что названные отличия — плод времени, что они были незаметны в прошлом (в период, который принято называть ранним и зрелым Средневековьем) и обострились или возникли, скажем, в последние два столетия.

Как уже было сказано выше, Общее право не было единственной правой системой, действовавшей в Англии и сталкивалось — как на практике, так и в публицистике — с давним и почтенным конкурентом в виде «циивильного», т.е. римского права. В определенном смысле на рубеже XVI–

XVII столетий конкуренция этих систем проходила в неравных условиях.

В сознании англичан — особенно после Реформации — римское право как таковое имело несколько отрицательных коннотаций: в первую очередь оно ассоциировалось с римским «универсализмом» в противовес национальным явлениям, прежде всего национальному праву. «Цивильное» и «общее» в популярной публицистике противопоставлялись как «чужеродное» и «аутентичное». В «Диссертации к Флете» Дж. Сэлден обстоятельно и серьезно освещает вопрос о том, что континентальные «имперские законы» не имеют обязывающей силы на территории Острова, и утверждать подобное — означает совершать непростительную ошибку. Кроме того, в радикальных протестантских кругах римское право (а также те его элементы, которые сохранились в правовой практике Церкви Англии) вызывало однозначные ассоциации с католицизмом вообще, и клерикальными привилегиями в частности, и священным долгом провозглашалось исключение любых пережитков папизма на священной английской земле.¹⁶ Наконец, римское право воспринималось как явление определенно «континентальное», и уже по одному этому признаку проигрывало островной практике.

С другой стороны, большинство юристов Общего права неизбежно и с нескрываемой гордостью обращались как к доступному им корпусу сочинений римских юристов — Ульпiana, Папиниана, кодексу Юстиниана, так и к средневековой традиции цивильного и канонического права. Кодекс Грациана, а также сочинения комментаторов болонской школы, прежде всего Бартоло да Сассоферрато и Бальдо де Убальди, привлекаются английскими интеллектуалами, примыкающими к кругу юристов Общего права не только в качестве источников или авторитетов в сугубо правовой сфере. Суждения римских и средневековых юристов часто оказывались незаменимым материалом, с помощью которого подкреплялись создаваемые современниками построения в области со-

циальной стратификации, монархической власти и порождаемых ею административных институтов. При этом более пристальный анализ текстов показывает, что позиции автора, пишущего в Англии начала XVII в. и, скажем, позиции его болонского коллеги XIV столетия и, тем более, античного юриста, оказывались схожими далеко не во всем, а в некоторых случаях могли просто противоречить друг другу. Однако подобные казусы отнюдь не смущали британских публицистов. Включение в текст устоявшегося набора имен и сочинений, авторитетных с точки зрения практически любого читателя, за исключением разве что наиболее радикальных протестантов, являлось эффективным и широко применявшимся приемом, позволявшим делать по сути новаторские социальные и политические концепции «узнаваемыми» и, следовательно, быстрее усваиваемыми обществом.

Другим обстоятельством, которое в большой степени охлаждало «антиримский» пафос юристов Общего права, было то, что авторы, заслуженно вознесенные на постамент основателей исконно английской правовой системы, Глэнвилл и Брактон¹⁷, современники болонской школы комментаторов, были проводниками, через которых римское право обосновалось на английских берегах. Сами современники, как кажется, отнюдь не были настроены однозначным образом разрешать такое противоречие. Ссылающийся во множестве отрывков на Брактона как едва ли не творца Общего права Дж. Сэлден, в очерке, посвященном, если выразиться современным языком, «рецепции римского права в Англии» помещает его на заслуженном месте рядом с бартолистами.¹⁸

Одним из упреков, который юристы Общего права адресовали своим коллегам цивилистам, заключался в том, что в основе используемого этими последними метода кроется догматизация максим, заимствованных из классических текстов. Оставляя в стороне все лежащие на поверхности ассоциации «догматизма» с «папизмом», юристы Общего права видели собственную юридическую систему явлением, бес-

спорно, самым совершенным в каждый следующий период развития права, но, при этом, явлением, способным изменяться — разумеется, в сторону еще большего совершенства. Они исполнены оптимизма: английская монархия как единый организм, порождающий и одновременно совершенствуемый порожденным ею правом, изменяется, совершенствуется, а, следовательно, изменяется и совершенствуется порождающий законы и обычай «разум» политического тела — как, впрочем, совершенствуется и разум каждого отдельного индивида, причастного к политическому телу.

Если государство представлялось юристам-историкам явлением, основанным и скрепленным индивидуальными узами верности между монархом и его подданными, то также и Общее право, избегая догматизма и опасных обобщений, основывалось, с их точки зрения, на индивидуальном подходе к рассмотрению любой проблемы, при котором одни и те же прецеденты не копировались многократно (тогда спектр возможных решений или оставался бы неизменным, либо постепенно сужался), но, напротив, через анализ событий прошлого создавались новые, индивидуальные решения, соответствовавшие менявшимся условиям и все более совершенные.

Английские цивилисты — прежде всего сэр Генри Финч, Уильям Ной и Роберт Филмер — исходили из противоположных представлений о праве. Три главных источника права — Бог, сотворенная им природа и человеческий разум, в любой период времени руководствующийся неизменными принципами, определяющими человеческую природу — проливают свет на неизменные максимы права, пишет Финч.¹⁹ Недвижимый перводвижатель права, разум — через который человек подобен Богу — не меняясь в основе, своей изменяет и совершенствует реальность. Социальная и государственная реальность для цивилистов отнюдь не статична, она также подвержена изменениям и стремится к совершенству, но, при

этом, настоящее еще не содержит в себе максимально отточенных разумом форм.

Если внимательно посмотреть на построение текстов трактатов, вышедших из-под пера юристов-цивилистов, то в них можно обнаружить риторику, поразительно напоминающую приемы, используемые юристами Общего права. Так, в вопросе о путях совершенствования использования основных правовых максим, Финч обращает внимание на то, что законотворчество монархии — исключительный инструмент, опосредующий и адаптирующий общие правовые принципы к индивидуальным ситуациям и конкретным историческим условиям. Именно такое право следует называть «общим», поскольку основывается оно на общих для человечества «золотых и священных принципах разума», а в конкретной стране актуализируется монархом при общем согласии государя и его подданных. Следовательно, заблуждаются теоретики Общего права, неверно толкующие термин. Общее право — явление не специфически английское; оно формируется в достославные времена расцвета Римской империи и приходит в Англию через Глэнвилла и Брактона; англичане же усваивают его через королевское законодательство и собственные прецеденты. Если рассмотреть структуру трактата Финча, то становится понятным, насколько важно для него продемонстрировать важность как прецедентов, так и статутного права. Возведение же Общего права к истории Римской Империи позволяет цивилистам обратиться к теме, занимавшей умы большинства стюартовских теоретиков теоретиков — позиционированию Англии как империи.

По мнению А. Гамбаро, традиционное различие, проводимое между «общим» и «цивильным», т.е. кодифицированным гражданским правом, во многом обязано своим возникновением «соблазну историзма» и в большой степени является искусственным. Оба направления возможно рассматривать как компоненты единой западной юридической традиции. «Юристы создали два различных способа по проек-

тированию юридических конструкций, но в конечном счете предназначение постройки одно и то же, и социальная роль права практически одинакова во всем западном мире».²⁰

Примечания

¹ Статья подготовлена в рамках проекта «Раннестюартовская монархия: институты, политическая идеология и церемониал» при поддержке РГНФ (грант № 09-01-00316а)

² Подробнее см., например, H.J. Berman. The Origins of Historical Jurisprudence: Coke, Selden, Hale // The Yale Law Journal, V. 103, No. 7 (May, 1994). P. 1651–1738.

³ Кондратьев С.В. Юристы в предреволюционной Англии. Шадринск, 1993. Круг цитируемых авторов-юристов был расширен в монографии: Кондратьев С.В. Идея права в предреволюционной Англии. Тюмень, 1996.

⁴ См., напр., Baker J.H. The Law's Two Bodies: Some Evidential Problems in English Legal History (Clarendon Law Lectures). Oxford University Press, 2001; Baker J.H. Monuments of Endlesse Labours: English Canonists and their Work, 1300–1900. L., 2003.

⁵ Knafla L.A. Law and Politics in Jacobean England: the Tracts of Lord Chancellor Ellesmere. Cambridge University Press, 1977; Shapiro B. Sir Francis Bacon and the Mid-Seventeenth Century Movement for Law Reform // The American Journal of Legal History, V. 24, No. 4 (Oct., 1980), P. 331–362; Shapiro B. Law Reform in 17th Century England // American Journal of Legal History. 1975. V. 19. P. 280–312.

⁶ Согомонов А.Ю., Уваров П.Ю. Открытие социального: парадокс XVI века. // Одиссея. 2001. С. 199–216.

⁷ Selden J. Dissertation of John Selden annexed to Fleta. L., 1771. P. 243.

⁸ Coke, Edward. The Institutes of the laws of England, concerning the Jurisdiction of Courts. L., 1644.

⁹ Selden J. Dissertation of John Selden annexed to Fleta. L., 1771. P. 242.

¹⁰ Coke, Edward. The Institutes of the laws of England, concerning the Jurisdiction of Courts. L., 1644.

¹¹ Idid. P. 39.

¹² Idid. P. 40.

¹³ Idid. P. 41.

¹⁴ The English Works of Sir Henry Spelman, Kt., Published in his Lifetime; together with his Posthumous works relating to the Laws and Antiquities of England. / Ed. by Edmund Gibson, Bishop of London. L., 1723.

¹⁵ Selden J. Titles of Honor. L., 1672.

¹⁶ Lancaster C. «Learned, Judicious and Laborious» Gentlemen: Collectors of genealogies and Gentry Histories in Later Seventeenth-Century England // LIMINA. 1999. V. 5. P. 76–92.

¹⁷ C.M. Guterbock C. Bracton and his relation to Roman Law. Littleton, 1979.

¹⁸ Selden J. Dissertation of John Selden annexed to Fleta. L., 1771.

¹⁹ Finch H. Law, or a Discourse Thereof. L., 1759. P. 74.

²⁰ C.A. Cannata, A. Gambaro. Lineamenti di storia della giurisprudenza europea. V. 2. Torino, 1989. P. 130

Федоров С.Е.

Несостоявшаяся финансовая реформа яковитского хаусхолда¹

В начале XVII в. Хаусхолд как один из трех основных подразделений королевского двора сохранял черты структурных преобразований, осуществленных в 1471 и 1526 годах соответственно, продолжая обеспечивать за счет личных средств монарха ежедневные коллективные трапезы для венценосной семьи и 70–80 придворных. Гофмаршальская контора, возглавляемая лордом-гофмаршалом², осуществляла руководство этим подразделением и включала придворного казначея, гоффмара³, придворного распорядителя финансов и гоффмейстера, в обязанности которых входила организация подобных трапез, а также повседневный контроль над деятельностью более двадцати субдепартаментов⁴, обеспечивавших подобные коллективные застолья. Контора ведала также снабжением двора продовольствием и таким образом реализовывала преимущественное право короля на закупку продуктов питания по фиксированным и достаточно низким ценам.

С момента своего возникновения Хаусхолд во многом функционально напоминал дворы английской знати, но был значительно больше, продолжая оставаться наиболее значительным, «важнейшим из всех домов Англии», как называли его ордонансы Эдуарда IV или же «зеркальным отражением» всех вместе взятых дворов королевства, как утверждали регламенты Генриха VIII.⁵ Подобно провинциальным дворам знати, тюдоровский Хаусхолд воплощал широко распространенные в средние века принципы гостеприимства⁶ и тем самым обеспечивал пространственно и территориально необходимую связь между монархом и его подданными. Он уступал

по размерам королевскому двору Франции, но в отличие от последнего, лишенного уже в XV в. практики даровых коллективных трапез, последовательно поддерживал многовековую традицию.⁷

Воцарение Стюартов на английском троне, как известно, сопровождалось настойчивым желанием новой династии модифицировать придворные устои, покоившиеся, как полагал Яков I, на «консерватизме» Тюдоров. Помимо прочих преобразований, новый монарх намеревался пересмотреть унаследованную от предшественников практику даровых коллективных трапез. При этом подобные трапезы сохраняли в его представлениях прежнюю консолидирующую монарха и его придворных функцию. Изменению должны были подвергнуться лишь механизмы, обеспечивающие их реализацию. Очевидно, отдававший предпочтение континентальной традиции, Яков I намеревался уже осенью 1603 г. заменить практику соответствующих отчислений из личных средств монарха регулярными ежегодными дотациями из королевской казны в форме столовых денег для придворных, занимавших ординарные должности. Подобные отчисления должны были осуществляться звонкой монетой. Должностное лицо получало право свободно распоряжаться выплачиваемой ему суммой, покрывая необходимые расходы на ежедневное пребывание при дворе сообразно собственным желаниям и предпочтениям. Организованные таким образом дотации должны были со временем превратиться в своеобразную форму добавки к явно не дотягивавшему до размеров континентального жалования придворных. При этом практика, связанная с преимущественным правом короля на закупку продуктов питания по фиксированным низким ценам, оставалась неизменной: придворные, в конечном счете, оплачивавшие свои трапезы с королем за счет дотаций и далеко не по той цене, по которой закупались предназначенные для этого продукты, обеспечивали монарху удачно скрытый дополнительный доход.

Намеченные Яковом I изменения уже в 1604 г. активно дебатировались в нижней палате парламента. Соглашаясь вотировать ежегодные отчисления для содержания должностных лиц при дворе, общины предлагали монарху отказаться от предпочтительного права на закупки продовольствия, предназначавшегося для королевской семьи и придворных, в пользу ежегодной парламентской субсидии, покрывавшей подобные расходы. Общины уже давно обсуждали традиционные феодальные прерогативы английской короны и не раз высказывались за их отмену. В отношении «льгот» на закупку продовольствия их воодушевлял опыт ряда графств, которые добились еще от Эдуарда VI освобождения от этой, «столь обременительной повинности», заменив ее ежегодной денежной композицией.⁸ Более того, практика продовольственных закупок по фиксировано низким ценам, распространявшаяся на территорию других графств, по мнению нижней палаты, продолжала нарушать предписания средневековых статутов, запрещавших торговлю по ценам, которые были ниже средних рыночных.⁹ Очевидно, что сама перспектива сделать подобные композиции общеобязательными и объединить образующиеся в результате этого средства в одну из форм вотируемой субсидии виделась общинаам наиболее желательной.¹⁰

Было бы ошибочным утверждать, что позиция нижней палаты полностью противоречила замыслу нового короля. В условиях финансового дефицита Яков I, заинтересованный в упорядочивании его личных денежных поступлений, стремился превратить их, по меньшей мере, в достаточные и регулярные. В этом смысле практика ежегодных фиксированных дотаций решала важнейшую часть стоявшей перед короной задачи: субсидии гарантировали регулярность поступлений. Сомнения у Якова I могли возникать по поводу размера самих композиций, который был в состоянии вотировать парламент. Члены нижней палаты, защищавшие интересы локальных сообществ, были недовольны даже рас-

ходами на содержание весьма скромного по размерам елизаветинского двора, считая их чрезмерными. При этом годовая сумма в 45 тысяч фунтов, как известно, максимальная для обеспечения ближайшего окружения монарха в конце XVI века, не покрывала затрат на закупку провианта по рыночным ценам для значительно более многочисленного яковитского двора.¹¹

Вероятность успешной сделки с парламентом осложнялась позицией Роберта Сесила — одного из ближайших сподвижников короля в финансовых преобразованиях. Сесил также как и сам король был убежден в необходимости преобразования финансовых механизмов двора, но в отличие от Якова I придерживался иного рода стратегии, полагая, что успех подобных преобразований будет во многом зависеть от сокращения всех статей личных расходов монарха. Помимо этого, его планы простирались значительно глубже, чем исходная позиция короля: реформа придворных финансов должна была стать частью более обширных изменений во всей системе королевских финансов. Яков I в случае удачного компромисса с парламентом рассчитывал на быстрый эффект. Сесил же осознавал реальность поэтапных уступок и затяжной характер переговоров с общинами.

Осенью 1604 г. по инициативе Сесила корона заявляет о продаже всех своих прав на сбор таможенных пошлин сроком на три года. В этом новом для английской монархии начинании¹² нижняя палата выступала главным посредником в определении списка возможных контрактантов и весьма удачно использовала открывшиеся перспективы для материализации своих собственных финансовых интересов. Как покажет время, контракция таможенных пошлин обеспечит короне стабильно возрастающие композиции, а многие члены нижней палаты получат ощутимую прибыль.

Расчет Сесила был достаточно прост: традиционная дилемма, стоявшая перед нижней палатой, в который раз долж-

на была решиться определенным образом, а чаша весов склониться в пользу короля и в ущерб локальным сообществам, интересы которых обшины, как известно, представляли. Ведомые таким образом парламентарии станут покладистыми, а исход дебатов будет предрешен. Возобновляемые каждые три года контракции на сбор таможенных пошлин, не только стали одним из наиболее успешных финансовых проектов Сесила, но и наряду с расширяющейся практикой композиций должны были обеспечить переход к следующему этапу финансовых реформ, вошедших в историю под названием Большого контракта.

Внешний контроль над королевскими финансами, согласно контракту, передавался парламенту. Управление и внутренний контроль оставался за Казначейством. Вотируемые парламентом субсидии составляли оперативный механизм такого контроля. Они должны были, с одной стороны, поэтапно погасить все долговые обязательства английской короны, составлявшие к началу 1610 г. сумму в 300 тысяч фунтов. С другой — надлежащим образом обеспечить жизнедеятельность королевской семьи и ее ближайшего окружения, то есть покрыть сумму равную 200 тысячам фунтов.

Основным источником денежных поступлений должна была стать уже опробованная к этому времени система контракций, позволявшая частным лицам на основе срочной аренды управлять финансовыми потоками, связанными с реализацией прерогативных прав английской короны. Нижняя палата получала не только исключительное право определять персональный состав арендаторов, но и сама превращалась в основного контрактанта.

В качестве гарантий за вотирование субсидий на содержание придворных должностей, проект предлагал поэтапную передачу контрактантам права на получение платежей от королевского права опеки, предусматривающую ежегодные денежные компенсации за отказ короля от его реали-

зации. Вопрос о замене других прерогатив фиксированными дотациями или композициями оставался открытым, но Сесил обещал расширить практику контракций, распространив ее действие на так называемые новые импозиции, а также прерогативы, связанные с существованием королевского домена. Предпочтительное право короля на продовольственные закупки с самого начала не попадало под действие контракций.¹³

Трудно судить о том, какие обстоятельства стали решающими в провале Великого контракта.¹⁴ Предлагаемые Сесилом уступки были продуманы и хорошо увязаны с потребностями того времени. Практика контракций таможенных пошлин удачно дополнялась перспективами передачи на откуп новых импозиций: открывающиеся в этой связи возможности распространяли действие финансового контроля парламента на всю систему внутренней и внешней торговли. Контроль над контракцией королевского права опеки был достаточно выгодным мероприятием, а концентрация финансовых потоков, связанных с управлением доходами от земель королевского домена наврядли внушала подозрения общинам.

Очевидно, проблема заключалась в позиции короля, который, несмотря на видимые преимущества реформы, предпочел припираться с общинами по поводу размеров ежегодных субсидий, рассчитывая каждый раз на их увеличение. Особую роль сыграла его позиция в отношении права на продовольственные закупки. Как представляется, в сознании общин ежегодные компенсации на содержание придворного штата напрямую увязывались с отказом короля от этой прерогативы.

Так или иначе, но финансовая реформа двора не состоялась. Яков I, стремившийся взять реванш, отказался от критики «консерватизма» Тюдоров и стал настаивать на необходимости сохранения традиций. Практика даровых коллективных трапез осталась неизменной.

Примечания

¹ Статья написана при финансовой поддержке РГНФ (грант 09-01-00316а)

² При Стюартах эта должность длительное время оставалась вакантной: назначения осуществлялись только для 1615–1625, 1626 и 1660–1688 годов.

³ Исполнял обязанности главы департамента в период, когда должность лорда-гофмаршала оставалась вакантной.

⁴ Речь идет о придворных службах, хранивших продукты и готовивших еду; штат этих субдепартаментов насчитывал более 500 человек. См. подробнее: Англия XVII века: Социопрофессиональные группы и общество / Под ред. С.Е. Федорова. СПб., 1997. С. 20.

⁵ Starkey D. The Age of Household, c. 1350–1550 // The Later Middle Ages / Ed. by S. Medcalf. London, 1981. P. 225; Eltham Ordinances, 1526 // A Collection of Ordinances and Regulations for the Royal Household. London, 1790. P. 146.

⁶ Федоров С.Е. *Ius hospitii* при провинциальных дворах раннестюартовской аристократии // Средние века. 1997. Вып. 60. С. 399–408

⁷ Solnon J.-F. La Cour de France. Paris, 1987. n. 21.

⁸ При Эдуарде VI право на композиции получили лишь несколько центральных графств. Елизавета, значительно расширив эту практику, распространяла ее и на северные графства. Об этом подробнее: Woodworth A. Purveyance for the Royal Household in the Reign of Queen Elizabeth // Transactions of the American Philosophical Society. New ser. V. XXXV. Part I. 1945. P. 39–52.

⁹ Идея о незаконном характере этой прерогативы была, главным образом, связана с действиями самих закупщиков. Известно, что многие из них закупали продукты в большем количестве, чем того требовали реальные потребности двора, а затем реализовывали излишки, оставляя себе вырученные от продаж деньги. Страдали не только местные рынки, но и внутренняя торговля в целом: мелкие производители несли невосполнимые убытки. Нижняя палата утверждала о существовании 36 подобных статутов, значительная часть из которых к концу XVI века либо уже вышла из употребления, либо «стерлась» в правовом сознании англичан. Les Reportes del Cases in Camera Stellata / Ed. by W.P. Baildon. London, 1894.

P. 249. Lindquist E. The Bills against Purveyors // Parliamentary History. V. 6. 1985. P. 35–43.

¹⁰ Подобные предложения поступали от общин достаточно регулярно в 1606 и 1610 г. соответственно. Более подробно об этом: Seddon P. Household Reforms in Reign of James I // Bulletin of the Institute of Historical Research. V. 53. 1980. P. 45–46; Croft P. Parliament, Purveyance, and the City of London, 1589–1608 // Parliamentary History. V. 4. 1985. P. 12–13, 15; Lindquist E. The King, the People and the House of Commons: the Problem of Early Jacobean Purveyance // Historical Journal. V. 31. 1988. P. 557–559.

¹¹ Общие расходы яковитского хаусхолда в 1604 г. составили сумму в 100 тыс. фунтов, превысив более чем в два раза ежегодные расходы елизаветинского двора. Royal Historical Manuscript Commission. Calendar of the Manuscripts of the Most Hon. the Marquises of Salisbury, preserved at Hatfield House, Hertfordshire. 18 vols. London, 1883–1940. V. XVI. P. 79; Lindquist E. The King, the People and the House of Commons... P. 560.

¹² Продажа прав на сбор таможенных пошлин в отдельных графствах и портовых городах практиковалась и при Тюдорах, но такого масштаба, как при Стюартах, они никогда не достигала. Яков I, а затем и его наследники будут активно использовать эту практику для пополнения королевской казны.

¹³ Предложения Сесила изложены: A Collection of Treatises of Robert Cecil / Ed. by P. Croft. Camden Society. 4th ser. V. 34. P. 278–280.

¹⁴ Proceedings in Parliament, 1610 / Ed. by E. Foster. 2 vols. New Haven, 1966. V. 1. P. 140–143.

Кулешова Е.В.

К вопросу о публикации и изучении письменного наследия Ж.-Б. Боссюэ

XVII век в истории Франции отмечен целой плеядой выдающихся мыслителей, философов, ученых и писателей. Одним ярких и значительных среди них был Жак-Бенинь Боссюэ (1627–1704 гг.) — придворный проповедник, епископ Кондома и Мо, воспитатель дофина, историк и политик, автор богословских трактатов, проповедей и надгробных речей. Наследие Боссюэ огромно, его полное собрание сочинений насчитывает десятки томов. Боссюэ осмысливал политические, теологические и интеллектуальные изменения, происходившие в XVII в. Его общественно-политические, исторические и религиозные взгляды отразили взаимосвязь между развитием общественно-политической мысли и социально-политической эволюцией французского общества и государства.

Судьба письменного наследия Боссюэ оказалась непростой, как и сама человеческая история за последние более чем три столетия, прошедшие после его смерти. Долгое время личность и труды Боссюэ интересовали, прежде всего, исследователей, имеющих духовный сан. Боссюэ ещё при жизни был удостоен почётного звания «отца Церкви», поэтому особым вниманием пользовались его религиозно-нравственные трактаты, проповеди, надгробные речи. Первым, кто взял на себя труд изложить биографию Боссюэ, дать оценку его личности и проанализировать его работы, был аббат Ле Дье. В течение двадцати лет он служил у Боссюэ секретарём. Название сочинения Ле Дье говорит само за себя: «Мемуары и дневник о жизни и трудах Боссюэ».¹ С одной стороны оно, несомненно, выступает в качестве исторического источника,

с другой стороны — носит исследовательский характер. Последнее обстоятельство позволяет увидеть в Ле Дьё первого исследователя личности и творчества Боссюэ. Ле Дьё поступил на службу к Боссюэ в 1684 году и с тех пор всюду его сопровождал, редактировал его сочинения. Ле Дьё составил мемуары, основываясь, в том числе, на рассказах самого Боссюэ. В 1699 году он начал вести дневник, в котором описывал всё, что делал Боссюэ каждый день вплоть до своей смерти. В итоге заметки Ле Дьё составили четыре тома. В первый вошли мемуары аббата, посвященные биографии епископа и описанию его трудов, охватывающие период с 1627 по 1704 год. Второй составил собственно дневник аббата с 1699 по 1703 год. Третий и четвёртый описывают события до 1713 года, то есть уже после смерти Боссюэ. «Мемуары» Ле Дьё интересны тем, что написаны человеком, постоянно находившимся при Боссюэ и хорошо его знавшим. Сам Боссюэ не оставил воспоминаний, но очень многое Ле Дьё записывал с его слов. Поэтому его воспоминания приобретают особую ценность, так как содержат уникальные сведения, позволяющие нам оценить, как Боссюэ и его секретарь характеризовали современные им события, в которых они были не просто сторонними наблюдателями, но и непосредственными участниками.

Впоследствии эта работа была положена в основу многих биографий епископа, написанных, прежде всего, кардиналом Л.Ф. Боссе², Ж.Ж.Е. Руа³, А.П. Флоке. Последний выпустил две книги, посвящённые жизни и трудам Боссюэ: первая охватывает период с 1627 по 1670 год⁴, вторая — с 1670 по 1682 год⁵.

В XVIII веке, благодаря сбору рукописей Боссюэ, было опубликовано значительное число его ораторских произведений, вызвавших у публики большой интерес. И, естественно, появились работы, посвящённые проповеднической деятельности епископа. Среди них труды В. Вайяна⁶, Ж.-С. Мори⁷, Е. Гандара⁸. Гандар в предисловии к своей работе рассказы-

вает об истории издания трудов Боссюэ. Первая часть его исследования охватывает период с 1643 по 1658 гг., когда Боссюэ ещё учился в Наваррском колледже, а потом служил священником в Мезе. Вторая посвящена периоду с 1659 по 1662 гг., когда Боссюэ начал читать проповеди в столице и при дворе.

Что касается общественно-политических взглядов Боссюэ, то в XVIII в. они оказались невостребованными. В эпоху Просвещения был совершен качественный скачок в осмысливании общественно-политической и религиозной жизни Франции. Век Просвещения отверг абсолютную монархию, основанную на божественном праве, утвердив монархию, основанную на разуме. Взгляды Боссюэ подверглись жесткой критике со стороны просветителей. Именно в полемике с Боссюэ складывались общественно-политические и исторические идеи Монтескье и Вольтера, стремившихся отыскать в истории не божественные, а естественные законы.

В XIX в. происходит возрождение идеалистических теорий, связанное с определённым разочарованием в рационалистических концепциях. Боссюэ начинает вызывать интерес не только как католический деятель, проповедник, оратор, автор трактатов религиозно-нравственного содержания. Внимание привлекают его философия истории и общественно-политические взгляды, развенчанные просветителями. В поле зрения исследователей попадают все, без исключения, аспекты творчества Боссюэ. Г. Лансон⁹, А. Ребельо¹⁰, Ф. Брюнетьер¹¹, Бремон¹² стремились дать наиболее полную характеристику личности Боссюэ, его философским, религиозным, историческим и политическим взглядам. Однако они не прослеживали их в общем контексте развития европейской общественно-политической мысли и не связывали с политической историей Франции. Главное внимание они уделили христианской составляющей воззрений Боссюэ. Тем не менее, ими предпринята попытка комплексно рассмотреть на-

следие Боссюэ, подчеркнуть его значение для французской культуры.

В XIX в. многие аспекты старого режима (*l'Ancien Régime*) в работах историков Жюля Мишле¹³, Южена Боннемера¹⁴, Эрнеста Море¹⁵ получили негативную оценку. Таким образом, общественно-политическая теория Боссюэ, в силу своей направленности на поддержку монархии Людовика XIV, не вызывала сочувствия и в целом не подвергалась объективному анализу. Тем не менее, сочинения Боссюэ привлекали внимание не только своим содержанием, но и строгостью стиля, точностью метафор. Читатели всё больше ценили литературный дар Боссюэ, его вклад в развитие французского языка и культуры. Как следствие, появляются труды, посвящённые данной стороне таланта Боссюэ. Среди них работа А. Летелье¹⁶. Г. Лансон включает статью о Боссюэ в первый том своего двухтомника «История французской литературы», почти сразу же переведённого на русский язык¹⁷.

Во второй половине XX века во французской историографии происходит отход от чрезмерно обобщённого взгляда на наследие Боссюэ. Исследователи концентрируются на отдельных аспектах его творчества, подвергая его труды более серьёзному, углубленному анализу. Начинается детальное изучение философских взглядов Боссюэ, с прояснением значения употребляемых им терминов, смысла, который он вкладывал в те или иные понятия. Ж. Ле Брюн выпустил книгу, где главное внимание уделяется понятию «духовность» в философии Боссюэ¹⁸. Всё больший интерес вызывают антропология Боссюэ, его восприятие человека как части огромного живого мира, где всё взаимосвязано. Рассматриваются искания Боссюэ в области человеческой психологии, его рассуждения о душе, о внутренних переживаниях людей. Тереза Гуайе заострила своё внимание на исследовании гуманистических аспектов в системе взглядов Боссюэ.¹⁹ Выходят работы, посвящённые ораторской деятельности Бос-

сюэ, анализу его проповедей, панегириков, как, например, у Ж. Трюше.²⁰

Во второй половине XX века, с появлением новых подходов к осмыслинию событий прошлого, специалисты отошли от идеологизированного восприятия абсолютной монархии и задумались об её истинном значении для Франции XVII века. Появляются работы Робера Мандру²¹, Пьера Губера²², Лё Руа Ладюри²³, Франсуа Блюша²⁴, написанные с привлечением огромного количества источников, позволяющих в значительной мере по-новому взглянуть на абсолютную власть и, следовательно, лучше понять общественно-политическую теорию Боссюэ. В этих трудах абсолютной монархии отводится, безусловно, положительная роль во французской истории и взгляды Боссюэ рассматриваются как наиболее полно отвечающие вызовам своего времени.

В наши дни личность и наследие Боссюэ по-прежнему интересуют исследователей. Во Франции в Монпелье существует «Ассоциация друзей Боссюэ», основанная в 1925 году. Она объединяет в основном историков, занимающихся изучением наследия Боссюэ и публикацией его работ. Сегодня её членами являются 80 исследователей. Долгое время президентом этой ассоциации была Тереза Гуйе, теперь её возглавляет Жерар Феррейроль. С 1931 года ассоциация выпускает ежегодник «Bulletin des amis de Bossuet», в котором публикуются последние разработки учёных, занимающихся исследованием деятельности и письменного наследия Боссюэ.²⁵

В России к наследию Боссюэ обратились в царствование Екатерины II. Появились неполные переводы «Политики, написанной на основе слов, извлечённых из Священного Писания» и «Рассуждения о всеобщей истории», посвящённые наследнику престола Павлу. Позднее были переведены несколько надгробных речей Боссюэ. Тем не менее, исследователи к его сочинениям чаще всего обращались лишь с точки зрения их религиозно-нравственного значения. Большим

вниманием пользовались ораторские произведения Боссюэ, отражавшие его христианскую позицию. Боссюэ был католиком и, естественно, подвергался критике с точки зрения православного вероучения, но его заслуги перед христианским миром никогда не отрицались. В 1888 году в Петербурге вышла монография православного священника И.И. Панова, посвящённая проповеднической деятельности Боссюэ.²⁶ И.И. Панов, опираясь на труды французских исследователей, в том числе Е. Гандара, осуществил анализ ораторских произведений Боссюэ, указав их общехристианскую ценность. И.И. Панов является единственным российским исследователем, создавшим монографический труд о Боссюэ, остальные авторы ограничивались отдельными статьями и публикациями. В 1868 году в трудах Киевской духовной академии появилась статья М. Лебедева «Боссюэт, епископ Мосский, и значение его для Католической Церкви во Франции»²⁷. М. Лебедев изложил основные этапы биографии Боссюэ и сделал краткий обзор его сочинений. По этому же пути пошёл Н. Денисюк, опубликовавший в журнале «Отдых христианина» статью «Жак Бенин Боссюэ».²⁸ Оба автора в основном опирались на упомянутые монографии французских историков Г. Лансона и А. Ребельо. В 1898 году в Петербурге был опубликован доклад А.П. Лопухина, прочитанный им на торжественном заседании Санкт-Петербургской духовной академии 24 февраля 1892 года.²⁹ Он посвящён рассмотрению исторических взглядов Августина Блаженного и Боссюэ, с помощью которых Лопухин стремился доказать присутствие в истории божественного промысла. Доклад, по словам автора, являлся ответом на материализм, охвативший духовную жизнь Европы, а также реакцией на пессимизм, провозглашённый очень популярным в то время А. Шопенгауэром.

Что касается общественно-политических взглядов Боссюэ, то они интересовали не столько христианских авторов, обращавших внимание на религиозную сторону деятельности Боссюэ, сколько историков, исследовавших проблему фран-

цузского абсолютизма. Однако специальных монографий, посвящённых анализу общественно-политических трудов Боссюэ и его государственной деятельности, в отечественной историографии не появилось. Российские историки, как и зарубежные, интересовались развитием общественно-политических идей, связанных с усилением королевской власти во Франции. Их анализ осуществлялся, как правило, в общих трудах по истории французской монархии или политических институтов Нового времени. Французская модель королевской власти и возникавшие в связи с ней во Франции общественно-политические теории вносили большую новизну в европейские идеологические течения. Среди отечественных историков, проявивших интерес к развитию французской общественно-политической мысли XVII века, выделяются имени Н.И. Кареева, П.Н. Ардашева, А.Н. Савина. Н.И. Карееву принадлежат две работы, в которых он подробно изучает Старый порядок, характеризует двор, армию, финансы, судопроизводство и называет имена важнейших теоретиков абсолютистской монархии, в том числе и Боссюэ. Одна из них — «История Европы»³⁰ в семи томах, вторая — «Западно-европейская абсолютная монархия XVI–XVIII вв.»³¹. В подобном ключе написана и работа П.Н. Ардашева.³² Он, подобно Н.И. Карееву, рассматривал, прежде всего, связь общественно-политической теории Боссюэ с господствовавшими в тот период в обществе представлениями о монаршей власти, государстве и реальной политической практикой. Немалый интерес представляет монография А.Н. Савина «Век Людовика XIV»³³ — посмертное издание его лекций по истории Франции второй половины XVII – начала XVIII вв. В главе, посвящённой политической литературе указанного периода, А.Н. Савин рассматривает Боссюэ как одного из самых видных теоретиков французского абсолютизма. Савин кратко анализирует общественно-политические взгляды Боссюэ и указывает на то, что они во многом совпадали с системой взглядов Людовика XIV. Место доктрины Боссюэ в эволюции тео-

рии «общественного блага» рассматривал М.А. Рейснер.³⁴ По его мнению, в системе взглядов Боссюэ понятию «общественное благо», как конечной цели любого правительства и государства, уделялось особое внимание.

В советский период личность Боссюэ и его труды, в целом, не привлекали внимание отечественных историков, о нём практически забыли. Тем не менее, Е.А. Косминский включил статью, посвящённую историческим и политическим воззрениям Боссюэ, в свою «Историографию средних веков».³⁵ Он оценил их критически, назвав «беспомощными и наивными»³⁶, но не отрицал влияние взглядов Боссюэ на развитие европейской исторической и общественно-политической мысли.

В наши дни интерес к Боссюэ в российской историографии возрождается. Отдельных монографий о нём пока не появилось, но выходят статьи и защищаются диссертации. В 1997 году в Санкт-Петербургском государственном университете К.Ю. Самойлович защитила диссертацию на соискание ученой степени кандидата филологических наук на тему «Надгробные проповеди Боссюэ (проповедь как литературный жанр)».³⁷ В этом филологическом исследовании надгробные проповеди Боссюэ анализируются в связи с общей историей развития проповеди во Франции, с влиянием эстетики классицизма и в соотношении с политическими, историческими и религиозными взглядами Боссюэ. Во второй главе диссертационного исследования рассматриваются исторические и общественно-политические взгляды Боссюэ. К.Ю. Самойлович попыталась связать общественно-политические взгляды Боссюэ с политической историей Франции и представить их в контексте развития европейской общественно-политической мысли. У К.Ю. Самойлович вышел ряд статей, отражающих основные положения её диссертации.³⁸ В 2001 году М.М. Фёдорова выпустила небольшую книгу³⁹, в основу которой положен курс лекций по истории политической философии, прочитанный ею в Государственном уни-

верситете гуманитарных наук в Москве. Дав краткий обзор развития политической философии, начиная с античных философов и заканчивая Гегелем, М.М. Фёдорова не забыла и о Боссюэ, включив его в раздел «Политическая философия XVII века». Она посчитала необходимым рассказать о самом видном идеологе французской абсолютной монархии и его общественно-политической доктрине, которую она определила как «теократический абсолютизм». По мнению М.М. Фёдоровой, взгляды Боссюэ оказали огромное влияние на современное ему общество.

Подводя итог, следует подчеркнуть, что на сегодняшний день творческое наследие Ж.-Б. Боссюэ, его общественно-политические и исторические взгляды, государственная и общественно-религиозная деятельность мало изучены отечественными исследователями, в то время как в трудах французских историков они уже давно стали предметом специального и комплексного исследования.

Говоря о восприятии и изучении трудов Боссюэ, следует затронуть вопрос о том, в каком виде его письменное наследие было представлено в исследовательской традиции, когда и кем осуществлялись наиболее значимые публикации его сочинений. Впервые собрание сочинений Боссюэ в десяти томах было опубликовано в Венеции в 1736–1757 гг.⁴⁰ Спустя семь лет после начала работы над венецианским изданием в 1743 году публикацию сочинений Боссюэ в Париже предпринял Г.-Л. Перо.⁴¹ Она была завершена в 1753 году и включала в себя 20 томов. В 1772–1778 гг. бенедиктинцы аббат Клод Лекё, Дефори и Кониак осуществили новое издание собрания сочинений Боссюэ.⁴² Для подготовки публикации ими использовались как уже напечатанные работы Боссюэ, так и оригинальные рукописи, благодаря чему издание пополнилось большим количеством ранее неопубликованных сочинений. Одним из самых полных изданий работ Боссюэ считается версальское, содержащее сорок три тома.⁴³ Над ним с 1815 по 1819 год трудились аббаты д'Оберив и Карон.

Первое научное издание полного собрания сочинений Боссюэ было предпринято Ф. Лаша в 1862–1866 годах.⁴⁴ Оно насчитывает тридцать один том. Ф. Лаша, с помощью изучения и сопоставления текста оригинальных рукописей, заился целью очистить ранее опубликованные труды Боссюэ от неточностей, а также искажений и интерполяций, то есть изменений, внесённых в первоначальный текст. Такую же тщательную работу с привлечением оригинальных рукописей Ф. Лаша проделал при подготовке к публикации впервые издававшихся им сочинений Боссюэ. В XX веке полное собрание сочинений Боссюэ не публиковалось ни разу. В 1961 году аббат Б. Вела и И. Шампайе осуществили выборочное издание его работ.⁴⁵ В него вошли надгробные речи, панегирики, «Рассуждение о всеобщей истории», проповеди и «Отношение к квииетизму». Вместе с тем, отдельные сочинения Боссюэ на протяжении всего XX века публиковались многократно. Таким образом, публикация сочинений Боссюэ, подготовленная Ф. Лаша, до сих пор остается наиболее полной научной публикацией наследия Боссюэ.

Для изучения общественно-политических взглядов Боссюэ цennыми источниками являются его трактаты «Политика», написанная на основе слов, извлеченных из Священного Писания» и «Рассуждение о всеобщей истории». Указанные сочинения отражают систему ценностей и ход мысли Боссюэ, позволяют рассмотреть его представления о государстве и обществе. Оба трактата, наряду с «Историей Франции»⁴⁶ и философскими сочинениями, такими как «Логика»⁴⁷, «Познание Бога и самого себя»⁴⁸, были написаны для Людовика Французского, сына Людовика XIV, наставником которого Боссюэ был почти десять лет. «Рассуждение о всеобщей истории» и «Политика» преподавались наследнику на завершающем этапе обучения. Замысел и содержание этих трудов не ограничивались утилитарными учебными задачами.

«Политика» была написана с целью раскрыть перед дофином политическую науку, описать происхождение, приро-

ду власти, в частности королевской. В ней Боссюэ в логической последовательности изложил аргументы, способные послужить обоснованию и защите абсолютной монархии. Этот труд можно считать квинтэссенцией его социально-политических идей. «Политика» составлялась в 1670-е годы, когда Боссюэ написал шесть первых книг. Между 1700 и 1704 годом она была исправлена и дополнена ещё четырьмя книгами. Тем не менее, Боссюэ так и не смог довести работу до конца. «Политика» не имеет заключения, кроме того, она писалась в два приёма через большой промежуток времени, поэтому её нельзя рассматривать как целостное произведение. После смерти Боссюэ в 1704 году все его бумаги перешли в руки его племянника, епископа Труа, носящего имя своего знаменитого дяди — Жак-Бенинь Боссюэ. В числе этих бумаг находилась и «Политика», которую племянник опубликовал в 1709 году в разгар войны за испанское наследство.⁴⁹ В сложный для Франции военный период развернулась критика Людовика XIV и методов его правления. Сочинение Боссюэ помогло поддержать авторитет абсолютной монархии. «Политика», вышедшая в 1709 году, была без изменений переиздана в 1710 и 1714 годах.⁵⁰ В 1721 году она вышла в Брюсселе.⁵¹ В дальнейшем «Политика» входила во все полные собрания сочинений Боссюэ. В 1966 году издание «Политики» осуществил Жак Трюше, признанный знаток творчества Боссюэ, посвятивший ему не одну монографию.⁵² Через год «Политику», снабдив её предисловием и комментариями, опубликовал известный специалист по истории Нового времени Жак Ле Брён.⁵³ В 2003 году увидело свет последнее на сегодняшний день издание «Политики». Оно воспроизводит текст «Политики», опубликованной Ф. Лаша в полном собрании сочинений Боссюэ в 1864 году.⁵⁴

В русском переводе священника Морского Богоявленского Собора Ивана Иванова первые шесть книг «Политики» появились в 1802 году⁵⁵, вторая же часть труда Боссюэ так и

не была переведена. Это единственное издание «Политики» на русском языке.

«Рассуждение о всеобщей истории» задумывалось Боссюэ с целью дать дофину не только необходимые знания о ходе истории, но и объяснить, что ею движет, что лежит в основе мира, каковы причины величия и падения империй, для того чтобы наследник мог извлечь полезные уроки для своего правления. Кроме того, «Рассуждение» резюмирует теологию Боссюэ, поскольку сосредотачивает в себе главные аргументы, которые может выставить католик против «вольнодумцев», протестантов и критиков. «Всеобщая история» состоит из трёх частей и охватывает период от сотворения мира до эпохи Карла Великого. Она вышла в свет в 1681 году⁵⁶, то есть почти сразу после своего написания и тут же привлекла к себе всеобщее внимание. Её стали изучать во французских католических школах, как классическое произведение. В 1682, 1691 и 1703 гг. появились второе, третье и четвёртое издания «Всеобщей истории» Боссюэ.⁵⁷ На рубеже веков Боссюэ собирался дописать свою «Всеобщую историю» до времён Людовика XIV, но многочисленные заботы постоянно отвлекали его от этого занятия. Он успел лишь набросать хронологию исторических событий, не углубляясь в рассмотрение причинно-следственных связей. Его племянник, Жак-Бенинь Боссюэ, попытался закончить труд дяди, доведя повествование до 1721 года. Последние наброски Боссюэ, доработанные племянником, появились в печати под названием четвёртой части «Всеобщей истории». Однако при их рассмотрении сложно установить, что принадлежит перу самого Боссюэ, а что дописал его племянник. «Всеобщая история» многократно переиздавалась как отдельно, так и в составе полных собраний сочинений Боссюэ. В 1966 году Жак Трюше наряду с публикацией «Политики» осуществил научное издание «Рассуждения о всеобщей истории».⁵⁸ «Всеобщая история» Боссюэ была переведена на многие европейские языки. На русском языке в переводе Василия Наумова

она впервые появилась в екатерининскую эпоху. Три тома вышли в период с 1761 по 1789 г.⁵⁹. В 1789 г. в переводе того же Наумова вышла четвёртая часть.⁶⁰ Но больше «Всеобщая история» не переводилась на русский язык и не переиздавалась.

Боссюэ отличается от других мыслителей не только большим количеством написанных и дошедших до нас сочинений, но и разнообразием жанров, в которых он работал. Помимо трактатов-рассуждений, Боссюэ составлял полемические трактаты. К ним относятся «Опровержение катехизиса Поля Ферри»⁶¹, «Изложение католического вероучения в ответ на возникшую полемику»⁶², «История изменения протестантских церквей»⁶³. Характерной их чертой является наличие диалога между сторонниками противоположных взглядов. Боссюэ ведёт спор со своими оппонентами, он раскрывает перед читателями точку зрения своих противников и опровергает её с помощью веских аргументов. Традиция составления диалогических трактатов тянется из глубины веков. Подобные сочинения в определённой мере характеризуют эпоху, отражают проблемы, волновавшие общество в то время. Они позволяют представить, в каком направлении шла борьба идей и, следовательно, как развивалась общественно-политическая мысль. Как правило, полемические сочинения Боссюэ готовил к публикации самостоятельно.

Трактаты Боссюэ, без сомнения, можно отнести к научной литературе. Они составлялись по канонам аристотелевской логики, отличались глубиной мысли и детализацией затрагиваемых проблем. Боссюэ легко оперировал понятиями философии и права эпохи античности и средневековья. Тем не менее, он рассчитывал, что его сочинения будут читать не только философы, теологи и правоведы. Боссюэ писал для широкой публики, подчас не столь образованной. Он понимал, какое огромное влияние идеи, сформированные образованной частью общества, оказывают на широкие массы, предопределяя направление общественно-политической жиз-

ни. Боссюэ не стремился сделать свои трактаты сложными для восприятия, с их помощью он хотел участвовать в процессе формирования социально-политического и религиозного сознания самых широких слоёв общества.

Значительное место в ряду сочинений Боссюэ занимают ораторские произведения. К ним относятся проповеди и надгробные речи. Большей частью проповеди восстанавливались исследователями по крупицам после смерти Боссюэ. Проповеди представляют собой большой пласт творчества Боссюэ. По своему характеру они могут быть разделены на теологические, философско-этические и церковно-обрядовые. Большинство из надгробных речей были прочитаны Боссюэ на похоронах высокопоставленных особ и, соответственно, носили не только религиозно-нравственное, христианское, но и публицистическое, а порой и политическое значение. Важнейшие речи были изданы самим Боссюэ. Среди них — речь на смерть английской королевы Генриетты Французской, опубликованная в 1669 году⁶⁴; Марии-Терезии Австрийской, супруги Людовика XIV (1683)⁶⁵; герцогини Палатинской (1685)⁶⁶; канцлера Ле Телье (1686)⁶⁷; принца Конде (1687)⁶⁸. Ораторские произведения Боссюэ пользовались большой популярностью у читателей и публиковались неоднократно на протяжении трёх столетий, прошедших после смерти их автора. К наиболее интересным публикациям относится издание 1890–1897 гг. аббата Ж. Лебарка⁶⁹, которое в 1914–1926 гг. было дополнено Ш. Уреном и Э. Левеком⁷⁰. В XX веке публикацию ораторских произведений Боссюэ осуществляли Жан Гиттон в содружестве с Оливье Мезани⁷¹, Тереза Гуайе⁷², Жак Трюше. В 2004 году к трёхсотлетию со дня смерти Боссюэ вышло два издания его «Надгробных речей». Одно из них — переиздание Жака Трюше⁷³, другое представлено и аннотировано Анной Режан⁷⁴. На русском языке несколько речей были изданы в 1822 году в переводе Ивана Пенинского.⁷⁵ В 2008 году Е.С. Кривушина выполнила и опубликовала первый русский перевод надгробной ре-

чи Иоланде де Монтерби, настоятельницы монастыря Пти-Клерво, произнесённой Боссюэ 17 декабря 1655 года. Благодаря этой публикации отечественные исследователи имеют возможность познакомиться с первым опытом Боссюэ в данной области⁷⁶

Подводя итог необходимо отметить, что изучение письменного наследия Боссюэ и осмысление системы его взглядов прошли несколько этапов.

В XVIII веке в связи с публикацией, прежде всего, ораторских произведений Боссюэ, внимание исследователей привлекала его проповедническая и религиозная деятельность. Изучением личности и трудов Боссюэ занимались в основном духовные лица. Исторические и общественно-политические взгляды Боссюэ были отвергнуты просветителями, как не отвечающие духу Нового времени.

В XIX веке после выхода в свет нескольких полных изданий трудов Боссюэ, из которых свое значение как полное и научно обоснованное сохраняет издание, предпринятое Ф. Лаша, существенным образом продвинулось вперед и изучение письменного наследия епископа. Вместе с тем, философия истории, общественно-политическая теория и религиозная деятельность Боссюэ чаще всего подвергались критике, поскольку рассматривались в отрыве от контекста эпохи и с позиций современных исследователям политических, исторических и религиозных представлений.

В XX веке обращение к трудам Боссюэ носило специально-монографический характер, авторы выходивших исследований помещали его взгляды в исторический контекст эпохи, комплексно и системно изучали различные аспекты его мировоззрения, что способствовало значительному движению вперед в осмыслиении его философии истории, общественно-политической теории, политической и религиозной деятельности.

Что касается отечественной научной традиции, то, в целом, следует признать, что в российской историографии к личности и наследию Боссюэ обращались фрагментарно. Взгляды Боссюэ, во всех своих многообразных аспектах, еще только становятся предметом специального изучения. Отечественным исследователям предстоит осуществить публикацию на русском языке трудов Боссюэ, создать научные монографии, посвящённые анализу его общественно-политических, исторических, философских и религиозных взглядов. При этом у российских исследователей есть на кого опереться. Во Франции отношение к Боссюэ всегда было особым. Какова бы ни была политическая направленность той или иной эпохи, труды Боссюэ всегда находили на родине своего внимательного и вдумчивого исследователя. Его имя во все времена пользовалось уважением, а заслуги по укреплению французской государственности и галликанской церкви были признаны уже современниками. В 1671 году он был избран членом Французской Академии и наречён «отцом французской церкви», после него этого звания больше никто не удостаивался. В Дижоне, родном городе Боссюэ, у церкви Святого Жана установлена его статуя работы скульптора Поля Гаска. В Мон в епископском дворце, расположенному на площади, ныне носящей имя Шарля де Голля, открыт музей Боссюэ, в котором сохранился его кабинет. В честь Боссюэ во Франции названы улицы, лицеи. Таким образом, внимание к Боссюэ и его письменному наследию не ослабевает. Его личность, деятельность и творчество так многогранны, что открытий хватит ещё не на одно поколение историков.

Примечания

¹ Le Dieu F. Memoires et journale sur la vie et les ouvrages de Bossuet. T. 1–4. Paris, 1856–1857.

² Baussset L.F. Histoire de Bossuet, eveque de Meaux. T. 1–4. Versailles, 1819.

- ³ Roy J.J.E. *Histoire de Bossuet, eveque de Meaux.* Tours, 1840.
- ⁴ Floquet A. *Etudes sur la vie de Bossuet.* T. 1–3. Paris, 1855.
- ⁵ Floquet A. *Bossuet precepteur du dauphin, fils de Louis XIV et eveque à la cour.* Paris, 1864.
- ⁶ Vaillant V. *Etudes sur les sermons de Bossuet.* Paris, 1851.
- ⁷ Maury J.-S. *Essais sur l'éloquence de la chaire.* Paris, 1850.
- ⁸ Gandar E. *Bossuet orateur. Etudes critiques sur les sermons de la jeunesse de Bossuet.* Paris, 1867.
- ⁹ Lanson G. *Bossuet.* Paris, 1891.
- ¹⁰ Rebelliau A. *Bossuet.* Paris, 1905.
- ¹¹ Brunetiere F. *Bossuet.* Paris, 1913.
- ¹² Bremond H. *Bossuet.* T. 1–3. Paris. 1913.
- ¹³ Michelet J. *Louis XIV et revocation de l'edit de Nantes.* Paris, 1863.
- ¹⁴ Bonnemere E. *La France sous Louis XIV (1643–1717).* Paris, 1864–1865.
- ¹⁵ Moret E. *Quinze ans du règne de Louis XIV (1700–1715).* Paris, 1851.
- ¹⁶ Letellier A. *Bossuet, notre plus grand écrivain.* Paris, 1920.
- ¹⁷ Лансон Г. *История французской литературы.* Т. 1. М., 1897.
- ¹⁸ Le Brun J. *La spiritualité de Bosuet.* Paris, 1972.
- ¹⁹ Goyet T. *L'humanisme de Bossuet.* Paris, 1965.
- ²⁰ Truchet J. *La prédication de Bossuet.* T. 1–2. Paris, 1960; Truchet J. *Bossuet panégyriste.* Paris, 1962.
- ²¹ Mandrou R. *Louis XIV en son temps (1661–1715).* Paris, 1973.
- ²² Goubert P. *Louis XIV et vingt millions de Français.* Paris, 1966.
- ²³ Le Roy Ladurie L. *L'Ancien Régime (1610–1770).* Paris, 1991.
- ²⁴ Блюш Ф. *Людовик XIV.* М., 1998.
- ²⁵ Les amis de Bossuet // <http://www.amis-auteurs-nicaise.gallimard.fr> (январь 2010).
- ²⁶ Панов И.И. *Боссюэт и его проповеди.* СПб., 1888.
- ²⁷ Лебедев М. *Боссюэт, епископ Мосский, и значение его для католической церкви во Франции // Труды КДА.* 1868. Т. 1. С. 59–105. Т. 2. С. 3–41.

- ²⁸ Денисюк Н. Жак Бенин Боссюэ // Отдых христианина. 1916. № 5/6. С. 73–94. № 7/8. С. 125–148.
- ²⁹ Лопухин А.П. Промысел божий в истории человечества. Опыт философско-исторического обоснования воззрений блаженного Августина и Боссюэта. СПб., 1898.
- ³⁰ Кареев Н.И. История Западной Европы в новое время. Т. 2. СПб., 1898.
- ³¹ Кареев Н.И. Западно-европейская абсолютная монархия XVI–XVIII вв. СПб., 1908
- ³² Ардашев П.Н. Абсолютная монархия на Западе. СПб., 1902.
- ³³ Савин А.Н. Век Людовика XIV. М., 1930.
- ³⁴ Рейснер М.А. Общественное благо и абсолютное государство // Государство и верующая личность. СПб., 1905.
- ³⁵ Косминский Е.А. Историография средних веков V — середина XIX в. М., 1963.
- ³⁶ Там же. С. 136.
- ³⁷ Самойлович К.Ю. Надгробные проповеди Боссюэ (проповедь как литературный жанр): Автореф. дис. ... канд. филолог. наук. СПб., 1997.
- ³⁸ См.: Самойлович К.Ю. 1) Исторические воззрения Боссюэ // Иностранные языки. Тезисы доклада на научно-практической конференции «Герценовские чтения». СПб., 1995. С. 74–77; 2) К истории проповеди как литературного жанра // Иностранные языки в высшей школе: лингвистические и методические аспекты. Мурманск, 1996. С. 42–49; 3) О некоторых типических образах в «Надгробных проповедях» Ж.-Б. де Боссюэ // XVII век в европейском литературном развитии. Тезисы доклада на Международной научной конференции «Вторые Лафоненовские чтения» СПб., 1996. С. 26–27; 4) Причины повышенной частотности употребления слова «Бог» в «Надгробных проповедях» Боссюэ // Исследования по синтаксису и стилистике романо-германских языков. СПб., 1996. №3. С. 86–90; 5) Проблематика «Надгробных проповедей» Ж.-Б. де Боссюэ // Вестник СПбГУ. 1996, серия 2, № 2; 6) О поэтике надгробных проповедей Боссюэ // Некоторые вопросы теории и истории французской литературы XVII в. Тезисы доклада на Международной научной конференции «Третий Лафоненовские чтения». СПб., 1997. С. 40–42; 7) Конфессиональная

политика Боссюэ // Единство и национальное своеобразие в мировом литературном процессе. Материалы межвуз. конф. СПб., 1998.

³⁹ Фёдорова М.М. Классическая политическая философия. М., 2001.

⁴⁰ Bossuet J.-B. Oeuvres de messire Jacques-Benigne Bossuet, eveque de Meaux, contenant tout ce qu'il a ecrit sur differentes matieres. Venise, 1736–1757. 10 vol.

⁴¹ Bossuet J.-B. Oeuvres de messire Jacques-Benigne Bossuet... Paris, 1743–1753. 20 vol.

⁴² Bossuet J.-B. Oeuvres de messire Jacques-Benigne Bossuet. Nouvelle edition revue sur les manuscrits originaux et les editions les plus correctes, enrichie d'un grand nombre d'ouvrages de l'illustre auteur non encore imprimés (par l'abbe Claude Lequeux, dom Deforis et dom Coniac). Paris, 1772–1778. 18 tomes en 19 vol.

⁴³ Bossuet J.-B. Oeuvres de Bossuet, revues sur les manuscrits originaux et les editions les plus correctes (par les abbes Hemey d'Auberville et Caron). Versailles, 1815–1819. 43 vol.

⁴⁴ Bossuet J.-B. Oeuvres completes de Bossuet publiees d'apres les imprimés et les manuscrits originaux, purgees des interpolations et rendues a leur integrite par F. Lachat. Edition renfermant tous les ouvrages edites et plusieurs inedits. Paris, 1862–1866. 31 vol.

⁴⁵ Bossuet J.-B. Oeuvres. Textes etablis et annotes par l'abbe B. Vella et I. Champailleur. Paris, 1961.

⁴⁶ Bossuet J.-B. Abrege de l'histoire de France. Paris, 1741. 4 vol.

⁴⁷ Bossuet J.-B. Logique du dauphin / Ed. critique etablie par F. Laupies. Paris, 1990.

⁴⁸ Bossuet J.-B. De la connaissance de Dieu et de soi-même. Texte revu par Ch. Fremont. Paris, 1990.

⁴⁹ Bossuet J.-B. Politique sacree tiree des propres paroles de l'ecriture sainte a Mgr le dauphin, ouvrage posthume de messire J.-B. Bossuet, publiee par l'abbe J.-B. Bossuet. Paris, 1709.

⁵⁰ Bossuet J.-B. Politique sacree tiree des propres paroles de l'ecriture sainte a Mgr le dauphin, ouvrage posthume de messire J.-B. Bossuet, publiee par l'abbe J.-B. Bossuet. Paris, 1710. 2 vol; Paris, 1714. 2 vol.

⁵¹ Bossuet J.-B. Politique sacree tiree des propres paroles de l'ecriture sainte a Mgr le dauphin. Bruxelles, 1721. 2 vol.

⁵² Bossuet J.-B. Politique de Bossuet / Textes choisis et presentes par J. Truchet. Paris, 1966.

⁵³ Bossuet J.-B. Politique sacree tiree des propres paroles de l'ecriture sainte; et avec introd. et notes par J. Le Brun. Geneve, 1967.

⁵⁴ Bossuet J.-B. Politique sacree tiree des propres paroles de l'ecriture sainte: d'apres les imprimés et manuscrits originaux purges des interpolations et rendus a leur integrite par F. Lachat, 1864. Paris, 2003.

⁵⁵ Боссюэ Ж.-Б. Политика, из самых слов Священного Писания почерпнутая. СПб., 1802.

⁵⁶ Bossuet J.-B. Discours sur l'histoire universelle a Monseigneur le Dauphin pour expliquer la suite de la religion et les changemens des empires. Premiere partie, depuis le commencement du monde jusqu'a l'empire de Charlemagne. Par messire Jacques-Benigne Bossuet. Paris, 1681.

⁵⁷ Bossuet J.-B. Discours sur l'histoire universelle a Monseigneur le Dauphin pour expliquer la suite de la religion et les changemens des empires. Premiere partie, depuis le commencement du monde jusqu'a l'empire de Charlemagne. Par messire Jacques-Benigne Bossuet. Paris 1682; Paris, 1691; Paris, 1703.

⁵⁸ Bossuet J.-B. Discours sur l'histoire universelle. Chronologie et preface par J. Truchet. Paris, 1966.

⁵⁹ Боссюэ Ж.-Б. Разговор о всеобщей истории. Т. 1–3. М., 1761–1789.

⁶⁰ Боссюэ Ж.-Б. Продолжение всеобщей истории. СПб., 1789.

⁶¹ Bossuet J.-B. Refutation du Catechisme du Sr. Paule Ferry, ministre de la religion pretendue reformee, par Jacques-Benigne Bossuet. Metz, 1655.

⁶² Bossuet J.-B. Exposition de la Doctrine de l'Eglise Catholique sur les matieres de controverse. Paris, 1671.

⁶³ Bossuet J.-B. Histoire des variations des Eglises protestantes, par messire Jacques-Benigne Bossuet. Paris, 1688. 2 vol.

⁶⁴ Bossuet J.-B. Oraison funebre de Henriette-Marie de France, reine de Grande Bretagne prononcée le 16 novembre 1669 en presence de

Monsieur, frere unique du Roi et de Madame, en l'eglise des religieuses de Sainte Marie de Challiot, ou repose le coeur de Sa Majeste, par M. l'abbe Bossuet, nomme a l'evesche de Condom. Paris, 1669.

⁶⁵ Bossuet J.-B. Oraison funebre de Marie-Terese d'Austriche, infante d'Espagne, reine de France et de Navarre, prononcee a Saint-Denis, le premier de septembre 1683, par messire Jacques-Benigne Bossuet. Paris, 1683.

⁶⁶ Bossuet J.-B. Oraison funebre de Anne de Gonzague de Cleves, princesse palatin, prononcee dans l'eglise des Carmelites du faubourg Saint-Jacques le 9 aoust 1685, par messire Jacques-Benigne Bossuet. Paris, 1685.

⁶⁷ Bossuet J.-B. Oraison funebre de messire Michel Le Tellier, chevalier, chancelier de France, prononcee dans l'eglise paroissiale de Saint Gervais ou il est inhume, le 25 janvier 1686, par messire Jacques-Benigne Bossuet. Paris, 1686.

⁶⁸ Bossuet J.-B. Oraison funebre de Louis de Bourbon, prince de Conde, prononcee dans l'eglise de Nostre-Dame de Paris, le 10 jour de mars 1687, par messire Jacques-Benigne Bossuet. Paris: S. Mabre-Cramoisy, 1687.

⁶⁹ Bossuet J.-B. Oeuvres oratoires de Bossuet / Edition critique complete, par l'abbe J. Lebarq. Lille et Paris, 1890–1897. 7 vol.

⁷⁰ Bossuet J.-B. Oeuvres oratoires de Bossuet / Edition critique complete, par l'abbe J. Lebarq, revue et augmentee par Ch. Urbain et E. Levesque. Paris, 1914–1926. 7 vol.

⁷¹ Bossuet J.-B. Oeuvres oratoires / Introduction par J. Guitton. Notes par O. Maisani. Paris, 1962.

⁷² Bossuet J.-B. Oraisons funebres. Avec une notice sur la vie de Bossuet, des notes par T. Goyet. Paris, 1969.

⁷³ Bossuet J.-B. Oraisons funebres / Ed. presentee, etablie et annotee par J. Truchet. Paris, 2004.

⁷⁴ Bossuet J.-B. Oraisons funebres: eloquence sacree. / Ed. presentee, etablie et annotee par A. Regent. Paris, 2004.

⁷⁵ Боссюэ Ж.-Б. Надгробные слова Боссюэта, епископа Морского. СПб., 1822.

⁷⁶ Жак-Бенин Боссюэ. Надгробная речь Иоланде де Монтерби / Пер. и ком. Е.С. Кривушиной // Проблемы социальной истории и

культуры Средних веков и раннего Нового времени. Вып. 7. СПб.,
2008.

Из истории науки

Медведев И.П.

**«Небольшой журнальчик»:
К истории основания «Известий
Славянского благотворительного общества»
в 1883 г.**

Роясь в архивах, иногда «натыкаешься» на материалы, не связанные, казалось бы, с твоей непосредственной специальностью, но представляющие интерес для коллег-«смежников», в данном случае (как я думаю) для специалистов по славяноведению (некоторые из них до недавнего времени даже трудились на кафедре, возглавляемой нашей дорогой юбиляршей, и лишь в 2004 г., если не ошибаюсь, выделились в отдельную кафедру).

Итак, с 1883 г. при Санкт-Петербургском Славянском благотворительном обществе, в составе Совета которого числились в качестве председателя П.П. Дурново, в качестве товарищей председателя — П.А. Васильчиков и М.А. Домонович, а в качестве просто членов — А.А. Боголюбов, гр. Ф.Э. Келлер, А.А. Киреев, О.Ф. Миллер, Н.П. Писаревский, В.К. Саблер, Н.Н. Страхов (казначеем был В.Г. Чубинский, секретарем — В.И. Аристов), стал выходить один раз в месяц, небольшими книжками в 30–40 страниц, журнал под названием «Известия Славянского благотворительного общества», редакторами которого в разное время были такие известные «на славянском поприще» деятели как К.Н. Бестужев-Рюмин, Н.Н. Страхов и В.И. Ламанский. Как было отмечено в предисловии к первому выпуску, к мысли о необходимости периодического издания еще раньше «с особыенным сочущием» относились «ныне покойные» члены Общества Ф.М. Достоевский и И.И. Петров, а в записке 13 чле-

нов Общества говорилось о том, что «В среде членов славянского Благотворительного Общества, а равно и со стороны, из других сфер, более или менее интересующихся его (т.е. Общества — И.М.) деятельностью, нередко раздаются голоса, сетующие на то, что Общество слишком мало дает о себе знать, слишком мало знакомит непосвященную в его дела публику со своею деятельностью и задачами, со своими повседневными интересами и нуждами»¹.

О том, с какими мыслями редакция приступила к изданию журнала, можно судить по двум письмам одного из первых редакторов, утвержденного в этом звании министерством внутренних дел, а именно — Ив.И. Соколова², к будущему знаменитому византинисту, а в то время еще начинающему историку-слависту, ученику В.И. Ламанского, Василию Эдуардовичу Регелю (1857–1932)³. Письма содержатся в бумагах последнего (датируются 1883–1884 годами), и хранятся в настоящее время в Российском Государственном историческом архиве⁴.

Приводим текст письма в соответствии с современной орфографией (не вызывающие сомнений сокращения раскрываются без оговорок).

№ 1.

(Л. 1–1 об.) 3 октября 1883 г. (автограф).

Многоуважаемый Василий Эдуардович,

Славянское общество предприняло издание своего органа под названием «Известий» и поручило мне редактировать этот *небольшой журнальчик* (выделено мною — И.М.). Из прилагаемой при сем к Вашему сведению программы Вы усмотрите, какого характера и направления будет это издание. Надеюсь, что Вы сочувственно встретите мысль о подобном предприятии и не откажете в своем содействии и сотрудничестве, о чем я особенно прошу Вас. Многие из славистов, наши общие знакомые и друзья, обещали уже мне свое

сотрудничество; не откажите и Вы от времени до времени сообщать мне для «Известий» свои статьи или даже мелкие заметки по тому или другому отделу обширной и разносторонней программы. С благодарностью принятые будут и самостоятельные небольшие статьи и отчеты о новых книгах и мелкие заметки для хроники и библиографии. Статьи для «Известий» непременно будут оплачиваться по желанию авторов в размере от 30 до 60 р. за печатный лист. Особенно приятно было бы, если бы Вы нашли возможность взять на себя труд периодического просмотра, для отчета в Известиях, одного или нескольких историко-филологических журналов, русских или иностранных, в которых появляются статьи, имеющие отношение к славянской филологии; выбор таких изданий вполне зависит от Вашего усмотрения. Особенно желательно было бы Ваше содействие по сообщению новостей немецкой исторической литературы, имеющей отношение к славяноведению.

Может быть Вы нашли бы возможным сообщить некоторые сведения о сношениях, если таковые бывают, нашего Министра народного просвещения с учреждениями и отдельными лицами в славянских землях по тем или другим вопросам народного образования.

Надеюсь лично выяснить Ваши подробные *ria desideria* редакции, на этот раз я ограничиваюсь лишь извещением о предстоящем выходе в свет «Известий Славянского общества» (1-я книжка выйдет на днях и будет Вам доставлена) и просьбою не оставить редакцию своим содействием. Очень, очень желательно было бы получить от Вас что-нибудь для следующей же *[одно слово не разобрано]* книжки.

Искренне Вас уважающий Ив.Соколов.

№ 2.

(Л. 2) Программа журнала под названием «Известий С.-Петербургского Славянского благотворительного общества»⁵

I. Действия С.-Петербургского Славянского благотворительного общества и других подобных обществ, как русских, так и иноземных. Протоколы заседаний Совета, общих собраний и комиссий, казначейские и другие отчеты, общие сведения и т.п.

II. Славянское обозрение.

1. Сообщения по различным вопросам прошлой и современной жизни славянского мира. Отчеты об исследованих, небольшие самостоятельные статьи, имеющие ввиду интересы: церковный, географический, исторический, литературный и т.д. 2. Славянская летопись Очерки, корреспонденции, мелкие известия, касающиеся современной жизни славянских народов, известия об ученых славянских обществах и предприятиях *[одно слова не разобрано]*, биографии, некрологи выдающихся славянских деятелей.

III. Славянские библиографические известия.

1. Указатель выдающихся журнальных статей и сочинений по славяноведению в русской и других славянских литературах.

2. Сведения о новых книгах по всем отделам славяноведения.

3. Критические отзывы о такого рода статьях и книгах.

IV. Объявления о выходящих книгах, о книгопродавческой деятельности и т. п.⁶ Ив. Соколов.

№ 3.

(Л. 3-3 об.) 18 августа 1884 г.

Многоуважаемый Василий Эдуардович,

Издательская комиссия Славянского общества должна представить Совету общества свои соображения об издании «Известий» в следующем году, а также смету издания, причем будет возбужден вопрос об объеме и характере нашего издания. Ввиду этого предположено обратиться за указаниями и отзывами по предмету издания «Известий» к специалистам славяноведения и вообще к лицам, интересующимся славянскими вопросами. Исполняя поручение председателя Издательской комиссии П.А. Васильчикова, обращаюсь к Вам как к знатоку дела с покорнейшею просьбою не отказать в сообщении Вашего письменного отзыва как о программе «Известий» и ее выполнении после вышедших доселе 10-ти NN издания, так и о желательных изменениях в программе, в интересах издания. Компетентные указания и отзывы тем более необходимы и желательны как для Комиссии, так и для редакции «Известий», что некоторая часть членов Общества относится не сочувственно к изданию и желает его прекращения, не находя в «Известиях» отзыва на текущие «политические злобы» дня. Благоволите поэтому высказать откровенно Ваш взгляд на дело издания «Известий» и не откажите в Ваших советах и указаниях. Все Ваши замечания принятые будут редакциею с особенной признательностью и уважением.

Ваш покорный слуга И. Соколов.

Действительно, судьба «маленького журнальчика» оказалась не столь уж простой. В самом конце 1888 г. В.И. Ламанский отказался от дальнейшего редактирования «Известий», а 23 декабря на общем собрании Славянского Благотворительного общества было решено преобразовать журнал, переименовав его в «Славянские известия» и сделав его

еженедельным (редактором был утвержден В.В. Комаров). Кстати, в первом номере журнала с новым названием были подведены кое-какие итоги в деятельности редакции и дана соответствующая ей оценка. «Хотя журнал этот, — говорилось в нем, — выходил один раз в месяц, небольшими книжками и притом не в определенные сроки (что зависело не от редакции, а от особых условий, в которые был поставлен журнал), тем не менее самое существование его приносило значительную нравственную поддержку славянским народностям, а многие прекрасные статьи, помещенные в «Известиях», останутся памятными их читателям»⁷. Хотелось бы надеяться, что судьба этого «маленького журнальчика», его содержание и направленность, наконец, «авторский контингент», еще привлекут внимание компетентных исследователей.

Примечания

¹ Известия С.-Петербургского Славянского благотворительного общества. СПб., 1883. № 1 (октябрь). С. 1.

² К стыду моему, мне не удалось найти сведений об этой личности. Во всяком случае, не стоит, мне кажется, отождествлять этого деятеля с известным всем нам византинистом Иваном Ивановичем Соколовым (1865–1939), в исследование биографии которого столь весомый вклад сделала в последнее время наша юбилярша.

³ О нем см.: Славяноведение в дореволюционной России. Библиографический словарь. М., 1979. С. 291 (статья Л.П. Лаптевой); Медведев И.П. Петербургское византиноведение. Страницы истории. СПб., 2006. (См. Именной указатель).

⁴ РГИА. Ф. 1033 (фонд В.Э. Регеля). Оп. 1. Д. 39. Л. 1–3 (в дальнейшем листы указываются в тексте статьи).

⁵ рукой Соколова и за его подписью. На обратной стороне — печатный текст с объявлением Совета общества о выходе журнала с 1 октября 1883 г. ежемесячно — И.М.

⁶ Полностью программа опубликована в первом выпуске «Известий» (см. примеч. 1), С. 2–3

⁷ Славянские известия, 1889. № 1 и 2 (Воскресенье 22 января 1889 г.). С. 1–5.

Пиотровская Е.К.

**Краткий эпизод из хронографии
отечественного византиноведения во время
Ленинградской блокады 1943 г.**

В конце XX и начале XXI столетий отчетливо проявился интерес в исторических и филологических науках к архивному наследию ученых отечественной византистики¹. Как известно, византиноведение как самостоятельная область историко-филологического знания зародилось в Санкт-Петербургском университете и связано с именем В.Г. Васильевского (1838–1899)². В основу многих последующих традиций и веяний, историографических течений XX в. были положены принципы глубокого источниковедческого подхода к изучению исторических явлений и событий, которые и были, во многом, сформулированы в лекциях и трудах ученого³. Кафедра истории Средний веков исторического факультета СПбГУ своими истоками и корнями связана с традициями отечественного византиноведения и медиевистики чрезвычайно глубоко. И Г. Е. Лебедева, последние десятилетия возглавляющая кафедру, выросла в ее недрах, была свидетелем многих научных дискуссий, рождения идей, монографических исследований и фундаментальных трудов. Она, как и ее учителя, и старшее поколение византинистов, со многими из которых ей пришлось тесно общаться и дружить, ценит научные традиции и ставит их превыше всего в науке, ибо ступени пути познания трудны. Как известно, Г. Е. Лебедева с самого начала своих научных изысканий взялась за труднейшие проблемы византийской и средневековой истории. Она обратилась к кодексам Феодосия и Юстиниана — основе основ истории европейского права, социально-экономической жизни

и политики византийской империи. Среди многих имен античников, медиевистов, византинистов, связанных с кругом научных интересов и личных взаимоотношений Г. Е. Лебедевой нам бы хотелось вспомнить и Е. Э. Липшиц (1901–1990), исследовавшую многие близкие Г. Е. Лебедевой проблемы и темы в истории до сих пор до конца непознанной византийской цивилизации⁴. Е. Э. Липшиц знала и В. Н. Бенешевича, он был оппонентом на защите ее кандидатской диссертации по истории «Земледельческого Закона» — первой диссертации по Византии, состоявшейся в России после 1917 г.⁵. Вместе с М. В. Левченко она была у истоков Санкт-Петербургской группы византистов, и в трудные предперестроечные годы, как и большинство ученых старшего поколения, много сил отдала ее сохранению, которая теперь существует при Санкт-Петербургском Институте истории и по времени перешла уже 70 летний рубеж. Связывало Е. Э. Липшиц с Санкт-Петербургским университетом и преподавание на кафедре истории Византии после Великой Отечественной войны. Она читала курсы по истории культуры и искусства Византии⁶. До конца своих дней Е. Э. Липшиц оставалась членом редколлегии старейшего гуманитарного журнала отечественной науки Византийского Временника⁷. Из ее устных воспоминаний известно, что для регулярной связи с московскими византистами, она за свой счет провела в трудное послевоенное время телефонный кабель для всего дома № 3 по улице Б. Конюшенная (тогда Желябова). Во время войны, Е. Э. Липшиц была в эвакуации в Казани, где она преподавала в одной из военных академий, там же находились многие коллеги Академических учреждений Ленинграда и Москвы. А М. В. Левченко, возглавлявший СПб Институт истории РАН (тогда Ленинградское отделение Института истории СССР) был сначала в Казани, а потом с большинством сотрудников в Ташкенте. В блокадном Ленинграде остались лишь две женщины — хранительницы уникальных архивных коллекций Института: М. И. Стеблина-Каменская,

которая умерла от голода вскоре после прорыва блокады в январе 1943 г. и К. Н. Сербина, пережившая все тяготы и невзгоды, но сохранившая для будущих поколений историков памятники письменности и культуры. В дошедшей обширной переписке военного времени М. И. Стеблин-Каменской и К. Н. Сербиной есть и письма-открытки Е. Э. Липшиц. Они представляют для нас интерес не только, как письменные свидетельства дружеских отношений, любви к родному институту, дорогому городу, тревоги за будущее, радости победы, но и пример неугасаемой интеллектуальной деятельности в тяжелейших экстремальных условиях существования человеческого научного сообщества, интерес к конкретным проблемам средневековой истории и дошедшим письменным источникам.

Ниже мы публикуем две почтовые открытки Е. Э. Липшиц к М. И. Стеблин-Каменской и к К. Н. Сербиной из Казани от 5/II 1943 г. и от 14/VI 1943 г. с сохранением авторской орфографии и пунктуации.

№ 1

Казань, ул. Чернышевского 18
Академия Наук СССР
Ин^{<ститу>}т истории
Е. Э. Липшиц

Ленинград
Васильевский Остров
Биржевая линия д. № 1
Библиотека АН СССР
Марии Ивановне Стеблин-Каменской

«Милая Мария Иванова! Давно собиралась Вам написать, да все не могу собраться с духом взяться за перо. Вы, вероятно, знаете, что через месяц по приезде в Казань умерла моя мама. До сих пор не могу примириться с мыслью о том, что ее нет и все кажется, что если бы мы не уехали, то она [может] быть осталась бы жива. Как-то Вы поживаете. Как К.Н. Сербина? Радовалась вест[я]м о прорыве и думаем, думаем без конца о вас всех, переносящих вторую тяжелую зиму в Ленинграде. Хотелось бы получить весточку от Вас М.И. Здесь в Казани только Левченко и я, прочие (Ковалев, Болтунова) — в Елабуге и остальные (большинство) в Ташкенте. Не разыскали ли Вы наших византийских материалов? Меня очень огорчает, что так бесследно пропали (в одном из ящиков, по-видимому) мои статья и фотографии греческого текста Земледельческого Закона⁸. Но, видимо, придется примириться [с] этой потерей!

Ну будьте здоровы, милая М.И. Если будет возможность напишите мне. Буду Вам очень признательна.

Привет К.Н.

Ваша Е. Липшиц. Привет от М. В. Левченко».

(СПб Архив РАН. Ф. 133. Оп. 1 (1943). Д. 1693. Л. 23.)

№ 2

Казань, ул. Коммла 9.

Общежитие АН СССР, Комн. 15.

Е. Э. Липшиц

Казань 14

Ленинград, Васильевский Остров

Университетская Набережная д. № 5

Академия Наук

Ленинградское Отделение Института истории

К. Н. Сербина

«Большое спасибо Вам за то, что написали мне, хотя Ваше письмо и принесло потрясающую весть о смерти милой и всегда молодой Марии Ивановны. Воображаю, как Вы сиротливо себя чувствуете. Впрочем и я сейчас одна. М. В. Левченко⁹ уехал в Ташкент, где находится почти все наше ЛОИИ (кроме А. Н. Молоха и О. Л. Вайнштейна¹⁰ — в Саратове, С. И. Ковалева¹¹ и А. И. Болтуновой — в Елабуге и М. А. Коростовцев¹², У. А. Шустер¹³ и С. Я. Лурье¹⁴ — в Москве).

Не писала Вам, ожидая выяснения своей дальнейшей судьбы. Но, видимо, вопрос о моем дальнейшем местопребывании (Москва? Ташкент?) будет решен не раньше осени. Пишите о себе, своей жизни, работе. Мы ведь все здесь жадно ловим вести из нашего Ленинграда, в особенности о наших близких, друзьях и товарищах.

Ваша Е. Липшиц».

Далее приписано на полях: «Страшно рада, что нашлась моя рукопись, не можете ли Вы сообщить более подробно, что из моих рукописей нашлось. Буду очень призательна».

(СПб Архив РАН. Ф. 133. Оп. 1 (1943). Д. 1693. Л. 55)

Обе открытки имеют штамп: Проверено военной цензурой. Казань

P.S. К сожалению, в бумагах архива Е. Э. Липшиц, переданных по ее завещанию в Архив СПб Института истории, не сохранились письма К. Н. Сербиной к ней. На открытках же Елены Эммануиловны есть карандашные пометы рукой Ксении Николаевны об отправленных ответах. Нередко в беседах Елена Эммануиловна говорила нам о том, что большую часть своей обширной переписки она уничтожила. С Ксенией Николаевной они были друзьями, их связывали многие годы

работы в Институте, кроме того, они очень любили древний Киев, Украину, Днепр, почти каждый день звонили друг другу, обсуждая научные и житейские дела. Они и ушли из жизни в один очень трудный для нашей страны год — 1990 г. Может быть, Елена Эммануиловна уничтожила и письма Ксении Николаевны с ее согласия. Предложив в сборник в честь Галины Евгеньевны Лебедевой этот очень небольшой сюжет по истории науки, позволю себе вспомнить и несколько эпизодов, которые повлияли на мою научную судьбу, благодаря ее участию. Г.Е. Лебедева вместе с Г.Л. Курбатовым и В. В. Мавродиным готовила и писала отзыв Ведущего учреждения (исторического факультета ЛГУ) на мою кандидатскую диссертацию, посвященную «Летописцу вскоре» патриарха Никифора и первое благословение я получила из ее уст и С.Б. Кореневой. Это было в 1975 г. Мне пришлось и семь лет вместе с Галиной Евгеньевной и сотрудниками кафедры Средних веков принимать Государственные экзамены и оценивать дипломные работы выпускников, многие часы проводить в стенах кабинета среди портретов дорогих нам всем наших учителей и учителей их учителей. Эту высоту на кафедре стараются удерживать и свеча, зажженная еще в XIX в., не должна угаснуть.

Примечания

¹ См., например, коллективные труды: Архивы русских византинистов в Санкт-Петербурге / Под ред. И. П. Медведева. СПб., 1995; Рукописное наследие русских византинистов в Архивах Санкт-Петербурга / Под ред. члена-корреспондента Российской Академии Наук И.П. Медведева. СПб., 1999; Мир русской византистики. Материалы архивов Санкт-Петербурга / Под ред. члена-корреспондента Российской Академии Наук И.П. Медведева. СПб., 2004.

² Курбатов Г. Л. В. Г. Васильевский и начало византиноведения в Петербургском университете // Проблемы отечественной и всеобщей истории. М., 1969. С. 133–152; Он же. История Византии

(историография). М., 1975. С. 85, 106–110; Литаврин Г. Г. Василий Григорьевич Васильевский — основатель Санкт-Петербургского центра византистики (1838–1899) // Византийский Временник. 1994. Т. 55(80). С. 5–21; Лебедева Г. Е. Кафедра истории Средних Веков // Исторический факультет Санкт-Петербургского Университета 1934–2004. С. 199–230. Во всех исследованиях приведена обширная историография.

³ Лебедева Г. Е. Кафедра истории Средних Веков. С. 199.

⁴ Пиотровская Е. К. О моих учителях Е. Э. Липшиц и Н. А. Мещерском // Петербургские Чтения. СПб., 1996. С. 448–451; Медведев И. П. Петербургское Византиноведение. Страницы истории. СПб., 2006. С. 206–208, 314, 315.

⁵ Медведев И. П. Урок Бенешевича // Византийские очерки. М., 1996. С. 187–205.

⁶ Лебедева Г. Е., Якубский В. А. *Cathedra medii aevi. Материалы к истории Ленинградской медиевистики 1930–1950 годов*. СПб., 2007. С. 65–66.

⁷ Медведев И. П. Архивные материалы по истории «Византийского Временника» в Санкт-Петербурге // Российское византиноведение: итоги и перспективы: Тезисы докладов и сообщений на Международной конференции, посвященной 100-летию «Византийского Временника» и 100-летию РАИК. Санкт-Петербург, 24–26 мая 1994. М., 1994. С. 91–95; Он же. В. Э. Регель как основатель и редактор «Византийского Временника» // Архивы русских византиевистов в Санкт-Петербурге. С. 157–180.

⁸ Византийский Земледельческий Закон был издан спустя лишь 40 лет. См.: Византийский Земледельческий Закон. Текст, исследование, комментарий подготовили Е.Э.Липшиц, И.П. Медведев, Е.К. Пиотровская / Под ред. И.П. Медведева. Л., 1984.

⁹ М. В. Левченко (1890–1955), византиевист. В годы войны в эвакуации возглавлял Ленинградское отделение Института Истории, в 1945–1950 — зав. кафедрой византиноведения исторического факультета ЛГУ.

¹⁰ О. Л. Вайнштейн (1894–1980), историк-медиевист и новист, заведовал кафедрой истории Средних веков на историческом факультете ЛГУ.

¹¹ С. И. Ковалев (1886–1960), в 30-е гг. заведующий кафедрой античной истории ЛГУ, стоял у истоков советской науки по истории Античности.

¹² М. А. Коростовцев (1900–?), академик, египтолог, автор трудов по Древнему Востоку.

¹³ У. А. Шустер (1907–2007), историк-славист, специалист по истории XIX — начала XX вв. Многие годы работал в Ленинградском отделении Института Истории АН СССР.

¹⁴ С. Я. Лурье (1890–1964), филолог-классик, в 1935–1941 гг. работал в Институте истории АН СССР наряду с другими научными учреждениями Ленинграда, где он служил, вел преподавательскую работу и заведовал кафедрой истории Древней Греции и Рима (1939–1941) на исторической факультете ЛГУ.

Из истории кафедры: Очерк О. Л. Вайнштейна

История отечественной медиевистики и, в частности, история Кафедры истории Средних Веков давно стала предметом самостоятельных исследований.¹ События из истории кафедры и деятельность ее сотрудников на данный момент изучены достаточно хорошо. Но обращение к подлинным документам часто дает нам возможность взглянуть на известные нам события глазами самих современников. Вниманию исследователей предлагается архивный документ из фонда Санкт-Петербургского государственного университета, находящегося в Центральном Государственном архиве г. Санкт-Петербурга (ЦГА СПб).² Этот документ, озаглавленный «Кафедра истории Средних Веков», был написан заведующим кафедры О. Л. Вайнштейном.³ В нем изложена краткая история кафедры и ее состояние на момент 1939–1940 гг. Остается не до конца ясным, с какой целью и для чего был составлен этот «очерк». По-видимому, он должен был составить часть публикации, посвященной истории Исторического факультета Санкт-Петербургского / Ленинградского университета. Он может быть интересен как взгляд на историю кафедры из далекого 1939 г. (или 1940 г.), который поможет понять нам, какой виделась кафедра нашим предшественникам.⁴ Надеемся, что публикация этого «очерка» составит интересное дополнение к трудам по истории кафедры, которые посвятила этому сюжету Г. Е. Лебедева.

Подготовили к печати Барынина О. А., Старостин Д. Н.⁵

Вайнштейн О.Л.

Кафедра истории Средних веков

Историко-филологический факультет старого Университета не знал ни отдельных кафедр, как ячеек научной и педагогической работы, ни специализации в области преподавания всеобщей истории. Общие курсы древней, средней и новой истории поручались нередко одним и тем же лицам, и даже в исследовательской работе, по крайней мере, до конца XIX в., не видно четко проведенной специализации. Такие выдающиеся историки как Кареев, Луцицкий, Ковалевский⁶ брали для своих трудов темы из самых различных эпох. Эти и многие другие ученые были по широте своих интересов действительно «всеобщими» историками.

В течение первых 50 лет существования Петербургского университета наука всеобщей истории не была представлена сколько-нибудь выдающимися именами. Одно имя следует все же упомянуть, но только потому, что это — имя великого русского писателя. Н.В. Гоголь в 1834–35 гг. числился адъюнктом всеобщей истории нашего университета и прочел здесь ряд лекций по истории средних веков. Вскоре он почувствовал слабость своей исторической подготовки и прекратил преподавание. Его интерес к средним векам выразился в нескольких статьях («О преподавании всеобщей истории», «Аль-Момуи», «О движении народов в конце V в.», «Вступительная лекция о средних веках», вошедших в «арабески»; они представляют ценность только с историко-литературной точки зрения).

Его непосредственный преемник, М.С. Куторга (с 1835 по 1839 г. адъюнкт, 1839–1869 — профессор всеобщей истории, затем перешел в Москву) является уже историком по призванию. К средним векам он имеет отношение своей магистерской диссертацией «Политическое устройство германцев до VI столетия» (1858). Хотя он читал и курсы средне-

вековой истории, но по специальности он являлся историком Греции. О состоянии средневекового раздела всеобщей истории в нашем университете за этот период свидетельствует тот факт, что в течение ряда лет соответствующие курсы вовсе не читались. Однако у М.С. Куторги были ученики, которые несколько оживили работу по истории средневековья. Из них нужно назвать, прежде всего, М.М. Стасюлевича (1826–1911), окончившего ПГУ в 1847 г., а с 1852 г. преподававшего средние века сначала в качестве доцента, затем — с 1858 г. — профессора. Историк нашего университета В.В. Григорьев писал в 1870 г., что «такого знатока и красноречивого истолкователя истории средних веков, каким был М.М. Стасюлевич, Петербургский университет не видел у себя ни прежде, ни после него». Трехтомная хрестоматия Стасюлевича «История средних веков в ее писателях и исследованиях новейших ученых» (1862–66, 2-е изд. 1911 г.) используется и поныне в преподавательской работе как ценнное собрание впервые переведенных на русский язык источников и как пособие по историографии. Если в нашей науке М.М. Стасюлевич оставил след только как выдающийся преподаватель и как один из редких в то время профессоров либерального направления, то несравненно больше значения он имеет в истории русской культуры в качестве основателя и издателя журнала «Вестник Европы».

Другой ученик Куторги, В.В. Бауэр (1833–1884) также специально работал в области средневековой истории, занимаясь главным образом эпохой Реформации. Его «Лекции по истории германо-романского мира в XV и XVI в.» (1886), ныне совершенно устаревшие, в свое времяользовались большим успехом.

История средних веков в нашем университете была впервые поднята на уровень западно-европейской науки предавательской и научной деятельностью двух крупнейших русских историков: А.Н. Веселовского (1838–1906) и В.Г. Васильевского (ум. в 1899 г.).

А.Н. Веселовский начал свою долгую преподавательскую работу в Петербургском университете в 1870 г., защищив магистерскую диссертацию «Вилла Альберти. Новые материалы для характеристики литературного и общественно-го перелома в итальянской жизни XIV–XV ст.». Это исследование, основанное на важном источнике, открытом самим автором в итальянских архивах, поставило А.Н. Веселовского в ряды самых выдающихся европейских историков. Как этот, так и другой его капитальный труд «Бокаччо, его спре-да и сверстники» (2 тт., 1893–94), несмотря на их внешне историко-литературный характер, являются чисто историче-скими исследованиями, пролагающими новые пути в изуче-нии итальянского Ренессанса. По своей методологической на-правленности А.Н. Веселовский был передовым ученым. Он был одним из первых (если не первым) из историков, свя-завших изучение культурных явлений с глубоким анализом социальных отношений в эпоху Возрождения. Его научное творчество оставило значительный след в мировой историо-графии. В 1881 г. А.Н. Веселовский был избран членом Ака-демии Наук.

Еще более тесно связан с Петербургским университе-том другой крупнейший специалист по средним векам, В.Г. Васильевский. Здесь прошли его студенческие годы (окон-чил историко-филологический факультет П_{ете}тербургского Университета в 1860 г.) и вся преподавательская и научная работа. В 1880–1885 г. В.Г. Васильевский был и секретарем историко-филологического факультета.

Его многочисленные блестящие работы по истории ви-зантийско-славянских отношений и по социально-экономиче-ской истории Византии представляют собой ценнейший вклад в науку византиноведения и, одновременно, древней русской истории и славяноведения. Без этих работ, равно как и без впервые им опубликованных первоклассных византий-ских памятников, невозможно и в настоящее время никакое движение вперед в данной отрасли исторической науки. Ис-

ходя из этого, Академия Наук еще в 1908 г. предприняла издание трудов акад. Васильевского; это издание пока остановилось на IV-м томе, вышедшем в 1930 г. Как ученый и университетский преподаватель, В.Г. Васильевский являлся не только глубоким специалистом в области византионоведения, но и широко образованным историком, прекрасно ориентировавшимся во всех разделах истории средних веков. В.Г. Васильевский читал и общие, и специальные курсы по истории западно-европейского средневековья (напр., историю Франции при Капетингах и Валуа), а его выступления в диспутах при защитах диссертаций обнаруживали глубокое знакомство с источниками и литературой по самым разнообразным проблемам. В.Г. Васильевскому принадлежит место в рядах ученых, прославивших во всем мире русскую науку.

К числу выдающихся историков средних веков с европейским именем принадлежал и Г.В. Форстен (1857–1910), с 1887 г. приват-доцент, с 1899 г. профессор Петербургского Университета. Форстен подготовил немало специалистов по средневековью. Ему самому принадлежат капитальные труды, главным образом, по истории Скандинавских стран, основанные на архивных материалах («Борьба из-за господства на Балтийском море в XV и XVI ст.», «Балтийский вопрос в XVI и XVII ст.» и пр.). Борьба Дании с Ганзой, важные проблемы Тридцатилетней войны, русско-шведских и русско-датских отношений в XVII в. были этим неутомимым ученым впервые освещены и изложены с исчерпывающей полнотою.

С 1889 г. история средних веков в старом значении (т.е. до XVI в.) представлена в нашем Университете ныне здравствующим проф. И.М. Грэвсом. Питомец этого же Университета (окончил в 1884 г.), И.М. Грэвс, сначала в качестве приват-доцента, затем (с 1907 г.) — профессора, ведет в нем по сей день преподавательскую и научную работу. 50-летие его деятельности в ЛГУ почти совпадает таким образом с юбилейной датой самого Университета.

Помимо магистерской диссертации — «Очерки римского землевладения», И.М. Грэвсу принадлежит ряд статей по историографии, истории средневековой Флоренции, по общим проблемам феодализма. Под его редакцией и при его участии было осуществленно несколько полезных изданий переводных и оригинальных работ (История средневековой культуры по эпохам и странам; важнейшие произведения Фюстель де Куланжа и прочее). Особо заслуживает быть отмеченной неутомимая деятельность И.М. Грэвса по подготовке молодых историков. Из его многочисленных учеников назовем члена корреспондента Академии Наук и члена кафедры истории средних веков Исторического факультета ЛГУ О.А. Добиаш-Рождественскую, а также бывшего профессора Одесского Университета В.Э. Круслмана (ум. в 1923 г.).

Учителями О.А. Добиаш, «первой женщины-магистра» в нашей стране, были в равной мере французские историки Ланглуа и Фердинанд Лот, под руководством которых она работала в знаменитой Парижской École des Chartes. Предметом ее узкой специальности была история культуры средневековой Франции; из этой области взяты темы ее магистерской и докторской диссертаций. Обширные знания в области средневековой латинской палеографии, приобретенные Ольгой Антоновной в École des chartes, она применила к изучению первоклассного собрания рукописей Ленинградской Публичной Библиотеки, результатом чего явились многочисленные исследования и публикации источников («Мастерские письма на заре западного средневековья и их сокровища в Ленинграде», 1930; «Акты Кремоны IX–XIII вв.», 1937 и многие другие). Ее работа «История письма в средние века» (1923 г.; 2-е изд. 1936 г.) является первым и единственным у нас пособием по латинской палеографии. Ольга Антоновна является лучшим у нас знатоком средневековых рукописей и по настоящее время ведет на историческом факультете ЛГУ специальный курс источниковедения и палеографии, успешно готовя новых специалистов в этой области. Крупнейшие

русские историки Н.И. Кареев, М.М. Ковалевский и И.В. Луцицкий своей исследовательской и преподавательской деятельностью частично связаны с кафедрой истории средних веков Петербургского Университета.

Проф. Н.И. Кареев (1850–1931) в течение многих лет читал в Петербургском Университете общие курсы по истории средних веков. Помимо книги «Государство-поместье и сословная монархия в средние века», Н.И. Кареев посвятил средневековой истории и два первых тома своей обширной «Истории Западной Европы в новое время». И.В. Луцицкий (1845–1918), в 1914 г. перешедший из Киевского Университета в Петроградский, в качестве историка средних веков известен своими исследованиями по истории так называемых религиозных войн во Франции XVI в. Он опередил самих французских историков в использовании важных архивных материалов, касающихся этого вопроса, и сумел вскрыть глубокие социальные корни гугенотского движения. И.В. Луцицкий считается в самой Франции крупнейшим авторитетом в области истории аграрных отношений накануне и во время французской буржуазной революции, но его замечательные исследования в этой области имеют ближайшее отношение к кафедре истории нового времени. Наконец, М. М. Ковалевский (1854–1916), читавший лекции в нашем Университете с 1906 г., принадлежит к кафедре средневековой истории своим основным трудом — «Экономический рост Европы до возникновения капиталистического хозяйства» (3 тт. 1898–1901), равного которому по богатству материалом, широте охвата, блестящему применению историко-сравнительного метода трудно указать в мировой литературе. Известно, что

М. М. Ковалевского, много сделавшего для понимания переходных родовых и общинных отношений в средневековой Европе, высоко ценили основоположники марксизма.

Перечисленные историки средних веков, действовавшие в конце XIX и начале XX в., явились инициаторами и органи-

заторами Исторического общества при Петербургском Университете, основанного в 1890 г. и проводившего свою работу по двум секторам: русской и всеобщей истории. Бессменным председателем общества был проф. И.М. Кареев, председателем сектора всеобщей истории — И.М. Грэвс, а секретарем того же сектора О.А. Добиаш-Рождественская. Таким образом медиевисты в работе Общества играли заметную роль, что видно также и из тематики докладов, прочитанных в обществе, и из тематики статей, напечатанных в органе общества — «Историческом обозрении» (свыше половины всех статей).

Развитие медиевистики в стенах нашего, да и всех других русских университетов, до Великой Октябрьской революции шло как развитие одной из отраслей буржуазной исторической науки. Историки средневековья, выходившие из Петербургского Университета и в нем преподававшие, примыкали в основном к тем школам и направлениям, которые были господствующими в Западной Европе. Этому содействовало и то обстоятельство, что научная подготовка молодых кадров историков завершалась длительной (двух и трехгодичной) командировкой в страны Западной Европы. Российская обстановка влияла на их творчество главным образом в том отношении, что в центре их внимания почти всегда были проблемы аграрной истории и истории крестьянских движений в средние века. Это особенно касается профессоров Васильевского, Ковалевского, Лучицкого, Кареева, Грэвса. Отсюда и присущий многим из этих профессоров либерализм и даже известный демократизм, приводивший их в столкновение с царским правительством. Так, М.М. Ковалевский вынужден был большую часть своей жизни заниматься научной и преподавательской работой вне России; Кареев и Грэвс между 1891–1906 гг. были отстранены от преподавательской деятельности в Петербургском Университете и т.д. Что царское правительство ставило препятствия для развития даже буржуазной исторической мысли, видно из трудностей полицей-

ского и цензурного порядка, с которыми приходилось бороться руководителям Исторического общества и его печатного органа, «Историческое обозрение», с 1890 по 1915 г., т.е. за 25 лет, вышло в свет всего 20 томов сборника вместо предложенных 50 тт. (по 2 т. в год). Несмотря на отсутствие других исторических журналов, «Историческое обозрение» расходилось очень плохо, главным образом только среди членов общества. Равнодушие широкой читающей публики к этому начинанию было обусловлено тем узко-специальным характером, который вынуждена была ему придать редакция под давлением цензуры. Само общество, заседания которого, посвященные живым и волнующим историческим проблемам, привлекали между 1895 и 1902 гг. массу молодежи, оказывается особенно со времени студенческих волнений 1899 и последующих годов, под бдительным полицейским контролем и постепенно увядает. В период реакции 1907–1912 гг. заседания общества происходили редко и при незначительном количестве присутствующих, в виду узко специального характера докладов, а также запрета устраивать публичные заседания с правом свободного входа для желающих.

Нужно, однако, отметить, что многим медиевистам была чужда и актуальная тематика, и потребности общения с широкими кругами молодежи. Для людей равнодушных к общественной жизни или консервативного образа мыслей занятия историей средних веков являлись убежищем, где можно было спрятаться от всяких «проклятых» вопросов окружающей действительности. В период же реакции, а также в первые годы революции, когда страна была охвачена пламенем гражданской войны, кафедра истории средних веков нашего Университета сделалась на короткое время даже одним из оплотов реакции и поповщины.

С окончательной победой революции и в этой запретной зоне неизбежно должен был повеять свежий воздух марксистской научной мысли. Однако это естественное развитие осуществилось далеко не сразу. В 1924/5 г. антиленинские

установки некоторых руководителей Наркомпроса (например, М.Н. Покровского) привели к фактической ликвидации истории, как предмета преподавания. В ЛГУ исторический факультет был заменен факультетом археологии и материальной культуры, в котором для всеобщей истории почти не оставалось места.

В качестве остатка кафедры истории средних веков продолжал еще до 1929 г. функционировать только кабинет вспомогательных исторических дисциплин, основанный в 1920 г. О.А. Добиаш-Рождественской при участии ее учениц М.А. Тихановой, Е.Г. Скржинской, А.Д. Люблинской, Н.И. Инфимовской, которые и в настоящее время входят в состав нашей кафедры.

Для кафедры средневековой истории, как и для других исторических кафедр Университета, Советский период в составе ЛГУ начинается по существу с 1934 г., когда в составе ЛГУ был восстановлен решением ЦК ВКП(б) и Совнаркома исторический факультет. Собственно с этого времени может впервые идти речь и о нашей кафедре, как самостоятельной организационной и научной единице, имеющей перед собою специальные научно-исследовательские и преподавательские задачи в одном из самых обширных разделов всеобщей истории — именно истории V–XVIII веков («Средних веков»).

С 1934 г. кафедра начинает группировать вокруг себя имеющиеся в Ленинграде силы квалифицированных специалистов и в настоящее время охватывает их полностью. В ее составе имеются 4 штатных профессора, 1 и.о. профессора, 2 штатных доцента, 1 штатный ассистент, нештатных: 1 профессор, 2 доцента, 1 ассистент — всего 12 человек. Сверх того, при кафедре состоят 5 аспирантов.

Не говоря уже о марксистско-ленинской основе всей научно-исследовательской и преподавательской деятельности нашей кафедры, она резко отличается от своей предшественницы в дореволюционном Университете и многократно воз-

росшим объемом своей работы, и ее характером, и ее задачами. Достаточно указать, что на одном историческом факультете количество студентов возросло раз в двадцать, по сравнению с тем, какое насчитывал весь прежний историко-филологический факультет. Общие курсы истории средних веков обязательны теперь для 300–400 студентов II курса Исторического факультета и приблизительно для такого же количества студентов I–II курсов филологического факультета. Эти курсы являются действительно «общими» так как они охватывают историю всех стран Западной Европы и средневекового Востока за обширный период V–XVIII веков. Резко возросший объем общего курса потребовал и соответственного увеличения числа часов (180 часов, вместо тех 60 часов, которые уделялись общему курсу в старом Университете). Значительно увеличилось и количество специальных курсов и семинариев.

Помимо большой преподавательской работы, кафедра истории средн. веков развернула и значительную работу по подготовке высоко-квалифицированных кадров специалистов. В 1937 г. аспирантскую подготовку при кафедре окончило 5 человек, защитивших диссертации на первую ученую степень и ведущих в настоящее время самостоятельную работу в провинциальных и ленинградских вузах (тт. Барженев, Пумпянский, Арский и др.); в 1938 г. закончил один; в 1940 г. будет выпущен еще один, в 1941 г. — четыре специалиста по истории Средних веков. В отношении подготовки кадров молодых ученых по данной специальности наша кафедра опередила соответствующие кафедры других университетов.

Научная работа кафедры за годы ее существования (1934–1938) выразилась в подготовке ряда статей для II тома «Записок» Исторического Факультета, в активном участии ряда членов кафедры в деле создания учебника по истории Средних веков для ВУЗ'ов, учебника по истории Испании для испанских детей, «Всемирной истории», подготовленной Академией Наук и в ряде научных предприятий.

Проф. О.Л. Вайнштейн (руководитель кафедры с 1935 г.) напечатал сокращенный курс истории средних веков (6 выпусков, 35 листов, издание ЛГУ, 1938), участвовал как автор и редактор в подготовке двухтомного учебника для ВУЗ'ов (М., Соцэкиз, 1938), выпустил под своей редакцией и с предисловием «Избранные сочинения Ог. Тьери» (М., Соцэкиз, 1937), опубликовал ряд статей в «Историческом Журнале», «Историке-Марксисте», БСЭ; готовит пособие по историографии средних веков и обширный раздел средневековья в выпускаемой Соцэкизом «Всемирной истории культуры». Проф. И.М. Грэвс готовит главу о падении Римской империи для «Всемирной истории» Академии Наук и второй том «Очерков по истории римского землевладения». Проф. О.А. Добиаш-Рождественская опубликовала ряд статей по латинской палеографии, переработала и расширила пособие по «Истории письма в средние века» (Л., 1936), редактировала «Акты Кремоны» (Л., 1937) и «Памятники агрикультуры средневековья» (Л., 1936). Проф. А.Е. Кудрявцев, помимо нескольких статей напечатал «Историю Испании в средние века» и готовит часть учебника для испанских детей. Доцент М.А. Гуковский подготовил к печати обширный труд (свыше 50 печ. листов) о Леонардо да Винчи, участвовал как автор двух больших глав во II т. учебника истории средн. веков для ВУЗ'ов, напечатал несколько статей и рецензий в БСЭ и «Историке-марксисте». Доцент И.В. Арский опубликовал ряд статей в «Историческом журнале», подготовил к печати диссертацию по социально-экономич. истории Каталонии в IX–XII вв. и часть учебника для испанских детей.

И.о. профессора М.В. Левченко подготовил к печати «Очерки по истории Византии» и готовит докторскую диссертацию по истории аграрных отношений в эпоху македонской династии.

Нештатный проф. С.Г. Лозинский напечатал «Историю папства в средине века» (1935) и ряд статей по истории средневековой церкви.

Кафедра принимает участие и в жизни средней школы, обсуждая программы по истории для средней школы, выступая с докладами и лекциями для учителей историков, организуя соответствующие курсы в Институте усовершенствования учителей и т.п.

Примечания

¹ В частности, Г. Е. Лебедева посвятила целую работу этой теме: Лебедева Г. Е., Якубский В. А. *Cathedra medii aevi. Материалы к истории ленинградской медиевистики 1930–1950-х гг.* СПб., 2007.

² ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 14. Д. 525. Лл. 1–10. Автограф О. Л. Вайнштейна.

³ Вайнштейн О.Л. (1894–1980) — историк-медиевист, заведующий кафедры Истории Средних веков Исторического факультета ЛГУ (1935–1951). О нем см. Лебедева Г. Е., Якубский В. А. *Cathedra medii aevi. Материалы к истории ленинградской медиевистики 1930–1950-х гг.* СПб., 2007. С. 30, 35–40.

⁴ Правда, стоит отметить и один интересный факт, который обычно не попадает в поле зрения историков науки. О.В. Вайнштейн упоминает в этом очерке, что он сам был учеником медиевиста, историка Новороссийского университета в Одессе В. Э. Крусмана (1879–1922), который в свою очередь был учеником одного из основателей нашей кафедры И.М. Грэвса, тем самым подчеркивая фундаментальную преемственность медиевистики на кафедре истории Средних веков СПбГУ. О В. Э. Крусмане см., например, Немченко И. В. Научные изыскания В. Э. Крусмана в Одессе // IV Чтения памяти профессора П. О. Карышковского. Одесса, 1998. С. 100–105.

⁵ Работа выполнена по гранту РГНФ № 08-01-00196.

⁶ В тексте зачеркнуто: «Гревс». Видимо, О.Л. Вайнштейн посчитал невозможным упомянуть здравствовавшего И.М. Грэвса среди знаменитых, но уже ушедших из жизни историков-медиевистов.

Публикации текстов

Кривушина Е. С., Кривушин И. В.

Средневековая легенда о происхождении имени «Константинополь»

В эпоху Крестовых походов византийская тема превратилась в одну из главных в литературе средневекового Запада. Византийские сюжеты и персонажи стали неотъемлемой частью европейского сознания. Одним из самых знаковых образов был образ Константина Великого — общего исторического «предка» западно-христианской и восточно-христианской цивилизаций. Важным элементом цикла о детстве первого христианского императора оказалась «легенда о Кустанте», распространявшаяся в Европе в XII–XIV вв. Эта легенда, имевшая несомненно византийское происхождение, дошла до нас, как установил А.Н. Веселовский, в трех редакциях — французской, итальянской и сербской¹. Наиболее полной из них является французская, которая сохранилась в двух версиях: более ранней, поэтической («Сказ об императоре Кустанте»; XII в.)² и более поздней, прозаической («Роман об императоре Кустанте»; XIII в.).

«Роман об императоре Кустанте» представляет собой типичный образец средневекового «византийского романа», в котором тема ратных подвигов, сюжетообразующая в рыцарской литературе, уступает место менее героическим мотивам; для него характерны простота сюжета, внимание к реалиям повседневной жизни, минимальное присутствие сверхъестественного, безыскусность повествования. Он интересен тем, что показывает, как на западной почве перерабатывалась восточно-христианская литературная традиция (устная или письменная) и как подлинные факты, связанные с реальными историческими персонажами, растворялись в леген-

дарных мотивах, укоренившихся в средневековом народном сознании.

Роман³ об императоре Кустанте⁴

Давным-давно в Византии, ныне называемом Кустантиноблем, а когда-то носившим имя Византий, жил император, который правил тем городом; он был язычник и считался мудрецом, хорошо знающим свой закон⁵. Он был также достаточно сведущ в науке, которая именуется астрономией⁶, и к тому же он распознавал по движению звезд, планет и Луны разные чудеса, и ему было ведомо немало вещей, которыми язычники всегда интересуются, — и судьба, в которую они верят, и намерения Дьявола, то есть Врага. Императора звали Мюзлен⁷; он знал приемы магии и колдовства, которыми многие язычники занимаются до сих пор.

Случилось так, что однажды ночью император Мюзлен шел вместе с одним из своих рыцарей по городу, который ныне носит имя Кустантинобль; Луна тогда светила очень ярко.

Она шли, пока не услышали крики одной христианки, которая разрешалась от бремени в одном доме, мимо которого они проходили. Муж той женщины находился наверху, на солярии⁸, и то молил Бога, чтобы Он освободил ее от бремени, то молил Его не делать этого.

Император слушал его долгое время, а затем сказал рыцарю:

— Слышал ли ты, как этот мерзавец молится, чтобы его жена не освобождалась от своего ребенка, и одновременно молится, чтобы она родила его? Он, несомненно, хуже разбойника. Ибо любой мужчина должен иметь сострадание к женщинам, особенно к тем, кто мучается при родах. Клянусь Махуме-не-Тьеваганом⁹, я повешу его, если он не назовет мне причину, почему он так делает. Войдем же в дом.

Они вошли внутрь, и император сказал:

— Ну, мерзавец, скажи мне по правде, почему ты то молишь Бога, чтобы Он освободил твою жену от бремени, то молишь, чтобы Он не освобождал ее? Я хочу это знать».

— Сир, — ответил тот, — я охотно объясню вам, в чем дело. Я ученый человек и весьма сведущ в науке, которую называют астрономией. К тому же я знаю порядок движения звезд и планет; по ним я ясно видел, что если моя жена родит при том расположении звезд и в тот момент, когда я молил Бога не освобождать ее от бремени, то ребенок пойдет по пути погибели, а значит, его либо повесят, либо сожгут, либо утопят. Но когда я видел, что наставало благоприятный момент и благоприятное расположение звезд, я молил Бога, чтобы Он освободил ее. И я так сильно умолял Его, что Он услышал мою молитву, и сейчас она разрешается в добрый момент. Да возблагодарим Бога в его милосердии!

— А теперь скажи-ка мне, — молвил император, — в какой такой добрый момент родился этот ребенок?

— Охотно, сир, ответил тот, знайте, истина в том, ребенок, который здесь появился на свет, возьмет в жены дочь императора этого города, которая родилась лишь неделю тому назад¹⁰; и к тому же он станет императором и сеньором этого города и всей земли¹¹.

— Мерзавец, — воскликнул император, — никогда не может исполниться то, о чем ты говоришь.

— Сир, — ответил тот, — это истинная правда, и поэтому все так и будет.

— Видно, это серьезно, раз так верят, — сказал император.

Они ушли, и император приказал рыцарю украсть этого ребенка, но, если возможно, так, чтобы никто не увидел его. Рыцарь вернулся и нашел там двух женщин, которые хлопотали над роженицей. Ребенок, завернутый в льняные одежды, лежал на скамье. Рыцарь вошел так тихо, что ни-

кто из женщин не заметил его, взял ребенка, положил его на доску и отнес к императору. Император рассек его живот ножом от желудка до пупка, говоря при этом рыцарю, что никогда сын этого мерзавца не будет ни мужем его дочери, ни императором после него. Затем император собрался засунуть руку в рану, чтобы вырвать сердце, но рыцарь сказал ему:

— О, сир! Ради Бога, что вы хотите сделать? Это не приличествует вам, и если народ узнает, на вас падет великий позор. Оставьте его, ибо он почти мертв. И чтобы он больше не причинял вам неприятностей, я отнесу его к морю и утоплю.

— Хорошо, — сказал император, — отнеси его туда, ибо ненависть душит меня.

Рыцарь взял ребенка, завернул его в покрывало из шелка и понес к морю. Но тут его охватила жалость к ребенку, и он сказал себе, что никогда не сможет утопить его; поэтому он оставил его, завернутого, на навозной куче перед воротами обители монахов, которые в то самое время пели заутреню.

Когда монахи пропели молитвы, они услышали плач ребенка и принесли его к сеньору аббату. И аббат увидел перед собой прекрасного малыша и сказал, что следует позаботиться о нем. Он велел развернуть его и увидел, что его живот рассечен от желудка до пупка. Как только рассвело, аббат послал за лекарями и спросил их, сколько будет стоить его лечение; они потребовали сотню византинов¹². Но он сказал, что это слишком дорого за ребенка¹³. Аббат поторговался с хирургами, и те снизили цену до восьмидесяти византинов¹⁴. А затем аббат крестил ребенка и дал ему имя Кустант¹⁵, ибо его исцеление обошлось монастырю слишком дорого.

Лекари делали все, чтобы ребенок поправился. Аббат нашел ему хорошую кормилицу, чтобы у него было молоко, и он вскоре полностью исцелился; так как его плоть была

мягкой и нежной, рана быстро срослась, однако шрам остался навсегда.

Ребенок рос быстро и хорошел с каждым днем; когда ему исполнилось семь лет, аббат отдал его в школу, и он так хорошо учился, что превзошел всех своих товарищей по живости ума и по знаниям. Когда ему исполнилось двенадцать, он стал необычайно красив, краше и не найти. И когда аббат увидел, какой это красивый и милый мальчик, он стал брать его с собой в поездки верхом за пределы монастыря.

Случилось так, что аббату нужно было поговорить с императором об уроне, который балльи¹⁶ причинили аббатству. Аббат подготовил для него дорогой подарок, ведь аббатство и монастырь находились у него в подданстве, император же был сарацином¹⁷. Получив от аббата дорогой подарок, император назначил ему встречу на третий день¹⁸, когда он будет в своем замке в трех лье от города Византия.

Аббат стал ждать назначенного срока, и когда он увидел, что настало время ехать к императору, он сел на коня, а также его капеллан, его оруженосец и его люди; с ними был и Кустант; он был так прекрасно сложен и так красив, что все <встречавшиеся на пути> хвалили его, и каждый говорил, что он, должно быть, знатного рода и его ожидает счастливая судьба. Итак, когда аббат подъехал к замку, где должен был находится император, он подошел к нему и обратился со словами приветствия; император сказал, чтобы он вошел в замок, и там он поговорит с ним о его деле.

Аббат поклонился и сказал:

— Во имя Бога, сир, благодарю вас.

Затем аббат подозвал к себе Кустанта, который держал его фетровую шляпу, пока он разговаривал с императором; император взглянул на юношу и увидел, что тот был столь красив и мил, каких он прежде никогда не встречал. И он спросил аббата, кто это; и аббат ответил ему, что ничего о нем не знает кроме того, что он в их монастыря <с

младенчества> и что он воспитывал его с малых лет, а если у императора будет свободное время, он расскажет ему его чудесную историю.

— Хорошо, — сказал император, — входите в замок, и там вы расскажите о нем всю правду.

Император вошел в замок, и аббат все время следовал за ним, как человек, которому надо было выполнить свое дело; и он выполнил его наилучшим образом, ведь он был его подданным.

Император не забыл о необыкновенной красоте юноши и сказал, чтобы аббат приказал ему прийти, и аббат послал за мальчиком, и тот сразу явился.

Когда Кунстант предстал перед императором, он показался ему еще более прекрасным; и он сказал аббату, что очень жаль, что столь красивый юноша — христианин. Аббат же ответил, что это, наоборот, великая радость, поскольку он отдаст Богу прекрасную душу. Услышав это, император рассмеялся и сказал аббату, что христианский закон ничего не значит и что все, кто следуют ему, идут по пути погибели. Услышав такие слова, аббат очень опечалился, но не осмелился ответить так, как того бы желал, и сказал с великим смиренiem:

— Сир, если всемогущему Богу угодно, они не погибнут, ибо Бог жалеет своих грешников.

Тогда император спросил его, откуда появился этот прекрасный юноша; и аббат ответил, что минуло вот уже пятнадцать лет, как он был найден ночью у их ворот на навозной куче.

— Наши монахи услышали его крик; когда они отслушали заутреню, они пошли за ним и принесли его ко мне; и я посмотрел на этого ребенка и нашел его очень красивым; я решил окрестить его и воспитать. Ребенок был завернут в покрывало из алого сандала¹⁹; и когда его развернули, я увидел, что живот у него рассечен от желудка до пупка.

Тогда я послал за лекарями и хирургами и договорился с ними, что они вылечат его за восемьдесят византинов. Затем он был крещен, и я дал ему имя Кустант, ибо его исцеление обошлось мне очень дорого. Скоро мальчик поправился, но шрам на животе так и остался навсегда.

Когда император услышал это, он понял, что этот был как раз тот ребенок, чей живот он рассек, чтобы у него вырвать сердце. Он сказал аббату, чтобы тот отдал ему юношу, и аббат ответил, что поговорит об этом с монахами и император получит его с их согласия. Император промолчал и не произнес ни слова. Аббат попрощался с ним и отправился в свое аббатство; он пришел к монахам и поведал им, что император просит у него Кустанта,

— Но я сказал ему, что поговорю с вами, ибо это требует общего решения. Итак, ответьте мне, согласны ли вы отдать мальчика или нет?

— Как, сир, должны поступать самые мудрые? Как они должны всегда поступать? Вы же повели себя очень плохо, не отдав его сразу же, как только он вас об этом попросил. Мы советуем вам отправить его немедленно, чтобы император не разгневался и не причинил нам какого-нибудь урона.

Так что все решили, что Кустант должен быть послан к императору. Тогда аббат приказал приору²⁰ отвезти к нему Кустанта.

Приор сказал:

— С Богом!

Он сел на коня и вместе с Кустантом отправился в замок; он явился к императору и приветствовал его от имени аббата и монастыря, а затем взял Кустанта за руку и вручил его от имени аббата и монастыря. Тот встретил юношу, еле сдерживая гнев, ибо не мог перенести мысли, что такому безродному нищему суждено стать мужем его дочери. И он замыслил перехитрить его.

Взяв к себе Кустанта, император все время думал, как бы расправиться с ним, но так, чтобы никто об этом не узнал. Случилось, что у него возникли дела²¹ на границе его империи, очень далеко, примерно в двенадцати днях пути отсюда²². Император отправился в путь и взял с собой Кустанта; его не оставляла мысль, как бы похитрее избавиться от него, и, наконец, он составил письмо кастеляну²³ Византия:

«Я, император Византия и сеньор Греции, извещаю, что оставляю моего кастеляна охранять вместо меня мою землю, и как только он получит это письмо, он должен убить или приказать убить того, кто принесет ему его, не мешкая, сразу же, как только тот ему его вручит. Если вам дорога ваша жизнь, исполните, не откладывая, этот приказ».

Таково было письмо, которое поручили доставить прекрасному юноше Кустанту, и он не знал, что вез с собой свою собственную смерть. Юноша получил письмо запечатанным и отправился в путь; не прошло и двух недель, как он прибыл в Византий, называемый ныне Константиноблем.

Когда юноша въезжал в город, был обеденный час. Он подумал, как пожелал того Бог, что не пойдет сразу к кастеляну, а подождет, пока кончится время обеда. Стояла сильная жара, как это всегда бывает перед днем Св.Иоанна.²⁴ И он направился в сад. Этот сад был очень большим; юноша снял уздечку с коня, ослабил подгрудный ремень, чтобы тот пощипал траву, сам же устроился в тени под деревом; здесь было прохладно, и он быстро заснул.

Случилось так, что дочь императора, пообедав, пришла в сад с четырьмя подружками, и они стали играть в прятки, как это любят делать девицы. Чтобы спрятаться, дочь императора побежала к дереву, под которым спал Кустант, румяный, как роза, и когда девица увидела его, она с большим удовольствием стала разглядывать его и подумала, что еще никогда в жизни не встречала такого прекрасного юно-

шу. Она позвала ту из своих подруг, которой больше всего доверяла, а других отослала из сада.

Прекрасная девица, дочь императора, взяла свою подругу за руку и повела ее посмотреть на спящего юношу, и сказала ей такие слова:

— Прелестная подруга, тут находится дорогое сокровище. Вы видите самого красивого человека, какого я еще никогда не встречала в своей жизни. С ним письмо: я бы очень хотела узнать, что в нем написано».

Обе девицы подошли к юноше и вынули у него <из шкатулки> письмо; дочь императора прочла его, после чего принялась горько плакать, говоря:

— О! Какое несчастье! Какое несчастье!

— О, моя госпожа, скажите мне, в чем дело? — спросила другая девица.

— Если бы я могла полностью довериться тебе, — ответила дочь императора, я бы, конечно, сообщила тебе, почему я плачу.

— О, госпожа, сказала та, вы можете смело довериться мне, ибо я ни за что на свете не открою того, что вы пожелали бы утаить.

И девица, дочь императора, взяла с нее клятву по языческому закону. Затем она рассказала ей, чт' содержалось в письме, и та спросила ее:

— Госпожа, что вы намереваетесь делать?

— Я сейчас скажу вам, ответила дочь императора: я положу в шкатулку другое письмо, в котором император, мой отец, приказывает кастеляну выдать меня замуж за этого прекрасного юношу и к тому же устроить свадебное пиршество для всех людей этой страны, ибо, поверь мне, это высокородный и честный человек». Когда девица это сказала, другая ответила, что так и нужно поступить:

— Но, госпожа, как же вы достанете печать вашего отца?

— Очень просто, сказала девица, ведь мой отец дал мне восемь листов пергамента, скрепленных его печатью; они чистые, и я могу написать там все, что пожелаю.

— Вы все очень хорошо придумали, госпожа, но делайте это побыстрее, поторопитесь, пока он не проснулся.

— Так я и сделаю, сказала девица.

Прекрасная девица, дочь императора, пошла к себе и достала из своей шкатулки один из пергаментов, которые отец оставил ей, чтобы она могла взять в долг деньги, если они ей понадобятся, ведь император со своими людьми был на границе, где воевал с очень коварными и могущественными соседями. И девица написала такое письмо:

«Я, король Мюзлен, император Греции и города Византия, приветствуя своего кастеляна Византия. Я приказываю вам выдать по нашему закону²⁵ мою прекрасную дочь замуж за того, кто принесет вам это письмо, ибо мне сообщили и я узнал, что он, действительно, благородный человек и достоин стать супругом моей дочери. Устройте великое веселье и великий праздник для всех жителей города и для всей моей страны».

Вот что придумала с письмом прекрасная девица, дочь императора. И когда она его написала, она вернулась в сад со своей подругой; они нашли юношу еще спящим и положили письмо в его шкатулку. Затем они принялись петь и шуметь, чтобы разбудить его. И он проснулся достаточно быстро и очень удивился, увидев прекрасную девицу, дочь императора, и ее подругу, которые шли к нему. Дочь императора приветствовала юношу, и он поклонился ей с необычайной любезностью. Она спросила, кто он и куда держит путь; и он ответил, что несет письмо кастеляну, которое тому написал император. И девица ему сказала, что она сей же час отведет его к кастеляну. Она взяла его за руку и повела во дворец,

где было множество людей; при ее появлении все поднялись перед ней, как перед госпожой.

Девица спросила, где кастелян, и ей ответили, что он в своих покоях. Девица отвела к нему юношу, который вручил ему письмо и сказал, что император шлет ему привет. Кастелян обрадовался посланцу и поцеловал ему руку. Девица открыла шкатулку и начала целовать письмо и печать своего отца, как бы радуясь, что наконец пришла весточка, которую она так давно от него ждала.

И как если бы она ничего не знала, что содержится в письме, она говорит кастеляну, что надо его прочесть без посторонних. На это кастелян отвечает, что так и следует сделать. Тогда кастелян и девица удаляются в одну из комнат. Девица распечатывает письмо и читает его кастеляну, делая вид, что страшно удивлена.

И кастелян говорит ей: «Госпожа, необходимо исполнить волю моего сеньора, вашего отца, иначе мы подвергнемся великому порицанию».

Девица ответила: «Но как же возможно, чтобы я вышла замуж в отсутствие сеньора моего отца? Это было бы странно, и я никак не могу этого сделать.

— О, моя госпожа, — сказал кастелян, — что вы такое говорите? Ваш отец в своем письме приказывает вам, и вы не должны идти ему наперекор.

— Сир, — сказала девица, — к чему спешить, поговорите с баронами и с могущественными людьми этой земли и посоветуйтесь с ними. И если они одобрят это решение, я не буду противиться»

Кастелян ответил, что она рассудила правильно и мудро. Кастелян поговорил с баронами и показал им письмо, и все они согласились с тем, что воля императора должна быть исполнена. Вот таким образом прекрасный юноша Кустант сочетался браком с дочерью императора по языческому закону. Свадебный пир длился две недели, и в Византии царила

необыкновенная радость. В городе только и делали, что пили и ели и предавались веселью.

Долгое время император пребывал в тех местах, где шла война. Когда же он завершил свои ратные дела, он отправился в Византий.

Когда он был в двух днях пути от города, к нему явился один из его гонцов, прибывших из Византия. Император спрашивает его, что произошло за это время в его городе. Слуга отвечает, что там был великий праздник, все пили, ели, веселились, и две недели никто не работал.

«И по какой такой причине? — спрашивает император.

— Как по какой, сир? Разве вы не знаете?

— Нет, не знаю, — отвечает император, — расскажи же мне.

— Сир, говорит слуга, вы послали прекраснейшего юношу к вашему кастеляну с письмом, в котором приказывали, чтобы он выдал за него замуж вашу красавицу дочь; вы писали, что он очень благороден и достоин быть ее супругом и что после вас он станет императором. Но ваша дочь не пожелала выходить за него до тех пор, пока кастелян не посоветуется с вашими баронами. Он поговорил с ними со всеми и показал им ваше письмо, и они сказали, что надлежит исполнить вашу волю. Когда ваша дочь увидела, что все пришли к единому решению, она не осмелилась противиться и дала свое согласие. Вот каким образом вашу дочь выдали замуж; было такое веселье в вашем городе, что большого и не бывает.

Услышав рассказ гонца, император был чрезвычайно удивлен и долго размышлял о случившемся; он спросил у слуги, давно ли юноша женат на его дочери и спал ли он с ней.

— Да, сир, — ответил слуга, — и она, должно быть, уже в тягости, ибо прошло более трех недель, как они поженились.

— Ну что же, — сказал император, — в добный час; поскольку так случилось, значит, другого быть не могло, и я должен принять это.

Император продолжил свой путь и прибыл в Византий, где ему устроили торжественную встречу, и его дочь вышла к нему со своим мужем Кустантом, который был самым красивым юношем в мире. Император, будучи человеком мудрым, встретил их с великой радостью; он возложил обе свои руки на их головы и держал так некоторое время: таков у язычников обычай благословлять вступающих в брак. Ночью император размышлял об этом чудесном событии и о том, каким образом оно могло произойти; после долгих раздумий он наконец пришел к убеждению, что виновником этого могла быть только его дочь. Император решил не идти против ее воли, но он захотел посмотреть на письмо, которое он отправил; ему принесли его, и он увидел письмо и свою печать. По тому, как это случилось, он понял, что хотел пойти наперекор неизбежному ходу вещей.

После этого император сделал Кустанта, женившегося на его дочери, рыцарем и завещал ему, когда он оставит мир, всю свою землю. И этот Кустант жил праведно и мудро, как славный рыцарь, доблестный и отважный, и храбро сражался с врагами. Прошло немного времени²⁶, и его сеньор, император, скончался; ему устроили по языческому обычаю пышные похороны. И императором стал Кустант. Он очень любил и почитал аббата, который его воспитал, и он сделал его своим советником. По совету аббата и по воле всемогущего Бога император Кустант убедил свою жену креститься; и все люди этой земли приняли веру в Иисуса Христа. И у императора Кустанта и его жены родился сын и наследник, которому дали имя Кустантин²⁷ и который впоследствии прославился благородными деяниями. И город, который до того назывался Византием, стал именоваться городом Кустантиоблем в честь его отца Кустанта, который так дорого стоил.²⁸

На этом кончается история о короле Кустанте, императоре.

Примечания

¹ Wesselofsky A. Le Dit de l'empereur Constant // Romania. Vol. 6. 1877. P. 161–198.

² Опубликована А.Веселовским. См.: Wesselofsky A. Op. cit. P. 162–169.

³ Перевод «Романа» осуществлен по изданию: Les grammairiens français depuis l'origine de la grammaire en France jusqu'aux dernières œuvres connues / Ed. J. A. Tell. Paris: Firmin Didot frères, 1874. P. 280–302.

⁴ Главный герой «Романа» Кустант соединяет в себе исторические черты как самого Константина Великого, так и его отца Констанция I Хлора.

⁵ Языческую веру.

⁶ Астрологией.

⁷ В стихотворной версии он носит имя Флориан (Wesselofsky A. Op. cit. P. 162). Его историческим прототипом является Аврелий Максимиан Геркулий, соправитель Диоклетиана и август западной части Римской империи в 286–305 гг. Его падчерица Феодора была второй женой Констанция I Хлора, а дочь Фауста — супругой Константина Великого. В итальянской редакции легенды (см.: Wesselofsky A. Op. cit. P. 176–177) тестем главного героя (Константина Великого) является исторический Галерий (Валерий), август восточной части Империи в 305–311 гг., чьей супругой была христианка Валерия, дочь Диоклетиана. Однако историческая Валерия не имела детей, у неё был только приемный сын Кандидиан (незаконный сын Галерия).

⁸ Солярий — в Древнем Риме терраса на плоской крыше, со всех сторон открытая солнцу.

⁹ Языческое божество, почти всегда в средневековой литературе отождествлявшееся с пророком Мухаммедом.

¹⁰ В стихотворной версии она носит имя Севилла (или Севелина) и рождается от брака Флориана и дочери Августа, правителя Романии и королевства Ломбардии, умершей при родах (Wesselofsky A.

Op. cit. P. 162). В finale «Романа» она названа матерью Константина Великого. Историческая мать Константина — Елена — была дочерью трактирщика. Версия о ее высоком происхождении — относительно позднего времени: она распространялась в Западной Европе только в IX в.

¹¹ В стихотворной версии император узнает об этом, подслушав разговор между отцом ребенка и его другом (Wesselofsky A. Op. cit. P. 164).

¹² Так в средневековые назывались византийские и арабские золотые монеты (солид, динар), циркулировавшие в Западной Европе с IX в.

¹³ Для Европы XIII в. эта была огромная сумма.

¹⁴ В стихотворной версии лекари запросили двести византинов, но затем сторговались на ста (Wesselofsky A. Op. cit. P. 164).

¹⁵ Т.е. «дорогостоящий».

¹⁶ В XIII в. на Средневековом Западе этот термин обозначал представителя короля или крупного сеньора на определенной территории (бальяж), исполнявшего фискальные и судебные функции.

¹⁷ То есть язычником.

¹⁸ После того как он получил подарок.

¹⁹ Вид ткани.

²⁰ Настоятель филиального отделения монастыря, подчиненный настоятелю головного монастыря (аббату).

²¹ Император отправился на войну.

²² От Византия.

²³ Управитель замка.

²⁴ День поминовения Св.Иоанна Крестителя — 24 июня.

²⁵ По языческому обычаю.

²⁶ По стихотворной версии, два года спустя (Wesselofsky A. Op. cit. P. 169).

²⁷ В стихотворной версии Кустантин (Константин) вообще не упоминается.

²⁸ В стихотворной версии так обыгрывается вторая часть имени «Кустантинобль»:

Pour ce que si nobles estoit
Et que nobles oevres faisoit
L'appiellaoient Coustant le noble
Et pour çoi ot Coustantinnoble
Li cytés de Bissance a non...

Поскольку он был очень благороден
И совершал благородные дела,
Его называли Кустантом Благородным,
И вот почему город Византий
получил имя — Кустантино́бль.

(перевод наш. — Е.К., И.К.).

Оглавление

О юбиляре	5
Дворниченко А.Ю., Якубский В.А. Галина Евгеньевна Лебедева (к юбилею ученого и педагога)	6
Указатель научных трудов Галины Евгеньевны Лебедевой	15
Исследования	33
Широкова Н.С. Результаты британских походов Цезаря	34
Тюленев В.М. Эннодий — штрихи к портрету раннесредневекового интеллектуала	47
Банников А.В. Готы на службе империи	61
Березкин А.В. Крицкая С.Ю. <i>Receptio praeiudicii iuris romanii</i> : Нетипичное средство судебной практики	85
Старостин Д.Н. <i>Regnum и stirps regia</i> : Проблемы власти и правящей династии в королевстве франков VI — первой половины VII в.	104
Самуткина Л.А. Античная скульптура в ранневизантийской «Хронографии» Иоанна Малалы	124
Степанова Е.В. Эрмитажная печать архонта вихитов Эллады	137
Шандровская В.С. Печать с портретом Григория Пресветителя (Лусоворича) XI в.	144
Степаненко В.П. К аттрибуции печати Марии Мон $\leftrightarrow$ ахи	161
Митрофанов А.Ю. Жизненные вехи Ансельма Луканского: штрихи к историческому портрету	165
Киселева Л.И. О верном рыцаре Людовика IX Жане сеньоре де Жуанвиль и его сочинениях	193

Поляковская М.А. Идея святости василевса в отражении двух дворцовых церемоний XIV в. (по Псевдо-Кодину)	217
Алексеев Ю.Г. «Ино тебе не князя Данила стереги, стереги тебе меня и моего дела»	226
Дмитриева М.И. Семьи Салимбени и Толомеи в средневековой Сиене	231
Ревякина Н.В. «Остаться в памяти потомков» (итальянские гуманисты XV века о славе)	251
Прокопьев А. Ю. Дело магистра Райнхарта, или почему нельзя пороть государевых детей	261
Ковалев В.А. Пропаганда или магия? Придворный театр и «Великое дело» Якова I Стюарта.	286
Паламарчук А.А. Цивильное и общее право: Парамроксы сосуществования в раннестюартовской Англии	305
Федоров С.Е. Несостоявшаяся финансовая реформа яковитского хаусхолда	319
Кулемшова Е.В. К вопросу о публикации и изучении письменного наследия Ж.-Б. Боссюэ	327
Из истории науки	349
Медведев И.П. «Небольшой журнальчик»: К истории основания «Известий Славянского благотворительного общества» в 1883 г.	350
Пиотровская Е.К. Краткий эпизод из хронографии отечественного византиноведения во время Ленинградской блокады 1943 г.	357
Вайнштейн О.Л. Кафедра истории Средних веков .	365
Публикации текстов	379
Кривушкина Е.С., Кривушин И.В. Средневековая легенда о происхождении имени «Константинополь»	380

Научное издание

Печатается без издательского редактирования

Подписано в печать с готового оригинал-макета
Формат 60x901/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. . Заказ .

Издательство Санкт-Петербургского Университета.
199004, Санкт-Петербург, В. О. 6-я линия, 11/21, комната 321.
Тел./факс (812) 328-44-22.

Типография Издательства СПбГУ
199061, С.-Петербург, Средний пр., 41.